

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

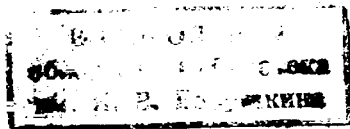
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

Сентябрь — Октябрь

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В октябре 1974 г. исполняется 50 лет со времени образования национальных республик Средней Азии и Коммунистических партий Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии. Вся страна готовится отметить эту знаменательную дату, как большой праздник нерушимой дружбы и братства советских народов.

Л. И. Брежнев в своей речи при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов (сентябрь 1973 г.) подчеркнул историческое значение предстоящего юбилея среднеазиатских республик; он сказал: «В будущем году страна торжественно отметит пятидесятилетие Советского Узбекистана, так же как и других среднеазиатских союзных республик. Оглядываясь на пройденный путь, мы с полным основанием говорим об историческом скачке, который совершили народы Средней Азии в своем общественном развитии в результате Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма.

...Расцвет советской Средней Азии, ее стремительное движение вперед — прямой результат ленинской национальной политики нашей славной Коммунистической партии... Она неизменно исходила и исходит из понимания огромных возможностей исторического творчества революционных масс Востока и делает все, чтобы это творчество развернулось в полной мере»¹.

Слова Л. И. Брежнева о неисчерпаемых возможностях исторического творчества народов Востока, в том числе народов Средней Азии, имеют глубокое значение. Лишь обратившись к прошлому, можно в полной мере понять масштабы прогрессивных преобразований, происшедших в республиках Советского Востока после Октябрьской революции; лишь проследив исторический путь народов Средней Азии, можно составить представление о том огромном потенциале активного исторического творчества, которым они обладали с древнейших времен. Этот важный фактор социального прогресса неизменно, с первых дней Советской власти учитывался Коммунистической партией при осуществлении ленинской национальной политики, при национально-государственном строительстве; не менее важна его роль и на современном историческом этапе дальнейшего движения народов Средней Азии вперед, по пути строительства коммунистического общества.

* * *

В глубь тысячелетий уходят истоки истории народов Средней Азии; судьбы их были сложны, нередко трагичны, насыщены бурными событиями — войнами, вторжениями завоевателей, освободительной борьбой

¹ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КП Узбекистана и Верховного Совета Узбекской ССР, посвященном вручению республике ордена Дружбы народов, «Правда», 25 сентября 1973 г.

с поработителями. Богато их культурное наследие. Еще в V тысячелетии до н. э. на юго-западе Средней Азии существовала земледельческая культура, основанная на искусственном орошении; в эпоху бронзы ирригация возникла и в некоторых ее северных областях. В I тысячелетии до н. э. в Средней Азии были уже большие государства, развивались городская цивилизация, торговля, ремесла; установились экономические связи населения оазисов с кочевниками-скотоводами соседних степей. К III—I вв. до н. э. относятся наиболее ранние памятники письменности, обнаруженные археологами на территории древних государств — Парфии, Хорезма. Высокий уровень развития экономики и культуры характеризует памятники среднеазиатской античности: остатки крупных ирригационных сооружений, величественной древней архитектуры — дворцов, замков и храмов, украшенных прекрасными произведениями искусства — настенными росписями, монументальной скульптурой. Не менее богато и разнообразно культурное наследие эпохи средневековья. Произведения великих среднеазиатских поэтов, мыслителей, ученых этой эпохи (Рудаки, Фирдоуси, Абу Али ибн-Сина, Абурейхана Бируни и др.) стали достоянием мировой культуры и науки. Издавна тесные торговые и культурные контакты связывали народы Средней Азии с Ираном, Индией, Ираком и другими странами Востока, а также с Восточным Средиземноморьем, Кавказом, Поволжьем, Уралом, Сибирью.

Уже в средние века начали формироваться этнические черты среднеазиатских народностей — таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов; в IX—XII вв. стали складываться основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйственного уклада, образа жизни, материальной и духовной культуры.

Однако в XIII в. процесс этнического становления народов Средней Азии, их дальнейшего экономического и культурного развития был надолго задержан разрушительным монгольским завоеванием. Лишь в период распада Монгольской державы, основанной Чингизханом и включавшей в свои улусы обширные территории Средней Азии и Казахстана, завершается этногенез тюркоязычных (узбеков, казахов и др.) народов этого региона. Но возникшие на развалинах государств Чингизидов среднеазиатские ханства (в XVI в. — Бухарское и Хивинское, в XVIII в. — Кокандское) сохранили облик типичных средневековых восточных деспотий. Непрерывные войны и феодальные междоусобицы, реликты первобытнообщинного быта, пережитки рабства и работорговли, жестокая феодальная эксплуатация крестьян и ремесленников, бесчисленные налоги и натуральные повинности обусловили обнищание и глубокую отсталость трудящегося населения ханств. Всеобъемлющее господство мусульманской идеологии, реакционное влияние духовенства препятствовали развитию культуры и искусства. Все эти факторы отрицательно влияли и на этническое развитие, тормозили дальнейшую консолидацию народностей. В среде казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и некоторых групп узбеков еще в XIX в. сохранялись сильные пережитки родоплеменной раздробленности, значительная часть этих народов вела кочевой и полукочевой образ жизни.

Основные этнические массивы народов Средней Азии оказались к тому же разобщенными — их разделяли политические границы враждующих ханств, население которых отличалось этнической пестротой.

Во второй половине XIX в. Средняя Азия была присоединена царизмом к России и до Октябрьской революции находилась на положении отсталой колониальной окраины Российской империи. На большей части ее территории образовалось Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Бухарское и Хивинское ханства в пределах их значительно урезанных территорий были признаны «вассальными» государствами под протекторатом России; во внутренних делах ханы остава-

лись самостоятельными и сохраняли феодально-деспотический режим управления. Уделом местного населения Туркестанского генерал-губернаторства под властью царского самодержавия были политическое неравноправие, национальный гнет; царизм препятствовал развитию национальных языков и печати. На низком уровне находилось просвещение; по данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., грамотность населения в среднем по России составляла 21 %, а в Туркестане — только 1—2 %. Сохранялась конфессиональная система обучения, число светских школ было ничтожно мало. По-прежнему всецело определяло духовную жизнь коренного населения края влияние мусульманского духовенства, способствовавшего консервации феодальных и полупатриархальных устоев семейного быта, закреплению женщин, распространению религиозного фанатизма, суеверий и предрассудков. Особенно велика была роль реакционного духовенства в Бухарском и Хивинском ханствах; в них во всей полноте сохранялись средневековые порядки и способы эксплуатации, при которых экономическое и правовое положение трудового населения находилось на более низком уровне, чем в присоединенном к России Туркестанском крае. В конце XIX — начале XX в. в Туркестане происходило сложное взаимодействие различных исторически обусловленных факторов. Как известно, включение его в пределы России наряду с отрицательными последствиями колониалистской политики царизма привело к существенным положительным изменениям в судьбах населения края. Оно вызвало сдвиги в экономике (развитие хлопководства и рост товарно-денежных отношений у сельского населения, появление первых, хотя и полукустарных промышленных предприятий, железнодорожное строительство), обусловило возникновение новых явлений и процессов в общественной и культурной жизни. Установились непосредственные контакты народов Средней Азии с трудовыми слоями русского народа — крестьянами-переселенцами, рабочими туркестанских фабрично-заводских предприятий и железнодорожниками. В Туркестан и даже в вассальные ханства стало проникать культурное влияние прогрессивных кругов русского общества; под этим благотворным влиянием находились многие среднеазиатские просветители-демократы². Сосланные в Туркестан участники революционного рабочего движения в России вели пропагандистскую работу, распространяли марксистскую литературу. В 1903—1904 гг. в городах Туркестана (в Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде, Кзыл-Арвате и др.) возникли первые социал-демократические организации, связанные с РСДРП. Рабочие Туркестана принимали участие в революции 1905—1907 гг., организуя митинги, забастовки, демонстрации, местами — вооруженные восстания; они участвовали и в Октябрьской Всероссийской политической стачке. В этот период образовался Союз Туркестанских организаций РСДРП³. В борьбе против царского самодержавия участвовало и местное население; рабочий класс России становился для него уже в эти годы верным другом, надежным союзником и руководителем.

«Навсегда сохранятся в благодарной памяти народной, — говорится в Постановлении ЦК КП Узбекистана о 50-летию Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана, — имена большевиков дореволюционного Туркестана, которые первыми принесли в наш край слова Ленинской правды, сеяли среди трудящихся семена социалистической идеологии, учили их борьбе за свои человеческие права»⁴.

Местное население постепенно вовлекалось в революционную борьбу русского пролетариата; его национально-освободительное движение про-

² См. «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», т. 2, М., 1956, стр. 784—825.

³ «История Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1968, стр. 220—291, 305.

⁴ «Коммунист Узбекистана», 1974, № 1, стр. 4.

тив царизма соединялось в один поток с общероссийским революционным движением, обусловившим победу Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

Победа Великого Октября стала поворотным моментом в исторических судьбах народов Средней Азии, как и всех других народов России. Уже в первых своих государственных актах Советская власть приступила к осуществлению разработанной В. И. Лениным программы национальной политики Коммунистической партии. Основные принципы этой политики, отменявшей систему национального и колониального угнетения, провозглашали «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Всем народам Советской России обеспечивалось полное равенство, утверждалось их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отменялись все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. Предоставлялось право на свободное развитие также национальным меньшинствам и этнографическим группам. Впервые в истории открылись беспредельные возможности для всестороннего развития народов. Октябрьская революция вывела их на путь строительства социалистического общества и коммунизма.

В течение ноября 1917 г.—января 1918 г. Советская власть установилась во всех городах и областях Туркестана. В апреле 1918 г. V съезд Советов Туркестанского края провозгласил образование Туркестанской АССР в составе РСФСР.

Для претворения в жизнь национальной политики Коммунистической партии необходимо было ликвидировать фактическое неравенство, экономическую и культурную отсталость народов бывших национальных окраин России, преодолеть пережитки былой национальной розни, оказать помощь освобожденным народам в реализации права на самоопределение, в создании советской национальной государственности. Эту огромную работу Коммунистическая партия проводила в Туркестанской республике, опираясь на местные большевистские партийные организации.

В. И. Ленин проявлял большую заботу о республике, поддерживал с ней постоянную связь. Учитывая сложную обстановку, создавшуюся в Туркестане, окруженном кольцом фронтов в тяжелые годы гражданской войны и интервенции, ВЦИК и СНК РСФСР в 1919 г. по указанию В. И. Ленина направили туда Туркестанскую комиссию, состоящую из талантливых, стойких и энергичных большевиков — М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, И. А. Кобозева, Г. К. Орджоникидзе и др. В задачу Турккомиссии входило оказание помощи местным советам и партийным органам в проведении национальной политики. С образованием Турккомиссии был связан и замечательный исторический документ — письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором говорилось об огромном значении установления правильных отношений РСФСР с народами Туркестана. В. И. Ленин подчеркивал в этом письме: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доньше угнетавшимся народам». Он предлагал обратиться на этот вопрос сугубое внимание и приложить все усилия к тому, чтоб на примере, делом установить товарищеские отношения с народами Туркестана⁵.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.

Посланцы Коммунистической партии, члены Турккомиссии оказали огромную помощь народам Туркестана, Бухары и Хорезма в завершении разгрома интервентов, белогвардейцев и басмачей, в советском и партийном строительстве, в создании национальной государственности.

Туркестанская АССР была первой автономной республикой в составе созданной в январе 1918 г. Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Одной из первых автономных республик была Киргизская (вскоре переименованная в Казахскую) АССР, образованная в 1920 г. по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР и охватывавшая территорию Казахстана (в пределах областей бывшего Киргизского края). В том же году в результате революции, происшедшей в Хивинском и Бухарском ханствах, на их территориях образовались Хорезмская и Бухарская Народные Советские Республики с государственностью переходной формы. Народно-демократическая власть осуществляла там крупные политические и социально-экономические реформы, ломку феодального строя, подготавливая социалистическое преобразование республик. Созданные в ходе революции народами бывшей царской России республики все теснее сплачивались вокруг РСФСР. На протяжении первого пятилетия был накоплен богатый опыт развития новых социалистических взаимоотношений между народами. Получала все большую поддержку ленинская идея образования равноправного и добровольного союза республик, объединения их в Советское многонациональное союзное государство, «способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов»⁶. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов единодушно принял Декларацию об образовании Союза ССР. В составе РСФСР в Советский Союз вошла и Туркестанская АССР.

Образование СССР позволило объединить ресурсы огромной страны, расширило масштабы сотрудничества и взаимопомощи республик; средства централизованных фондов распределялись таким образом, чтобы осуществить ленинский курс на ускоренное экономическое, культурное и социально-политическое развитие национальных окраин страны. «Помощь им приняла форму последовательного и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики», — говорил в своем докладе о 50-летию Союза ССР Л. И. Брежнев⁷.

Последовательная помощь правительства СССР и братских народов привела к значительным успехам республик Средней Азии и Казахстана в восстановлении народного хозяйства после военной разрухи, в развитии экономики, культуры, в подготовке национальных кадров. Постепенно создавались благоприятные условия для дальнейших этапов национально-государственного строительства — изменения старых, установленных царским правительством границ государственных образований, все еще разобщавших начинавшие формироваться социалистические нации. В 1924 г. общая численность населения в трех советских республиках Средней Азии достигла 8131,1 тыс. чел., из них на Туркестанскую АССР приходилось 5254,6 тыс. чел., в Бухарской Народной Советской Республике проживало 2236,4 тыс. чел., в Хорезмской — 640,1 тыс. чел.⁸. Из общего числа узбеков, живших в этих республиках, около 67% находилось в Туркестанской АССР, 22% — в Бухарской НСР, 11% — в Хорезмской НСР. Таджики разделились почти поровну между Бухарской (52,3%) и Туркестанской (47,7%) республиками. Свыше 42% общего числа туркмен жили в Туркестанской АССР (главным образом в Закаспийской области), 27% — в Бухарской и 30% — в Хорезмской республи-

⁶ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 6.

⁷ «Коммунист», 1972, № 18, стр. 10.

⁸ Журн. «Новый Восток», 1925, № 8—9, стр. 48.

ках⁹. В этих условиях было естественно стремление народов Средней Азии к воссоединению. В. И. Ленин, внимательно следивший за национально-государственным строительством, еще в 1920—1921 гг. изучал перспективы национального размежевания Средней Азии и давал указания по подготовке к научному обоснованию проекта этого государственного акта, необходимость которого он предвидел. В 1920 г. он рассмотрел и одобрил проект туркестанских коммунистов и Турккомиссии, дав указания составить этнографическую карту Средней Азии с предполагаемыми границами Узбекистана, Туркмении и Казахстана¹⁰. В то же время В. И. Ленин советовал не торопиться и не предпринимать заранее вопрос о выделении тех или иных республик — до тщательной подготовки окончательного проекта, учитывающего всю совокупность экономических, социальных факторов, а также мнения и пожелания трудящихся всех народов Средней Азии. Пока же в республиках проводились лишь частичные изменения внутренних административных границ и наименований некоторых областей и районов, связанные с особенностями их национального состава. Так, учитывая пожелание туркменского населения Туркесреспублики, Закаспийская область была переименована в Туркменскую область; в Бухарской НСР были образованы Таджикская и Туркменская области; в Хорезмской — Казахско-Каракалпакская область и Ташаузская (в последней преобладало туркменское население).

Реализация проекта национально-государственного размежевания стала возможной лишь в 1924 г., после широко поставленных демографических и этнографических исследований¹¹, обеспечивших его научное обоснование, а также после детального изучения экономики края; учет национального состава был основным, но не единственным принципом при создании новых республик: большое значение имело также правильное экономическое районирование, обеспечивающее каждой республике все условия для всестороннего развития народного хозяйства; уделялось внимание исторически сложившимся хозяйственно-бытовым связям жителей городов, сельских местностей и скотоводческих районов, экономическому тяготению различных районов к тем или иным городским центрам.

К 1924 г. было уже в основном восстановлено хозяйство края. Хорезмская и Бухарская народные республики преобразовались в социалистические. Рост народного образования, культуры, подготовка национальных кадров также достигли уровня, позволявшего приступить к практическому осуществлению сложной государственной задачи.

Рассмотрев предложения трех среднеазиатских республик (Туркестанской, Бухарской и Хорезмской) о национальном размежевании, ЦК РКП(б) и правительство СССР создали Центральную территориальную комиссию из представителей этих республик; в ее состав вошли представители всех национальностей Средней Азии. Комиссия завершила работу по определению границ новых республик и национальных областей; 16 сентября 1924 г. III Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской АССР приняла решение о проведении национального размежевания. Было принято также «Обращение ко всем народам Средней Азии и Туркестана», в котором разъяснялись сущность и задачи этого государственного преобразования. Аналогичные постановления приняли курултаи (съезды Советов) Бухарской и Хорезмской республик. Во всех республиках, в городах и селениях, в отдаленных кочевых аулах велась разъяснительная работа; проект образования новых республик всесторонне обсуждался на съездах Советов, партийных конференциях, собраниях трудящихся.

⁹ «История Узбекской ССР», т. III, Ташкент, 1967, стр. 379.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

¹¹ См. Т. А. Жданко, Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии, «Сов. этнография», 1972, № 5, стр. 21—25.

В октябре 1924 г. ВЦИК РСФСР утвердил решение правительства Туркестанской АССР: она была выделена из состава Российской Федерации с предоставлением права ее народам образовывать национальные республики и области. В том же месяце правительство Союза ССР утвердило решение о создании новых республик Средней Азии. В феврале 1925 г. состоялись уже первые учредительные съезды вновь образованных Узбекской и Туркменской ССР; они избрали свои правительства и приняли декларации о вступлении в Союз ССР.

В соответствии с волеизъявлением их народов в мае 1925 г. III Всесоюзный съезд Советов принял эти республики в состав СССР¹².

Помимо двух союзных республик в итоге национально-государственного размежевания образовалась Таджикская АССР в составе Узбекистана; Киргизия была выделена в автономную область в составе РСФСР и уже в 1926 г. преобразована также в автономную республику. Каракалпаки объединились в Каракалпакскую автономную область, вошедшую в Казахскую АССР; в эту же (образованную, как отмечалось, еще в 1920 г.) автономную республику вошли после национального размежевания значительные части территорий прежних Семиреченской и Сырдарьинской областей, населенные казахами.

Во вновь образованных национальных республиках и автономных областях воссоединились прежде разобщенные народы Средней Азии. Так, в состав населения Узбекской ССР вошло 82% всех узбеков, живших в СССР, они составили 76,1% населения республики. В Туркменской ССР оказалось 94,2% всех туркмен, составивших 71,9% ее населения. В Таджикской АССР объединились 75,2% таджиков, они составили 71,2% населения республики. В Киргизии объединились 86,7% всех киргизов, составивших 66,2% ее населения. В расширившей свою территорию после национального размежевания Казахской АССР сосредоточилось 93,4% всего казахского населения страны, составившего 57,4% общего числа жителей республики. В Каракалпакской автономной области объединились 79,3% всех каракалпаков¹³.

Национальное размежевание Средней Азии представляло собой важное государственное преобразование, охватившее гигантскую территорию с многомиллионным населением. Это было большим и знаменательным событием в жизни народов СССР, крупной победой ленинской национальной политики¹⁴.

В последующие годы в Средней Азии, как и во всей стране, в процессе укрепления и развития Советского государства происходило дальнейшее преобразование ряда автономных республик в союзные, уточнялись их границы. В 1925 г. в состав Таджикской АССР была включена территория Памира, на которой образовалась Горно-Бадахшанская Автономная область; в 1929 г. Таджикская Автономная Республика была преобразована в Союзную, причем ее территория существенно увеличилась за счет перехода в ее состав Ходжентского округа с преобладающим таджикским населением. В 1936 г. в союзные республики были преобразованы Казахская и Киргизская АССР. Каракалпакская Автономная область, преобразованная в 1932 г. в автономную республику в составе РСФСР, в 1936 г. вошла в состав Узбекской ССР.

¹² Подробнее о национально-государственном размежевании Средней Азии см.: «История национально-государственного строительства СССР. 1917—1936 гг.», М., 1968; А. А. Гордиенко, Создание советской национальной государственности в Средней Азии, М., 1959; Ш. Уразов, В. И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане, Ташкент, 1967; Х. Т. Турсунов, Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане, Ташкент, 1971; С. И. Якубовская, Развитие СССР как союзного государства, 1922—1936 гг., М., 1972, и др.

¹³ Журн. «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 116—125.

¹⁴ А. В. Лихолат, Братское сотрудничество народов СССР в построении социализма, сб. «СССР — великое содружество народов-братьев», М., 1972, стр. 146.

М. И. Калинин, принимавший деятельное участие в национально-государственном строительстве и, в частности, в национальном размежевании Средней Азии, ярко охарактеризовал этот процесс развития многонационального Союза ССР: «Шло непрерывное преобразование форм государственной жизни советских народов, размежевание многочисленных национальностей СССР. Одни национальности определяли свои этнографические границы, другие устраивались, как уже развитые, сложившиеся нации. Характерно, что эта перестройка не только не мешала, а и способствовала росту союзного единства. Народы, как-бы удовлетворенные в своих национальных стремлениях, еще теснее прижимались к Союзу, сознавая, что только через единство они сохранят свою национальную свободу»¹⁵.

Так подтверждался исторический прогноз В. И. Ленина, еще в 1916 г. писавшего, что «трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»¹⁶.

Создание советской национальной государственности способствовало упрочению Советской власти, укреплению дружбы народов СССР — оно окончательно устранило возможные поводы для национальных трений и розни, пережитки которых еще наблюдались в первые годы Советской власти. Велико было значение образования национальных советских республик для консолидации социалистических наций Средней Азии. Этот прогрессивный процесс стал существенно стимулироваться такими факторами, как рост политической активности народов, все возрастающая их роль в государственной деятельности, в управлении страной; введение национальных языков в административное управление и судопроизводство, приблизившее органы власти к трудящимся массам; развитие культурной жизни — образования, письменности, литературы, печати, театра на национальных языках, а также глубокими изменениями, происходившими в социальной структуре развивающихся наций: ростом удельного веса городского населения, национальных кадров рабочего класса, служащих, интеллигенции. Социальный прогресс строящегося социалистического общества преодолевал архаические пережитки родоплеменного и «земляческого» этнического самосознания и обуславливал развитие национального самосознания социалистических наций Средней Азии. Большую роль в этом сыграл происходивший в годы коллективизации переход кочевого и полукочевого населения скотоводческих районов к оседлому образу жизни.

Вступление вновь образовавшихся республик Средней Азии в могущественный Союз ССР обусловило повседневную всестороннюю помощь им в осуществлении индустриализации и коллективизации сельского хозяйства со стороны промышленно-развитых центральных областей страны. Бюджеты ряда союзных республик в течение многих лет покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотаций из общесоюзного бюджета. Например, в 1924—1925 гг. доля собственных доходов Туркменской ССР в ее бюджете составляла лишь немногим более 10%. Благодаря последовательной помощи и поддержке в исторически кратчайшие сроки республики Средней Азии достигли ликвидации своей экономической и культурной отсталости, и их расцвет стал одним из наиболее убедительных примеров практического осуществления ленинской идеи о возможности, при помощи пролетариата передовых стран, перехода народов, находящихся на докапиталистической стадии развития, к социализму, минуя капитализм.

По своей политической значимости образование национальных республик Советского Востока было событием, выходящим далеко за преде-

¹⁵ М. И. Калинин, К двадцатилетию образования СССР, «Большевик», 1942, № 23—24, стр. 14.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 36.

лы Советской страны; они стали образцом установления подлинного мира и братства между народами, ярким примером справедливого разрешения национального вопроса на основе теории марксизма-ленинизма и осуществления принципов пролетарского интернационализма.

В период национального размежевания сформировались и Коммунистические партии союзных республик Узбекистана и Туркменистана, а также партийные организации автономных республик и областей. Уже полвека Коммунистические партии республик Средней Азии и Казахстана ведут свою работу под непосредственным руководством КПСС; идейно закаленные, обогащенные разносторонним опытом политической и организаторской работы в массах, они, как и коммунистические партии других республик, тесно сплочены вокруг Ленинского ЦК КПСС. Коммунисты республик Средней Азии возглавляют борьбу за новую жизнь и народное благосостояние, за дальнейший подъем экономики и культуры, за выполнение грандиозной программы коммунистического строительства, предначертанной решениями XXIV съезда КПСС.

* * *

Остановившись в своем докладе о 50-летию СССР на успехах экономического и культурного роста республик Советского Востока, Генеральный Секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Гораздо более скромные достижения в капиталистическом мире часто называют „чудом“. Но в том, что произошло в советской Средней Азии, в Советском Казахстане, мы, коммунисты, не видим ничего сверхъестественного. Это, так сказать, чудо естественное — естественное для Советской власти, для социализма, для тех отношений дружбы и братства народов, которые утвердились в нашей стране»¹⁷.

Воистину невиданные по своим масштабам преобразования произошли в республиках Средней Азии к их «золотому» юбилею. Они стали мощными индустриально-колхозными республиками с первоклассной современной промышленностью, многоотраслевым и высокоразвитым сельским хозяйством, передовой социалистической культурой.

Создание материально-технической базы коммунизма в нашей стране происходит в условиях возрастающего сотрудничества всех советских республик, национальная экономика которых составляет неотъемлемую часть общей экономики Советского Союза, развивающейся по единому плану. Директивы XXIV съезда КПСС предусматривают дальнейшее улучшение размещения производительных сил, совершенствование сложившегося между союзными республиками социалистического разделения труда, с учетом общегосударственных и республиканских, интернациональных и национальных интересов. Каждую из республик Средней Азии характеризует определенная специфика народного хозяйства. Так, индустриальный облик Узбекистана определяет сочетание свыше ста отраслей промышленности, в числе которых основные — энергетическая, химическая, нефтяная, угольная, газовая, горно-рудная, металлургическая, золотодобывающая, электротехническая, самолетостроительная, электронная, а также многоотраслевое машиностроение¹⁸. Узбекистан специализируется и занимает первое место в стране по производству хлопкоуборочных машин и другой техники для хлопководства, а также оборудования для хлопкоочистительной промышленности, второе место по производству прядильных машин. В республике более 1300 крупных

¹⁷ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, «Коммунист», 1972, № 18, стр. 11.

¹⁸ Постановление ЦК КП Узбекистана «О 50-летию Узбекской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Узбекистана», «Коммунист Узбекистана», 1974, № 1, стр. 5.

предприятий, промышленность дает около 70% всей валовой продукции ее народного хозяйства; по сравнению с 1922 г. объем производства продукции промышленности возрос почти в 240 раз.

Главный вклад Узбекистана в общесоюзную экономику — хлопок; среднеазиатские республики — основная хлопковая база страны, среди них на первом месте — Узбекская ССР. Две трети хлопка-сырца, заготавливаемого в СССР, приходится на ее долю. «Именно вклад Узбекистана — главного производителя хлопчатника», — отметил Л. И. Брежнев, вручая республике орден Дружбы народов, — позволил нам уже в 1970 г. выйти по его производству на первое место в мире. Что можно сказать об этом? Это замечательный успех»¹⁹. Трудящиеся Узбекской ССР, как и других хлопкосеющих республик, считают снабжение страны хлопком своим патриотическим долгом; с 1922 г. валовой сбор хлопка возрос в 120 раз; в 1973 г., превысив план, республика дала стране 4 млн. 900 тыс. т хлопка; в настоящее время ведется борьба за урожай юбилейного года. Узбекистан взял обязательство дать родине не менее 5 млн. т «белого золота».

Наряду с хлопком первое место в стране занимает Узбекистан также по каракулеводству и шелководству. Всесоюзное значение имеют виноградарство и садоводство республики.

Развитие хлопководства в условиях Средней Азии непосредственно связано с ирригационным строительством, о котором так заботился В. И. Ленин, отмечавший его значение для Средней Азии и Закавказья: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму» — писал он²⁰. В 1918 г. В. И. Ленин встретился со специалистами-ирригаторами Туркестанской республики, в том же году он подписал исторический документ — декрет Совнаркома РСФСР «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и организацию этих работ». Декрет предусматривал орошение Голодной степи, строительство ряда ирригационных сооружений и систем в различных районах Средней Азии — в бассейнах Сыр-Дарьи, Зеравшана, Чу и других рек.

За годы Советской власти ирригационное строительство в республиках Средней Азии получило огромный размах. Если до революции на территории Узбекистана была лишь одна крупная оросительная система, то теперь их более 900; действуют 24 тыс. гидротехнических сооружений, общая протяженность каналов достигает 100 тыс. км; в 11 водохранилищах республики собирается около 4 млрд. кубометров воды, на карте ее появились моря, созданные человеком²¹. Успешно осваивается целина Голодной степи; здесь построено свыше 4000 км оросительной сети, орошено и введено в хозяйственный оборот 234 тыс. га, на них расположено 37 совхозов, которые дают ежегодно сотни тысяч тонн хлопка-сырца, овощи, фрукты и другую продукцию²².

Ценный опыт комплексного освоения Голодной степи, создания на целине современных, технически совершенных систем орошения, мелиорации почв, организации высокоразвитых хлопководческих совхозов с благоустроенными поселками, предприятиями, коммуникациями связи, лесонасаждениями используется в настоящее время в других целинных областях республики — при освоении Шерабадской, Каршинской, Джизакской степей, в низовьях Амударьи, где осваивается крупная база рисосеяния, и др.

¹⁹ Речь Л. И. Брежнева при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов, «Правда», 25 сентября 1973 г.

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

²¹ См. Ш. Рашидов, Ленинская партия — партия новаторов, «Коммунист», 1970, № 6, стр. 54.

²² Газ. «Правда Востока», 17 мая 1974 г.

Столь же грандиозные преобразования произошли и в экономике Туркменской ССР; промышленность ее представлена 80 отраслями, объемом продукции промышленных предприятий за 50 лет увеличился более чем в 130 раз. Индустриальный облик Туркменистана определяют ныне энергетика, химическая, нефтяная, газовая, машиностроительная и другие отрасли промышленности; сейчас в республике за сутки добывают нефти в семь раз больше, чем за весь 1924 год — год образования Туркменской ССР²³.

Среди отраслей химической промышленности особое место занимает производство сульфата натрия на Кара-Богаз-Голе — уникальном месторождении, на необходимость использования которого указывал еще В. И. Ленин в 1918 г. Большое значение имеет также задача добычи и переработки серы, иода, озокерита и др.

«Рекой жизни» называет туркменский народ протянувшийся из Амударьи в глубь пустыни на 850 км Каракумский канал им. В. И. Ленина — уникальное гидротехническое сооружение, строившееся всей страной; это — одна из самых больших в мире водных артерий, созданных руками человека.

Славится Туркменистан и своим высокосортным хлопчатником; по каракулеводству он занимает второе место в СССР после Узбекистана, а качество великолепных цветных смушек местных пород овец, приспособленных к условиям пустыни, не имеет равного в стране.

Промышленный потенциал Таджикистана и Киргизии рос еще более быстрыми темпами, чем Узбекистана и Туркмении. С 1922 по 1970 г. объем промышленной продукции Таджикской ССР вырос более чем в 500 раз, Киргизской — более чем в 400 раз.

Неисчислимые гидроэнергетические ресурсы таятся в ледниковых бурных реках этих горных республик Средней Азии. По запасам гидроэнергии Таджикистан занимает в СССР второе место после РСФСР; на один километр русла его горной реки Вахша приходится 14,5 тыс. кВт мощности, тогда как на Енисее — всего 4,7 тыс. кВт. На Вахше — целый каскад действующих и строящихся гидроэлектростанций, в том числе Нурекская ГЭС мощностью 2,7 млн. кВт — одно из крупнейших в нашей стране гидросооружений. В Киргизии, на берегах горной реки Нарына, где прежде люди с трудом пробирались по узким тропам, возводится мощный Токтогульский гидроэнергоузел. Воды и электроэнергия этого сооружения позволяют использовать природные ресурсы не только Киргизии, но и других соседних с нею республик.

Жаркий климат Южного Таджикистана определяет специализацию его сельского хозяйства на тонковолокнистых сортах хлопчатника; здесь он дает самые высокие в мире урожаи.

Традиционная отрасль хозяйства Киргизии — животноводство; пастбища занимают в республике 85% сельскохозяйственных угодий, животноводство дает более половины валовой продукции колхозов и совхозов; оно имеет основательную научную базу (Институты животноводства, ветеринарии и др.), множество опытных хозяйств. Выведены высокопродуктивные породы тонкорунных овец, приспособленных к выпасу на горных пастбищах.

Крупнейшие стройки республик Средней Азии свидетельствуют о том, что научно-техническая революция позволяет использовать те природные ресурсы, которые раньше вообще невозможно было поставить на службу народному хозяйству (покорение рек, устройство крупных водохранилищ, добыча полезных ископаемых в сложных природных условиях высокогорий и пустынь и т. д.). Вместе с тем «такие производственные мощности, которые стало возможным осваивать в условиях научно-

²³ Постановление ЦК Коммунистической партии Туркменистана «О 50-лети Туркменской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Туркменистана», «Туркменская искра», 10 февраля 1974 г.

технической революции, целесообразно использовать только в масштабах нескольких республик или даже страны в целом»²⁴.

В Средней Азии современные крупные промышленные объекты: гидроэлектростанции, каналы, газопроводы — обслуживают народное хозяйство нескольких или всех республик региона; совместно, несколькими республиками используются многие пастбищные угодья. Завершается объединение линий электропередач в единую энергосистему. Все более возрастает необходимость укрепления кооперации республик Средней Азии, Казахстана и других республик страны. Закономерным стал процесс интернационализации в области экономической жизни. Ярким примером этого может послужить создание газопровода Средняя Азия — Центр.

Экономический расцвет республик Средней Азии и Казахстана отражается и в их международных связях: бывшие прежде отсталыми колониальными окраинами, они ныне экспортируют продукцию своей индустрии более чем в 100 зарубежных стран, в том числе в такие развитые промышленные страны, как США, Япония, ФРГ, Англия, Франция, а также в страны Ближнего и Среднего Востока.

Не менее впечатляющи итоги культурного развития: ко времени своего «золотого юбилея» республики Средней Азии практически достигли уровня стопроцентной грамотности, почти половина населения каждой из них — это люди с высшим и средним (полным и неполным) образованием. В 1920 г. по указанию В. И. Ленина было создано первое высшее учебное заведение в Средней Азии — Государственный университет в Ташкенте. А теперь в одной Узбекской ССР 40 высших и более 170 специальных средних учебных заведений. В различных отраслях экономики и культуры республики работают свыше 600 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием — инженеры, агрономы, экономисты, врачи, учителя, юристы, писатели, композиторы, художники и др.²⁵.

Знаменательно становление большой науки — в республиканских академиях наук работают тысячи ученых, из них около 50% — туркмены (в 1970 г. из 3650 научных работников было 1825 туркмен²⁶). С ростом научных учреждений расширяется круг научных исследований, предметом их становятся все более важные, актуальные и сложные проблемы. Некоторые научные учреждения республик имеют всесоюзное значение; например, Институт пустынь Академии наук Туркменской ССР, один из немногих в мире институтов такого типа, стал головным научным учреждением в области комплексного изучения и освоения пустынных территорий СССР. В союзном масштабе ведут работу также Институт астрофизики АН ТаджССР, Институт хлопководства в Узбекистане и др.

Показателем развития социалистической культуры является и рост книгоиздательского дела, национальной прессы, увеличение тиражей газет и журналов. До революции не было издано ни одной книги на туркменском языке, а ныне в Туркменистане издается 47 газет, в том числе 33 — на туркменском языке. Выходит в свет 15 журналов и других периодических изданий. Если в 1927 г. в республике было издано 146 названий книг общим тиражом 267 тыс. экземпляров, то в 1970 г. издано уже 547 названий, в том числе 349 названий — на туркмен-

²⁴ См. Л. М. Дробизева, Сближение народов СССР в условиях завершения строительства и упрочения развитого социалистического общества, сб. «СССР — великое содружество народов-братьев», стр. 244—245.

²⁵ Постановление ЦК КП Узбекистана «О 50-летию Узбекской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Узбекистана», «Коммунист Узбекистана», 1974, № 1.

²⁶ М. Гапуров, Социально-культурное развитие народов Средней Азии и Казахстана в новейшее время (Доклад на Международной конференции ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии), М., 1972, стр. 27.

ском языке; общий тираж этой литературы достиг 4,7 млн. экземпляров²⁷. Большими тиражами издаются в республиках труды классиков марксизма-ленинизма, произведения русской и иностранной литературы, переведены и изданы классики мировой литературы — Шекспир и Шиллер, Диккенс и Золя, Руставели, Того, Барбюс и т. д. Почти полностью переведены на языки народов Средней Азии сочинения Пушкина, Лермонтова, Чехова, Тургенева, Горького, Маяковского и других классиков русской литературы, произведения которых сыграли большую роль в становлении и развитии новых литературных жанров, в росте художественного мастерства, овладении всем разнообразием творческих средств представителями национальных литератур Средней Азии — прозаиками, поэтами, драматургами.

Национальный театр, как сказал русский драматург А. Н. Островский, — признак совершеннолетия нации. Сейчас народы Средней Азии и Казахстана достигли этого «совершеннолетия», создав профессиональные национальные театры — драму, оперу, балет. Сложились превосходные театральные коллективы и творческие ансамбли, выросли замечательные мастера драматического, музыкального, вокального, хореографического искусства.

Художники, скульпторы, графики республик Средней Азии создали произведения, ставшие крупным вкладом в советскую художественную культуру. Впервые за много веков возрождающееся изобразительное искусство народов Средней Азии преодолело догмы ислама, запрещавшего изображать человека. Расцвет современного изобразительного искусства, как и всей культуры народов Средней Азии, представляет собой один из замечательных результатов социалистического преобразования²⁸. Возрождение древних традиций культуры народов Средней Азии, их обогащение и развитие в новых условиях социалистического общества было отмечено Л. И. Брежневым как важнейшее достижение на историческом пути их развития в советскую эпоху.

«За годы Советской власти невиданно расцвела культурная жизнь Узбекистана. Славные гуманистические традиции древней узбекской культуры получили как бы новую жизнь, обогатившись социалистическими идеалами и устремлениями»²⁹.

Все возрастающее взаимовлияние социалистических культур народов Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана, связанных общностью исторических судеб и многими общими культурно-бытовыми чертами, истоки которых уходят в глубь веков, — есть часть общего процесса интернационализации их духовной жизни. Обычным явлением стал обмен культурными ценностями, творческое сотрудничество работников науки, литературы, искусства братских народов. Большую роль играют творческие связи в области литературы. Многие научные проблемы, как связанные с местной спецификой региона, так и общего характера, разрабатываются в тесном сотрудничестве с учеными академий наук республик Средней Азии. По словам киргизского писателя, лауреата Ленинской премии Чингиза Айтматова, знакомство с наследием казахского писателя М. Ауэзова явилось для него «ярким внутренним озарением». «Мне кажется, — писал он, — на формирование современной среднеазиатской художественной мысли и всей духовной жизни наших соседствующих народов Ауэзов оказал такое же влияние, как в свое время Пушкин на развитие русской культуры»³⁰. Лучшие произведения искусства, литературы народов Средней Азии становятся

²⁷ Там же.

²⁸ См.: М. Гапуров, Указ. раб.; «Советский Туркменистан», Ашхабад, 1968; С. Х. Сираздинов, Узбекская Советская Социалистическая Республика, М., 1972, и др.

²⁹ Речь Л. И. Брежнева при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов, «Правда», 25 сентября 1973 г.

³⁰ «Правда», 5 августа 1967 г.

культурным достоянием всех народов Советского Союза, пользуются известностью в зарубежных странах. Благодаря широким контактам значительно обогатились содержание и национальные формы культур, становятся интернациональными их выразительные средства, сблизились принципы художественной типизации и жанровые разновидности; широко распространились новые стилистические черты на основе синтеза стилей национальных искусств³¹. Важнейшим средством, помогающим культурному сближению, является распространение русского языка как языка межнационального общения.

Успехи, достигнутые республиками Средней Азии к празднику их 50-летия,— одно из ярких проявлений жизненной силы ленинской национальной политики Коммунистической партии, дружбы всех советских народов; перед ними — широкий путь дальнейшего развития, огромные возможности сотрудничества в области экономики и культуры, все более тесного взаимодействия в духовном творчестве. Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР — одна из общих закономерностей процесса социально-политического сплочения Советского общества, расцвета и постепенного сближения социалистических наций на пути строительства коммунизма, формирования новой исторической общности людей — многонационального советского народа.

A GLORIOUS ANNIVERSARY

The article is devoted to the 50-year anniversary of the Republics of Middle Asia (in October 1974) and their national Communist Party organizations. Following the October Revolution, the Communist Party and the Soviet State set about implementing the Leninist nationality policy aimed at aiding the peoples of Russia's former outlying regions in overcoming their backwardness, in realizing their right to self-determination, at building up a Soviet national statehood. The Communist organizations of the Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republic elaborated a project for the national-state delimitation of Middle Asia: the pre-revolutionary tsarist-established boundaries between Turkestan, the Bukhara and Khiva khanates had partitioned the broad ethnic areas of the Uzbeks, Turkmens, Tajiks, Kirghiz and Karakalpaks. In 1920 the Kazakh Autonomous SSR was formed. In October 1924 the USSR Government confirmed the decision of the Turkestan ASSR Central Executive Committee and the Bukhara and Khorezm Republican Congresses of Soviets on national delimitation and the establishment of sovereign national socialist republics in the Soviet East.

The author reviews the history of the formation of the Middle Asian Republics and the enormous progressive transformations that have taken place there in the course of half-a-century on their way towards socialism and the construction of a communist society.

³¹ См. Л. М. Д р о б и ж е в а, Указ. раб., стр. 261—262.

Ш. Аннаклычев

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА ТУРКМЕНИСТАНА

1974 год — определяющий год девятой пятилетки — для трудящихся Туркменистана знаменателен тем, что в этом году исполняется 50 лет со дня образования Туркменской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Туркменистана.

Образование Туркменской ССР и ее вхождение в состав Союза Советских Социалистических Республик сыграли решающую роль в индустриальном развитии Туркменистана и вовлечении трудящихся в промышленное производство. Благодаря тесному братскому союзу советских республик, под руководством Ленинской Коммунистической партии, туркменский народ за короткое время прошел гигантский путь от отсталости к прогрессу.

Известно, что царизм стремился задержать промышленное развитие Туркменистана (бывшей Закаспийской области.— Ш. А.) и сохранить его в качестве аграрно-сырьевого придатка Российской империи. Поэтому крупные промышленные предприятия здесь не создавались, богатые природные ресурсы почти не разрабатывались. Лишь в небольшом количестве добывались нефть и озокерит на о. Челекен, каменный уголь в Ягманских угольных копях и соль на Куулийских соляных промыслах.

В дореволюционной Туркмении относительно крупными предприятиями считались депо, железнодорожные и другие мастерские, обслуживавшие Среднеазиатскую железную дорогу, Каспийское морское и Амударьинское речное пароходства. Основу промышленности края составляли мелкие предприятия, занимавшиеся переработкой сельскохозяйственного сырья (хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные, кожевенные и т. д.). Об исключительной отсталости края говорит тот факт, что здесь в 1913 г. было добыто всего 129 тыс. т нефти, а вся выработка электроэнергии составила 2,5 мл. квт·ч¹. В 1914 г. здесь было 296 промышленных предприятий². Характерной особенностью местной фабрично-заводской промышленности, по признанию дореволюционных исследователей Туркестанского края, было «преобладание мелких промышленных предприятий, которые только носят название фабрик или заводов, в действительности же являются производствами кустарно-ремесленного типа. Нередко трудно разобраться, где кончается кустарный промысел и начинается фабрично-заводское дело и наоборот»³.

Эти предприятия с числом рабочих от 10 до 30 человек были оснащены весьма примитивной техникой и работали всего лишь по 2—4 месяца в году. Еще мельче были предприятия по производству кир-

¹ «Народное хозяйство Туркменской ССР 1922—1972 гг.», Ашхабад, 1972, стр. 4.

² А. Артыков. Промышленность Туркменской ССР за 25 лет, Ашхабад, 1950, стр. 33.

³ В. И. Массальский, Туркестанский край (Россия. Полное географическое описание нашего отечества), СПб., 1913, стр. 536.

пица и обжигу извести. Крупный советский ученый академик И. М. Губкин, вложивший много сил и энергии в развитие промышленности (особенно нефтяной) Туркменистана, характеризуя дореволюционное положение края, говорил: «За царский колониальный период, в эпоху господства „белого царя“ (почти все народы Средней Азии называли русского царя „ак патыша“ — белый царь. — Ш. А.) в Туркмении, как и во всякой другой окраине, не могли создаваться условия для должного развития ее производительных сил, ее естественных богатств. Там не было условий для развития промышленности вообще, горного дела в частности»⁴.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия стала проводить в жизнь ленинскую политику помощи национальным окраинам. К этому времени и без того слабо развитая промышленность Туркмений (вошедшей в состав Туркестанской АССР) в результате тяжелых лет гражданской войны пришла в состояние еще большего упадка. Так, нефтяные промыслы, расположенные в районе нынешнего Небит-Дага и на Челекене, были почти полностью разрушены. Хлопкоочистительные предприятия из-за отсутствия сырья бездействовали. Число рабочих по сравнению с довоенным уровнем сократилось почти в семь раз⁵. Еще в феврале 1920 г. В. И. Ленин в телеграмме на имя командующего Закаспийским фронтом М. В. Фрунзе просил: «Сообщите, как дела с Челекенской нефтью и нефтью вообще»⁶. В ответ М. В. Фрунзе сообщил: «...При существующем оборудовании на Челекене ежедневную добычу нефти можно довести максимум до 3000 пудов, при условии доставки рабочим продовольствия»⁷.

Разруха, вызванная гражданской войной, сказалась на уровне промышленного производства. В 1924—1925 гг. в Туркменистане было добыто лишь 6 тыс. т нефти, произведено всего 1,7 млн. кВт·ч электроэнергии, 10 тыс. т хлопкового волокна, т. е. намного меньше, чем в 1913 г.⁸. Значительно сократилось производство кирпича, ковров, мяса, растительного масла и другой продукции.

В докладе, сделанном на IV конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин говорил: «Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало... нам необходима также *тяжелая* индустрия»⁹.

Коммунистическая партия и Советское правительство осуществляли на практике эти указания В. И. Ленина. После гражданской войны туркменский народ приступил к восстановлению кустарной и мелкой промышленности, к созданию кооперативных и первых государственных промышленных предприятий. Это дало возможность установить правильный товарообмен города с деревней, укрепить политический и экономический союз рабочего класса и крестьянства. Уже в 1921 г. в Ашхабаде был пущен в действие стекольный завод — первое крупное промышленное предприятие, построенное в Туркмении.

Национальное размежевание в Средней Азии, образование Туркменской ССР и добровольное вступление ее в состав СССР ускорили восстановление и дальнейшее развитие промышленности республики.

Индустриализация в Туркменистане стала осуществляться по единому плану, в неразрывной связи с развитием народного хозяйства

⁴ И. М. Губкин, Ископаемые энергоресурсы и другие полезные ископаемые Туркмении, «Труды первой конференции по изучению производительных сил ТССР». Л., 1934, стр. 4.

⁵ «Народное хозяйство Туркменской ССР...», стр. 4.

⁶ «Ленинский сборник», т. XXIV, стр. 83.

⁷ М. В. Фрунзе, На фронтах гражданской войны. Сборник документов, М., 1941, стр. 275—276.

⁸ «Народное хозяйство Туркменской ССР...», стр. 4.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 288.

страны и при постоянной помощи правительства СССР и более развитых союзных республик. По постановлению Совета Труда и Оборона Союза ССР в январе 1925 г. подмосковная Реутовская прядельная фабрика была передана в собственность Туркменской республики и перевезена туда.

С каждым годом росли капитальные вложения в народное хозяйство, особенно в промышленность. Так, только в 1934 г. капиталовложения в промышленность республики составили 114,1 млн. руб., или на 32,4 млн. руб. больше, чем в 1933 г.¹⁰

В годы первой и особенно второй пятилеток возник ряд новых, ранее неизвестных в Туркменистане отраслей промышленности (серные заводы в Центральных Каракумах и в Гаурдаке, иодный завод на Челекене, шелкомотальные фабрики в Ашхабаде, Чарджоу и т. д.). Большая заслуга в этом принадлежала многочисленным научно-исследовательским экспедициям, работавшим в различных уголках Туркменистана. Так, в 1934 г. на территории республики работало свыше 65 экспедиций, отрядов и поисковых партий¹¹.

В ходе индустриализации в Туркменистане были созданы стекольная, химическая, текстильная и другие отрасли тяжелой, легкой и пищевой промышленности. За годы первой и второй пятилеток были полностью реконструированы и сданы в эксплуатацию 294 промышленных предприятия¹². Уже в 1937 г. удельный вес промышленности в народном хозяйстве Туркменистана достиг 69%¹³. В 1938 г. 94% промышленной продукции выпускалось заводами, фабриками и другими промышленными предприятиями, построенными и полностью реконструированными за годы Советской власти. Это свидетельствует о том, что Туркмения в предвоенные пятилетки превратилась в индустриально-аграрную социалистическую республику.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны молодая, фактически возникшая в течение предшествовавших 15 лет промышленность, как и другие отрасли народного хозяйства Туркменистана, внесла достойный вклад в дело скорейшей победы над врагом.

В послевоенные годы промышленность республики продолжала развиваться. Так, за годы первой послевоенной пятилетки (1946—1950) в Туркменистане было введено в строй и реконструировано более 350 промышленных предприятий, в том числе Ташаузский экстракционный, Безмеинский цементный заводы. Объем промышленной продукции республики к концу этой пятилетки увеличился по сравнению с 1945 г. на 72%. В дальнейшем темпы индустриализации республики стали еще выше.

К концу пятой пятилетки (1951—1955 гг.) валовая продукция всей промышленности Туркменистана по сравнению с довоенным 1940 г. увеличилась на 257%¹⁴. С 1959 по 1964 годы в Туркмении было введено в эксплуатацию 85 крупных промышленных объектов¹⁵, в том числе крупнейший в стране Чарджоуский суперфосфатный завод, Ашхабадский завод нефтеоборудования, мощная Безмеинская теплоэлектростанция, крупнейший в СССР Челекенский завод канальной сажки и многие другие предприятия нефтяной, газовой, химической и легкой промышленности. В годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) особенно развивались машиностроение и металлообрабатывающая про-

¹⁰ Центральный Государственный архив ТССР (далее ЦГА ТССР), ф. 54, оп. 3, д. 41, л. 7.

¹¹ Там же, оп. 10, д. 12, л. 1—14.

¹² «Совет Туркменистаны», 6 апреля 1974 г.

¹³ «Знамя Октября», 14 мая 1974 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Б. О в е з о в, По ленинскому пути. Ашхабад, 1964, стр. 82.

Рис. 1. Один из цехов нефтеперерабатывающего завода в г. Красноводске

мышленность, увеличился выпуск продукции электротехники, были открыты и сданы в эксплуатацию десятки новых месторождений нефти и природного газа, завершилось сооружение газопровода Майское-Безмеин, а также передача туркменского газа в крупные промышленные города центральных промышленных районов страны.

Уже в первые три года девятой пятилетки (1971—1975 гг.) было произведено промышленной продукции на 5,4 млрд. руб., что почти на 40 млн. руб. больше, чем предусмотрено планом¹⁶.

«Промышленность республики ныне представлена 80 современными отраслями. Индустриальный облик Туркменистана определяют энергетика, химическая, нефтяная, газовая, машиностроительная, текстильная, легкая, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов. Объем продукции, выпускаемой промышленностью республики, увеличился за

50 лет более чем в 130 раз. Сейчас в республике за сутки добывается нефти в 7 раз больше, чем за весь 1924 год — год образования Туркменской ССР»¹⁷.

Благодаря развитию промышленности возникли десятки новых, благоустроенных индустриальных рабочих поселков и городов. Это — рабочие поселки Серный завод, Дарваз, Вышка, Гаурдак, Кум-Даг, Котур-Тепе, Окарем, Комсомольск, Шатлык, Газоджак, Нефтезаводск и крупные промышленные города — Небит-Даг, Челекен и Безмеин.

Теперь продукцию промышленных предприятий Туркмении знают не только далеко за пределами республики, но и за рубежом. Высококачественные йод и бром, сера, сульфанол, сульфат натрия, оконные стекла, крупные вентиляторы и многие другие товары являются предметами экспорта Советского Туркменистана.

Таким образом, практикой социалистического строительства полностью разбиты имевшие хождение в первые годы индустриализации антисоветские лженаучные «теории» о том, что в Туркменистане вследствие специфики социального строя, традиционного хозяйственного и бытового уклада населения развитие индустрии невозможно.

Параллельно с развитием индустриализации республики происходил процесс формирования из бывших кочевников-скотоводов, земледельцев, рыболовов — молодого национального рабочего класса. Создание национального рабочего класса было важной предпосылкой для перехода Туркменистана, как и других республик Средней Азии, к социализму, минуя капитализм.

История возникновения рабочего класса в Туркменистане начинается со времени присоединения края к России (80-е годы XIX в.). Однако администрация царской России намеренно тормозила вовле-

¹⁶ «Туркменская искра», 12 мая 1974 г.

¹⁷ Из постановления ЦК Компартии Туркменистана «О 50-летию Туркменской ССР и Коммунистической партии Туркменистана», «Туркменская искра», 10 февраля 1974 г.

Рис. 2. Месторождение газа Шехитли. Буровая установка № 2 на площадке Джоджуклы

чение туркмен в сферу промышленного производства, ибо видела в этом появление опасной для себя социальной силы. Для туркмен, хотевших работать на промышленных предприятиях, она создавала всевозможные преграды. Все же несмотря на все препятствия, в Закаспийском крае, отдаленном отсталом районе царской России возник новый отряд рабочего класса, составлявший часть революционного пролетариата России. Уже в 1904—1905 гг. там появились первые организации РСДРП. Рабочие-туркмены вместе с русскими рабочими Закаспия принимали участие в революционном движении. В 1917 г. во главе его встали большевистские организации Закаспия.

В первые годы Советской власти мероприятия, направленные на создание национальных кадров рабочих, тормозились почти полным отсутствием квалифицированных специалистов не только из местного населения, но и других национальностей, отсутствием технических учебных заведений, незначительным числом городского туркменского населения, а также враждебными действиями классовых врагов, выступавших против индустриализации края.

О малочисленности рабочих свидетельствует то, что еще в начале 1925 г. на всех промышленных предприятиях республики было занято всего 4403 чел. разных национальностей¹⁸. Отличительной особенностью рабочих-туркмен того периода, занятых в различных отраслях промышленности, было преобладание неграмотных, неквалифицированных подсобных рабочих, не имевших определенной специальности.

Недостаток в подготовленных промышленных кадрах создавал большие трудности. Приглашение специалистов из других районов страны порою осложнялось тем, что климатические и бытовые условия в Туркмении были очень тяжелыми, нормальные транспортные связи отсутствовали.

Партийные, комсомольские, профсоюзные и другие общественные организации республики уже с первых дней установления Советской власти приступили к улучшению культурно-бытовых и производственных условий рабочих, к организации квалифицированных кадров, особенно из местного населения. Была поставлена задача — ускорить приобщение туркмен к промышленному труду и городской жизни, без чего было невозможно развивать индустрию, являющуюся основой социалистического строительства. В этом вопросе партия руководствовалась указаниями В. И. Ленина, который говорил: «Чем больше пролета-

¹⁸ Архив Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1/1, д. 3.

Рис. 3. Строительство газопровода Средняя Азия — Центр. Фото А. Сапарова

риев, тем больше их сила как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм»¹⁹.

Вовлечение местного населения в промышленное производство являлось одной из важнейших политических задач построения социализма в таких ранее отсталых районах, каким была Туркмения. Необходимо было создать здесь пролетарский костяк из рабочих-туркмен, которые могли бы в дальнейшем руководить и управлять производством. О большой роли национальных рабочих кадров в советских республиках Востока неоднократно говорил М. И. Калинин. 15 февраля 1925 г. он выступил на митинге рабочих вагоноремонтных мастерских Кизыл-Арвата, где тогда работало около 200 туркмен. В своей речи он сказал: «Эта группа туркменских рабочих в 10 раз ценнее такой же группы европейских рабочих. Только через них мы проникаем в гущу Востока, через них сумеем распространить идеи коммунизма среди угнетенных народов Востока». Обращаясь к туркменским рабочим он сказал: «Вы должны быть маяком революции среди огромного моря дайханства»²⁰.

В формировании национального рабочего класса Туркмении большую роль сыграла не только индустриализация, но и коллективизация сельского хозяйства, особенно в скотоводческих районах. Социалистическое переустройство хозяйства в этих районах началось позже, чем в земледельческих.

На втором Пленуме ЦК КП(б) Туркменистана (март 1926 г.) были приняты важные решения об улучшении положения кочевников и полукочевников. В частности, было решено провести специальное районирование для выделения скотоводческих кочевых территорий, ускорить строительство школ и интернатов для детей кочевников, обеспечить заготовку продукции животноводства, всесторонне развивать торговлю, выделить кредиты на мероприятия, направленные на совершенствование зоотехники. Это и многое другое дало возможность во второй половине 30-х годов помочь массовому переходу кочевников к оседлому образу жизни. Переход осуществлялся не самотеком, а организовано, на основе ленинского кооперативного плана, с вовлечением кочевников в потребительскую и производственную кооперацию

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 6.

²⁰ «Туркменская искра», 18 февраля 1925 г. (дайхане — крестьяне. — Ш. А.)

Рис. 4. Каракумы отступают. Фото А. Агаханова

и широким привлечением их к участию в социалистическом строительстве. Уже в 1928 г. в глубине Каракумов среди кочевников было создано 38 аульных советов²¹, десятки школ и других культурно-бытовых объектов.

Переустройство хозяйства и оседание скотоводов на новых земельных массивах привело к преодолению их прежней родо-племенной замкнутости. Старая территориальная община утрачивала родовой характер; разрушались традиционные устои хозяйственно-бытового уклада, менялось мировоззрение. Шел процесс консолидации туркменской социалистической нации, в котором главную роль играл национальный рабочий класс.

Параллельно с развитием сельского хозяйства, переходом кочевников и полукочевников к оседлости, строительством промышленных предприятий увеличивалась с каждым годом численность национального рабочего класса.

В 1920-е годы намечались лишь пути и методы подготовки национальных рабочих кадров Туркменистана. В тот период в промышленность шла в основном аульная беднота, батрачество и отчасти дайхане-середняки. Поскольку национальных рабочих готовили преимущественно из жителей сельской местности, где условия труда и быта значительно отличались от производственных условий промышленных предприятий и городов, непосредственное приобщение к новой жизни давалось им нелегко²². Бывали случаи, когда некоторые туркмены,

²¹ «История Туркменской ССР», т. II, Ашхабад, 1957, стр. 301.

²² В 1950-х и 1960-х годах автором был собран обширный историко-этнографический материал, отражающий особенности формирования национальных кадров рабочих-нефтяников и рабочих других профессий в Туркмении в период первых пятилеток. Этнографические исследования позволили выявить процесс постепенной адаптации кочевников-скотоводов к условиям городской жизни; этот процесс отразился в материальной и духовной культуре, в преобразовании семейного быта, в пище, новых обрядах и др. См.: Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (Историко-этнографический очерк), Ашхабад, 1961; его же, Быт и культура рабочих Туркменистана, Ашхабад, 1969.

поступавшие на промышленные предприятия, уходили с производства и возвращались домой к прежним привычным занятиям. Вот почему партийные, комсомольские, профсоюзные и общественные организации уделяли серьезное внимание не только привлечению туркмен в промышленные предприятия, но и изживанию текучести национальных кадров. Создавались специальные комиссии, члены которых разъезжали по сельским районам и терпеливо разъясняли населению задачи индустриализации, рассказывали об условиях труда и быта в городе. В промышленных центрах строили специально дома для туркмен, приезжавших из аулов на работу; для них старались создать хорошие условия быта, окружали их заботой и вниманием, предоставляли различные льготы.

Государство приняло ряд мер, сыгравших положительную роль в подготовке национальных рабочих кадров. Туркменам, обучавшимся за пределами республики, выдавали повышенные стипендии, члены их семей получали денежную помощь, учащихся обеспечивали бесплатной одеждой и т. д. Курсантов-текстильщиков, направленных в Москву и другие города страны, обеспечивали зарплатой по пятому разряду, снабжали их теплой одеждой, необходимой в новых для них климатических условиях. Возвратившихся с учебы рабочих обеспечивали квартирами, государство помогало им строить индивидуальные дома, отпускало на льготных условиях строительные материалы, выделяло долгосрочные займы.

Эти и многие другие государственные мероприятия все больше привлекали к работе в промышленности туркмен из сельской местности, особенно молодежь. Так как в то время было почти невозможно быстро дать квалификацию взрослым дехканам и кочевникам-скотоводам, которые не могли сразу приспособиться к условиям нового производства, освоить сложные станки и машины, то значительные средства шли на обучение подростков и подготовку из них рабочих высокой квалификации. Вместе с тем не прекращалась работа и по повышению квалификации взрослых рабочих. Таким образом, с ростом общего числа промышленных кадров повышалась и доля рабочих-туркмен. Так, в начале 1929 г. на серных рудниках республики было занято всего 46 чел., в 1932 г. — 300, в 1933 г. — 644, 1934 г. — 1845, 1935 г. — 2865, 1936 г. — 3402, 1937 г. — 4625 чел., из которых 3560, или 77%, были туркмены²³, раньше занимавшиеся лишь скотоводством.

На озокеритовых промыслах в 1929 г. работали 181 чел., из них 97% туркмены, недавние скотоводы и рыболовы²⁴. В начале 1929 г. в нефтяной промышленности республики было занято 193 чел., среди которых туркмен было лишь 30%, а в 1933 г. уже 2080 чел., из них более 50% туркмен²⁵.

Рост числа рабочих-туркмен с 1930-х годов объясняется не только значительным развитием промышленности, но и переходом кочевников и полукочевников к оседлому образу жизни, что облегчало вовлечение туркмен из сел в промышленное производство. С начала второй пятилетки приток туркмен из сельских районов особенно возрос. Жители туркменских аулов, расположенных поблизости от промышленных объектов, целыми группами приходили поступать на работу. Большинство из них в прошлом были бедняками-скотоводами, земледельцами, рыболовами; они прежде работали на местных баев, и жизнь их была полна лишений. Теперь им обеспечивали несравненно лучшие условия жизни, помощь в освоении нового вида труда, дружеское отношение рабочего коллектива, устойчивую заработную плату, хорошие квартиры и т. д. Характеризуя первых рабочих из туркмен, М. Лоскутов писал: «Они (рабочие-туркмены.— Ш. А.) приходили в котловину с пат-

²³ ЦГА ТССР, ф. 54, оп. 9, д. 28, л. 8.

²⁴ Центральный архив объединения «Туркменнефть», ф. 1, оп. 2, д. 6, л. 11—14.

²⁵ ЦГА ТССР, ф. 54, оп. 9, д. 28, л. 8.

риархальными бородами и босиком, трогательно берегли свои первые расчетные книжки и верили в шайтана. „Шайтан“ сидел в радиостанции, в ящиках кинопередвижки, привезенных на завод»²⁶.

Вместе с тем рабочие-туркмены в то время были еще тесно связаны со своими родственниками в аулах. Поэтому жители промышленных поселков и городов, приобщившись к новому быту, оказывали большое положительное влияние на мировоззрение, быт и культуру сельских жителей.

В связи с развитием промышленности республики, созданием в ней новых отраслей в годы второй пятилетки продолжало расти количество национальных кадров, повышался их технический уровень, увеличивалось число ФЗУ, техникумов, училищ, различных курсов, учебных комбинатов и других учебных заведений, где учились без отрыва и с отрывом от производства. В результате уже к 1937 г. в некоторых отраслях промышленности туркмены составляли большинство. Так, в 1934 г. в нефтяной промышленности было занято 3525 чел., в том числе 2050 чел. туркмен (или 58%), а в 1937 г. здесь работало уже 3810 туркмен (или 61% от общего числа рабочих — 6202 чел.)²⁷.

Итак, несмотря на значительные трудности, связанные с вовлечением туркмен в промышленное производство, с каждым годом росло число национальных кадров рабочих. Положительную роль в этом сыграли специалисты из других республик, с помощью которых были созданы различные курсы по подготовке кадров, а также обучение туркмен в средних и высших учебных заведениях братских республик. Сотни туркмен, получив специальности, возвращались на предприятия Туркменистана.

В годы второй-третьей пятилеток число национальных кадров рабочих росло и за счет трудящихся женщин, в том числе туркменок. Женщины-туркменки работали на предприятиях текстильной, пищевой промышленности, на озокеритовом заводе Челекена, на серных рудниках Центральных Каракумов, в швейной, обувной и других отраслях легкой промышленности. Уже в 1936 г. женщины разных национальностей составляли более 30% от общего числа рабочих республики, тогда как в 1925 г. их удельный вес был всего 6,7%²⁸.

В 1937 г. состоялся VI Чрезвычайный съезд Советов Туркменистана, утвердивший новую конституцию республики. В ней справедливо отмечалось, что в ходе строительства социализма разрешены не только вопросы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, но и такие важнейшие политические вопросы, как создание национальных рабочих кадров.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в республике уже существовал многотысячный национальный рабочий класс.

В 1940 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве республики выросла до 188,3 тыс. чел.²⁹ Среди них немало было выпускников школ ФЗО и ФЗУ Украинской ССР, Татарской АССР, высших учебных заведений и техникумов Москвы, Баку,

Рис. 5. Работницы ашхабадского шелкомотального комбината за работой

²⁶ М. Лоскутов, Тринадцатый караван, М., 1958, стр. 144.

²⁷ ЦГА ТССР, ф. 54, оп. 9, д. 28, л. 8.

²⁸ «Знамя Октября», 14 мая 1974 г.

²⁹ «Народное хозяйство Туркменской ССР...», стр. 115.

Грозного, Ленинграда и других городов страны. К этому времени сотни туркмен, поступивших на работу в годы предыдущих пятилеток, благодаря помощи рабочих других национальностей освоили специальности нефтяников, озокеритчиков, добытчиков серы, ткачей и т. д. и сами стали обучать своим профессиям вновь поступивших и не только туркмен, но и представителей других национальностей.

Зрелость рабочего класса Туркменистана особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны. С первых же дней войны часть рабочих и служащих промышленных предприятий была мобилизована в ряды армии. На их место пришли жены, сыновья, отцы, матери и братья ушедших на войну. Добровольно вернулись на производство сотни пенсионеров. Чтобы обеспечить работу промышленности, в республике были открыты школы ФЗО и ремесленные училища, готовившие квалифицированные кадры рабочих преимущественно из подростков. Кроме того, ряд училищ из РСФСР был эвакуирован в Туркменистан. В начале 1943 г. здесь уже насчитывалось 24 учебных заведения системы трудовых резервов, в которых обучалось более 6 тыс. чел.³⁰ Свыше 16 тыс. молодых квалифицированных рабочих подготовили ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО республики за 1941—1945 гг. для промышленности, транспорта, строительства и т. д.³¹ Молодым рабочим приходилось трудиться по две-три смены. Государственные заказы выполнялись нередко на устаревшем оборудовании, иногда при свете керосиновых ламп, но рабочие не отказывались ни от какой работы, готовили запасные части к тракторам, разную оборонную продукцию, ремонтировали паровозы, вагоны, тепловозы и т. д.

В годы войны ряды рабочих и служащих в республике пополнялись не только эвакуированными из промышленных центров временно оккупированных районов Украины, Молдавии, Белоруссии и прифронтовых республик, но и женщинами-туркменками. Женщины в годы войны составили 56% общей численности рабочих республики, а на предприятиях текстильной промышленности их было 80%³². Туркменок в то время можно было встретить во всех отраслях промышленности.

Дальнейший рост национальных рабочих кадров наблюдается в послевоенные годы и особенно за последние 15—20 лет. К началу четвертой пятилетки многие демобилизованные воины вернулись к своим прежним занятиям. Так, в 1946 г. в Чарджоускую область на работу было направлено 1440, а на предприятия Кизыл-Арвата — 493 демобилизованных воина³³. Этого, однако, было недостаточно, так как после окончания войны часть подростков ушла из промышленности и поступила учиться в разные учебные заведения, многие рабочие и служащие, ранее эвакуированные в Туркмению, вернулись в свои родные места, а большинство женщин и пенсионеров ушли с тяжелого производства. Все это вызвало временное уменьшение численности рабочих. В связи с этим пришлось вернуться к испытанному способу подготовки рабочих кадров путем привлечения сельского населения в промышленность.

С 1950 г. приток сельского туркменского населения на промышленные предприятия усилился. Так, только в 1951 г. на нефтяные промыслы республики было принято более 1990 чел., в большинстве туркмен³⁴.

Начиная с пятой пятилетки и в последующие годы численность рабочих и служащих республики возрастала в основном за счет молодежи, окончившей специальные учебные заведения. В среде рабочих промышленных предприятий республики уже немало туркменских семей, поло-

³⁰ «Туркменская искра», 2 октября 1965 г.

³¹ Там же.

³² «Туркменская искра», 17 января 1943 г.

³³ Архив Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 23, д. 384, л. 48.

³⁴ Центральный архив объединения «Туркменнефть», ф. 1, оп. 18, д. 25, л. 92.

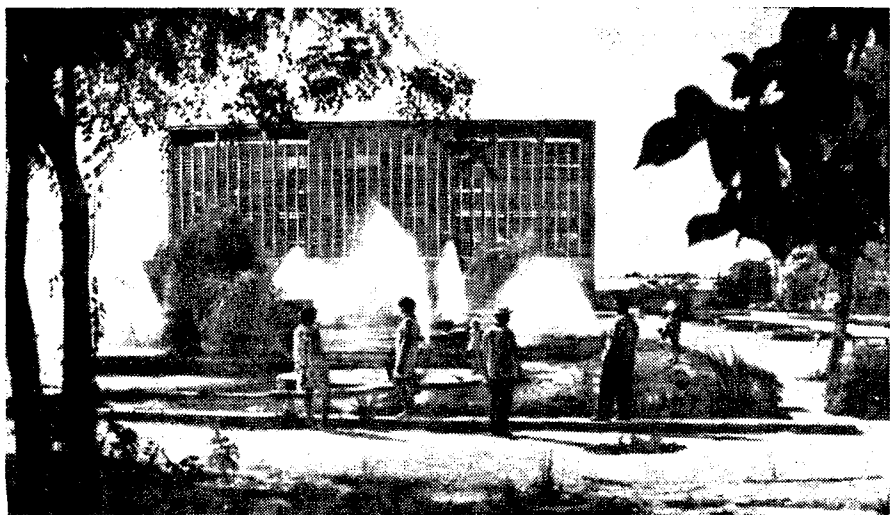

Рис. 6. Площадь К. Маркса в Ашхабаде

живших начало рабочим династиям. Вместо ушедших на пенсию кадровых рабочих-туркмен приходят их сыновья и дочери. Передача трудовой эстафеты своим детям на многих предприятиях республики стала традицией.

С каждым годом растет численность рабочих и служащих в народном хозяйстве Туркменистана. Если в 1970 г. в народном хозяйстве Туркменской ССР работали 478,3 тыс. чел. (в том числе 188,9 тыс. женщин), то в 1971 г. их было уже 498 тыс. чел. (в том числе 200,1 тыс. женщин)³⁵.

За последние годы намного улучшилась обеспеченность промышленности республики высококвалифицированными кадрами. Если в 1966 г. в народном хозяйстве было занято 78,7 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием (туркмен 31,2 тыс.)³⁶, то в 1971 г. таких специалистов было уже более 100 тыс. чел.³⁷. Отрадно отметить, что сейчас сотни и тысячи специалистов, подготовленных в учебных заведениях Туркменистана, успешно трудятся в различных отраслях народного хозяйства во всех братских республиках нашей страны.

В ходе индустриализации республики менялся национальный состав ее населения, усиливалась его национальная неоднородность. Наряду с туркменами (1 416 700) и русскими (313 тыс.) в настоящее время здесь живут узбеки (179 тыс.), казахи (69 тыс.), татары (36 тыс.), украинцы (35 тыс.), армяне (23 тыс.) и представители многих других национальностей (87 тыс.)³⁸. Совместный труд представителей различных национальностей на одном предприятии, повседневные контакты, общие интересы, условия быта в больших многоквартирных городских домах, высокий уровень культурной жизни и т. д. в корне изменили отношение туркмен к представителям других национальностей. Все эти факторы способствуют все большему сближению народов, увеличению числа смешанных семей, возникновению новых интернациональных семейно-бытовых традиций, ускоряют преодоление религиозных пережитков и вредных косных обычаев и обрядов, оказывают положительное воздействие на национальную культуру народа и обогащают ее.

³⁵ «Народное хозяйство Туркменской ССР...», стр. 115.

³⁶ «Туркменистан за годы Советской власти», Ашхабад, 1967, стр. 104.

³⁷ А. Клычев, В братской семье народов Советского Союза, «Слово лектора», 1972, № 2, стр. 14.

³⁸ Данные относятся к 1970 г. См.: «Народное хозяйство Туркменской ССР...», стр. 24.

Отрадно отметить, что в народном хозяйстве республики выросли сотни замечательных мастеров производства. 62 женщины в республике стали Героями Социалистического труда. Из среды туркменских рабочих вышли десятки ученых, государственных деятелей, работников культуры.

Создание национальных кадров рабочего класса имело исключительно важное значение для Туркменистана. Изменение социальной структуры туркменского народа было одним из основных условий формирования его в социалистическую нацию. Молодой туркменский рабочий класс давно преодолел прежнюю племенную изолированность. В силу своего положения в обществе рабочий класс всегда является противником искусственного разделения народов и выступает с позиций пролетарского интернационализма.

Создание многотысячной армии национального рабочего класса и производственно-технической интеллигенции, численность которой растет с каждым годом,— одно из многих важнейших достижений туркменского народа за последние 50 лет. На практике строительства социализма в Туркменистане, как и в других среднеазиатских республиках, впервые в истории блестяще доказана жизненность ленинского положения о том, что «... с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»³⁹.

TOWARDS THE HISTORY OF THE FORMATION OF TURKMENISTAN'S WORKING CLASS

A working class army many thousand strong arose in Turkmenistan during the Soviet years. A major factor in the rise and consolidation of the working class, besides industrialisation, was the collectivization of agriculture, the transition of nomads and semi-nomads to a sedentary way of life. The resulting change in the social structure of the Turkmen people was one of the most important pre-conditions for their consolidation as a socialist nation, thus playing a great historical role.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

С. М. Абрамзон, Г. Н. Симаков, Л. А. Фирштейн

НОВЬ КИРГИЗСКОГО СЕЛА

В 1952—1954 и частично в 1955 г. группа этнографов — научных сотрудников Института этнографии АН СССР и Института истории АН Киргизской ССР — проводила монографическое изучение быта и культуры колхозников двух киргизских селений — Дархан и Чичкан, расположенных в Прииссыккулье и входивших в состав колхоза им. Ворошилова («Ала-Тоо»). В результате была подготовлена и в 1958 г. выпущена в свет Издательством Академии наук СССР книга «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» (авторы — С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов; отв. редактор — С. М. Абрамзон).

Со времени последней поездки в названные селения прошло около 20 лет. В 1973 г. авторы настоящей статьи ознакомились с теми изменениями, которые произошли в жизни колхозников сельскохозяйственной артели «Ала-Тоо» за истекшее время.

В статье не преследуется цель исчерпывающе осветить все стороны жизни колхозников. У нее более скромная задача — дать представление о том, что характеризует некоторые черты труда и быта киргизских колхозников в наши дни, и по возможности сопоставить все новое с материалами названного выше исследования.

Пятидесятилетие своей национальной социалистической государственности киргизский народ вместе с другими народами, населяющими Киргизскую Советскую Социалистическую Республику, встречает крупными успехами в развитии экономики и культуры. В кратчайший срок, по существу на протяжении жизни одного поколения, пройден путь от отсталого кочевого скотоводства, почти сплошной неграмотности, политического бесправия и гнета к современной промышленности, интенсивному сельскохозяйственному производству, к вершинам социального прогресса, науки и культуры.

Под руководством Коммунистической партии Киргизии, также отмечающей свое пятидесятилетие, трудящиеся Киргизской ССР объединяют свои трудовые усилия, борясь за досрочное выполнение величественных планов девятой пятилетки, утвержденных XXIV съездом КПСС. Одним из многих сотен трудовых коллективов, вносящих свой вклад в хозяйственный и культурный расцвет Киргизии, может быть назван колхоз «Ала-Тоо», поля, пастбища и фермы которого раскинулись к югу от озера Иссык-Куль в Джеты-Огузском районе Иссык-Кульской области. Бывшие кочевники-скотоводы, живущие ныне в селах Дархан и Чичкан, вправе гордиться своими достижениями, которые особенно отчетливо прослеживаются по сравнению с тем, что имел колхоз «Ала-Тоо» в первой половине 1950-х годов.

Высокие темпы развития экономики и культуры Киргизской ССР не могли не сказаться положительно прежде всего на росте общественного хозяйства колхоза «Ала-Тоо».

В настоящее время колхоз насчитывает 858 дворов с общей численностью 5102 человека (2480 мужчин и 2622 женщины). Число колхозных дворов возросло по сравнению с 1955 г. на 254, а население в целом увеличилось почти в 2 раза.

Как и прежде, по масштабам производства колхоз принадлежит к числу наиболее крупных в Иссык-Кульской области и является многоотраслевым хозяйством. За истекшее время удельный вес животноводства в хозяйстве значительно вырос. Если в 1951—1954 гг. доходы от полеводства, как правило, значительно превышали доходы от животноводства, то в 1972 г. доход от полеводства составил 650 320 руб., а от животноводства — 1 613 781 руб. За последние годы достигнута значительная устойчивость доходов, получаемых от полеводства, что объясняется прежде всего высоким уровнем механизации производственных процессов, улучшением агротехнического обслуживания и рациональной организацией труда.

Всего у колхоза 3200 гектаров посевной площади (в 1955 г. было 3690 га). Из них к настоящему времени около 90% составляют поливные земли. Зерновые культуры занимают 1369 га (в 1955 г.—2425), картофель — 150 га (в 1955 г.—50 га), овощи — 14 га (в 1955 г.—13), остальная площадь — под многолетними травами, кукурузой на силос и кормовой свеклой. Приведенные цифры свидетельствуют как о существенном изменении соотношения различных посевных культур, так и об уменьшении общей посевной площади. Ее сокращение объясняется значительным увеличением удельного веса животноводства в хозяйстве, а также тем, что растениеводство приобрело более интенсивный характер. Из сельскохозяйственных культур вовсе исчезли просо и яровая пшеница. Место трав, скашиваемых на силос, заняла кукуруза.

Важное место в хозяйстве стало занимать садоводство. До 1960 г. под садами было 40 га (в 1955 г.—5 га), к 1973 г. их территория разрослась до 75 га. Сад дает колхозу ежегодную прибыль в 40—70 тыс. руб.

Неизмеримо повысился уровень механизации сельскохозяйственных работ. Колхоз имеет самые разнообразные современные сельскохозяйственные машины. Например, только за последние 5—6 лет число тракторов в одной из бригад увеличилось с 5 до 17, т. е. более чем в 3 раза.

Произошли также существенные изменения в организации труда. Ранее каждая из бригад (полеводческая, по кормодобыванию, овощная и т. д.) выполняла какой-либо один вид сельскохозяйственных работ. Теперь, по инициативе колхозников, созданы комплексные бригады, в которых осуществлен принцип разделения труда по звеньям. Например, в первой комплексной бригаде (бригадир—Сатинди Мамбетов) имеется три звена. Каждое возделывает определенные виды сельскохозяйственных культур, а также осуществляет уход за частью колхозного скота (овцами, крупным рогатым скотом, лошадьми и яками). Однако в горячие страдные дни (сбор фруктов, расплод овец, сенокос и т. д.) члены бригады переходят на нужное время из одного звена в другое. Это нововведение уже дало свои плоды. По всем видам производства комплексные бригады добились более высоких показателей. Например, за последние два года в результате освоения 60 га новых пастбищ первой бригаде удалось увеличить число овец с 9 до 12 тыс.

Как уже отмечалось, основная отрасль хозяйства артели — животноводство. Колхоз в последние годы получает от него до 60—70% дохода. Как и прежде, животноводство основано главным образом на отгон-

но-пастбищной системе. Часть скота в зимнее время находится на стойловом и полустойловом содержании.

За истекшие годы значительно увеличилось поголовье всех видов скота. Сейчас в колхозе имеется 42 тыс. овец (в 1955 г.— 23 163), 2500 голов (из них дойных коров 880) крупного рогатого скота (в 1955 г.— 1199), 700 лошадей (в 1955 г.— 927). Последние в основном используются для передвижения пастухов и табунщиков, а также разводится на мясо и для получения кумыса, поэтому лошадей стало меньше.

На колхозной птицеферме 7500 штук домашней птицы (в 1955 г. было 3349).

Новые отрасли в колхозе — разведение яков-топоз (в основном для получения мяса и молока), их сейчас 357 голов, а также пушного зверя (главным образом норок и лисиц), на звероферме их 74.

Существенно улучшилось за последние годы и качество выращиваемого скота. Отары колхоза состоят из овец новокиргизской породы, отличающейся высокой продуктивностью и тонким руном. Основу стада крупного рогатого скота составляет новая алатауская порода.

Значительно изменилось к лучшему зимнее содержание скота. Колхоз имеет 24 заново построенных типовых помещения для зимнего содержания овец (в 1955 г. их было 8); возле каждого имеется трех-, четырехкомнатный финский домик для обслуживающего персонала. Крупный рогатый скот в зимнее время содержится на молочно-товарных фермах. Высоким уровнем механизации производства отличается вновь сооруженная ферма, расположенная на окраине с. Чичкан. Она рассчитана на 200 голов скота. Здесь механизированы дойка, раздача кормов, вывоз навоза и т. д. Молочно-товарные фермы и другие животноводческие помещения полностью электрифицированы. Новшеством является введение в рацион скота кормовой свеклы, а также комбинирование сочных кормов с сеном. Стрижка овец полностью механизирована. Широкое распространение получили передвижные стригальные аппараты, работающие на бензиновых моторчиках. Их применение дает возможность организовывать стрижку не только на укрупненном стригальном пункте, но и поблизости от тех пастбищ, где находятся отары.

Повышение уровня механизации, увеличение площади культурных пастбищ, рациональный режим стойлового кормления, а также высокая культура ухода за скотом благоприятно сказываются на продуктивности животноводства. Если настриг шерсти в 50—60-х годах не превышал 2,6—2,7 кг с каждой овцы, то за последние пять лет он постоянно превышал 3 кг. В 1972 г. настриг равнялся 3,3 кг. Если в 1955 г. средний годовой удой на одну корову был 1110 л, то в настоящее время он равняется 2200 л в год.

Существенные изменения претерпели и условия труда животноводов, в частности чабанов. На смену их традиционному жилищу — юрте — приходит современная утепленная палатка заводского производства. В последнее время в горах, поблизости от пастбищ, стали устанавливать для чабанов стандартные финские домики.

С одной стоянки на другую чабаны переезжают теперь на грузовых автомобилях, что экономит время и силы животноводов, работающих на высокогорных пастбищах — сыртах. Новым является и доставка на сырты сена в прессованном виде, что позволяет при необходимости в короткие сроки обеспечивать кормами большое количество скота.

Правление колхоза постоянно заботится о подготовке кадров механизаторов. Ежегодно в школу механизаторов направляется молодежь. Осенью 1973 г. туда было послано 9 человек. Всего же в школе механизаторов на разных курсах занимается 19 дарханцев и чичканцев, всем им колхоз выплачивает стипендию. Кроме того, выделяются две стипендии в размере 50 руб. в месяц каждая для подготовки специалистов с высшим образованием.

Рост общественного хозяйства, повышение его доходов существенно отразились на увеличении бюджета колхозных семей. Основой благосостояния колхозников по-прежнему остаются доходы от общественно-го хозяйства.

Колхоз полностью перешел на гарантированную денежную оплату труда. Новые формы оплаты дают возможность увеличивать поставки продукции государству, а также более гибко использовать доходы для дальнейшего развития хозяйства. Продукты полеводства и животноводства сейчас лишь составная часть премий, получаемой колхозниками за ударный труд.

В наши дни средний заработок рядового колхозника составляет около 100 рублей в месяц. Существенная часть дохода колхозников — премии за успешно выполненную работу. Так, например, средняя сумма премий, которую получают члены первой комплексной бригады, составляет в год от 200 до 300 руб.

В колхозе довольно много механизаторов и квалифицированных специалистов сельского хозяйства. Естественно, что их заработок выше дохода рядового колхозника. Например, среднемесячный заработок комбайнера, равен 110—120 руб., а единовременная выплата в конце года доходит до 400 руб.

До 30—40% дохода колхозные семьи получают от личного хозяйства, которое состоит из обрабатываемого членами семьи участка земли, скота, птицы, ульев и т. д. Приусадебные участки колхозников занимают 0,2 га. Половину их обычно засевают кормовыми травами (чаще всего клевером), урожай которых снимают до 3 раз в год. Около 5 соток идет под картофель, остальная площадь — под кукурузу, сад и овощи. Сажают помидоры, огурцы, морковь, перец, лук, чеснок и капусту. Если в 50-х годах эти культуры только начинали осваивать, то сейчас их можно встретить буквально на каждом огороде. Раньше сад, в котором насчитывалось 20—25 деревьев, был редкостью. Теперь такие сады имеют все колхозники. Большое распространение получили также различные ягодные кустарники, особенно черная смородина.

Уменьшение площади приусадебных участков (в 2 раза по сравнению с 50-ми годами) не повлияло существенно на получаемые от них доходы, поскольку изменился характер использования участков. Раньше значительная часть их была занята просом, ячменем, пшеницей, которые в основном шли на питание семьи. Теперь участок засажен фруктовыми деревьями; большая часть урожая продается. Годовой доход, получаемый колхозниками от продажи фруктов со своих участков, колеблется от 300 до 800 руб. Многие колхозники сеют для продажи и кормовые травы. Часто на рынок идут излишки картофеля и овощей. Все более популярным среди колхозников становится содержание личных пасек. На некоторых приусадебных участках насчитывается до 15—20 ульев, от которых получают до 800 руб. в год чистого дохода.

Участки под картофель, клевер и кукурузу вспахивают, как правило, колхозными тракторами. Все остальные работы на огороде выполняются с помощью ручных орудий, приобретаемых в магазине.

За истекшие годы увеличилось количество скота, находящегося в личной собственности. Колхозная семья имеет в среднем одну корову с телкой, шесть-семь овец и лошадь. Если в 1954 г. только 52% колхозных семей имели коров, то в наше время корова есть почти в каждой семье. Несколько снизилось количество лошадей, имеющих в личной собственности, поскольку их стали реже использовать как средство передвижения, но продолжают держать на мясо. Место лошадей занимает получивший большое развитие общественный транспорт, а также велосипеды, мотоциклы, собственные автомобили. Колхозными верховы-

ми лошадьми продолжают еще пользоваться бригады, звеньевые, заведующие фермами и т. д.

В личных хозяйствах содержится много птицы: по 30—40 кур, 20—30 уток, до 20 гусей. Стали разводить в этих местах и индеек, в некоторых хозяйствах их до 100 шт.

Одной из доходных статей в домашнем хозяйстве является также продажа шерсти государству, которая приносит семье в среднем от 200 до 400 руб. в год.

Спрос на войлочные ковры, седла, невысокие обеденные столики вполне удовлетворяется за счет собственного изготовления или же многочисленными мастерами и мастерицами.

Говоря об изменении структуры расходов колхозных семей, надо прежде всего подчеркнуть, что число товаров, приобретаемых в магазинах, увеличилось. Это касается как продуктов питания, так и товаров широкого потребления. Сохранявшиеся ранее черты натурального хозяйства быстро исчезают.

Новые вкусы и рост покупательной способности привели к изменению ассортимента товаров, приобретаемых колхозниками в магазине. Это — телевизоры, холодильники, стиральные машины, полированная импортная мебель, транзисторные радиоприемники и т. д. Одежда, за исключением одежды стариков, да и то далеко не всех, также покупается в магазине.

О значительных доходах колхозных семей свидетельствует число легковых автомобилей, находящихся сейчас в личной собственности колхозников. Около 40 человек имеют автомобили марок «Волга», «Жигули», «Москвич», «Запорожец». Намереваются приобрести в ближайшем будущем легковые автомобили и другие жители.

В 1973 г. на средства колхоза построен Дом отдыха, рассчитанный на 32 места (в ближайшем будущем начнет строиться еще один корпус на 32 места). Он предназначен для ветеранов колхозного труда, передовиков производства, а также всех колхозников, желающих провести там свой отпуск. Путевки сроком на 12 дней выдаются бесплатно. Решение о предоставлении путевок принимается на заседании правления колхоза. Дом отдыха расположен на самом берегу озера Иссык-Куль, в прибрежной роще, на расстоянии 4 км от поселка Дархан. От поселка до Дома отдыха специально проложена автомобильная дорога.

Таким образом, если в 50-х годах большинство колхозников только вступало на путь зажиточной жизни, то в настоящее время все семьи колхоза «Ала-Тоо» стали зажиточными.

* * *

Неузнаваемо изменился внешний облик Дархана и Чичкана, типы домов и их внутреннее убранство. Однако планировка селения, принесенная в Прииссыкулье еще в прошлом веке русскими и украинскими переселенцами, сохранилась. За прошедшие годы селения значительно разрослись. Дома теперь располагаются гораздо ближе один к другому. Все здания общественного назначения, как и раньше, располагаются в Дархане на центральной улице им. Калинина.

Особенно много новых зданий возведено в 1969—1972 гг. Среди них правление колхоза (в котором находятся также библиотека с большим читальным залом и колхозная АТС), универмаг, книжный магазин, две бани, школа-десятилетка и клуб на 300 мест (в селе Чичкан). Упомянутый выше Дом отдыха состоит из трех одноэтажных корпусов: главного, жилого корпуса, разделенного на мужскую и женскую половины, гостиницы для приезжающих гостей и столовой. В селе Дархан заложены фундаменты трехэтажного здания школы (на 1072 ученика) и нового клуба (на 500 мест). Запроектировано строительство дома быта,

Рис. 1. Универмаг в селе Дархан

Рис. 2. Улица в селе Дархан

который будет включать швейную и сапожную мастерские, парикмахерскую и фотоателье.

Очень хорошее впечатление производит санитарное состояние поселков. Непрерывно проводятся работы по их благоустройству: в 1969—1970 гг. был проложен асфальтированный тротуар, а в 1971—1972 гг. сдан в эксплуатацию водопровод. Колонки поставлены на расстоянии примерно 100—150 м одна от другой на улицах или во дворах, в некоторые дома проведен водопровод. В селах появились новые тротуары, мосты.

Жилой фонд в селениях за последние годы полностью обновился. Большинство домов новые, и лишь некоторые перестроены. Немногие из сохранившихся старых домов используются в основном как подсобные помещения: котельные водяного отопления, кладовые, столовые, кухни. Все дома электрифицированы, радиофицированы, жителям под-

возят газ в баллонах. В 1972 г. в 20 домах поставлены телефоны. В ближайшее время телефонная сеть будет расширена. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что селения Дархан и Чичкан приближаются по своему облику к поселкам городского типа.

Если раньше сосуществовали различные типы жилых построек, то теперь преобладает один. Современный жилой дом обычно строят из сырцового кирпича, на каменном фундаменте и высоком цоколе, с двускатной, а чаще четырехскатной крышей (последнюю раньше не возводили), которую покрывают шифером¹.

Стены домов снаружи и изнутри тщательно оштукатурены и побелены. Все оконные проемы имеют одинаковые, значительно большие, чем раньше, размеры (в среднем $1,5 \times 0,9$ м). Деревянные полы настлажены теперь во всех комнатах, потолки тоже деревянные, высокие (в среднем 2,8 м). Вместо открытых террас повсеместно строят веранды. Появились дома с балконами и мезонинами. Несравненно реже, чем раньше, встречаются деревянные ставни на окнах, глинобитные высокие дувалы, отгораживающие дома от улиц и соседних дворов, массивные глухие ворота. Все это говорит о завершении процесса окончательного перехода к постоянному жилищу современного типа (рис. 2, 3).

Во внутренней планировке жилища наблюдаются большие изменения. Если раньше число комнат в доме не превышало трех, причем преобладали двухкомнатные постройки, то теперь, как правило, имеется от четырех до пяти комнат, не считая прихожей и веранды. Комнаты более строго специализированы, что отразилось и в изменении их названий. Так, если раньше они большей частью назывались в зависимости от своего расположения в доме, то сейчас их именуют только по назначению: *жатуучу йй* (спальня), *конок йй* (комната для гостей), *бала йй* (детская), *ашкана* (столовая). Во многих домах, особенно в семьях сельской интеллигенции, а также там, где имеется много учащихся, выделены специальные помещения для занятий — *китепкана*, в которых нередко размещают и домашние библиотеки.

Внутреннее убранство комнат во многом определяется их назначением. Для современного интерьера характерно сочетание традиционных элементов декоративного убранства с современной мебелью и другими предметами домашнего обихода. Особенно богато и тщательно обставляют и украшают комнаты для гостей. Если таких комнат две, то нередко убранство одной составляет в основном современная мебель, а для другой характерен традиционный интерьер, но с отдельными предметами современной обстановки.

Обычно полы, потолки, оконные рамы, подоконники, а нередко и стены окрашивают масляной краской. На дверях и окнах вешают портьеры и занавеси из цветного шелка, хлопчатобумажной ткани, нередко из тюля. На подоконниках стоят цветы. Во всех домах много современной полированной мебели отечественного и импортного производства. Встречаются как полные мебельные гарнитуры, так и отдельные предметы. Радиоприемники и телевизоры последних марок имеются сейчас почти в каждом доме, появились и современные стеклянные люстры. Широко распространены холодильники и стиральные машины. Различного рода посуда и утварь не хранится, как ранее, открыто на полу, столах или в войлочных мешках, а ставится в серванты, буфеты, кухонные столики-шкафчики или на специально сделанные в кухнях-столовых деревянные полки. Одежду хранят обычно в шкафах.

Все сказанное свидетельствует о том, что в интерьере жилищ уже появились черты городского быта. Предметы традиционного убранства имеются еще в каждой комнате, но больше всего их там, где живут пред-

¹ В массовом масштабе шифер стали применять в 1968—1970 гг.

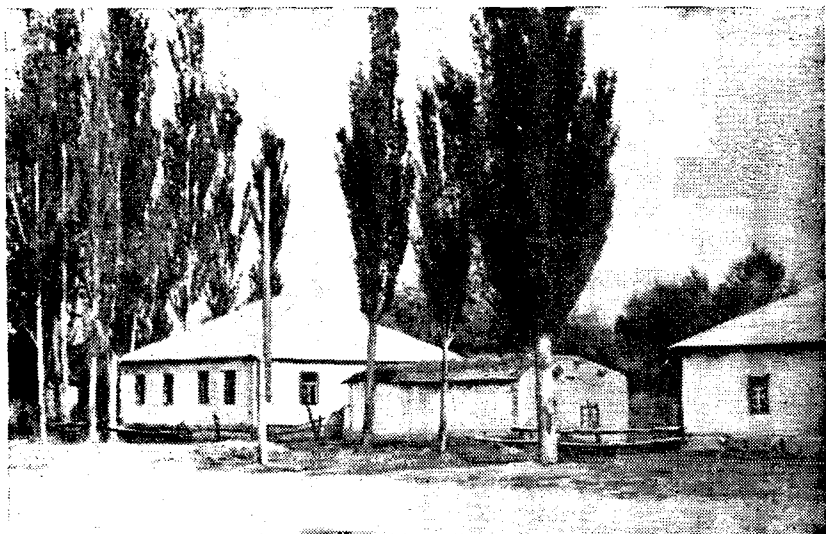

Рис. 3. Новый и старый дома в селе Дархан

Рис. 4. Семья бригадира Усенбая Джолдошева

ставители старшего поколения. Здесь по-прежнему постельные принадлежности располагаются на подставке напротив входа в комнату.

На стенах, полах — ковры и другие изделия народного прикладного искусства. В качестве украшений широко распространены различного рода вышивки. Примером современной вышивки может служить, например, панно с традиционным растительным орнаментом, изображением двух голубей и надписью «Миру — мир!». В каждом доме на стенах развешаны фотографии членов семьи, родственников, иногда детские рисунки.

Большие изменения, происшедшие во внутреннем убранстве, коснулись и общей гигиены жилища, за которой пристально следит колхозная общественность. Специально созданная комиссия регулярно проводит проверки санитарного состояния домов колхозников. На общем собра-

нии называют лучшие дома и ставят их в пример. Все это способствует повышению культуры быта в селениях.

Огромные изменения произошли и в одежде колхозников. Если в 50-е годы среди местного населения еще была распространена традиционная одежда, то сейчас преобладает одежда современного городского покроя. Ее носит большая часть жителей: молодежь, люди среднего (частично пожилого) возраста, дети. Шьют ее сейчас исключительно из тканей фабричного производства как отечественных, так и импортных, в основном из дорогих шерстяных тканей, тканей с лавсаном, шелковых (в том числе из парчи) и различных синтетических. Раньше же излюбленными праздничными тканями были вельвет, хлопчатобумажный бархат и плюш. Теперь из них шьют лишь повседневную одежду.

Колхозники стали больше покупать обувь и готовую одежду, особенно верхнюю, трикотажное белье и пр. Если раньше одежду в основном шили сами, то теперь ее часто заказывают в местных швейных мастерских, нередко по фасонам, выбранным в журнале мод.

Традиционные виды одежды, хотя и не всегда в полном комплексе, а часто в измененной форме, сохраняются сейчас только у самых старых людей (особенно женщин). В костюме же пожилых обычно сочетаются элементы традиционной и современной одежды.

Вместо традиционной шубы (*ичик*) старая женщина покупает в магазине пальто из плюша (*тукава*), которое 20 лет назад носили молодые женщины. Обязательной принадлежностью одежды как старой, так и пожилой женщины является безрукавка (*пенжек*), сшитая из бархата или вельвета. Головные уборы и обувь старых женщин остались прежними. К косам нередко подвешивают старинное украшение — *чолпу*.

Наиболее значительные изменения произошли в костюме молодых женщин и девушек. Уже ничего не сохранилось от одежды, которую носили 20 лет назад². Если раньше только наблюдалась тенденция приближения покроя одежды к городскому, то теперь процесс этот завершился. Особенно модной и исключительно разнообразной по фасону и отделке стала одежда девушек. Она варьируется в зависимости от характера производственной деятельности и вкусов. Встречаются нередко платья, которые население называет узбекскими (*узбекча кёйнек*). Этот тип платья широко распространен в Средней Азии. Раньше их носили девушки или девочки, а сейчас надевают уже женщины — молодые и среднего возраста.

Девушки и молодые женщины стали носить не только современную верхнюю одежду, но и современное белье, обувь, головные уборы. Белье носят из простого, а чаще шелкового трикотажа; обувь — самую современную. В качестве головных уборов предпочитают платки: летом — из шелковой, капроновой, а иногда и штапельной ткани, в более холодное время года — из шерсти, кашемира. Девушки в теплое время года ходят преимущественно без головных уборов. Сохраняется избирательность расцветок тканей, характерная для национального вкуса, хотя и здесь также произошли некоторые изменения. Девушки, молодые и даже среднего возраста женщины предпочитают ткани ярких расцветок; женщины старшего возраста отдают предпочтение тканям с более спокойной и приглушенной цветовой гаммой, черных, синих, белых и коричневых тонов. Молодые женщины стали носить модные прически.

В мужской одежде в еще большей степени, чем в женской, проявилось влияние городской культуры. Даже костюм стариков, сохранивший больше национальных черт, за последние десятилетия значительно изменился. Рубахи традиционного покроя почти полностью заменены фабричными с отложным воротником. Вместо штанов традиционного типа старики носят иногда брюки. Нередко они приобретают куртки,

² «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», М., 1958, стр. 179—186.

пиджаки, а иногда и костюмы городского покроя, фетровые шляпы. Вместо традиционного халата порой надевают фабричные демисезонные пальто. Наиболее распространенным головным убором остается войлочная шляпа (*ак калпак*), а также шапка (*тебетей*) с меховой опушкой и тульей из ткани.

Верхняя одежда традиционного покроя сохраняется у колхозников-животноводов, что обусловлено характером их работы, климатическими условиями высокогорья. Некоторыми видами теплой одежды пастухов снабжает колхоз.

Существенно изменился и костюм мужчин среднего возраста. Если раньше для него было характерно сочетание традиционных и современных элементов, то теперь он стал в основном современным, и лишь отдельные части костюма можно отнести к типам одежды 50-х годов: брюки-галифе, вельветовые куртки типа кителя. Сельская интеллигенция носит полный современный городской костюм.

Одежда юношей и молодых мужчин — современного модного городского фасона, чрезвычайно разнообразная. Любопытно, что ряд предметов одежды, бытовавшей среди молодежи 50-х годов, сейчас носят представители среднего поколения.

Детская одежда теперь большей частью фабричного производства. Ей уже не сопутствуют разного рода амулеты и обереги. Учащиеся носят обычную школьную форму, а костюм старшеклассников не отличается от одежды остальной молодежи. За опрятностью и гигиеной детской одежды внимательно следят и дома, и в детских учреждениях, и в школе.

В целом гардероб всех групп населения значительно пополнился. Бытовые навыки, связанные с уходом за одеждой, за последние десятилетия расширились и закрепились. Если молодое поколение уже полностью восприняло городскую одежду, то у других возрастных групп явно прослеживается все возрастающая к этому тенденция, чему способствуют как объективные факторы, так и изменение психологии населения, в том числе представителей старшего поколения.

Рост материального и культурного уровня колхозников оказал свое влияние и на характер питания населения, хотя и в меньшей степени, чем на жилище и одежду. Мало изменились способы приготовления и режим питания, в значительной мере сохранился традиционный состав пищи. Не утратила она окончательно и своего сезонного характера, особенно в семьях животноводов. В то же время пища колхозников благодаря, в частности, развитию таких отраслей личного хозяйства, как птицеводство, пчеловодство, огородничество и садоводство, стала разнообразнее, повысилось ее качество. В пищевом рационе каждой семьи широко используются продукты, получаемые с приусадебных участков. Народная кулинария в семьях местных жителей продолжает сохранять все свои характерные особенности³.

По-прежнему самая любимая пища — мясная. Кроме наиболее распространенного отварного мяса готовят традиционное блюдо *ку-урдак* — мясо, жаренное кусочками на бараньем жире с луком и перцем. Теперь в него добавляют картофель, капусту, вермишель. Чаще всего употребляют в пищу баранину, затем уже говядину и конину. Резко возросло употребление мяса домашней птицы. Если раньше лишь в некоторых семьях варили лапшу с курицей, то сейчас это стало обычным блюдом. Блюда из яиц принадлежат к наиболее распространенным видам повседневной пищи, приготовляемой по утрам или в дневное время. Горячие блюда из мяса и сейчас в основном предпочитают есть вечером.

Кроме мясной, излюбленной и также традиционной считается молочная пища, которая летом особенно разнообразна. Из традиционных

³ «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», стр. 196—206.

блюдо можно упомянуть *джунку* — кушанье из слоеных лепешек, сваренных в молоке, сдабриваемое маслом. По-прежнему самым любимым из молочных продуктов остается кумыс, который животноводы пьют на пастбищах (они же привозят его в селение для угощения близких). Кумыс покупают также в колхозе. Можно сказать, что почти все традиционные молочные продукты приготавливаются и в настоящее время. Некоторые из них заготавливаются впрок на зиму (в основном животноводами на пастбище).

Большую роль в питании населения в течение всего года, как и раньше, играет мучная пища. Зерно покупается в колхозе. Сохранились многие традиционные мучные изделия и напитки. Изделия из муки нередко употребляются с другими продуктами, чаще всего с мясом или молоком. Особенно распространена лапша (*кесме*) с мясом, луком, перцем и картофелем. Хлеб выпекают теперь в печах нового устройства на противне.

Воду для чая кипятят в самоварах, хотя в каждом доме имеется газовая плита. Для заварки предпочитают индийские сорта чая. Обычное угощение к чаю — свежие сливки, сахар, конфеты, абрикосовое варенье и недавно вошедшая в пищевую рацион черная смородина, растертая с сахаром. Нередко подают и мед, купленный в колхозе или полученный с личных пасек.

Широко вошли в обиход картофель, овощи, а также фрукты и ягоды, (яблоки, груши, абрикосы, сливы, вишня, смородина и малина). Овощи и ягоды стали добавлять и в традиционные блюда. Так, например, картофель и помидоры иногда кладут в *джунку*, а домашнее вино (*карагат шарап*) приготавливают с добавлением черной смородины способом, напоминающим изготовление бузы.

Качество питания повысилось за счет все более широкого использования таких калорийных продуктов, как мясо, жиры, сахар.

С каждым годом растет ассортимент продуктов, приобретаемых колхозниками в магазине, чему в значительной мере способствует и денежная оплата труда. Кроме чая, сахара, конфет, печенья, животного жира, круп (особенно риса) и макаронных изделий, в последние годы стали покупать продукты детского питания, различные полуфабрикаты, консервы (предпочитают фруктовые и овощные).

Появление новых блюд — результат больших контактов с городом, а также с окружающим населением, особенно с русскими. В Дархане, как и по всему Прииссыккулью, получили распространение щи с мясом, суп с картофелем, помидорами, чесноком и луком (*картёшкё сорпо*). Блюда из картофеля стали сейчас повседневной пищей населения. Его отваривают или приготавливают на пару кусками, жарят, делают картофельные котлеты, а чаще всего жарят с мясом.

За последние годы особенно в семьях колхозной интеллигенции все чаще и чаще готовят салаты из овощей.

Резко изменились по сравнению с прошлым гигиенические условия приготовления и приема пищи, хранения продуктов. Почти совсем исчезла из быта традиционная кухонная кожаная и деревянная утварь, образцы которой мы видели лишь в школьном музее в селе Дархан. Старинная домашняя посуда полностью заменена современной покупной. Едят, как и раньше, за круглым низким столом, но за последние годы все большее распространение стали получать обычные прямоугольные столы.

Возросла роль общественного питания. Состав блюд здесь большей частью традиционный, но в последнее время завоевывают популярность и некоторые новые блюда.

Если два десятилетия назад лишь для части колхозников, работавших на полях, было организовано общественное питание⁴, то сейчас оно

⁴ «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», стр. 201.

стало повседневным явлением на коллективных работах. Для группы, состоящей в среднем из 20 человек, обычно выделяется повар. Питание оплачивает колхоз. На полевых станах построены отдельная кухня и столовая под навесом. Организовано бесплатное питание и для животноводов во время таких кампаний, как расплод и стрижка овец. В период стрижки — работы очень утомительной — питание двухразовое. Для комбайнеров, а также колхозников на сенокосе и других сельскохозяйственных работах, связанных с ночевкой на поле, организуется трехразовое питание.

* * *

Необходимо отметить, что именно сейчас, как никогда раньше, киргизская женщина занимает равное с мужчиной положение в обществе и семье.

Этому обстоятельству способствовал прежде всего рост общественно-го производства, в котором женщина занимает исключительно важное место. Значительное число женщин работает в колхозе на руководящих постах. Среди них звеньевая первой комплексной бригады Джамалкан Тентиева, которая за высокопроизводительный труд награждена орденом Ленина, избиралась депутатом Верховного Совета Киргизской ССР. Выдвижение женщин на руководящие посты — результат высокой оценки их производственных возможностей, энергии, преданности делу и творческой инициативы. Многие рядовые колхозницы своим ударным трудом заслужили всеобщий почет и уважение.

Большую роль для укрепления равноправного с мужчиной положения женщины в общественном производстве сыграло повышение ее образовательного уровня. Если в 50-х годах большинство колхозниц селений Дархан и Чичкан имели четырех-, шестиклассное образование и только часть из них окончила 7 или 10 классов, то сейчас в колхозе трудятся и женщины, имеющие высшее сельскохозяйственное, экономическое, педагогическое и медицинское образование. Большинство молодых колхозниц имеет полное среднее образование.

Возросли роль женщин в общественном производстве, их культурный и профессиональный уровень, что не могло не сказаться на росте их авторитета и самостоятельности в семейной жизни. Женщина стала в значительной степени независимой от мужчины и в материальном отношении. Во многих семьях, где женщины работают в колхозе на руководящих постах или являются передовиками производства, доход, получаемый ими от работы в колхозе, превышает заработок мужчины.

Несмотря на это, приходится признать, что на женщине, как и прежде, лежит большая часть домашнего труда. Однако строгое разделение домашних обязанностей и работ между мужчиной и женщиной в значительной степени ушло в прошлое. Например, в молодых семьях мужчины выполняют часть работ по дому, по уходу за ребенком и даже по приготовлению пищи. Там, где оба или один из молодых супругов заочно учатся в каком-либо учебном заведении, делами по дому преимущественно занимается тот, кто в данный момент свободен от занятий. С появлением в быту колхозников газа, водяного отопления, холодильников и стиральных машин домашний труд стал намного легче и требует значительно меньшей затраты времени.

Положительным моментом в развитии семьи в колхозе «Ала-Тоо» следует считать то, что единственной формой семьи теперь стала малая индивидуальная семья. Правда, в Дархане и Чичкане встречаются еще семьи, в которых совместно проживают родители и женатые сыновья. Но в большинстве случаев это вызвано временным отсутствием отдельного дома для молодой семьи. Как представители старшего поколения, так и молодежь смотрят на выделение молодых семей как на закономерное явление.

В отношениях между старшим и младшим поколением в целом следует отметить возросшую независимость молодых при принятии любых жизненно важных решений, с одной стороны, и сохранение традиционного уважения к старшим — с другой.

Рост благосостояния колхозников положительно сказался на численном составе их семей, на увеличении числа многодетных семей. Если 20 лет назад в Дархане была всего одна семья, состоявшая из 12 человек, то далеко не полное обследование позволило сейчас зафиксировать уже шесть таких семей (см. рис. 4).

В 50-х годах семей, состоявших из 10 человек, было всего семь; в настоящее время, как нам удалось выяснить из расспросов колхозников, такие семьи представляют довольно заурядное явление. Показательно и то, что сейчас только в Дархане 29 женщин удостоены почетного звания «Мать-героиня», а в 50-х годах в обоих селениях была лишь одна. В Дархане 234 многодетных матери, а ранее здесь и в Чичкане их было 96.

Увеличению численного состава семей способствовали также значительные успехи медицинского обслуживания населения. В 1955 г. в колхозе не было ни одного родильного дома. Сейчас их два: один в Дархане (на 8 коек), другой в Чичкане (на 5). Родильные дома входят в состав фельдшерско-акушерских пунктов, которые обслуживаются квалифицированным медперсоналом.

В 1968 г. в каждом из названных поселков были выстроены ясли-детсады, которые имеют сезонный характер и работают с апреля по ноябрь. Как сообщила нам заведующая детсадом в Дархане Айнагуль Урбаева, раньше в яслях комнаты были тесные и неудобные. Для самых маленьких не хватало колясок, не было игрушек, было плохо с питанием. Теперь ясли-детсады расположены в просторных светлых помещениях, полы в них устланы коврами дорожками, для детей всех возрастов вдоволь игрушек. Самых маленьких вывозят на прогулку в колясках. Ясли-детсад имеют свой фруктовый сад, налажен прекрасный уход за детьми, хорошее питание. И что самое главное, ясли-детсады работают регулярно, а раньше они открывались не каждый год. Дети в семьях воспитываются с учетом требований, предъявляемых к их воспитанию школой. В многодетных семьях детей активно привлекают к участию в домашних работах, а также к уходу за младшими братьями и сестрами. До сих пор сохраняется ряд праздников и обрядов, связанных с первыми годами жизни ребенка. Во многих семьях отмечают первое укладывание младенца в колыбель (*бешик той*), через 40 дней после рождения устраивают угощение по случаю стрижки утробных волос (*карын чач той*). Очень популярен праздник-торжество, связанный с первыми шагами ребенка (*тушоо кести той*). На такие празднества приглашают соседей и родственников.

В настоящее время вопрос о вступлении в брак молодые люди решают самостоятельно и лишь после этого сообщают родителям о своем решении. Сватовство, если оно изредка и сохраняется, имеет чисто формальный характер. Стало обычным знакомство молодых людей вдали от дома, например, во время учебы (практики) в городах или в других отдаленных от родного поселка местах.

Обычай выплаты выкупа за невесту — калым — изжит, хотя отголоски его еще встречаются. Подавляющее большинство браков заключается без предварительных материальных обязательств, но родители жениха и невесты, как правило, обмениваются дорогими подарками.

Для современных свадеб характерно дорогое приданое. Так, приданое Джурсун Кененбаевой состояло из 20 шелковых и плюшевых одежд, шифоньера, двух узорных войлоков, настенного украшения (*туш кийиз*), ковра, кровати, дивана, двух подушек, стиральной машины, покрывала на кровать, двух занавесок на окна, подстилки на пол (*алтыгат*), стига-

ной на вате, а также одежды для молодоженов и родственников мужа, посуды и многих других вещей, необходимых в хозяйстве. Если родители невесты не в состоянии дать за дочерью приданое, это не влияет на решение молодежи о вступлении в брак. Приданое — дело родителей. Молодые люди во многих случаях не имеют к нему никакого отношения.

Наиболее современной является так называемая комсомольская свадьба. Устраивают ее, как правило, в кафе или в ресторане в г. Пржевальске или даже во Фрунзе. На свадьбах такого рода в основном присутствует молодежь, хотя приглашаются и представители старшего поколения. Комсомольские свадьбы вошли в быт сравнительно недавно, лет 5—6 назад. Они пользуются большой популярностью. Наряду с ними в колхозе продолжают справлять свадьбы и с соблюдением в той или иной степени традиционного свадебного обряда. В некоторых, довольно редких случаях ритуал этот включает религиозный обряд бракосочетания (*нике*), который совершается муллой.

Традиционный обряд, типичный для многих свадеб в колхозе «Ала-Тоо», сейчас упрощен: в нем отсутствуют сватовство, церемония увоза невесты из дома родителей. Упростился и скромный ритуал, характерный для 50-х гг., когда жених, отправляясь за невестой в другое селение, приезжал туда со своим дружкой (*кюйё жолдош*), останавливался в доме своего родственника или родственника невесты и увозил невесту обязательно в вечерний час или ночью. Гораздо менее торжественно проходит церемония передачи приданого.

В целом свадебная обрядность давно утратила свое прежнее содержание. Это было отмечено уже в книге «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». Соблюдение традиционного свадебного ритуала в настоящее время во многих случаях объясняется желанием придать свадьбе яркий, праздничный характер.

В последние годы при дарханском сельсовете функционирует «Дом счастья», где в торжественной обстановке производится регистрация браков, новорожденных и ряд других торжественных церемоний.

* * *

Большие изменения в экономике колхоза, обусловившие повышение благосостояния колхозников, привели к существенным достижениям в области культуры. Вместе с тем рост культурного уровня колхозников — следствие той большой работы, которая проводилась в течение минувших лет партийной и комсомольской организациями, а также колхозной интеллигенцией.

Самым действенным культурным и воспитательным центром в колхозе в наши дни является школа. В 1955 г. в дарханской средней школе насчитывалось около 500 учеников, сейчас ее посещает 1250 мальчиков и девочек. Двадцать лет назад в школе было 36 учителей (26 мужчин и 10 женщин), из которых только семеро имели законченное высшее образование. В настоящее время в школе работает 70 учителей (26 мужчин, 44 женщины), из них 47 (21 мужчина, 26 женщин) имеют законченное высшее образование. Примечателен тот факт, что 38 учителей — уроженцы Дархана.

Высокий профессиональный уровень учительских кадров, их энтузиазм и любовь к работе, а также тесная связь с колхозом благотворно сказываются на уровне подготовки учащихся, на их огромной тяге к знаниям. Например, из 99 человек, окончивших школу в 1972/73 учебном году, 45 решили поступать в высшие учебные заведения, 22 — в средние технические, медицинские и военные. Среди поступивших в вузы большинство (в 1970/71 учебном году 14 из 18) составят девушки.

Показателем высокой образовательной и идейно-воспитательной подготовки учащихся служит жизненный путь некоторых воспитанников дарханской школы. Это Эгемберди Маанаев — кандидат исторических

наук (работает в Институте истории партии при ЦК КП Киргизии); Аблай Сатылканов — председатель колхоза «Ала-Тоо», имеет высшее экономическое образование; Шергазы Мамбетов — кандидат физико-математических наук (научный сотрудник Института физики и механики АН Киргизской ССР); Садырбек Абдурахманов — первый секретарь Тюпского райкома партии; Черикбай Джунушев — заведующий отделом пропаганды и агитации Иссык-Кульского обкома партии; Сатый Курманбаев и Джамалкан Тентиева — звеньевые, награжденные за свой самоотверженный труд орденами Ленина.

Помимо учебной в школе ведется разносторонняя внеклассная работа. Одним из интересных ее видов является деятельность школьного исторического музея, экспонаты которого пополняются силами учеников и учителей. Сейчас в музее в основном собраны предметы, характеризующие старый быт киргизского села.

Школа принимает активное участие в трудовой и культурной жизни колхоза. Летом школьники помогают на сенокосе, осенью убирают урожай картофеля и кормовой свеклы, зимой работают на молочнотоварной ферме.

Деятельность школы активно влияет на рост культурного и образовательного уровня колхозников в целом. В школе организованы культбригады, агитбригады и группы лекторов, в состав которых входят как учителя, так и ученики. Кроме того, в школе развита художественная самодеятельность.

Важными культурными центрами в колхозе продолжают оставаться библиотеки. В Дархане их три, в Чичкане две. Они размещены в зданиях сельсовета, школ, правления колхоза, а также в клубе (Чичкан). По словам Калыйчи Джакыповой, заведующей библиотекой при дарханском сельсовете, в 1955 г. в библиотеке насчитывалось немногим более 2000 книг, а сейчас их свыше 5000. В 1950-х годах в библиотеке было всего 200 читателей, в наши дни — их более 600.

Новое явление, характерное для последних лет, — значительный рост числа читателей-киргизов, которые охотно берут книги и журналы на русском языке. Вместе с тем огромный интерес и к киргизской художественной литературе, а также к произведениям народной литературы, народному эпосу «Манас»; это объясняется, в частности, тем, что в наши дни уже сравнительно редко можно встретить сказителей эпоса (*манасчы*).

Во всех библиотеках имеются просторные, светлые и хорошо оборудованные читальные залы.

Типичным явлением для колхозников Дархана и Чичкана стали личные библиотеки, в которых много художественной и детской литературы. У молодежи наряду с книгами киргизских авторов в домашних библиотеках можно встретить произведения русских классиков и советских писателей.

Важным очагом культуры селений Дархан и Чичкан являются клубы. Совсем недавно в строй вступил заново построенный клуб в Чичкане. Начато строительство нового клуба и в Дархане. Это будет двухэтажное здание со зрительным залом на 500 человек, библиотекой, читальным залом, комнатами отдыха, бильярдной и т. д.

В клубах демонстрируются фильмы, устраиваются вечера отдыха колхозной молодежи, которые уже вошли в традицию. На таких вечерах организуются игры, танцы; победителям выдаются призы.

У старшего и среднего поколений вошло в быт посещение выездных спектаклей драматических театров, а также театров оперы и балета, приезжающих в колхоз до 20—25 раз в течение года. Это театры из Фрунзе, Оша, Алма-Аты, Народный театр из г. Пржевальска. Бывают здесь также артисты Киргизской государственной филармонии и мастера Киргизской эстрады.

Большое внимание уделяют в колхозе развитию спорта. Здесь насчитывается 19 спортсменов-разрядников (трое из них имеют первый разряд). Среди спортсменов есть участники всесоюзных соревнований: Кырыбай Карырмаков — бегун на дальние дистанции, участник Всесоюзного кросса на приз газеты «Правда»; Сейшен Орозбаев — спортсмен первого разряда, член сборной команды республики по волейболу среди сельской молодежи. В 1969 г. команда Джеты-Огузского района, включившая и спортсменов из Дархана, выиграла первенство Киргизии среди сельских бегунов.

Сохраняются в колхозе и некоторые виды национального спорта. К ним прежде всего относятся различного рода конные состязания — любимое развлечение животноводов на высокогорных пастбищах. Конные состязания обязательно включаются в программу ежегодного праздника Дня животновода, который проводится по всей Киргизии.

Важным фактором культурного роста колхозников являются расширяющиеся связи колхоза с внешним миром. Этому способствует молодежь, возвращающаяся на работу в колхоз после окончания учебы в различных городах Советского Союза, дальнейшее внедрение в быт радио, появление в колхозе телевидения. Телевизионные передачи с интересом смотрят представители всех поколений.

Селения Дархан и Чичкан расположены на берегу озера Иссык-Куль — всесоюзной здравницы. Сюда съезжаются люди из разных уголков Советского Союза, общение с которыми оказывает положительное влияние на расширение кругозора местных колхозников. Многие колхозники, имеющие собственные автомобили и мотоциклы, предпринимают нередко дальние поездки. Это позволяет им знакомиться с природой и населением других республик, обогащает новыми впечатлениями, воспитывает у них чувство советского патриотизма.

* * *

Подводя итоги рассмотрения различных сторон современной жизни населения колхозных сел Дархан и Чичкан, можно сделать некоторые выводы.

По сравнению с недалеким прошлым (первая половина 1950-х гг.) в быту и культуре местных жителей произошли не просто разительные внешние перемены, но и качественные сдвиги. Они характеризуют уже не только начавшийся более 60 лет назад переход бывших кочевников-киргизов к прочной оседлости, что само по себе является важным историческим явлением, но также постепенное и вполне отчетливое стирание различий между образом жизни сельского населения и жителей городов. Этому продолжают способствовать социалистические преобразования, произошедшие в хозяйстве, бытовом укладе и культурном уровне колхозников.

За истекшие 15—20 лет колхозники артели «Ала-Тоо» под руководством своей партийной организации добились больших успехов в развитии общественного хозяйства: в техническом оснащении производства, в организации труда, повышении продуктивности земледелия и животноводства.

Фиксируемые во всех сферах материальной культуры и в духовной жизни колхозников глубокие изменения обусловлены как неуклонным возрастанием уровня благосостояния колхозников, расширением сети культурно-бытовых учреждений, повышением общей культуры населения, так и усилением влияния города, развитием контактов с соседними народами, особенно с русскими, живущими в соседних селениях и районах Прииссыккулья.

Преобразования в жизни киргизского села, в корне изменившие его облик, неразрывно связаны с характерным для всей нашей страны на-

учно-техническим прогрессом и с особенно осязаемыми в многонациональной Киргизии процессами взаимного обогащения и взаимовлияния культур братских народов.

Сопоставление того, что нашло отражение в книге «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», с материалами данной статьи показывает, что в жизнь местного населения широким потоком влилось новое. Появились новые потребности, изменились вкусы, ломаются старые представления и привычки, отбрасывается все то, что не отвечает современным требованиям. Наряду с этим продолжают сохраняться и некоторые особенности традиционной народной культуры (в области брачно-семейных отношений, пищи, обычаев, прикладного искусства и др.). И в то же время, за счет влияния советской многонациональной культуры непрерывно обогащаются материальные и духовные ценности киргизского колхозного крестьянства.

RECENT CHANGES IN RURAL KIRGHIZIA

In the early 1950-ies two Kirghiz rural settlements in the Issyk-Kul Lake area underwent a study of their life and culture carried out by a group of ethnographers from Moscow, Leningrad and Frunze. The results were embodied in a book («The everyday life of collective farmers in the Kirghiz rural settlements of Darkhan and Tchitchkan») published in 1958. In 1973 the changes that have since occurred in the life of the population of these settlements became the object of a new study. This revealed that not only have former nomadic livestock breeders achieved a definitive transition to a firmly sedentary way of life, but the differences in the way of life between rural and urban Kirghiz are gradually becoming obliterated. Profound changes of a fundamental nature have taken place both in the economy of the «Ala-Too» collective farm and in the inhabitants' material culture, their marriage and family customs, their cultural level. These changes are due to the progress in science and technology in the USSR, to the population's increased prosperity and to the interaction and mutual enrichment of cultures that is particularly characteristic of multi-national Kirghizia.

Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь

ЗЕМЛИ ДРЕВНЕГО ОРОШЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ: ИХ ПРОШЛОЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСВОЕНИЯ

Огромными успехами в хозяйственном и культурном строительстве отмечают народы советских среднеазиатских республик свой славный 50-летний юбилей. Из года в год увеличивается площадь орошаемых земель. Одним из их резервов являются «земли древнего орошения» — огромный массив земель, который на разных этапах истории был в большей или меньшей степени освоен под ирригационное земледелие. В наши дни это территория с остатками магистральных каналов, арыков и полей, местами засыпанных песками пустыни.

Общая площадь земель древнего орошения в Советском Союзе — 8—10 млн. га, и почти все они находятся в безводной ныне пустыне¹. Этот массив простирается от низовьев Сырдарьи и Амударьи до Аральского моря, охватывая древние и современные дельты этих рек вплоть до Сарыкамышских озер на севере Туркмении; к нему относятся также земли между Бухарским оазисом и Амударьей, Каршинская степь и ряд районов в низовьях Мургаба и Теджена, в подгорной равнине Копетдага, в юго-западной Туркмении, в низовьях рек Чу и Или в Казахстане.

В условиях аридной зоны наиболее благоприятными для развития орошаемого земледелия являются дельтовые области, пронизанные системой крупных и мелких речных протоков. Так, к западу от современной культурной зоны Бухарского оазиса, в низовьях Зеравшана, располагаются земли древнего орошения площадью 100—120 тыс. га².

Другой довольно значительный по площади массив земель древнего орошения находится в юго-западной Туркмении в дельте Атрека, на Мисрианской равнине³. Примерно половина площадей земель древнего орошения приходится на древние аллювиально-дельтовые равнины низовий Амударьи и Сырдарьи⁴.

С. П. Толстов, увидевший впервые в 1938 г. земли в низовьях Амударьи, писал: «Пустыня, окружающая оазис Хорезма с запада и востока, — странная пустыня... повсюду, на площади сотен тысяч гектаров, мы встречаемся со следами человеческой деятельности. Это двойные линии обветренных бугров, пунктиром тянущиеся на десятки километров, — остатки обочин древних магистральных каналов, шашечный рису-

¹ В. П. Сотников, П. А. Летун, Состояние и перспективы использования земельного фонда СССР, сб. «Изучение сельскохозяйственного использования земель», М., 1972, стр. 9; сб. «Земли древнего орошения и перспективы их хозяйственного использования», М., 1969; Б. В. Андрианов, Прошлое и будущее земель древнего орошения, «Природа», 1972, № 9.

² А. Мухамеджанов, История орошения низовьев Зарафшана (с древнейших времен до начала XX в.) (на узб. яз.), Ташкент, 1972.

³ А. С. Кесь, В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына, Земли древнего орошения средневекового Дахистана, сб. «Каракумские древности», вып. IV, Ашхабад, 1972; Г. Н. Лисицына, Загадка Мисрианской равнины, «Природа», 1973, № 7, стр. 40—47.

⁴ См.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По древним дельтам Окса и Яксарты, М., 1962; Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969.

нок оросительной сети на такрырах... Иногда это целые мертвые города, селения, крепости, замки, развалины целых, некогда населенных районов, постройки которых поднимают на 10—12, а то и на 20 метров над руслами сухих, развеянных ветром и занесенных песком каналов свои суровые стены...»⁵.

Что послужило причиной гибели некогда цветущих оазисов, были ли они освоены человеком одновременно или на протяжении длительного исторического периода, связано ли их запустение с историческими или естественно-географическими факторами, возможно ли их новое освоение? Все эти проблемы оказались в центре внимания Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководимой С. П. Толстовым. Было ясно, что однозначного ответа здесь быть не может и что к делу должны быть привлечены специалисты разных профилей. Именно о комплексных исследованиях писал известный востоковед В. В. Бартольд 50 лет назад, когда в Советской Средней Азии началось переустройство старых систем орошения. По его словам, многие вопросы нового освоения земель Туркестана «могут быть решены только путем подробных исследований на месте, при которых участие археолога, несколько знакомого с общим характером истории Туркестана и с памятниками его прошлого, столь же необходимо, как участие техников-ирригаторов»⁶. В 20—30-х годах эта мысль В. В. Бартольда была реализована: в первых комплексных экспедициях того времени историки, археологи и этнографы участвовали наряду с естествоиспытателями, и результаты этих работ явились несомненным вкладом в дело развития социалистического народного хозяйства⁷.

Однако подлинного размаха комплексные работы по исследованию земель древнего орошения достигли в послевоенные годы. Хорезмская экспедиция, имея в своем составе археологов, этнографов, геоморфологов, почвоведов, используя данные аэрофотосъемки, тщательно картографируя древние русловые системы и оросительную сеть, детально изучила историю функционирования и освоения человеком древних дельт Амударьи и Сырдарьи в различные исторические периоды. В результате этих работ были открыты новые огромные массивы земель древнего орошения.

Исследования в низовьях Амударьи⁸ помогли установить, что орошаемое земледелие было известно там уже во второй половине II тысячелетия до н. э.⁹, а во второй половине I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. там функционировала уже развитая ирригационная сеть с крупными магистральными каналами, забирающими воду из главного русла Амударьи. Это время возникновения и расцвета древнего Хорезма — государства, отныне упоминаемого в письменных источниках; государства, развалины величественных городов которого так поразили в свое время С. П. Толстова и продолжают владеть воображением всех тех, кому посчастливилось их увидеть.

На глинистых участках пустыни, свободных от навеванных ветром песчаных наносов, видны следы планировок полей, виноградников, садов, свидетельствующие о высокой культуре хорезмийского земледелия.

⁵ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 27.

⁶ В. В. Бартольд, *Будущее Туркестана и следы его прошлого*, Соч. т. III, М., 1965, стр. 309—310.

⁷ С. П. Толстов, *Об использовании данных исторических наук для практики народного хозяйства*, сб. «Земли древнего орошения...», стр. 9 и сл.; Л. В. Дунин-Барковский, *Развитие ирригации и археологические исследования*, Там же, стр. 35 и сл.

⁸ «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

⁹ М. А. Итин и А. Древнехорезмийские земледельцы, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 75 и сл.

В это время здесь сеяли зерновые и технические культуры, были распространены виноградарство, садоводство и бахчеводство. Об этом свидетельствуют найденные при археологических раскопках семена пшеницы, проса, ячменя, винограда, дынь и косточки урюка¹⁰.

С. П. Толстов убедительно показал, что земледельцы и ирригаторы в прошлом широко использовали те же самые мелиоративные приемы,

¹⁰ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, «Вестник Древней истории» (далее ВДИ), 1939, № 3, стр. 193; его же, Древний Хорезм, стр. 150; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 96.

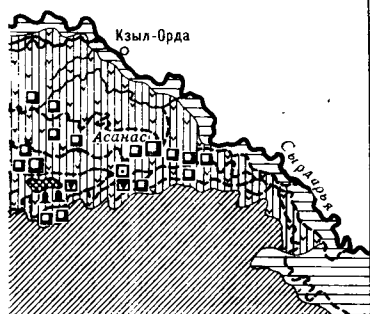

Рис. 1. Схематическая археолого-геоморфологическая карта (составлена авторами статьи)

I — эпоха неолита и энеолита; II — эпоха бронзы; III — VI — II вв. до н. э.; IV — II — I вв. до н. э. — IX в. н. э.; V — X — XVI вв.; VI — XVII — XIX вв.

А — города и крупные крепости; Б — большие поселения; В — небольшие поселения и стоянки; Г — погребальные сооружения; Д — земли древнего орошения.

1 — горы; 2 — пролювиальные подгорные равнины; 3 — аридно-денудационное плато; их останцы и равнины, частично перекрытые эоловыми песками; 4 — эоловые и аллювиальные неоген-раннеплейстоценовые песчаные возвышенные равнины, пригодны под пастбища; 5 — аллювиальные ранне- и среднеплейстоценовые низменные песчаные равнины с эоловым расчлененным рельефом, пригодны под пастбища; 6 — аллювиальные позднейшие равнины с остатками оросительных сооружений разных эпох почти на всей территории (за исключением Северной Акчадарьинской дельты и Акчадарьинского коридора), пригодны под орошаемое земледелие; 7 — современные поймы и дельты; 8 — морские голоценовые и современные солончаковые и песчаные низменности, непригодны для сельскохозяйственного использования

которые применяются в земледелии Хорезма и по сегодняшний день¹¹. Осваивая пустынные земли, они распахивали барханы и вносили песок на свои поля, улучшая механический состав почв. Для обогащения полей они использовали материалы из разрушенных построек, ил из оросительных каналов, песок, перемешанный с навозом, и т. п.

При истощении почвы, и особенно ее засолении, хорезмийцы заменяли верхний слой почвы. В периферийных районах преобладали более примитивные переложные формы поливного земледелия.

Особенно больших успехов достигли хорезмийцы в совершенствовании на протяжении тысячелетий навыков ирригации. В ходе археологических исследований на основе данных аэрофотосъемки и во время маршрутных полевых работ были установлены специфические особенности хорезмийских ирригационных систем: характера водозабора, размера головных сооружений и магистральных каналов, конфигурации и членения систем орошения, гидротехнических сооружений для регулирования воды, горизонтов и скорости ее движения и т. п.¹²

Комплексные археолого-этнографические исследования в низовьях Амударьи показали, что здесь с глубокой древности основным видом хозяйства было земледелие, сочетавшееся со скотоводством. Именно такое направление хозяйства способствовало развитию прочной оседлости и относительно раннему возникновению государственности.

Глубокие традиции высокой земледельческой культуры, несмотря на сильные политические потрясения, крупные миграции, позволили населению Южного Приаралья не только сохранить, но и обогатить навыки ведения высокопродуктивного ирригационного земледелия.

Совместные работы историков и естествоиспытателей по изучению культурных, т. е. преобразованных в процессе хозяйственной деятельности ландшафтов, говорят о сложности и многосторонности влияний

¹¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 55—56.

¹² Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма, «Краткие сообщения института этнографии АН СССР», XXVI, М., 1957; Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья.

как человека на природную среду, так и среды на хозяйственную деятельность человека. При этом следует учитывать, что на разных этапах исторического развития эти влияния проявлялись по-разному. Так, если в древности «человек еще не противопоставляет себя природе, своей техникой лишь следуя ей, усиливая полезные для него стороны ее деятельности»¹³, то позже он становится на путь ее преобразования — длительный, постепенно нарастающий силы процесс, который наиболее яркое выражение находит уже в наши дни.

И наконец, работы Хорезмской экспедиции в низовьях Амударьи наглядно показали, что благодаря возможности комплексного рассмотрения процессов освоения человеком на протяжении тысячелетий древних дельтовых областей аридной зоны перед учеными открываются огромные перспективы в изучении закономерностей хозяйственного развития этих районов для наиболее целесообразного использования накопленного опыта в практике современного народного хозяйства.

Факт по крайней мере трехкратного освоения этих земель на длительный срок за последние два с половиной тысячелетия позволяет утверждать, что при современных технических средствах их новое освоение вполне возможно.

Разрабатывая планы освоения новых земельных массивов, практики-ирригаторы проявляют все больше интереса к историческому прошлому земель древнего орошения. Современное мелиоративное состояние почв, как известно со времен Докучаева, отражает исторические особенности их земледельческого использования в разные периоды.

Территории, прошедшие окультуривание, навсегда сохранили в своем микрорельефе и почвенном горизонте следы хозяйственных преобразований. Земледельцы в прошлом выбирали для орошения наиболее благоприятные в мелиоративном отношении территории. Длительное орошение сопровождалось обработкой и улучшением механического и физического состава почв. В то же время отдельные участки засолялись. Переложный, выборочный характер земледелия в прошлом усугублял мозаичность и неоднородность почвенного покрова¹⁴. Поэтому доказательства историков и археологов о широком распространении когда-то орошавшихся земледельческих площадей там, где ныне безраздельно господствует пустыня, имеют не только историко-познавательное значение. Они говорят о практических возможностях повторного преобразования пустынь, восстановления ирригационных систем и возрождения древних оазисов.

Освоение земель древнего орошения в Хорезме на правом берегу Амударьи было начато еще до второй мировой войны, но особенно интенсивно оно развернулось в послевоенный период. При этом современные ирригаторы, используя материалы по истории древней ирригации, собранные Хорезмской экспедицией, нередко экономя труд людей и государственные средства, переуглубляют древние каналы и пускают по ним воду¹⁵.

Опыт, накопленный Хорезмской экспедицией в изучении земель древнего орошения низовий Амударьи, и его практические результаты являются еще одним примером плодотворного сотрудничества науки и практики. Комплексное изучение и картографирование этих земель приобретает сейчас еще большее значение в связи с широкими планами развития ирригации в нашей стране, предусмотренными решениями XXIV съез-

¹³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 45.

¹⁴ Н. Г. Минашина, Распределение солей в почвах и грунтовых водах на массиве древнего орошения в центральной части Мургабской дельты, сб. «Влияние орошения на почвы оазисов Средней Азии», М., 1963.

¹⁵ У. Матнепесов, После 6 тысяч лет, газ. «Совет Каракалпакстаны», 21 июня 1973.

да КПСС и, в частности, в связи с проектом переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию. В чем заключается основной смысл этого проекта?

Пожалуй, нигде в Советском Союзе так близко не подходят друг к другу самые сухие полупустынные земли и заболоченные, переувлажненные пространства, как в так называемом Срединном водохозяйственном регионе, включающем республики Средней Азии, Казахстан, Приуралье и Западную Сибирь. На северную часть региона приходится почти 9/10 стока рек, а на южную — всего 1/10. Еще 100 лет назад зародилась дерзкая мечта повернуть воды Иртыша и Оби на юг, в Среднюю Азию, где так много тепла, но мало осадков. Лишь в наши дни эта сложная задача может быть решена. Однако проблема выбора земельных массивов будущего орошения и главных направлений магистралей очень сложна, большие опасения вызывают и последствия столь значительных изменений в природной среде. Именно поэтому различными институтами Академии наук СССР, многочисленными учреждениями и различными министерствами, прежде всего Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР были развернуты научные исследования для всестороннего учета всех последствий поворота могучих сибирских рек и оптимального решения всей проблемы в целом¹⁶. Из предварительно намеченных Всесоюзным объединением «Союзводпроект» многих вариантов при выборе трассы предпочтение отдается Тургайской ложбине, как наиболее вероятному месту соединения бассейна сибирских рек с Арало-Каспийским бассейном. По Тургайской ложбине вода пройдет через земли в низовья Сырдарьи и, следуя на юго-запад, достигнет Амударьи южнее Султануиздага. Таким образом, сибирская вода должна не только оросить земли междуречья низовий Сырдарьи и Амударьи, но и поддерживать уровень постепенно усыхающего Аральского моря.

По мнению географов, переброска части стока сибирских рек скажется благоприятно как на юге, так и на севере Срединного региона; она смягчит водный голод засушливой, но плодородной и обильной солнцем равнины Средней Азии и Южного Казахстана и уменьшит избыточную увлажненность Западной Сибири.

На пути будущей грандиозной водной магистрали лежат самые значительные по площади (до 4—5 млн. га) земли древнего орошения низовий Сырдарьи и Амударьи (см. рис. 1).

Еще в конце XIX в. русским естествоиспытателем Н. А. Северцевым была выдвинута идея восстановления непрерывной водной магистрали от Сырдарьи до Амударьи и создания здесь полосы оседлости и орошаемых полей¹⁷. В наши дни С. П. Толстов предлагал создать к югу и юго-востоку от Аральского моря огромный рисоводческий и животноводческий район площадью в 2 млн. га¹⁸.

В связи с предполагаемым обводнением этих территорий их комплексное археолого-географическое изучение является важным звеном предпроектных работ. При этом большую роль должны сыграть данные о распространении орошавшихся в прошлом земель в зоне действия будущего канала, полученные с помощью картографирования.

По договору с Всесоюзным объединением «Союзводпроект» Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР совместно с Институтом географии АН СССР составлена археолого-геоморфологическая карта всего юго-восточного Приаралья, включая древние дельтовые равнины Сырдарьи и Амударьи (Акчадарьи). На карту (кроме геоморфологических данных (с показом многочисленных сухих русл) нанесены все

¹⁶ И. А. Герарди, Северные воды — югу. У карты проекта, «Правда», 2 июля 1971 г.

¹⁷ Н. А. Северцев, Сборник документов, сер. «Русские ученые — исследователи Средней Азии», т. II, Ташкент, 1958; стр. 91—92.

¹⁸ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 321.

известные в настоящее время археологические памятники: древние города, развалины поселений, сеть разновременных ирригационных систем. Данные, послужившие основой для составления карты, позволили рассмотреть вопросы, связанные не только с центральной темой работ — комплексным изучением земель древнего орошения для целей будущего освоения, но и с историей культуры народов, обитавших в юго-восточном Приаралье в разные периоды. Анализ новых данных, как палеогеографических, так и археологических, даёт основание сделать вывод, что формирование дельты Сырдарьи и ее заселение шло несколько иным путем, чем в низовьях Амударьи¹⁹.

В отличие от низовьев Амударьи, где последовательно фиксируются три древние обособленные друг от друга дельты, связанные со стоком то в Сарыкамыш (и далее в Каспий), то в Арал, в низовьях Сырдарьи существовала одна громадная древняя дельта со стоком по системе ее дельтовых протоков только в Арал. Сохранившиеся от них сухие русла отходят от долины Сырдарьи в 70—75 км южнее г. Кызыл-Орда и радиально расходятся в западном и северо-западном направлениях (см. рис. 1). Одни из них, наиболее южные, — русла системы Южной Инкардарьи — следуют на юго-запад вдоль центральных Кызылкумов и, расчленив их северную окраину, прослеживаются до слияния с руслами Акчадарьи (протоками древней Акчадарьинской дельты Амударьи). Другие уходят на запад и северо-запад, сохраняя это направление только до границы песчаного массива Приаральских Кызылкумов; встретив там меридиональные гряды песков, они пересекают их, попадают в межгрядовые понижения и, следуя по уклону, на север, размывают и расширяют эти меридиональные низины. Наибольшее пересечение меридиональных и широтных русл наблюдается в юго-западной части аллювиально-дельтовой равнины. Но там сложный узел древних русл рассекает Жанадарья. Начинаясь от одного из русл южнее Кызыл-Орды, она пересекает или использует старые русла системы Инкардарьи и уходит на юго-запад, а потом на запад к Аралу. Следовательно, Жанадарья — одно из молодых русл, которое возникло тогда, когда дельтовая равнина была в основном сформирована и на ней существовали многочисленные, уже не обводняемые староречья. В это время Сырдарья, по-видимому, текла по современному руслу на северо-запад, а по Жанадарье и по некоторым другим руслам сбрасывалась лишь часть ее воды.

В период образования аллювиально-дельтовой равнины, Сырдарья разбивалась на большое количество протоков, которые часто перемещались; в меридиональных низинах стояли озера, замкнутые и соединенные протоками, плоские пространства были заболочены. Но к моменту появления здесь человека стадия широкого обводнения была в основном завершена, хотя отдельные русла, а возможно, и некоторые смежные системы русл могли еще функционировать, периодически сменяя друг друга. Такие более поздние обводнения русл могли происходить как естественным путем, вследствие повторных прорывов по ним паводковых вод Сырдарьи, так и благодаря искусственному пропуску по ним воды.

Следует отметить, что большая часть дельтовой равнины Сырдарьи осваивалась и в античности, и в средневековье, и в новое время, так что выделить отдельные ареалы земель, освоенных в тот или иной период, иногда бывает затруднительно, не говоря уже о том, что следы более раннего освоения погребены или попросту уничтожены более поздним.

Тем не менее, по имеющимся у нас данным, история функционирования сырдарьинских русл и освоения человеком прилегающих к ним земель рисуется схематически следующим образом. В позднем неолите

¹⁹ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 136, 315—322; Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, стр. 222—227.

и в эпоху бронзы (конец III—начало I тысячелетия до н. э.) система русл Инкардарьи была обводнена и по ней сырдарьинские воды стекали в Арал. Формирование Жанадарьи может быть отнесено к VII—V вв. до н. э.

Примерно в то же время действовала система древних русл южнее современной Сырдарьи — Ескидарьялык (Пра-Кувандарья), которая впоследствии была частично использована Кувандарьей²⁰. Таким образом, в эпоху ранней античности (в середине I тысячелетия до н. э.) сток сырдарьинских вод шел по Жанадарье и Ескидарьялыку, причем последний был обводнен вплоть до раннего средневековья (VIII—IX вв. н. э.).

Жанадарья перестала функционировать лишь в позднеантичное время, но с XI по XIV в. была вновь обводнена. Позднее она то пересыхала, то обводнялась; во всяком случае известно, что в XVIII—XIX вв. по ее берегам, как и по берегам Кувандарьи, селились каракалпаки. Меридиональные русла, такие, как Ащиньинсай, Дайрабай, Камектинсай и другие, также неоднократно обводнялись. Подтопление сырдарьинскими водами некоторых меридиональных русл, судя по остаткам развитой ирригационной сети и укрепленных поселений каракалпаков, происходило и в XVIII—XIX вв. Но эти подтопления, как, впрочем, может быть, и более ранние, были кратковременными, эпизодическими.

Начало орошаемого земледелия в низовьях Сырдарьи относится к более позднему времени, чем в дельте Амударьи.

Оседлых поселений и следов ирригации, характерных для периода развитой и поздней бронзы, мы на Сырдарье не знаем. Это обстоятельство, а также особенности ландшафтных и климатических условий низовий Сырдарьи по сравнению с таковыми в южной Акчадарьинской дельте Амударьи позволяют предполагать, что основой хозяйства местного населения было скотоводство и все известные нам стоянки оставлены пастухами-скотоводами. С другой стороны, фиксируемые культурные связи с населением низовий Амударьи (Акчадарьи) и с высокоразвитыми земледельческими цивилизациями южных областей Средней Азии, столь ярко проявившиеся в материалах могильника Северный Тагискен²¹, заставляют нас рассматривать хозяйство племен эпохи поздней бронзы низовий Сырдарьи как полуоседлое скотоводческо-земледельческое. Это же направление в хозяйстве продолжает существовать и позднее, в I тысячелетии до н. э.

В VII—V вв. до н. э. на территории Восточного Приаралья расселяются племена, принадлежащие к сако-массагетскому племенному союзу. Мы не знаем крупных оседлых поселений этого времени, да их, видимо, и не было, ибо это были подвижные скотоводческие коллективы, материальная культура которых, судя по раскопкам могильников Уйгарак и Южный Тагискен²², вводит их в круг культур скифского типа, распространенных на территории Евразии в это время.

Природные условия дельты Сырдарьи, равно как и культурные связи с территориально близким земледельческим населением низовий Амударьи, где в VII—VI вв. до н. э. было уже достаточно высоко развито ирригационное земледелие, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве приаральских саков и развитию у них полукуочевого хозяйства с более прочной оседлостью.

Наибольшего расцвета достигла культура саков низовьев Сырдарьи в VII—II вв. до н. э. В этот период Жанадарья была обводнена.

²⁰ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 78.

²¹ Там же, стр. 80—86.

²² О. А. Вишневская, Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака), «Труды Хорезмской экспедиции» (далее ТХЭ), т. VIII, М., 1973; С. П. Толстов, М. А. Итина, Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена), «Сов. археология», 1966, № 2, стр. 151—175; О. А. Вишневская, М. А. Итина, Ранние саки Приаралья, сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 197—208.

Рис. 2. Древний оросительный канал в урочище Баланды (Фото 2—4 выполнены Б. В. Андриановым)

На нынешнем уровне наших знаний четко фиксируемые следы орошаемого земледелия в низовьях Сырдарьи датируются второй половиной I тысячелетия до н. э. В этот период культурные связи, существовавшие между древним Хорезмским земледельческим оазисом и его кочевой периферией, особенно усилились, что отразилось в культуре саков низовьев Сырдарьи. На территории их расселения возникают уже не только крупные укрепленные поселения (урочище Баланды), но и города. К числу последних относится, например, огромное городище Чирик-Рабат на Жанадарье, с расположенными близ него величественными погребальными сооружениями — захоронениями местной знати с богатым и разнообразным погребальным инвентарем, характеризующим, как и материал поселений, высокий уровень культуры сырдарьинских саков.

Высокий уровень строительной техники, использующей сырцовый кирпич и пахсу, планировка городов и фортификация их, высокий уровень керамического производства — во всем этом явственно проявляется влияние более высокой культуры оазиса, в данном случае Хорезмского, при бесспорном сохранении местных культурных традиций.

По-видимому, культурные связи с Хорезмом способствовали и развитию в этот период орошаемого земледелия на Жанадарье, но оно было здесь более примитивным. В качестве магистральных каналов использовались дельтовые протоки, иногда каналы шли вдоль русл, повторяя их изгибы. Такая система орошения была зафиксирована в низовьях Амударьи еще в эпоху бронзы. В то же время на одном из протоков в дельте Сырдарьи была сооружена система из трех водохранилищ, вода в которых накапливалась во время паводка.

Итак, ареал земель древнего орошения античного времени в низовьях Сырдарьи охватывает территорию по среднему течению Жанадарьи и, судя по материалам урочища Баланды, земли по среднему течению системы Инкардарьинских русл, которые в конце I тысячелетия до н. э. также наполнялись водой, очевидно, искусственно.

На рубеже нашей эры в бассейне Ескидарьялыка (Пра-Кувандарьи) расцветает Джетыасарский оазис (с центром в Алтын-Асаре), население которого и по своему физическому облику, и по культуре значитель-

но отличалось от сакского населения низовий Сырдарьи. Обитатели джетысарских городищ занимались ирригационным земледелием и скотоводством; они выращивали просо и ячмень, разводили крупный рогатый скот. Значительная роль скотоводства в хозяйстве подчеркивается и тем, что кости животных использовались даже при строительстве домов²³.

Верхняя часть инкардарьинских русл, включая отдельные, переплетавшиеся с ними отрезки Жанадарьи, в IX—XI вв. служила источником воды для расселившейся в восточной части дельты южной группы полукочевых огузских племен, пришедших сюда с северо-запада, из района Янгикента²⁴.

Судя по новейшим данным, зона расселения огузов в низовьях Сырдарьи простиралась на юго-восток вплоть до истоков Инкардарьи. Поселения огузов отличаются и своей планировкой (они укрепленные) и характером материальной культуры, в частности совершенно своеобразной керамикой.

Начиная с XI в. вновь идет интенсивный процесс освоения земель под орошаемое земледелие вдоль русла Жанадарьи.

Освоение нижней и средней Жанадарьи, а также отрезков средней Инкардарьи достигло апогея в XII—XIII вв., когда владения Великих хорезмшахов охватывали огромную территорию, в том числе и низовья Сырдарьи. Полоса культурных оазисов, пересекавшая в средние века с запада на восток пустынную древнюю дельту Сырдарьи, сыграла большую историко-культурную роль, соединив две обширные историко-культурные области низовий великих среднеазиатских рек — Амударью и Сырдарьи. Выходцы из Хорезма создали на Жанадарье плодородный оазис. Изучение развалин средневековых городов, ремесленных поселений и сельских округов вдоль русла этой реки, существовавших в XII—XIII вв., свидетельствует о большой плотности населения, высоком уровне орошаемого земледелия, значительном разнообразии сельскохозяйственных культур и развитом скотоводстве.

Проведенные здесь раскопки убедительно продемонстрировали многие элементы материальной культуры, в которых очень четко наряду с местным, в частности огузским, компонентом, выявился типично хорезмский. Так, на поселении Мурзалы обнаружены: каркасная конструкция стен, лепная посуда особой формы, дома несколько «варварского» облика, что отразилось в их планировке, бесчисленных перестройках, некоторых деталях конструкций, — все это элементы местной культуры. Но она очень тесно переплетается с хорезмийской, что выразилось в использовании при строительстве сырцового кирпича, появлении построек типа «каптар-хана», многочисленных находках хорезмийской посуды.

Что же касается уровня ирригационной техники этого времени, то наряду со специфическими, часто архаическими особенностями дельтового орошения, уже появляются разнообразнейшие гидротехнические сооружения — плотины, бассейны-водохранилища, водоподъемные сооружения — чигири. Однако особый характер природных условий привел к тому, что, несмотря на довольно высокую технику ведения ирригационного земледелия, жители этих дельтовых районов на протяжении всего средневековья сохраняли древние традиции ведения полуоседлого комплексного хозяйства.

В античное время и в средние века люди, населявшие аллювиально-дельтовую равнину, орошали свои поля сырдарьинской водой, текущей

²³ О джетысарской культуре см.: С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 186—196; Л. М. Левина, Керамика и вопросы хронологии джетысарской культуры, сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 45—90; Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, стр. 202—205.

²⁴ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 276—282.

Рис. 3. Земли древнего орошения в Южной Акчадарьинской дельте

по староречьям и оттуда поступавшей в ирригационную сеть и на поля. Пропуск воды по староречьям мог поддерживаться как искусственно, так и возникать естественным путем, если учесть, что русло занимало относительно более высокое положение на местности, чем староречья. Известно, что в низовьях Сырдарьи зимой замерзает и что на ней постоянно образуются зажоры, вызывавшие до последних лет наводнения и затопления прилегающих территорий. Поэтому нетрудно допустить, что вода из русла реки легко прорывалась в староречья и текла по ним до спада уровня паводка и человек без большого труда мог ее использовать. Он собирал воду в разнообразные водохранилища и задерживал непосредственно в руслах, создавая там дамбы и другие гидротехнические сооружения.

Земледельческие оазисы вдоль Жанадарьи сильно пострадали во время монгольского нашествия в начале XIII в., а также в XV в. — в период войн кочевых узбеков с Тимуридами за бассейн Сырдарьи и Хорезм. Земледелие здесь отчасти восстановилось лишь в XVIII в., в период расселения каракалпаков и казахов. Известно, что в XVII—начале XVIII в. каракалпаки селились на Средней и Нижней Сырдарье и назывались в источниках соответственно «верхними» и «нижними». При этом, как сообщали послы Петра I к казахскому хану Тауке Ф. Скибин и М. Трошин (1694 г.), жили они «сообща» с казахами и принимали участие в их походах²⁵. Отдельные очаги каракалпакской оседлости существовали и западнее, в дельте Амударьи. Это население, возможно, увеличилось после событий 1723 г., когда земли, населенные казахами на Сырдарье, подверглись нападению джунгар, что вызвало перемещение части каракалпаков на северо-запад. Видимо, этими событиями было вызвано и дальнейшее переселение основной массы каракалпакского народа на среднее и нижнее течение Жанадарьи и далее на запад в дельту Амударьи. С этого времени началось наиболее интенсивное новое освоение пригодных для орошения земель в нижнем и среднем течении Жанадарьи и Кувандарьи. Во второй половине XVIII в. Жана-

²⁵ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IX, М.—Л., 1950, стр. 12.

Рис. 4. Развалины поселения и мазары XVIII — нач. XIX в. на берегу Куй-
вандары

дарья была почти полностью обводнена и вдоль ее берегов раскинулись каракалпакские поселения и поля. Каракалпаки использовали средневековые каналы, углубляя их и перестраивая; селились они и в старых средневековых крепостях. Повсюду в зоне их расселения встречаются возведенные ими укрепленные поселения и остатки оросительной сети и полей.

Очаги позднего расселения каракалпаков были обнаружены нами к северу от Жанадарьи, на меридиональных руслах. Существенную роль в подтоплении последних сыграли воды из оросительных систем в окрестностях Иркибай-калы, где с помощью глухой плотины, восстановленной каракалпаками в конце XVIII в., оросительные воды по каналам направлялись на север и северо-запад по старым руслам. Удалось установить, что в XVIII—начале XIX в. в значительной мере сохраняются древние традиции дельтовой «полукочевой» ирригации с использованием старых подтопленных русл и лиманных разливов.

Теперь уже не столько археологические, сколько этнографические материалы рисуют нам образ жизни каракалпакского населения низовий Сырдарьи, их хозяйство²⁶. Они сеяли вдоль рек и озер пшеницу, просо, ячмень, бахчевые, а также рис, джугару, люцерну, коноплю, кунжут. Скотоводы в большом количестве разводили крупный рогатый скот, лошадей, баранов и коз, реже — верблюдов. Широко практиковалась заготовка камышевого сена, соломы и особенно люцерны²⁷.

Расселение каракалпаков и казахов на значительной площади древней аллювиальной дельтовой равнины Сырдарьи — еще одно повторное освоение земель древнего орошения, во многих случаях накладывающееся на более древнее, античное и средневековое.

Как мы могли убедиться, хозяйственно-культурный тип полуоседлых скотоводов-земледельцев традиционно господствовал у каракалпаков низовий Сырдарьи и у средневекового населения этого района. Здесь устойчиво сохранялись восходящие к эпохе бронзы основные принципы и традиции скотоводческо-земледельческо-рыболовного хозяйства, издав-

²⁶ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 104 и сл.; Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), ТХЭ т. III, М., 1958, стр. 7—151.

²⁷ Т. А. Жданко, Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии). Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 1964.

на служившего в данной историко-этнографической области основой сохранения патриархально-родовых порядков. И не случайно давние обитатели этих мест — каракалпаки — сохранили значительные общинно-родовые традиции вплоть до XX в.

Таким образом, в результате работ Хорезмской экспедиции на территории низовий Сырдарьи и Амударьи было установлено, что наиболее пригодной для орошения и земледелия во все времена была позднечетвертичная аллювиально-дельтовая равнина, имеющая сейчас такырную и такыровидную поверхность. Именно на этой равнине широко распространены земли древнего орошения.

Комплексные археолого-геоморфологические и отчасти почвенные исследования²⁸ в междуречье низовий Сырдарьи и Амударьи, проведенные археологами и географами в 1971—1973 гг., дают возможность сделать вывод, что разные части исследуемой территории неравноценны в плане перспектив хозяйственного использования. По условиям рельефа наиболее благоприятны для развития орошаемого земледелия обширные молодые верхнеплейстоценовые и голоценовые аллювиально-дельтовые равнины. Они имеют общий уклон к Аралу и расчленены многочисленными руслами, что облегчает устройство ирригационных и дренажных устройств. Однако почвы этих равнин в различной степени засолены, и после специальных исследований должен быть решен вопрос о комплексе мелиоративных мероприятий для предупреждения засоления.

На песчаных верхнеплейстоценовых аллювиально-дельтовых равнинах необходимо предусмотреть выращивание низких песчаных массивов. Обширные же пространства песков с эоловым глубоко расчлененным рельефом должны по-прежнему использоваться лишь под пастбища. Но следует предусмотреть их мелиорирование с подсевом трав, так как нередко неумеренный выпас приводит к появлению разбитых оголенных барханных песков. Кроме того, необходимо резко расширить посевы кормовых культур, в частности традиционной для Приаралья люцерны. В зоне песков для этих целей могут быть использованы межрядовые понижения с такырными поверхностями и низкие пески. Во время наших исследований в глубинных областях песчаного массива Восточного Приаралья попадались участки с планировкой полей и остатками небольших арыков XVIII—начала XIX в.—свидетельство того, что здесь в прошлом было развито орошаемое земледелие и что в будущем возможно освоение не только открытых равнинных пространств вдоль Жанадарьи и Кувандарьи, но и отдельных участков в глубине песков.

Наиболее крупные в песчаных массивах старые русла (Ащиньинсай, Дайрабай и др.), вероятно, целесообразно приспособить для сброса излишков воды в Аральскую впадину.

При реализации планов орошения междуречья Сырдарьи и Амударьи уже на новой технической базе необходимо иметь в виду создание в низовье Сырдарьи многоотраслевого хозяйства, в котором рисосеяние, разведение зерновых культур сочеталось бы с широкими посевами кормовых (люцерны, бобовых) для животноводства. Сельскохозяйственное освоение этой территории следует планировать, вероятно, в два этапа: в ближайшие годы увеличить кормовые посевы, используя воду Сырдарьи, для растущего каракулеводства и мясо-шерстного овцеводства; на втором этапе с приходом сибирской воды животноводство на аллювиально-дельтовой равнине должно постепенно смениться поливным земледелием и стойлово-выгонным разведением крупного рогатого скота, что имело место в прошлом на этих землях, и может быть вновь развито на уже совершенно новой технической базе.

Так, земли древнего орошения Приаралья и ряда других областей Средней Азии и Казахстана из пустыни превратятся в богатый сельско-

²⁸ Проводились почвоведом «Союзводпроекта» и Ин-та почвоведения АН Казахской ССР.

хозяйственный район орошаемого земледелия и интенсивного животноводства.

Жесткие законы развития классового общества и стихийная хозяйственная деятельность в прошлом превратили некогда цветущие оазисы в пустыню. Но законы развития нового, коммунистического общества создают научно обоснованные планы хозяйственного освоения и преобразования обширных пустынных территорий, подготовленных тысячелетним трудом прежних обитателей.

В этих будущих планах находят свое место комплексные исследования археологов, географов и этнографов по изучению земель древнего орошения.

THE FUTURE OF THE ANCIENT IRRIGATION LANDS OF THE SOUTH-EAST ARAL SEA AREA

In the renewed economic utilization of the ancient irrigation lands in Soviet Central Asia an important role is played by the integrated archaeological-and-geographical investigations of «dead» oases with their ancient canals, fields and ruins of settlements dating from different historical periods. These investigations have demonstrated that at all times it was the late Quaternary alluvial delta plain that was best adapted for irrigation and agriculture in the South-East Aral Sea area. This plain has at present a takyr or takyr-like surface with an over-all downward slope towards the Aral Sea which facilitates the construction of future irrigation systems. With the coming of Siberian waters to the Syr-Darya lowlands a multi-branch economy will be built up here combining irrigation agriculture with cattle raising: such an economy had existed in this area in the past and may be developed again, though based upon an entirely new technology.

Г. П. Васильева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ТУРКМЕН

Декоративно-прикладное искусство туркменского народа в силу социально-экономических условий жизни издавна тесно связано с бытом и наряду с удовлетворением эстетических потребностей имеет чисто утилитарное назначение. Среди всех видов народного искусства наибольшее значение в настоящее время сохраняют ковроткачество, производство узорных войлоков, вышивка и ювелирное искусство; ныне они не только широко бытуют, но совершенствуются и развиваются. Богатые народные орнаментальные традиции обновляются мотивами, созвучными нашей социалистической эпохе. Гончарство также имеет некоторые перспективы для развития. Резьба по дереву и глине, бытовавшие прежде, в настоящее время, видимо, уже не имеют будущего.

До революции лишь немногие виды прикладного искусства (ювелирное производство, гончарство, резьба по дереву) были профессиональным занятием, но большого товарного значения они не имели, а сочетались, как правило, с другими видами хозяйства — земледелием, скотоводством и т. д.; ковроделие и кошмовальное носили характер домашних промыслов и были исключительно областью женского труда.

Ковроткачество — один из самых древних видов туркменского народного прикладного искусства — достигло высокого совершенства. Прекрасные туркменские ковры уже в XVIII—XIX вв. были широко известны далеко за пределами расселения самого народа не только в России, но и в Западной Европе и даже в Америке. На рынках Средней и Передней Азии их больше знали под именем «бухарских», «текинских» и изредка «пендинских», хотя производились они на гораздо более широкой территории у разных туркменских племен. Ковры и ковровые изделия этих отдельных групп значительно отличались друг от друга по цвету, характеру узора, технике тканья, назначению в быту¹.

По технике ткачества туркменские ковровые изделия делились на ворсовые и безворсовые (паласная техника), а также сотканые смешанной техникой. Последних было немного. К ним принадлежали главным образом дорожки *голан*, протянутые вокруг юрты с внешней стороны для укрепления камышовых циновок, и вещевые мешки — *чувал* и *хурджин* и др. В юрте, которая для значительной части туркмен была до революции одним из основных видов жилья, ковровые изделия — большие и средней величины сумки для одежды, вещей, маленькие — для утвари, ковровые полосы для украшения купола и стен, занавески на дверь, наконец, постилочные ковры — заменяли мебель и служили прекрасным украшением интерьера. Ткать ковры умела буквально каждая туркменская женщина, этим видом искусства девочки овладевали с малых лет.

¹ В. Г. Мошкова, Ковры народов Средней Азии, Ташкент, 1970.

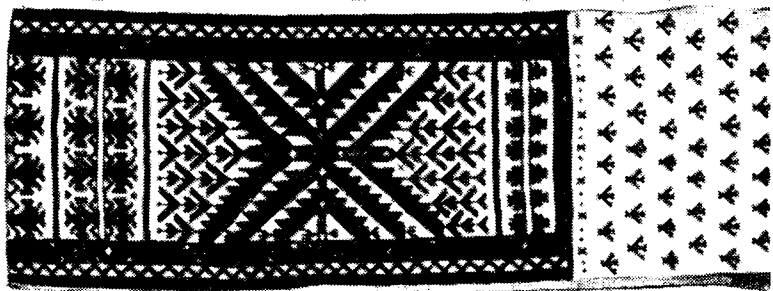

Рис. 1. Фрагмент ковровой полосы (*биль йун*), опоясывающей и скрепляющей остов юрты и обращенной орнаментированной стороной внутрь юрты. Кара-Калинский район. Фото Г. А. Аргиропуло

В конце XIX в. в связи с проникновением капиталистических отношений в Среднюю Азию спрос на туркменские ковры сильно возрос и ковроделие приобрело товарный характер. Увеличение производства ковров на вывоз привело к ухудшению их качества, особенно в связи с заменой растительных красителей анилиновыми.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался подлинный расцвет туркменского ковроделия. С первых лет после установления Советской власти ковровщицам оказывалась постоянная помощь. В 1926 г. в республике была создана ковровая кооперация, объединившая ковровщиц в артели, снабжавшая их материалами и регулировавшая заказы. В 1929 г. она была преобразована в Ковровый союз Туркменской ССР, под руководством которого в различных районах республики работали отдельные ковровые мастерские. В 1960 г. была создана Ашхабадская ковровая фабрика, а в 1963 г. в целях улучшения планирования и организации производства все ковровые фабрики и мастерские республики, занимавшиеся ручной выделкой ковров, были объединены в фирму Туркменковер — единственную в стране ковровую фирму².

Поиски нового в ковроделии начали сами ковровщицы-туркменки почти сразу после установления Советской власти. Туркменское ковроткачество до революции развивалось в рамках, определенных религиозными догмами, запрещавшими изображение живых существ. Борьба партий и советского правительства за раскрепощение женщины и ее равноправное положение в обществе вызвала небывалый подъем среди передовых женщин-туркменок; бросив смелый, ломавший вековые устои, вызов старым обычаям, они начали создавать ковры-портреты.

Наиболее ранние ковры-портреты были созданы вскоре после смерти В. И. Ленина и являлись как бы своеобразным памятником ему. В 1925 г. в разных районах Туркмении — на Челекене, в Казанджике и Мары — были созданы три ковра-портрета В. И. Ленина³, изображавших его в различных позах в традиционном ковровом оформлении. Среди них на первом месте с точки зрения художественного исполнения стоит ковер брата и сестры Шараповых из селения Карагель (Челекен), на котором портрет Ленина на фоне заводских труб, фабричных зданий и вспаханных полей обрамлен неширокой каймой простого орнамента. Внизу под портретом надпись: «Ленин умер, но дело его живет». Цветовой строй ковра мягкий, сдержанный и немногословный⁴.

² Г. И. Саурова, Современный туркменский ковер и его традиция, Ашхабад, 1968, стр. 70—72.

³ Г. Саурова, Первенцы ковровой Ленинианы, «Памятники Туркменистана», 1969, № 2(8), стр. 10—11.

⁴ Там же.

Рис. 2. Современный ковровый портрет Махтум-Кули; авторы эскиза Д. Реджепов и Ершов, ткали М. Назарова и А. Нурбердыева; ашхабадская ковровая фабрика. Ковер демонстрировался на ВДНХ в августе 1961 г. Фото Г. А. Аргиропуло

В 1927 г. ковровщица Биби Ахметова из Байрам-Али соткала ковер, в кайму которого включила лозунг «Долой калым» и небольшой портрет В. И. Ленина. На центральном поле этого ковра узор (голь) текинцев соединен с голем сарыков и, таким образом, нарушена традиционность прежних форм.

Наконец, еще один ковер из серии Ленинианы был создан ковровщицей Д. Пальванкулиевой из Геок-тепе в 1929 г.

В 30-е годы в Ашхабаде для разработки новых орнаментальных форм в ковроделии при Ковровом союзе ТССР была организована художественно-экспериментальная мастерская. С помощью профессиональных художников в ней создавались эскизы сюжетно-тематических ковров, сочетавших жанровые сценки, портреты и т. д. с традиционными орнаментальными мотивами. По эскизам художников Бяшима Нурали, С. Н. Беглярова, А. П. Жукова, Д. Реджепова и других была создана серия портретов государственных и общественных деятелей, видных представителей литературы и искусства и декоративные ковровые панно, в кото-

рых получили отражение борьба за мир, дружба народов, бытовая тематика. Таким образом, в туркменском ковроделии появилось два новых направления — портрет и монументально-декоративное панно⁵, однако классический орнаментальный ковер по-прежнему пользуется популярностью. Наряду с возрождением многих старых, незаслуженно забытых орнаментальных мотивов, были созданы ковры с новым орнаментом и ковры с традиционным рисунком. Среди них можно назвать ковер-гигант, сотканный в 1941 г. и предназначенный для занавеса сцены Государственного Академического Большого театра Союза ССР.

Художественно-экспериментальная мастерская существует и в настоящее время; как и прежде, здесь в тесном содружестве художников и ковровщиц ведутся поиски новых орнаментов, сохраняющих традиционный стиль, нового цветового решения традиционного орнамента, новых форм ковровых изделий для применения их в современном быту: ковровых сумочек, диванных подушек, чехлов на стулья, на велосипедные седла и седла для мотоциклов и т. д.

Таким образом, в годы Советской власти ковроткачество стало профессиональным искусством.

Высокое мастерство туркменских ковровщиц получило должное признание у нас в стране и за рубежом. Многие ковровщицы носят почетное звание заслуженных ковровщиц Туркменской ССР. На протяжении всей истории Коврового союза туркменские ковры побывали на ярмар-

⁵ Г. Саурова, Молодость древнего искусства, «Памятники Туркменистана», 1967, № 4, стр. 24—28.

ках и выставках более чем в 50 странах⁶. Международное признание туркменских ковров подтвердила ковровая выставка в Париже в 1937 г., на которой туркменский ковер был отмечен Большой золотой медалью. На выставке в 1958 г. в Брюсселе 200 туркменских ковровщиц получили свидетельство⁷.

Несмотря на такое высокое развитие уровня профессионального мастерства, ковроделие продолжает бытовать и развиваться и как народное искусство. В сельских местностях, особенно в скотоводческих районах, где много пастбищ и колхозники имеют возможность держать в личном пользовании больше мелкого рогатого скота, ковроткачество остается одним из видов домашних занятий. В свободное от полевой работы время женщины-колхозницы как старые, так и молодые занимаются ковроделием для своей семьи. Наряду с постилочными коврами женщины ткут и различные ковровые изделия, однако в связи с коренной перестройкой быта их формы претерпели изменение. Так, значительно меньше делают ковровых сумок, сохраняющих в наши дни главным образом декоративное значение, не производят ламбрекенов и ковровых дорожек для юрт, ковриков для украшения свадебного верблюда; вместо этих вещей женщины ткут небольшие настенные коврики с кистями, чехлы на кресла и на сиденья автомобилей, седла для мотоциклов и велосипедов, женские сумочки и т. д.

Насколько искусство ковроделия является народным, показывают смотры народного творчества, проводимые в республике, в которых принимает участие большое число ковровщиц. На одном из них в 1957 г. вторую премию получили бахарденские ковровщицы Аннагозель Хаммедова и ее дочь Курбангуль, восстановившие один из незаслуженно забытых видов текинского орнамента — *кеджебе-голь*. Многие народные умелицы сами ищут и находят удачные сочетания новых форм и сюжетов с традиционным орнаментальным мотивом. Так, молодая ковровщица Мукарам Мамедкулова в самом начале 60-х годов представила на один из смотров небольшой ковер с рисунком «Ракета», сотканный ею вместе с матерью⁸.

Широко распространенным занятием туркмен издавна было кошовальное — производство одноцветных и узорных войлоков. Валь-

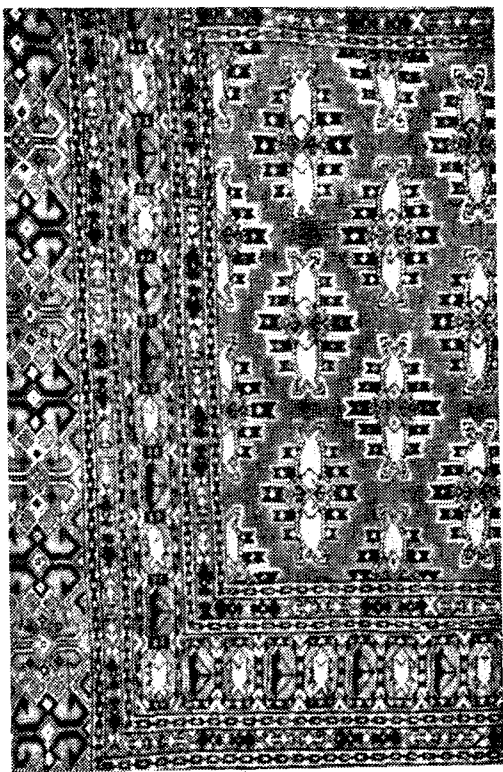

Рис. 3. Фрагмент современного ковра «Каспий» (дипломная работа А. Амановой); ашхабадская экспериментальная ковровая фабрика. Ковер демонстрировался на ВДНХ в августе 1961 г. Фото Г. А. Аргиропуло

⁶ Г. Саурова, Молодость древнего искусства, стр. 28.

⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 146.

⁸ Газ. «Туркменская искра», 11 января 1957 г. и 20 января 1959 г.

нием одноцветных войлоков для покрытия юрт, войлочных попон для лошадей, войлочных накидок для чабанов и т. д., а также выделкой узорных войлоков занимались почти все народы, в хозяйстве которых овцеводство играло большую роль.

В Средней Азии и Казахстане выделкой войлочных ковров занимались казахи, киргизы, часть узбеков, каракалпаки и туркмены. В отличие от первых двух народов, а также от некоторых полукочевых в прошлом групп узбеков, которые выделяли несколько видов войлочных ковров (с узором, созданным аппликацией из ткани или цветного войлока

Рис. 4. Традиционный ковровый ламбрекен (*gapy gunnuk*), украшающий дверь юрты. Тахта-Базарский район. Фото Б. А. Ананьева

по одноцветному фону, узорной стежкой по войлоку, мозаичные или инкрустированные, с вкатанным узором и т. д.), туркмены так же, как каракалпаки и часть узбеков, знали лишь один способ выделки узорных войлоков, в котором они достигли высокого совершенства — техникой вкатанного узора.

В силу традиционных условий быта среднеазиатских народов орнаментированные войлоки, прежде бывшие совершенно необходимыми в каждом доме, до сих пор остаются его неотъемлемой принадлежностью. Именно благодаря такому широкому распространению в быту производство войлочных орнаментированных изделий было хорошо известно почти всем туркменам. Между тем, видимо, вследствие исключительной утилитарности войлочных ковров, этот вид народного искусства туркмен совершенно не привлекал внимания исследователей и поэто-

му не получил освещения в литературе. Существовало даже мнение о том, что туркмены не делали орнаментированных войлоков. Так, например, художник С. М. Дудин, прекрасно знавший ковровое производство туркмен, писал, что не встречал у туркмен узорчатых кошм⁹. По той же причине, а также в связи со сравнительной недолговечностью орнаментированные войлоки очень слабо представлены и в музейных коллекциях.

Как уже говорилось, войлоки выделялись не всеми туркменами. Так, исконные земледельческие небольшие племена северных склонов Копетдага и ряд племен в приамударьинских районах, не знавшие искусства ковроткачества, не занимались и кошмовалением. Наиболее славились своими войлочными изделиями туркмены-иомуты и сарыки, которые уже в конце XIX в. производили простые и узорные войлоки для сбыта на местном рынке. В «Обзоре Закаспийской области» отмечалось, что «сарыкские женщины в Елатани приготавливают на несколько тысяч рублей узорчатые (разрядка наша.—Г. В.) и простые войлоки, которых ежегодно ими выделяется приблизительно до 25 тыс. штук, на что идет от 18 до 20 тыс. пудов шерсти... Некоторые сарыки изготовляют в год до 1000 и более кошм для оптовой продажи в Мерве, для чего скупают шерсть и нанимают десятки работников»¹⁰. Ф. А. Михайлов, указывая на большую роль в жизни туркмен войлочных изделий, делит их на кибиточные (т. е. для покрытия остова юрты) серого и белого цвета, постилочные, темные и украшенные цветным узором, и белые войлоки для попон, потников и др. Постилочные войлоки он называет кошмами. Всего в Закаспийской области, по его словам, на конец XIX в. выделялось до 60 тыс. штук кошм, из которых половина приходилась на Красноводский уезд, «где племя иомудов делает самые лучшие кошмы в области (разрядка наша.—Г. В.)»¹¹.

А. Фелькерзам, ссылаясь на «Военный сборник» за 1872 г., писал: «...толстые и прочные темного цвета с пестрым рисунком (иомутские кошмы.—Г. В.) часто заменяют настоящие ковры»¹². Другие туркмены Закаспийской области — главным образом текинцы, салоры и небольшая группа ата — не отличались особым искусством в выделявании узорных войлоков, хотя у последних двух групп, по словам наших информаторов, этот вид декоративно-прикладного искусства был известен давно. Текинцы же, марыйские и тедженские стали валять узорные кошмы лет 50 тому назад; до этого их кошмы были белыми с вкрапленными кое-где цветными пятнышками; кошмы, сделанные из сероватой шерсти ягнят, назывались *гызыл-кече*¹³. Хорезмские туркмены-иомуты и туркмены-эрсари, жившие на Средней Амударье в пределах Бухарского ханства, в прошлом также валяли узорные войлоки.

Узорное кошмоваление в наши дни сохраняет и развивает свои художественные традиции. Оно распространилось среди туркменского населения почти всех районов республики, причем в последние 20—30 лет стало развиваться даже в чисто земледельческих областях, где прежде им не занимались, так как у населения было мало мелкого рогатого скота и, кроме того, не было устойчивых традиций. Если прежде много шерсти уходило на производство простых войлоков для покрытия юрт, потников, попон для лошадей и т. д., то теперь, когда юрта сохраняется лишь кое-где как сезонное жилище или жилище чабанов, отпала необ-

⁹ С. М. Дудин, Ковровые изделия Средней Азии, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VII, Л., 1928, стр. 89.

¹⁰ «Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год», Асхабад, 1897, издание 2-е, стр. 82—83.

¹¹ Ф. А. Михайлов, Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 69.

¹² А. Фелькерзам, Старинные ковры Средней Азии, журн. «Старые годы», 1914, октябрь — декабрь, стр. 108.

¹³ Полевые записи автора, сентябрь 1969 г.

ходимость в таком массовом производстве белых войлоков. Поэтому колхозники имеют возможность всю овечью шерсть, скопленную за несколько сезонов, использовать для изготовления войлочных ковров (*кече*) для пола, сделанных из разноцветной шерсти. До сих пор кошма — необходимая принадлежность быта, предмет декоративного убранства комнаты или юрты. Ими устилают весь пол в два-три слоя; в комнате для гостей стелют под ковер; запасные кошмы укладывают вместе с одеялами и подушками на укладку (*юкери*). Обычно узорные кошмы имеют прямоугольную форму со слегка закругленными углами. Их средний размер $2,5 \times 1,5$ м, встречаются кошмы и больше — $4 \times 2,5$ м, и меньше — $1,5 \times 1$ м. В тех районах, где сохраняется юрта (чаще всего на западе, так как там преобладает скотоводство) валяют и большие П-образные узорные войлоки *очаг-баши*, которые покрывают почти целиком всю площадь пола юрты, оставляя открытым лишь место очага. В наиболее широкой своей части *очаг-баши* достигает 6—6,5 м.

Помимо описанных выше войлочных ковров до сих пор встречаются еще и небольшие коврики (*намазлык*) для моления. Намазлык невелик по размерам (до $1,5 \times 1$ м) и имеет полуовальную или даже овальную форму.

По характеру орнамента и стилю узорные войлоки всех туркмен едины и глубоко национальны; вместе с тем до сих пор у населения разных районов республики сохраняется некоторое своеобразие в орнаментике, цвете и названии узоров, отражающее былые племенные особенности. Так, узоры войлочных ковров выкладываются, как правило, из шерсти различных оттенков красного цвета теплой тональности, реже неяркой зеленой, желтой или синей; кошмы населения Средней Амударьи выделяются яркостью окраски, необычным для туркмен сочетанием цветов, иногда таких, как ярко-желтый с малиновым, фиолетовым, зеленым.

Своеобразны по узору двусторонние войлочные ковры западных прикаспийских туркмен. Узор на обратной стороне кошмы сразу воспринимается как совершенно самостоятельный. Это чаще всего рогообразные фигуры и завитки, расположенные вокруг одного стержня, делящего кошму по горизонтали на две равные части: иногда эта основная линия пересекается несколькими вертикальными с такими же завитками вокруг. Наиболее искусные мастерицы на обратной стороне воспроизводят весьма сложный узор, никогда не встречающийся самостоятельно и композиционно единый с узором на лицевой стороне войлочного ковра¹⁴.

Туркменская вышивка имеет очень давние традиции. Она своеобразна по технике, характеру орнамента, цветовому решению. В быту туркмен вышивка не была столь распространена, как, скажем, у узбеков или киргизов, которые украшали ею многие предметы быта и интерьер жилого помещения. Туркмены вышивали главным образом одежду и головные уборы, однако вышивка достигла высокого уровня развития.

Туркменки расшивают цветными шелковыми нитками тубетейки девиц и мужские (мальчиков и мужчин), ворот, а иногда и рукава женских платьев, женские шелковые халаты, набрасываемые на голову — *курте* (теперь они уже встречаются лишь в отдаленных сельских районах), рукава и края боковых разрезов женских бархатных и шелковых халатов, края боковых разрезов и полы мужских халатов из верблюжьей шерсти (*чекмень*) и т. д. В прошлом вышивка у туркмен была более распространена. Судя по музейным коллекциям конца прошлого и начала нашего века и данным этнографических полевых материалов,

¹⁴ Подробнее о принципах композиции туркменских войлочных ковров см. Г. П. Васильева, Туркменские узорные кошмы, «Памятники Туркменистана», 1970, № 1(9), стр. 24—25.

ассортимент вышитых предметов был значительно шире. Широко распространенными до недавнего времени были прекрасные, сплошь расшитые цветными нитками женские головные халаты-накидки (*чырпы*), характерные для южных туркмен, главным образом текинцев. Сплошь вышивались женские головные уборы — высокие шапки на войлочной подкладке чаще всего с меховой опушкой по краю — *топбы* туркмен-чоудоров, эрсари, шихов и др., нижние женские шапочки чоудорок (*ичтахья*), манжеты мужских рубаш (*голбаг*) у западных иомутов, нижняя часть мужских штанов у сарыков и т. д. Реже украшались вышивкой

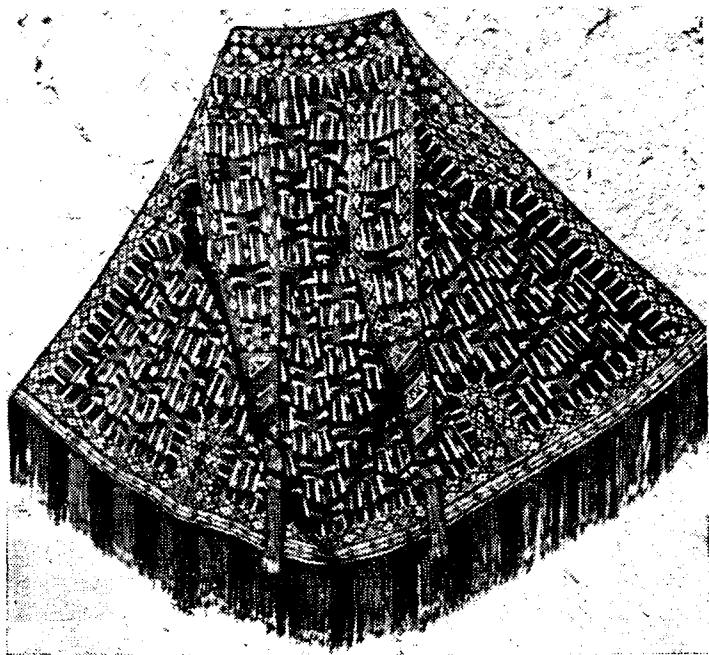

Рис. 5. Традиционный вышитый халат-накидка на голову (*чырпы*) с длинными ложными рукавами. Ашхабадский краеведческий музей. Фото Г. А. Аргиропуло

небольшие сумочки для хранения мелких вещей, края войлочных конских попон и войлочных же накидок пастухов.

В музейных коллекциях имеются единичные экземпляры вышитых шерстью тканых дорожек конца прошлого века.

Как элемент украшения вышивка встречалась и на свадебном украшении верблюда — *дуге-башлык* — и на ряде других бытовых предметов. Ныне вышивкой обычно украшают ворот и рукава женских платьев, детские и мужские тюбетейки, женские национальные халаты. Вышивают не только платья традиционного покроя: все шире используется туркменская вышивка для украшения платьев как модернизированного национального, так и городского покроя, дамских сумочек, мужских галстуков, ремешков для часов, мужских белых рубашек типа гуцулов и т. д.

Наиболее распространена в наше время традиционная техника вышивания швом *коджиме* (или как его обычно называют *кешде*, т. е. вышивка), который часто сочетается, особенно на юге, с другим, чисто туркменским петельным швом *ак (сары) гайма*. Коджиме¹⁵ — своеобраз-

¹⁵ Термином *коджиме* туркмены называют также переплетение веревочных петель на хурджуме; вышивка этим швом очень похожа на указанное переплетение. Подобный шов встречается также у южных киргизов, изредка у каракалпаков и в Юго-Западной

ный «верхошов» (встречается еще под названием «косая сетка»), закрывающий всю поверхность ткани на месте узора, прежде был распространен менее широко, в основном в Южной Туркмении; у многих групп туркмен, в частности на севере, он вытеснил сохранившийся ныне в западной части республики тамбурный шов — *ильме* (*ильдирме*). Судя по музейным коллекциям, этим швом в прошлом вышивали узоры женщины у подавляющего большинства туркменских племен. На Средней Амударье наряду с тамбурным и петельным широко был распространен гладевой шов — *батлы ерне*¹⁶. В современной вышивке используются как все традиционные швы, так и новые: на многих платьях и мужских рубашках традиционные мотивы выполнены новым для туркмен швом — крестом, часто по канве.

Ювелирные изделия туркмен по художественным качествам и технике занимают особое место среди украшений других народов Средней Азии и Казахстана. Туркменский женский традиционный костюм невозможно представить без украшений, особенно многочисленных и красивых у молодых женщин и девушек. Украшения носили с раннего детства до глубокой старости. В прошлом украшения как серебряные, так и в виде стеклянных бус прикреплялись к одежде и головным уборам маленьких детей — девочек и мальчиков. Девичьи тюрбеты были украшены серебряными монетами, а на их макушке укреплялся серебряный куполок с подвесками; на груди платья и халаты девушек и женщин украшались серебряными круглыми бляшками. Серебряными изделиями был украшен головной убор женщин; на шею, руки и грудь надевали множество разнообразных украшений с колокольчиками. Все это при движении шелестело и звенело.

Туркменские украшения в основном делают из серебра; они массивные, с позолотой и со вставками из сердолика и бирюзы или цветного стекла, са множеством мелких изящных серебряных подвесок. В прошлом женские украшения отдельных племен отличались друг от друга, и племенную принадлежность туркменки легко можно было определить по украшениям даже в ее повседневной одежде.

В колониальный период, главным образом с начала XX в., женские украшения стали массивнее и вычурнее, особенно у богатых туркменок. Высокий головной убор молодых женщин (*борик* текинок, *хасава* иомуток) со множеством серебряных подвесок и украшений был настолько тяжелым, что приводил к искривлению позвоночника. В 30-е годы туркменская интеллигенция повела борьбу против этого тяжелого головного убора. Когда началась Великая Отечественная война, туркменские женщины, охваченные высоким чувством патриотизма, стремясь оказать посильную помощь фронту, стали сдавать в фонд обороны СССР свои украшения. Всего за годы войны было сдано 7392 кг серебра и золота¹⁷.

Современные ювелирные изделия более ажурны и легки, но менее разнообразны. Многие старые тяжелые, хотя и красивые, украшения вышли из употребления, сохранившись лишь в музеях или семейных сундуках. Вместе с тем некоторые украшения, прежде характерные для одного или двух-трех племен, широко распространились во всей республике и за ее пределами. Так, например, круглая большая брошь — *гульяка*, бытовавшая в прошлом веке у западных иомутов, которая скрепляла вырез платья на груди, с 20-х годов начала быстро распространяться на восток и в наше время стала общетуркменским украше-

Башкирин. См. Г. Л. Чепелевецкая, Вышивка, в кн. «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов», М., 1968, стр. 80.

¹⁶ А. Пиркулиева, Домашние промыслы и ремесла туркмен долин Средней Амударьи во второй половине XIX — начале XX века, Ашхабад, 1973, стр. 28.

¹⁷ «Материалы X съезда Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана», Ашхабад, 1950, стр. 8.

нием. В последние годы и она претерпела изменения, превратившись в небольшую продолговатую брошь с легкими подвесками.

Так же широко, как и гуль-яка, распространилась среди туркменского населения всех районов и *купба* — украшение на тюрбетейках девочек — серебряный куполок-навершие с мелкими звенящими подвесками, прежде характерное главным образом для текинцев и иомутов. Теперь это украшение вместе с височными серебряными подвесками — *чекелик* стало частью национального девичьего костюма (см. рис. на обложке). По-прежнему в сельских местностях, а кое-где и в городах, для украшения костюма используются многие национальные ювелирные изделия. Это массивные серебряные браслеты — *билезик*, надеваемые на обе руки в торжественных случаях, нагрудное украшение — *апбасы* — круглые плоские серебряные бляшки величиной с полтинник, которые укрепляются на платьях молодых женщин или девушек спереди от плеч до талии, серебряные украшения, нашиваемые на халат, а в Южной Туркмении — серебряное украшение (*эгме* или *ильдир-гич*) головного убора молодых женщин. Пожилые женщины носят кольца традиционной формы.

В наши дни обращается особое внимание на развитие этого вида искусства: народные мастера-ювелиры взяты на учет, им помогают получать материал. В 1966 г. при республиканском Художественном фонде был создан ювелирный цех. Мастера имеют возможность проявлять свою индивидуальность и мастерство, создавая новые вещи в традиционном стиле.

Подвергся некоторому изменению и орнамент украшений. В прошлом на большинство серебряных изделий позолотой наносились растительные узоры, а в иомутских украшениях — геометрические. Современные ювелиры, и среди них такие, как Гул Бабаниязов, Анналы Чекаев, Сапар Сахатов, стали вводить в ювелирные изделия новые мотивы (например, Гул Бабаниязов вписывал в круглую традиционную форму гульяки пятиконечную звезду и т. д.)¹⁸. Мастера ювелирного цеха сумели освоить производство ряда украшений в национальном стиле, уменьшив их размеры и вес и не нарушив красоты старинных образцов. Их достижения наглядно показала проходившая в Москве в июне-июле 1972 г. выставка изобразительного и декоративно-прикладного искусства пяти республик Средней Азии и Казахстана, посвященная 50-летию образования СССР. Среди изделий, представленных на выставке туркмен-

Рис. 6. Молодая женщина в традиционной одежде. Гасан-Кулийский район. Фото Г. А. Аргиропуло

¹⁸ Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович, Очерки по истории искусства Туркменистана, Ашхабад, 1956, стр. 144.

скими ювелирами, наиболее интересны вещи Эсена Союнова, молодого мастера Ата Курбанкулиева и др.¹⁹.

Гончарство у туркмен никогда не было распространено особенно широко, хотя и являлось одним из древнейших занятий населения: археологические и литературные материалы свидетельствуют об этом совершенно определенно. Как и ювелирное дело, гончарство было ремеслом и требовало больших профессиональных навыков. Однако в отличие от ювелиров, которые были почти в каждом ауле, как оседлом, так и кочевом, и создавали вещь, работая на заказ, гончары в подавляющем большинстве делали посуду для продажи на рынке. По характеру своего ремесла гончары были привязаны к определенному населенному пункту, в котором или возле которого был базар.

На территории нынешней Туркмении существовало три центра гончарства: в Мервском оазисе, на Средней Амударье в районе Чарджоу и в Северном Туркменистане возле Куня-Ургенча и Ташауза.

В средние века по своим техническим и художественным качествам особенно славилась мервская неполивная керамика (XI—XII вв.), вызвавшаяся во многие другие области Востока.

Гончарством занимались определенные группы населения, строго хранившие свои секреты производства и передававшие свои знания, как, впрочем, и в других ремеслах, чаще всего по наследству от отца к сыну. Гончаров называли «куял», относились к ним с некоторым пренебрежением, не считая их чистокровными туркменами.

Периодом наивысшего расцвета гончарного ремесла в Туркмении считается вторая половина XIX в.²⁰, когда гончары изготавливали многие виды посуды: кувшины, блюда, тарелки, горшки, пиалы и т. д., а в некоторых районах — *тамдыры* (хлебные печи) и трубы для водопровода. После присоединения Туркмении к России гончарное ремесло постепенно приходит в упадок, так как привозная фарфоро-фаянсовая посуда была более дешевой и разнообразной.

Во время Великой Отечественной войны, когда привоз фабричной посуды резко сократился, в Туркмении вновь возродилось производство гончарной посуды. Ее теперь делали в промкомбинатах городов Чарджоу, Мары, Ашхабада, Ташауза, Каахка и др., однако в ней было очень мало национальных художественных черт, сохранились лишь традиционные формы²¹. Постепенно с улучшением материальных условий жизни гончарные мастерские стали закрываться. Не прекратилось производство гончарной посуды лишь в Ташаузской области, где на базе появившихся в годы войны мастерских стали возрождаться ныне художественные формы древнего гончарного искусства.

О том, что эти усилия приносят известные успехи, свидетельствуют экспонаты Всесоюзной выставки-конкурса произведений декоративно-прикладного искусства народных мастеров и самодельных художников в Москве в 1970 г. На ней, в частности, экспонировались керамические изделия куня-ургенческих гончаров Ешмурада Сапарова, Нормета Гошаева, Юсупа и Мешерипа Хайтмурадовых и др. Одному из них, Хайтмурадову Юсупу, за превосходные традиционные керамические изделия — кувшины и блюда — был присужден диплом журнала «Декоративное искусство СССР»²².

Резьба по дереву у туркмен также имеет давние традиции, этнически связывающие их с ираноязычным населением оазисов. Вместе

¹⁹ «Выставка. Живопись, графика, скульптура, плакат, театрально-декорационное и декоративно-прикладное искусство. Каталог», М., 1972.

²⁰ С. М. Артыков, Традиция и современность, «Памятники Туркменистана», 1970, № 2(10), стр. 5.

²¹ Там же.

²² «Декоративное искусство СССР», 1970, № 12/157.

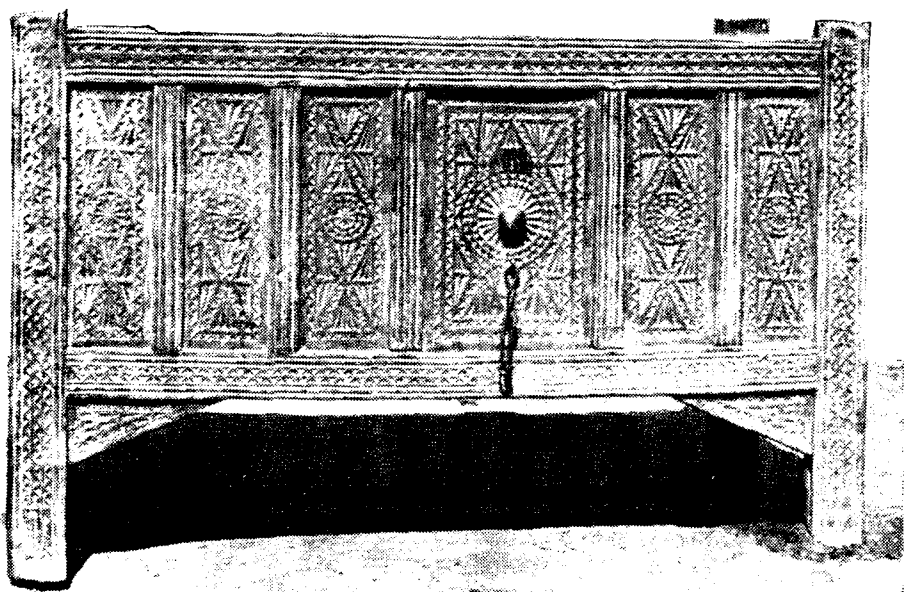

Рис. 7. Резной шкафчик (сандык). Керкинский район. Фото Б. А. Ананьева

с тем традиции резьбы по дереву характерны для значительной части полукочевого тюркоязычного населения Средней Азии.

Туркмены украшали резьбой двери юрт и домов, колонны айванов, ворота глинобитных усадеб (*ховлы*), сундуки, шкафчики, футляры для пиал и другие предметы быта. Резали из разных видов дерева, но лучшими считали урюковое и тутовое. Техника резьбы по дереву в основном плоско-рельефная, однако наряду с простейшими приемами этого вида, когда контур прорезается перпендикулярно плоскости или слегка наклонно к ней, туркмены знали и сложно-профилированную резьбу, связанную обычно со спирально-ленточным орнаментом²³. Орнамент резьбы обычно геометрический и отличается большой простотой; растительным орнаментом чаще всего украшали колонны и двери культовых сооружений. В орнаменте — ветвях со стилизованными листьями и цветами — преобладает, как и в каракалпакской резьбе, мотив цветка ириса²⁴. На дверях юрт, украшенных простейшими геометрическими фигурами, встречаются также и круги-розетки, а в Западной Туркмении — рогообразные фигуры. Этот вид народного искусства (а им занимались на всей территории расселения туркмен), так же как и орнамент на пахсовых (глинобитных) стенах, к сожалению, не имеет большого будущего и встречается все реже и реже.

Орнамент на пахсовых стенах в прошлом был широко распространен в северных и восточных районах расселения туркмен в пределах бывш. Хивинского и Бухарского ханств. Мастера (строители домов), пользуясь в качестве инструмента небольшой деревянной лопаткой *чыкыч*, создавали довольно сложные геометрические узоры на стенах усадеб (*ховлы*), домов, на предвратных сооружениях и даже на внутренних стенах жилых помещений, украшая таким образом свой интерьер. Орнамент на туркменском пахсовом жилище близок к такому же у бухарских и хивинских узбеков и имел аналогии в архитектурных

²³ В. Солтанова, Резьба по дереву, «Памятники Туркменистана», 1970, № 1(9), стр. 27.

²⁴ Т. А. Жданко, Народное орнаментальное искусство каракалпаков, «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III, М., 1958.

памятниках Хорезма XI—XIV вв.²⁵. На территории бывш. Бухарского ханства лучшими строителями пахсовых жилищ с резным орнаментом считались туркмены-эрсари из района Керки.

* * *

Художественная целостность и единство происхождения орнамента разных видов декоративно-прикладного искусства туркмен несомненны. Несмотря на то что судьбы отдельных отраслей декоративного искусства в разные периоды их исторического развития были различными, все искусство туркмен отличается своеобразием, присущим именно этому народу. Внешнее различие орнамента ковров и кошм или ювелирных изделий и гончарных в значительной степени стирается при более внимательном анализе их и в известной мере обусловлено особенностями материала, из которого они создаются. Одинаковые композиционные построения и одинаковые по замыслу и названию фигуры воспринимаются по-разному вследствие специфики материала и характера выделки вещи.

Геометрические фигуры, такие, как *гочок*, *хамтоз*, *чийн* (*сарычийн*), *гелин бармак* и др., широко используются в орнаментах ковров, вышивок, кошм и других видов народного декоративно-прикладного искусства. Растительный орнамент на халатах-накидках текинцев, старинных девичьих шапочках гокленов и чоудоров совершенно аналогичен орнаменту некоторых ювелирных изделий, имеет близкие аналогии с орнаментацией деревянных колонн Северного Туркменистана и носит одинаковое название. Многие орнаментальные мотивы на пахсовых стенах и деревянных дверях обнаруживают поразительное сходство с ковровыми.

Композиционное построение центрального поля узорных войлоков в принципе аналогично ковровому и в основном сводится к пяти типам. Наряду с медальонной, сетчатой и шашечной композициями, характерными для туркменских ковровых изделий²⁶ (они присущи и вышивке), в кошмах встречаются еще две — с вихревыми розетками и двухчастная горизонтальная. В войлочных коврах с сетчатой композицией, которая характерна для туркмен Мургабского оазиса, преобладает цветное решение узора.

Как говорилось выше, орнаментика почти всех видов изделий туркмен сохраняется в целом традиционные узоры. Однако орнамент войлочных ковров непрерывно изменяется и развивается (у каждой мастерицы имеются свои собственные узоры) при сохранении основного стиля композиции.

Следует отметить, что Художественный фонд ТуркмССР обращает большое внимание на развитие многих видов декоративно-прикладного искусства. Возрождается производство художественной керамики (особенно успешно в Северном Туркменистане), объединяются в артели вышивальщицы, делаются успешные попытки организации производства узорных кошм для продажи²⁷. Таким образом, туркменское декоративно-прикладное искусство имеет большие перспективы для дальнейшего развития. Это убедительно продемонстрировала выставка народного и прикладного искусства Средней Азии и Закавказья в Государственном музее искусств народов Востока осенью 1972 г., на которой произведения современного народного декоративно-прикладного искусства туркмен занимали видное место²⁸.

²⁵ В. Солтанова, Орнамент на пахсовых стенах старинных туркменских жилищ, «Памятники Туркменистана», 1969, № 1 (7), стр. 14—15.

²⁶ В. Г. Мошкова, Указ. раб.

²⁷ К. Атаев, По старинным мотивам, «Памятники Туркменистана», 1968, № 1 (5).

²⁸ «Памятники народного творчества», газ. «Туркменская искра», 8 сентября 1972 г.

THE CONTEMPORARY SITUATION IN FOLK DECORATIVE APPLIED ARTS OF THE TURKMENS

Turkmen decorative applied art is closely linked with every-day life; it combines the satisfaction of aesthetic requirements with purely utilitarian purposes. Among the various branches of folk art the greatest importance is retained in our days by carpet-weaving, the manufacture of decorated felts, jeweller's art, embroidery; their wealth of ornamental tradition is being perfected and is undergoing further development. Successful attempts are being made to resurrect the ancient art of pottery. Other branches of folk art: wood carving, clay carving etc., less widespread in former times, are at present gradually disappearing. The artistic unity and common origin of the different Turkmen decorative applied arts, their national originality stand beyond doubt. The outward differences in ornament in the different branches of Turkmen folk art are to a great extent determined by the peculiarities of the material and by the way the object is processed.

Great attention is being at present paid to developing decorative applied art: craftsmen are encouraged, art exhibitions organized. Thus Turkmen decorative applied art has wide prospects for its development.

Т. А. Колева

ВЕСЕННИЕ ДЕВИЧЬИ ОБЫЧАИ У НЕКОТОРЫХ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Вопрос о реликтах древних социальных институтов первобытного общества у южнославянских народов все еще не изучен. Эти реликты могут быть обнаружены в структуре некоторых обычаев и обрядов. В настоящей статье предпринята попытка типологического сравнения весенних девичьих обычаев у болгар, сербов и хорват и выяснения происхождения этих обычаев. Рассматриваются лазарские игры, бытовавшие до недавнего времени в Болгарии, а также обычай «кralице», распространенный в Сербии (в областях между реками Колубара и Тимок) и в Хорватии (Славония, Срем и Баранья). В народном сознании эти обычаи связаны с идеей плодоносящей силы человека и плодородия природы.

Лазарские игры и кralицы в разных областях были приурочены к разному времени. В большей части Болгарии они обыкновенно совпадают с великим постом, в частности с вербной субботой (день св. Лазаря) и с вербным воскресеньем, а также с пасхой; в южных ее областях празднование начинается со дня святых сорока мучеников; в Сербии и Хорватии обычай связан с днем св. духа. Исполнение обрядов может продолжаться несколько дней, пока участники не обойдут свое село, а иногда и соседние села.

Наименования обычаев также различны. В Болгарии их чаще всего называют *лазарки*, *лазарца*, *лазара*, *буѐнек*, *буѐнец*¹. В Сербии известно только одно название — *кralице*. В Хорватии имеется несколько его синонимов: *Ljelje*, *Kraljice*, *Kralji* и *Kraljevi*, *Kraljičari*² (по всей вероятности, по припеву кralицких песен «леле» и от названия девичьих групп или главных лиц, участвующих в обряде).

В группе участников обряда кроме лазарок или кralиц имеются и другие действующие лица, которые выполняют специальные функции. Так, в некоторых районах северо-восточной Болгарии в лазарскую

¹ Е. Стоин, Лазаруване в с. Негушево, Елинпелинско, «Известия на института за музика», София, 1955, кн. I—II, стр. 189—191; Хр. Вакарелски, Лазарици в Софийско, «Известия на Народния етнографски музей» (далее ИНЕМ), София, 1932, кн. X—XI, стр. 176—187; И. Захариев, Лазаруване в Каменца (Кюстендилско), там же, стр. 187—202; М. Арнаудов, Очерци по българския фолклор, София, 1969, кн. II, стр. 343—371; Р. Ангелова, Лазаруване в с. Бояново, сб. «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Стоян Романски», София, 1960, стр. 707—730; Л. Йорданова, За обичая лазаруване в България, «Известия на Етнографския институт и музей» (далее ИЕИМ), София, 1966, кн. IX, стр. 107—115; полевые материалы автора «Традиционни обичаи и обреди на населението в Хасковски окръг», Архив на Етнографския институт и музей (далее Архив ЕИМ), № 698—II, стр. 14—15, 18—22, 98—104.

² П. Костић, Годишњи обичаји у Неготинској Крајини, «Гласник Етнографског музеја», Београд, 1969, кн. 31—32, стр. 389—390; В. Караџић, Српски рјечник истумахен њемачкијем и латинскијем рјечима, Београд, 1898, стр. 309; М. Gavazzi, Godina dana hrvatskih narodnih običaja, Zagreb, 1939, knj. I, str. 70—81; Z. Lehner, Običaj «Kraljice» u Dalju, «Osječki Zbornik», Osijek, 1960, br. VII, str. 177—189; «Narodni običaj Ljelje-Kraljice (Gorjani—Dakovština), kao histoijski spomenik», Zagreb, 1967, str. 13.

группу входит *лазарова булка* (девочка 8—10 лет) и *буёнек* (боеница) в западных областях — *чаушка*, *изводачка*, *кумица*; в южной Болгарии — *крѣстница*, *калмѣна*, *кумѣ*, *подкалмѣна*, *войвода*³ (термины, которые в быту означают определенные отношения родства, общественные должности и звания). В сербской девичьей группе лица, выполняющие специальные функции, называются *велики* и *мали краљ*, *коловоѣа* и *дворкиња*⁴. В Хорватии это *desni kralj*, *lijevi kralj*, *lijela*, *kraljica*, *orubljiце*, *barjaktar*, *dvorkinja*, *dever*, *mlada*, *posnaška*, *rastavljача*⁵. Такие наименования, как *девер*, *поснашка*, *дворкиня*, вероятно, имеют позднее происхождение.

В южной Болгарии в обряде участвует молодой человек *буёнек* или *кум*, который выводит лазарский хоровод с реки в вербное воскресенье⁶. В Хорватии в группу входят двое юношей, обычно сверстники и девушки — участницы обряда, которые собирают дары. Их именуют *prosјaci*, *jajari*, *kajmačari*, *antuni*⁷. Участие в группе лиц мужского пола — явление позднее. Еще в XIX в. дары собирали девушки.

В группе есть и музыканты. В XIX в. песни сопровождалась игрой на волынке, а в более позднее время — на тамбуре⁸.

Важная особенность болгарских, сербских и хорватских девичьих обрядов — участие в них девочек-подростков, которые сами уже считают себя взрослыми девушками (*одрасле девојке*)⁹.

Группы по составу бывают разные. Число девушек не всегда точно определено, но иногда формируются более устойчивые группы в 8—10 человек. Количество обрядовых групп в каждом селе в Болгарии и Хорватии бывает различно: или одна на целое село, или по одной на каждый ее квартал (*махалу*). В Сербии же в селе образуется общая группа¹⁰.

Подготовка к исполнению обряда у болгар, сербов и хорватов начинается за одну — две недели до срока. Девушки разучивают обрядовые танцы и песни, готовят обрядовую одежду. В подготовке принимают участие пожилые женщины и те девушки, которые уже были лазарками или кралицами. Для объяснения того факта, что в обряде участвуют девушки и пожилые женщины, тогда как замужние женщины среднего возраста исключены, у нас пока нет данных.

Обрядовая одежда болгарских лазарок состоит из элементов девичьей одежды и костюма молодухи (*булка*, *невѣста*). У лазарок западной Болгарии преобладает девичья одежда, к которой добавлены лишь отдельные элементы свадебной одежды молодухи: шапочка (*капа*), платок молодухи, на голове букетик, посеребрённый с помощью тонкой фольги (*варакѡсана кѣтка*), металлический пояс. В Софийском районе надевают особые шапки из искусственных цветов и ковыля, которые являются традиционным украшением молодухи. В некоторых селах юго-западной Болгарии девушки опоясываются специальным тканым поясом, который передается лазаркам из поколения в поко-

³ Д. Маринов, Жива старина, Русе, 1891, кн. 1, стр. 140—142; его же, Народна вяра и религиозни народни обичаи, «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (далее СбНУ), София, 1914, кн. XXVIII, стр. 390; Р. Ангелова, Указ. раб., стр. 710—715; полевые материалы, автора, № 698—II, стр. 14—15, 18—21, 104; М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 347; Д. Маринов, Боенец, ИНЕМ, 1907, кн. 1, стр. 6—11.

⁴ Архив ЕИМ, № 553-II, стр. 23, 24; В. Караџић, Указ. раб., стр. 309; Ш. Кулишић, П. Петровић, Н. Пантелић, Српски митолошки речник, Београд, 1970, стр. 173.

⁵ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», str. 15; M. Gavazzi, Указ. раб., стр. 71; V. Balenović, Narodoznanstvo, Zagreb, 1944, стр. 205.

⁶ Р. Ангелова, Указ. раб., стр. 714, 727—728.

⁷ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», str. 15; Z. Lehner, Указ. раб., стр. 178—179.

⁸ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», str. 15.

⁹ Z. Lehner, Указ. раб., стр. 178.

¹⁰ Архив ЕИМ, № 553-II, стр. 25.

Рис. 1. Лазарка. Село Драгалевци, Софийский округ (1940-е гг.), эта и остальные фотографии взяты из архива Этнографического института БАН

ление¹¹, у лазарок восточной Болгарии в одежде преобладают элементы костюма молодухи. Следует надеть рубаху женщины, вышедшей в этом году замуж. Вместе с тем голову девушки украшают бантики и цветы, говорящие о ее девичестве. Она надевает также металлический пояс, какой обычно носит невеста до свадьбы и первые 40 дней после свадьбы. Для обрядовых персонажей *калмѝна* и *подкалмѝна* характерны традиционные украшения невест, которые молодухи носят еще 40 дней после свадьбы: коса с наконными украшениями (*сплитник*), прикрепленные спереди на талии два куска ткани (*спуснати кѝрпи*), легкое колеблющееся украшение на голове (*трѝпка*)¹². В северо-восточной Болгарии только буенек (здесь произносится *бунец*) и лазарова булка должны непременно носить обрядовую одежду. Буенек одет в женскую и мужскую рубахи, подхваченные металлическим поясом; на груди крест-накрест два тканых пояса, на талии сзади привязано много платков. На голове буенека украшенная цветами красная круглая женская шапочка (*фес*), какие носили замужние женщины. В более позднее время эту шапку заменила черная мужская смушковая шапка (*калпѝк*), также украшенная цветами. Волосы буенека распущены. На правом плече он держит топорик или саблю (железную, деревянную). К топорiku привязан белый платок. Лазарова булка одета обычно в красную юбку, какие носят девушки, а на голове ее красное свадебное покрывало (*було*). Другие девушки обрядовой группы одеты в праздничные девичьи одежды, но непременно с добавлением атрибутов костюма молодухи — свадебного платка, венка или цветов¹³. Таким образом, в обрядовой одежде лазарок преобладают элементы костюма невесты и молодухи.

Интересна и одежда сербских кралиц. Девушки, впервые участвующие в обряде, надевают белые девичьи рубахи и подпоясываются девичьим поясом с бляхами. На шее у них шнур с нанизанными на него монетами и цветами — принадлежность девичьего костюма. На груди наискось надет мужской пояс (*тканица*). На головах кралицы и краля венчальные платки, какие молодухи носят в течение 40 дней после свадьбы. Другие участницы — певичы и *дворкиня* — надевают лишь венок молодухи. Крали держат в руках сабли, перевязанные белым платком. Сабля всегда в правой руке и держат ее через платок. Девушка, ведущая хоровод (*коловоѝа*), одета, как молодуха. Сербские кралицы всегда босые¹⁴.

¹¹ Личный архив Р. Дражевой.

¹² Архив ИЕМ, № 698-II, стр. 14, 15, 18—22, 104.

¹³ М. Арнаулов, Указ. раб., стр. 343—368; Д. Маринов, Боенец, стр. 6—9; его же, Народна вяра и религиозни народни обичаи, стр. 404—405.

¹⁴ Архив ИЕМ, № 553-II, стр. 23—27.

Богата и разнообразна обрядовая одежда кралиц в Хорватии. Существуют различия в некоторых деталях их туалета, но самые важные элементы одинаковы. В области Славонии крали и кралицы носят пестрые шелковые одежды, поверх юбки — пестрый фартук. Через плечи перекинуты шелковые платки, часто это платки молодухи, но в некоторых селах — девичьи. Обязательна также при этом венчальная рубаша, вышитая на рукавах золотом¹⁵. На шею участницы обряда надевают ожерелье, сзади с него спускаются нити с золотошвейными бантиками, унизанными монетами (*шаланге*). Руки от кисти до локтя закрыты нарукавниками, связанными из темно-красной пряжи и тоже украшенными монетами. Голова богато убрана: над лбом мониста, по сторонам также украшения из монет; кроме того, крали надевали особые шапки, а кралицы — венки. Шапка называется *капе* или *кралева круне*. Это обыкновенная мужская островерхая шапка, которую девушки берут на время у своих родственников или соседей. Шапку обычно украшают. Нижний ее край отделывают бантиками, нашивают бусы (так называемые *штрепе*), сверху пришивают искусственные самодельные цветы разных оттенков. К верху шапки прикрепляют пучки ковыля, выкрашенного в разные цвета, а спереди и сзади укрепляют по зеркальцу. Сзади шапки висят *врпце* — нити с разноцветными шелковыми бантиками. В правой руке, согнутой в локте, крали держат саблю, рукоятка которой обвита платком (прикасаются к железу считается опасным).

На головах девушек-кралиц венки молодухи, шапок у них нет. В одних местностях венки из цветов, в других — из воска. В Славонии кралицы ходят с распущенными волосами. Девушки-крали опоясаны мужским поясом, а девушки-кралицы — женским. При посещении других сел группа берет с собой особое знамя, похожее на свадебное, с прикрепленными к нему платками молодух. По некоторым сведениям, в старое время со знаменем ходили и в собственном селе¹⁶.

В ритуальной одежде сербских и хорватских кралиц следует выделить прежде всего элементы костюма и украшений молодухи. Участниц обряда одевают пожилые женщины или девушки, которые уже исполняли роль кралиц. Лазарки одеваются самостоятельно, кроме буенца, которого наряжает пожилая женщина.

В том, как происходит первый выход обрядовой девичьей группы, много сходного у болгар, сербов и хорват. В западной Болгарии в лазареву субботу девушки собираются в доме пожилой женщины, которая рано утром ведет их в обход полей. В песнях, которые поют во время обхода, звучит мотив плодородия. Вернувшись, они начинают обход сельских домов. Группу ведет девушка, которая уже была лазаркой, называемая *изводачка* или *чаушка* (тур. *чауш* — старший). Группа посещает все дома, за исключением тех, в которых недавно кто-то умер. Обрядовый танец лазарок исполняется в незамкнутом хороводе. По окончании танца хозяйка дома дарит лазаркам яйца. Обойдя село, лазарки собираются в доме своей предводительницы и там делают подаренное. В юго-западной Болгарии каждая хозяйка угощает лазарок специально испеченным пирогом. Во время обхода лазарками села парни присматриваются к девушкам и каждый из них может получить от понравившейся ему девушки цветок. Затем лазарки собираются на сельской площади, где их ждет народ. Исполнение обряда заканчивается замкнутым хороводом — первым в начале текущего года; в него вслед за лазарками включаются все присутствующие. Девушки-лазарки теперь имеют право надеть свою первую девичью одежду (до этого они одевались как девочки-подростки, без украшений), ибо исполнив лазарский

¹⁵ J. Lovrečić, B. Jurič, Ožok, Narodni život i običaja, «Zbornik narodnih život i običaja Južnih Slovena» (SbNZOJS), Zagreb, 1897, knj. II, str. 408—411.

¹⁶ V. Balenović, Указ. раб., стр. 205; Z. Lehner, Указ. раб., стр. 179, 180.

обряд, они переходят в группу зрелых девушек, имеющих право на замужество¹⁷.

В южной Болгарии исполнение девичьего обряда начинается с праздника святых сорока мучеников (22 марта). Девушки надевают девичью одежду и выходят из села на реку, там они поют и танцуют. После обхода земель, принадлежащих селу, девушки собираются возле реки, где их ждут парни. Мужская и женская группы танцуют отдельно. Иногда это походит на состязание в плясках. На реке девушки начинают петь некоторые лазарские песни, которые до того исполнять не позволяется. К вечеру сюда приходит кума (*калмана* — диал.), которая в прошлом году возглавляла обряд лазарок. Она приносит лепешку с запеченной в нее серебряной монетой. Каждая девушка получает от нее по куску, и та, которой достанется кусок с монетой, становится калманой нынешней группы лазарок. После возвращения с реки новая калмана угощает у себя дома девушек и молодых.

Собственно лазарование начинается в этих краях в Лазареву субботу. Девушки собираются в доме калманы. Здесь они разделяются на группы (*кдлове*). Калмана и подкалмана (ее помощница в обряде) одеты как молодухи. Перед выходом в село калмана угощает лазарок. Во время шествия по улице поют все девушки, а во дворах домов калмана и подкалмана запевают, а девушки им отвечают (повторяют запев). В некоторых районах девушки выходят из дома калманы незамкнутым хороводом, ведомые женихом или парнем, ухаживающим за калманой. Обойдя дома, лазарки собираются на сельской площади, как бы представляясь всему народу. Родители молодых парней присматриваются здесь к своим будущим снохам. Представление заканчивается замкнутым хороводом, который не имеет обрядового значения. Затем калмана вновь угощает девушек у себя дома. Местами в южной Болгарии функции калманы исполняет боеница. В прошлом во время обрядовых танцев девушки выстраивались по росту¹⁸.

В северо-восточной Болгарии исполнение весенних девичьих обрядов начинается в разные дни великого поста. В группе здесь имеются два особых обрядовых лица — буенек и лазарова булка. Обрядовый хоровод, как и в других местах Болгарии, незамкнутый. Во время танцев оба персонажа располагаются посередине: буенек размахивает над своей головой и над головой лазаровой булки саблей или топориком. Лазаркам дарят деньги. Обход всех домов обязателен, кроме тех, где в течение года кто-либо умер. Вечером девушки собираются на сельской площади и пляшут с парнями в замкнутом хороводе.

В вербное воскресенье в Болгарии совершается обряд кумления, главные участники которого — лазарки. Наиболее характерен этот обряд для северо-западной Болгарии. Накануне вербного воскресенья лазарки ночуют в доме какой-либо пожилой женщины или своей предводительницы (*кумицы*). Каждая из них приходит с испеченным ею обрядовым хлебцем особой формы (*кукла*), который играет важную роль в обряде. Рано утром пожилая женщина или кумица ведет девушек к реке (ручью). Здесь каждая девушка отламывает от *куклы* кусочек, кладет его на дощечку и пускает на воду. Та, у которой дощечка с хлебом окажется впереди всех, становится новой кумицей.

От вербного воскресенья до первого дня пасхи говеют. Этот момент взят из обрядового свадебного цикла болгар: «говеньем» назывался запрет молодым женщинам после свадьбы заговаривать первыми с родителями мужа, а чаще всего с кумом и с кумой, вплоть до определенного дня, обычно до пасхи. В первый день пасхи лазарки шли с хлебом и крашеными яйцами «отговорить» перед кумицей, т. е. испросить у нее

¹⁷ Личный архив Р. Дражевой.

¹⁸ Архив ЕИМ, № 698-II, 14, 15, 18—22, 102.

Рис. 2. Буенек. Руссенский округ (начало XX в.)

прощения. Та угощает их особым кушаньем, приготовленным из *кукол*. В этом можно усмотреть связь лазарского обычая с элементами погребального культа, ибо такой обрядовый хлеб употребляется в похоронной обрядности¹⁹.

Кумление совершалось и в других районах Болгарии, имея сходный ритуал. В некоторых селах южной Болгарии вместо хлеба по воде пускали веночки из вербы²⁰. Для ряда сел в этих краях характерен обычай вывода лазарок с реки возлюбленным боеницы. Он заводит ее в свой дом, тем самым беря на себя обязательство жениться на ней в течение года²¹.

После кумления на реке лазарки считаются уже девушками. В первый день пасхи они впервые надевают девичью одежду, приготовленную как раз для этого случая.

Много сходства с лазарскими обычаями обнаруживают сербские «красилицы». Вечером накануне духовя дня две пожилые женщины собирают девушек и вместе с ними ночуют в доме той, которая исполняет роль великого краля. Одеть кралиц должны пожилые женщины, причем до и после обряда девушки оmyваются водой. В доме краля их угощают. Утром группа обходит село, непременно посещая каждый дом. Обрядовый танец кралиц подобен незамкнутому хороводу болгарских лазарок. Хоровод возглавляет *коловођа*, ведущая его вправо. Пожилые женщины сопровождают кралиц при обходе села. Во время танца великий и малый крали скрещивают сабли, под которыми должен пройти хозяин дома, на дворе которого исполняется обряд. Если в семье есть юноша, то и он непременно должен пройти под скрещенными саблями и прикоснуться к ним правой рукой. То же должен сделать и прохожий, повстречав группу на улице.

¹⁹ Д. Маринов, *Жива старина*, кн. I, стр. 139, 141, 142; Т. Колева, *За произхода на пролетните момински обичаи (лазаруване, кумичене и буенец)*, сб. «Проблеми на българския фолклор», София, 1972, стр. 370.

²⁰ Архив ЕИМ, № 698-II, стр. 10, 102; Р. Ангелова, *Указ. раб.*, стр. 714, 726—728.

²¹ Р. Ангелова, *Указ. раб.*, стр. 713—715.

Рис. 3. Лазарование. Село Слатина, Софийский округ (1940-е гг.)

Во время исполнения песен *дворкина* садится посередине комнаты, а кралицы поют, обступив ее. Хозяйки украшают девушек цветами. Если во время танцев цветок упадет с головы кралицы, пожилая женщина, которая сопровождает группу, кладет цветок в платок, так как его нельзя топтать. В каждом доме девушкам дарят деньги и угощают их. Вечером после обхода села группа ночует в доме малого краля, причем обязательно под ложе кралиц кладут цветы.

Сербские кралицы непременно посещают дом покойного и исполняют обрядовые плачи (*тужбалице*). В этом их отличие от болгарских лазарок.

Завершив обрядовые танцы, кралицы в сопровождении пожилой женщины идут на реку и купаются, раздевшись донага и бросая при этом цветы в воду²².

Есть легенды о том, что в старину при встрече двух групп кралиц возникали стычки, иногда приводившие к смертным случаям. Существуют предания и о «лазарских могилах». Этот момент нашел отражение также в некоторых кралицких песнях²³.

В Хорватии исполнение обычая начинается после обеда в день святого духа. Девушки собираются в доме правого или левого краля. Группа выстраивается в два ряда: впереди идут девушки-крали, изображающие мужчин: на них мужские шапки, в руках они держат сабли, а следом за ними девушки-кралицы. Сзади шествует музыкант. На улице и в домах девушки поют обрядовые песни, в которых не допускается никакой импровизации. Обход улицы начинается всегда с правой ее стороны, которую проходят до конца и затем переходят на левую. Войдя во двор дома, участницы выстраиваются в два ряда: впереди крали, за ними кралицы. Интересна встреча группы в домах, где есть молодожены. Кралей сажают во дворе на скамейки или стулья, покрытые паласом, на который положены подушки. Кралицы же должны стоять. Исполняются песни, посвященные новобрачным. Затем начи-

²² Архив ЕИМ, № 533-II, стр. 23—27; Ш. Кулишић, П. Петровић, Н. Пантелић, Указ. раб., стр. 172—173.

²³ Ш. Кулишић, П. Петровић, Н. Пантелић, Указ. раб., стр. 173, 192.

нается ритуальный танец кралей под песню кралиц. Крали разбиваются на две группы: одна движется направо, другая — налево. При встрече они скрещивают сабли. Содержание песен и танцев строго согласовано. В конце танца крали образуют круг и снова скрещивают сабли попарно. После этого круг разрывается, танцоры возвращаются на то место, где они находились до начала танцев, и кланяются хозяевам. Девушкам дарили яйца, мясо (позднее пища была заменена деньгами). Угощали их вином, печеньем. По желанию хозяев вновь образуется хоровод, ведомый правым и левым кралями, в котором участвуют все домохозяды. Затем группа направляется в следующий двор. После обхода села девушки собираются в том доме, откуда начался обход, из собранных продуктов устраивают угощение. В последнее время вошло в обыкновение после этого танцевать с парнями в сельской корчме. На следующий день кралицы обходят соседние села.

В некоторых селах на второй или третий вечер после окончания обрядовых танцев кралицы собираются в доме одной из них, где устраивается угощение, называемое *часть* (слава).

Во многих районах по окончании обрядовых танцев подушка, на которой сидела *снаша* (сноха, молодуха), подбрасывается в воздух и произносится при этом заговор о благополучии и плодородии²⁴.

Хорватские кралицы, как и болгарские лазарки, не входят в дома, где недавно кто-то умер²⁵.

Песни, которые поются во время обрядовых танцев, представляют особый интерес. В Болгарии это пожелания скорого брака. Те из них, которые поются во время самого обряда лазарования, не обращены к конкретному лицу, в них выражаются лишь общие добрые пожелания, тогда как песни, исполняемые в вербное воскресенье после кумления, посвящаются конкретным парню и девушке, которые нравятся друг другу. С лазарскими обычаями связана и группа песен об умерших юноше или девушке, но в них не упоминаются реальные лица, хотя они и исполняются лазарками для матери, сестры или другой близкой родственницы умерших²⁶.

Обрядовые песни кралиц делятся на три группы соответственно различным моментам обряда: те, которые поются во время шествия кралиц по улице, те, которые посвящены членам семьи в посещаемых домах, и те, которые исполняются при переходе через дорогу или воду либо на пути в другое село. Последняя группа песен зачастую близка к балладам.

* * *

Сравнение весенних девичьих обычаев у болгар, сербов и хорват позволяет сделать некоторые выводы.

Коллективные обычаи и обряды в первобытном обществе сопутствовали всем важным моментам в жизни коллектива. Обычаи и обряды имели силу общественного закона. Со временем содержание и смысл обрядов менялись, но при этом оставались определенные пережитки, по которым можно проследить происхождение и развитие данного обычая. Таковы, в частности, и весенние девичьи обычаи южных славян.

Весенние девичьи обычаи содержат структурообразующие элементы, связанные с социализацией подрастающего поколения, с половым созреванием и получением права на брачную жизнь.

В некоторых отношениях функции этих обычаев со временем изменялись в зависимости от трансформации отношений и норм, которые они отражали.

²⁴ Z. Lehner, Указ. раб., стр. 177, 178, 188.

²⁵ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», стр. 23—36.

²⁶ Р. Ангелова, Указ. раб., стр. 721—722; Л. Каравелов, Памятники народного быта болгар, М., 1861, стр. 200—204.

В структуру этих обычаев входят и некоторые другие элементы с общественно-обрядовой функцией: формирование групп, их состав, обход села и представление девушек коллективу, переход дороги — воды, избегание дома, в котором недавно умер член семьи, приношение жертвы духам.

Первый элемент — сама организация девушек в одну обрядовую группу (появление нескольких групп в селе — явление, более позднее). В этом можно усмотреть реликт обособления членов коллектива по возрастному принципу.

Состав группы. К ней принадлежат девушки, достигшие половой зрелости. Часть их участвует в обряде впервые, другие же, уже пройдя обряд раньше, подготавливают новичков и руководят ими. Эти участвующие в обряде лица называются в разных районах Болгарии *чаушка*, *кумица*, *колмана*, *воевода*, *боеница*, в Сербии — *величи* и *мали крал*, у хорват — *кравеи*. Они уже зрелые девушки, которым предстоит выйти замуж, и это обстоятельство у болгар и сербов символизирует их одежда — костюм молодухи. Исключение составляют болгарский буенек (боеница), сербские великий и малый кралеи, хорватские кралеи, которые изображают мужчин: они носят мужскую шапку, саблю, топорик и пр. Тут прослеживается перевоплощение в образ противоположного пола. Перевоплощение необходимо для того, чтобы защититься от злых, демонических сил, которые могут навредить членам обрядовой группы в тот период, когда они находятся вне коллектива, поэтому такое превращение имеет ярко выраженную охранительную функцию. Упомянутые лица возглавляют группу девушек, достигших брачного возраста²⁷. В костюме последних имеются определенные знаки девичества или же элементы одежды только что вышедшей замуж женщины. Иначе говоря, одежда символизирует или вступление участниц обряда в возрастную группу, члены которой имеют право на переход к брачной жизни, или исполнение желаемого события — замужества. Ритуальный ввод девочек-подростков в группу взрослых девушек обрядовыми лицами типа чаушки, кумицы, буенка, кралей и пр. может рассматриваться как реликт древних коллективных инициаций. Обрядовые лица, руководящие ходом обряда в дошедшей до нас форме, по-видимому, модифицированные образы лиц, совершавших инициации в первобытных коллективах.

Обход села и представление девушек коллективу. По всей вероятности, этот элемент в далеком прошлом был связан с подготовкой к заключению брака между прошедшими инициацию девушками и юношами²⁸.

В обряде обхода села прослеживаются и другие интересные элементы, яснее всего выраженные у хорватских кралиц. Группа выходит из определенного места и движется в одном направлении, причем проходит через дорогу или реку, которые пересекают село. Это, возможно, отражает наличие в прошлом обособленных брачных групп, характерных для архаического социального строя, т. е. для периода, когда инициации существовали в своей классической форме.

Связанный с предыдущим элемент перехода пути — дороги (особенно ясно выраженный в хорватском обычае) коренится также в культе мертвых и культе предков. Сопровождается он песней типа баллады. При переходе дороги или реки (ручья) приносят жертву в память покойников и произносят молитву о покровительстве мертвых тем, кто переходит в другую возрастную группу. Функция посвящения присутствует и в болгарском обычае кумления на реке в вербное вос-

²⁷ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», стр. 26.

²⁸ Там же, стр. 25—28. Реликтом инициаций юношей является, по нашему мнению, обряд колядования.

кресенье: обрядовый хлеб «кукла» — реквизит погребальных обычаев болгар; с культом предков — покровителей инициаций — связана, по-видимому, и лазарская трапеза, которую накрывает в своем доме кумица после кумления. В этой связи находятся и не упоминавшиеся выше посещения лазарками могил их родственников в Лазарову субботу и оставление ими на могилах красных яиц²⁹.

Избегание дома, в котором недавно умер член семьи. Этот элемент болгарских и хорватских девичьих обычаев раскрывает коллективный их характер и, возможно, говорит об устройстве в далеком прошлом поселений по родовому принципу, вследствие чего весь коллектив проявлял одинаковые чувства к почившим³⁰.

Приношение жертвы духам. Обычай имеет магически-апотропейную функцию и связан со структурообразующим элементом — социализацией индивида. В Хорватии и в Сербии он исполняется в день святого духа. Связь инициаций с этим праздником, вероятно, не случайна. Во время обрядовых действий при переходе дороги (воды) ищут покровительства у духов, но в то же время посвящаемые должны быть предохранены от их злого влияния. Можно предположить, что эти духи либо души мертвых, либо души предков, либо души умерших девушек и юношей, которые не успели пройти обряд инициаций³¹. Кральская шапка у кралиц в Хорватию чаще всего украшена розой, которая издавна считается символом жизни и смерти. Апотропейной же является и функция кралей, которые благодаря своему перевоплощению не поддаются влиянию злых сил и могут предохранять от них посвящаемых. Ту же роль выполняет буенек у болгар. В отличие от хорват демоническая сила, по болгарским верованиям, не воплощается в женских образах; ее сличетворением является образ змея, который, без сомнения, значительно древнее, чем женские демоны хорватов. Можно предположить, что южноболгарский буенек или кум, который выводит лазарский хоровод с реки в вербное воскресенье, адекватен лицам, играющим роль мужчин в обрядах сербов и хорват³².

Апотропейную функцию сохраняют и некоторые предметы обрядового реквизита. В первую очередь это сабля (железная или деревянная с железным наконечником) и топорик. Саблю носят девушки, играющие мужские роли в обряде (у хорватов и сербов это крали, большой и малый краль, у болгар — буенек). Сабля и топорик — мужские атрибуты, символизирующие перевоплощение девушек в мужчин. Известно также, что железо с глубокой древности у многих народов служило апотропеем, но в то же время считалось чем-то опасным. Поэтому следовало остерегаться соприкосновения с железом. Для этого рукоятку сабли обвязывали платком. Считалось, что особенно сильно магические свойства железа проявлялись при скрещивании сабель и звуке, издаваемом ими при этом. То же значение имело размахивание топориком над головой молодухи, что делал болгарский буенек во время танца.

Апотропейную функцию выполняет и зеркальце на шапках хорватских кралей³³. Другой элемент украшения их шапок — венки (*штрепе*), укрепленный на нижнем крае шапки, имеет то же значение: заменяет колеблющееся при движении украшение, которое также служит оберегом. Венки эти сплетены не из цветов, а из множества металлических проволочек и разноцветных бус³⁴. Он отличается от венца кралиц.

²⁹ Там же, стр. 31. Личные наблюдения автора в Юго-Западной Болгарии.

³⁰ Там же, стр. 32.

³¹ Там же, стр. 23—26.

³² Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи, стр. 403; 203; Хр. Стоилов, Дейност на Венелин по българския фолклор, «Периодическо списание на Българското книжовно дружество», София, 1905, кн. 66, стр. 364.

³³ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», str. 30—36; Z. Lehner, Указ. раб., стр. 179.

³⁴ «Narodni običaj Ljelje-Kraljice», str. 34.

Штрепе — это дальнейшее развитие венка из цветов, который у славянских народов является символом девичества. Надевание этого венка, возможно, связано с моментом сакрализации во время инициаций. В измененном виде он служит украшением молодухи, которая носит его в определенный период после свадьбы как отличительный знак замужней женщины. В народных представлениях *штрепе* является также знаком неприкосновенности участника обряда, совершающего посвящение. Таким же символом считаются упомянутые выше *врпце*.

Венок кралиц в обычае тоже полифункционален. Это символ девичества и в то же время апотропей, оберегающий посвящаемых девушек в период прохождения ими инициаций, когда они не принадлежат ни к какой возрастной или иной социальной группе; девочки как бы предварительно, еще символически, включаются в группу девушек. Те же функции несут и венок, и особая обрядовая шапка *лазарок* в западной Болгарии, красное венчалное покрывало *лазаревой булки* (молодухи) в обрядности всех болгарских вариантов обычая, а также элементы одежды молодухи и украшения, которые носят *лазарки* ³⁵.

Известно, что инициации были зачастую связаны с представлением о том, что посвящаемый символически умирает и вновь рождается для новой жизни ³⁶. Эта символическая смерть как в классических инициациях, так и в их реминисценциях находит выражение в обрядовой изоляции посвящаемых. Символами умирания и воскресения служили различные маски, а также переодевания и украшение посвящаемых (наряду с их апотропейной функцией). В этом отношении обычаи болгар, сербов и хорват одинаковы. Существенно то, что обрядовая одежда в далеком прошлом определяла изоляцию посвященных от других членов коллектива. Позднее на этой основе сложился особый вид одежды; вероятно, она стала означать принадлежность к той возрастной группе, в которую переходили посвящаемые; эту одежду они были обязаны носить в период инициаций и после него. Такое обязательство мы встречаем как у *лазарок*, так и у кралиц.

Один из существенных элементов весенних девичьих обычаев связан с идеями плодородия и продолжения рода. В первобытном сознании человека эти две идеи не дифференцированы и составляют один из важных элементов его религиозных представлений. В процессе исторического развития эта идея переосмысливается и видоизменяется, по-разному проявляясь. Биологическое созревание человека соотносилось в сознании первобытных людей с представлением об оплодотворении, размножении и отсюда о плодородии. Каковы были эти связи в ту далекую эпоху, сказать трудно. Но материал, какой дают нам девичьи весенние обычаи южных славян, указывает на представления о связи плодородия в природе с воспроизводством человека. Эта идея в значительной мере трансформировалась и предстает перед нами в трех разновидностях: в обходе поля *лазарками*, в исполнении ими песен о плодородии, в сборе даров в виде яиц — символов плодородия. Последнее характерно для всех вариантов южнославянских обычаев.

К системе весенних девичьих обычаев южных славян имеет отношение также обряд «свадьба — похороны» (обрядовое венчание умерших девушек и юношей). Это, однако, тема особой статьи.

В заключение можно сделать вывод о том, что исторические корни весенних девичьих обычаев болгар, сербов и хорват следует искать в структуре первобытного общества, и главным образом в институте

³⁵ Т. Колева, За произхода на пролетните момински обичаи, стр. 367—372.

³⁶ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 41—44; С. А. Токарев, Ранние формы религии, М., 1964, стр. 213—236; Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, М., 1930, стр. 235—240; А. Элькин, Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 153, 155, 157, 159—168; A. van Gennep, Les rites de passage, Paris, 1909, p. 182—203.

инициаций, пройдя которые девушки и юноши становились полноправными членами коллектива. Следовательно, все это явления стадийного характера, обусловленные социальной структурой первобытного общества, прежде всего таким его институтом, как инициации. Этот институт выполнял основную роль в регулировании социальных и биологических (половых) отношений в первобытном коллективе и санкционировал права и обязанности подрастающего поколения.

MAIDENS' SPRING CUSTOMS AMONG SOME SOUTHERN SLAV PEOPLES

Some popular customs preserved among the Southern Slavs (Bulgarians, Serbs, Croats and others) and connected with spring calendar ritual are dealt with, namely maidens' ritual games — «*Lazarki*», «*Buyenek*» (Bulgarian), «*Kralitse*» (Serb, Croat), «*Lele*» (Croat). They are performed either during the Great Fast, at Easter or on Holy Ghost Day. The young girls performing the ritual put on a special garment (parts of which are reminiscent of wedding apparel) and walk in ceremonious procession under the leadership of a special experienced woman (the «*Kalmana*», «*Kolovodzha*») visiting dwelling houses, singing, dancing etc.

The author regards these traditional ritual games as a survival of certain institutions from the primitive community system, of particular of the custom of female initiations. Their structure-forming elements (the socialization of the rising generation, the ritual confirmation of sexual maturity and marriage capacity) have found expression in certain traits of the custom of «*Lazarki*».

Д. А. Ольдерогге

ГОТТЛОБ КРАУЗЕ — ВЫДАЮЩИЙСЯ НЕМЕЦКИЙ УЧЕНЫЙ-АФРИКАНИСТ (1850—1938 гг.)¹

В истории изучения языков народов Африки имя Готтлоба Адольфа Краузе теперь почти неизвестно. Между тем это был замечательный ученый-лингвист, знаток языков Западного Судана, отважный путешественник, прошедший один, без денег и слуг, пешком несколько тысяч километров от Аккры на Гвинейском побережье почти до Томбукту. Жизни и деятельности Краузе посвящена изданная в ГДР книга Зебальда. В ней описана трагическая судьба немецкого ученого, имевшего смелость поднять свой голос в защиту народов Африки в годы, когда начинался колониальный раздел материка и вся шовинистически настроенная пресса Германии приветствовала колониальные устремления империализма, а большая часть немецких исследователей Африки всемерно поддерживала эту агрессивную политику.

Краузе отказался содействовать колониальным захватам, подвергся преследованиям, был отовсюду изгнан и впоследствии забыт. Петер Зебальд, его биограф, справедливо пишет, что современные африканисты Западной Европы и Америки его не знают. Но в Нигерии он до сих пор остался в памяти народа как Малам Муса, т. е. учитель Муса².

Надо быть благодарным Петеру Зебальду, посвятившему этому замечательному человеку большую и ценную работу. На основании архивных материалов Министерства иностранных дел, Колониального министерства, Государственной канцелярии, Министерства внутренних дел, архива Путткамера (одного из главных деятелей немецкой колониальной политики), актов Немецкого Колониального общества и многих архивных документов, хранящихся в Лейпциге, Цюрихе и других городах, Зебальд проследил жизненный путь Краузе. Ему удалось таким образом спасти от забвения историю жизни и деятельности этого ученого и друга народов Африки.

Готтлоб Адольф Краузе родился в 1850 г. в селении Окрилла близ Мейссена в крестьянской семье. Будучи восьмым ребенком, он не мог

¹ Статья написана в связи с недавно вышедшей книгой: P. Sebal d, Malam Musa — Gottlob Adolf Krause 1850—1938, Forscher — Wissenschaftler — Humanist. Leben und Lebenswerk eines anticolonial gesinnten Afrika-Wissenschaftlers unter der Bedingungen des Kolonialismus («Studien zur Geschichte Asiens, Afrikas und Latein Amerikas», Bd 23), Berlin, 1972, 291 S. (Mit 1 Karte und 2 Faksimiles).

² Участь Краузе Зебальд сравнивает с судьбой Карла Мауха-старшего его современника (1837—1875), первооткрывателя Зимбабве. Сын скромного унтер-офицера, Маух в 1865—1872 гг. путешествовал по Южной Африке, открыл золотоносные районы древней Мономотапы, но, не получив никакого признания и поддержки в Германии, оказался в безвыходном положении и покончил с собой в возрасте 38 лет. Впрочем, по другим, по-видимому, довольно точным сведениям, причиной смерти Карла Мауха был несчастный случай. См.: H. Offe, Carl Mauch. Leben und Werk des deutschen Afrikaforschers, Stuttgart, 1937.

наследовать отцовский дом и должен был искать себе работу. Сведений о первых годах его жизни мало. Известно, что он окончил школу в Лейпциге и в раннем возрасте проявил склонность к изучению языков: занимался греческим и латинским, а кроме того, самостоятельно изучал французский, английский и итальянский. Прежде всего знать язык — было правилом Краузе, которым он руководствовался всю свою жизнь. По-видимому, уже в ранние годы юношу манила судьба путешественника. В 18-летнем возрасте, еще учеником гимназии, он отправился странствовать по Австрии, Турции и Италии, оттуда уехал на Мальту, затем в Триполи, где в 1868 г. впервые вступил на Африканский материк. В Триполи он занялся изучением арабского языка и основного языка Центрального Судана — хауса. Ему посчастливилось принять участие в организованной голландкой Тинне экспедиции, которая окончилась трагически, так как вскоре Тинне была убита в Феццане. В 1869 г. в Мурзуке Краузе встретился с Г. Нахтигалем, впоследствии крупным колониальным деятелем и путешественником, и вместе с ним изучал язык канури. По возвращении в Германию Краузе поступил в Берлинский университет. Но занятия его были прерваны: началась франко-прусская война. Краузе вступил добровольцем в армию, где, между прочим, имел возможность изучить русский язык. На войне он был ранен, и, как отмечает его биограф Зебальд, пенсия дала ему постоянный, нередко единственный доход — 33 марки в месяц. В 1873—1876 гг. Краузе занимался в Лейпцигском университете естественными науками. В 1878 г. он вновь в Триполи, где проводит почти пять лет. Там Краузе изучал язык населения оазиса Гат — один из диалектов языка туарегов, записывал тексты на языках хауса, фульбе и мусгу или музук. В 1881 г. все эти материалы он переслал языковеду Г. Штейнталу, который передал их известному египтологу Р. Лепсиусу, занимавшемуся тогда африканскими языками. Лепсиус признавал, что записи Краузе имеют большое значение, а приславший их исследователь отличается исключительной лингвистической одаренностью. Надо сказать, что к этому времени Краузе свободно владел языками арабским и хауса.

Годы, проведенные Краузе в Триполи, — период усиленной подготовки колониального раздела Африки: 29 апреля 1878 г. в Берлине было создано Африканское общество, ставившее своей целью исследование этого тогда еще почти не обследованного континента. К тому времени Краузе был уже известен как путешественник и исследователь Африки, и было решено использовать его знания. Одним из организаторов Общества был Г. Нахтигаль. По его инициативе Краузе пригласили принять участие в экспедиции, которая должна была направиться в дельту Нигера и таким путем проникнуть во внутренние области Судана. Экспедиция эта известна в науке под названием «экспедиции Рибек», богатого предпринимателя, давшего средства на ее организацию.

С экспедиции Рибек и начались первые столкновения Краузе с колониальными деятелями тогдашней Германии. Одновременно с ним на побережье, в район будущей немецкой колонии Того, направился Нахтигаль, получивший специальные инструкции и фактически проводивший аннексию этой части материка, заключая договоры с вождями местных племен о протекторате Германии. Что касается Краузе, то он ничем не способствовал созданию будущей колонии, и его деятельность в экспедиции Рибек ограничилась только тем, что в трудах ее он опубликовал свои работы по языкам фуль и гат. В результате Краузе был устранин, и его заподозрили в том, что он действует в интересах Англии.

Начиная с 1885 г. Краузе становится постоянным сотрудником «Новой Прусской крестовой газеты» («Кройц-Цайтунг») и работает там до 1901 г.

«Кройц-Цайтунг» — орган консервативных юнкерских (помещичьих) кругов — выступала в те годы против колониальных приобретений Германии только потому, что интересы юнкерства не всегда совпадали с политикой правительства.

В своих статьях Краузе разоблачал действия немецких колонизаторов. Отказ от участия в «патриотическом» движении за приобретение колоний поставил ученого в трудное положение. Он оказался почти без средств, официальные учреждения отказали ему в финансовой поддержке, и он вынужден был продавать собранные им хаусанские рукописи. Краузе, однако, не оставил своего намерения продолжать исследования глубинных районов Западной Африки и вскоре представил в Министерство иностранных дел Германии план исследования глубинных районов Невольничьего Берега и Того. Сохранившаяся в Архиве Министерства колоний его докладная записка содержит пометки чиновников. Замечания их дают ясное представление об отношении официальных лиц к Краузе: «Он отлично говорит на хауса», «Краузе стал настоящим негром», (*Jetzt ist Krause selbst gänzlich verniggert*). «Все это следует оставить без внимания» и т. п. Африканское общество дало такое же заключение: «Исследование этих областей важно, но мы не можем рекомендовать для этого г-на Г. А. Краузе».

Не получив никакой поддержки, Краузе решил отправиться в Африку на свои средства. 22 апреля 1886 г. он добрался до Аккры, имея при себе всего лишь 5 английских фунтов стерлингов, 11 шиллингов, 8 пенсов, что составляло по тому времени около 111 марок. Продав часть одежды, он довел свои сбережения до 126 марок, частично обменял их на серебряную монету и, накупив цветных платков, швейных иголок, бус, кремней и перочинных ножей, отправился в путь пешком. Выйдя из Аккры, он направился вверх по течению р. Вольты к Салага, затем в Угадугу, оттуда на север к Томбукту. Однако посетить этот город ему не удалось, так как местные правители запретили ему идти к северу. Дойдя до Дуэнцы, он повернул на Бандиагару, оттуда пошел в Угадугу, а затем обратно к берегу океана вдоль р. Черная Вольта. Посетив Кинтампо и Сокоде, Краузе через Атакпаме вернулся в Аккру в сентябре 1887 г. Всего он прошел пешком более 4,3 тыс. км, из них 3,3 тыс. км по неизвестным до того европейцам районам. В 1887 г. он вернулся в Лондон и, не имея никаких средств, чтобы доехать до Берлина, заложил свои часы. История с часами весьма характерна. Леопольд II, король Бельгии, один из организаторов раздела Африканского материка, узнав об этом, выкупил часы и переслал их Краузе. Этот поступок свидетельствует, по-видимому, о желании Леопольда II привлечь к себе Краузе, имевшего репутацию выдающегося путешественника и знатока Африки. Однако Краузе остался верен себе и не пошел на службу к колониалистам.

По возвращении в Германию он принял приглашение одной торговой фирмы в Того, уехал туда и прожил в Салага более 16 лет, оставаясь постоянным сотрудником «Кройц-Цайтунг». Взгляды Краузе, однако, не совпадали с позицией руководителей газеты, которые в отличие от него не были принципиальными противниками колониальной политики. Поэтому положение Краузе как постоянного сотрудника газеты было незавидным. Статьи его подвергались переделке: многие места из них выбрасывали, другие искажали, а порой его корреспонденции и вовсе не печатали. Тем не менее участие Краузе в газете сделало его имя известным в широких кругах читателей. Несовпадение позиций ученого с основным политическим направлением газеты привело к полному разрыву в 1898 г., когда он выступил с разоблачениями по поводу торговли рабами в Того, что вызвало запросы в Рейхстаге. Краузе начинает печататься в изданиях более левого направления, в частности в «Берлинер Тагеблатт».

Постоянные обличения деятельности колонизаторов обострили его отношения с официальными кругами до такой степени, что в 1900 г. было решено возбудить против Краузе судебный процесс, но по различным причинам он не состоялся. Все эти волнения повлияли на его здоровье и в 1905 г. Краузе, почти ослепший, возвратился в Европу, где в 1906 г. находился на излечении в Марселе.

В 1907 г. он решил вновь отправиться в ту страну, с которой началось его первое знакомство с Африкой, т. е. в Триполи. Там он мирно прожил до 1911 г., когда ему пришлось вернуться к активной политической жизни и вновь стать деятельным корреспондентом немецких газет. 25 сентября 1911 г. в «Берлинер Тагеблатт» появилась его первая статья, за которой последовали другие. В них Краузе сообщал о высадке в Триполи итальянских войск и о начале итало-турецкой войны. События в Триполи освещались в европейской прессе обычно только со слов итальянских корреспондентов, изображавших действия Италии как борьбу против турецкого варварства. Краузе же писал о варварских бомбардировках и о расстрелах мирного населения. Корреспонденции Краузе обратили на себя внимание и стали известны в Италии. Печать этой страны обрушилась на него с обвинениями в сообщении ложных известий и фантастических измышлений. Дом, где жил Краузе в Триполи, в его отсутствие был разграблен, его научные материалы были уничтожены, рукописные карточки словарей многих африканских языков и рукописи, собранные Краузе, исчезли. Местная администрация официально предупредила его, что он либо должен писать о событиях в благоприятном для итальянцев духе, либо молчать.

Краузе принужден был уехать в Европу, откуда он рассчитывал перебраться в Западную Африку. Однако летом 1914 г. началась первая мировая война, и Краузе, находившийся тогда в Марселе, был интернирован как немецкий подданный, а затем выслан в Швейцарию. По окончании войны немецкие власти предлагали ему занять официальную должность в Гамбургском колониальном институте, но Краузе, принципиальный противник колониализма, отклонил это предложение, остался в Швейцарии и, устранившись от всех дел, прожил в Цюрихе в тиши и неизвестности более 20 лет. Умер он в 1938 г.

Большой интерес представляют те главы книги Зебальда, в которых говорится о результатах научных исследований Краузе³. Зебальд пишет, что он был как бы вычеркнут из жизни и забыт не только официальными кругами Германии, но и официальной наукой. Ссылаясь на издание популярных лекций, прочитанных в Гамбурге главой немецкой африканистики Карлом Мейнхофом, он отмечает, что Краузе в них не упомянут. Зебальд считает, что объяснить это умолчание можно не только политическими расхождениями, но и причинами научного характера. Это, несомненно, так, и можно доказать справедливость предположения Зебальда.

Как известно, Мейнхоф — крупный ученый-лингвист, создатель сравнительной грамматики языков банту — возглавлял в начале нашего века немецкую африканистику, бывшую тогда мировым центром изучения африканских языков. Он полностью разделял политические взгляды создателей колониальной империи и не был чужд расистских предрассудков многих из своих современников. В научных исследованиях и популярных статьях, рассчитанных на широкую публику, Мейнхоф доказывал, что все достижения культуры народов Африки были созданы чужеземными завоевателями — хамитами. Яснее всего эта, в основе своей ложная, а ныне давно отброшенная теория была

³ Они составили основу дипломной работы Ирмтрауд Хермс «Лингвистические взгляды Готтлоба Адольфа Краузе» (Лейпциг, 1967). Работа эта, по-видимому, неизданная, нам недоступна. Вероятно, ее содержание соответствует тому, что изложено в работе Зебальда.

изложена Фр. Штульманом⁴. Вся история культуры народов Африки, в его понимании, сводится к тому, что на протяжении тысячелетий Африку заселяли различные волны пришельцев из Азии, приносивших с собой аборигенам — нигритам — все элементы культуры: культурные растения, домашний скот, зачатки государственности и т. п. Эти же взгляды Мейнхоф развивал и в своих лингвистических трудах. Основные положения Мейнхофа сводились к тому, что он считал наиболее примитивными по культуре из всего населения Африки народы Судана, говорившие на языках изолирующего типа. Хамиты — народы северной части Африки с их флективными языками — признавались высшими народами, носителями культуры, а из смешения тех и других образовались, по мнению Мейнхофа, народы банту, создается особый языковый тип банту — агглютинативный по своей типологии, а по своему грамматическому строю отличающийся наличием классов имен существительных.

Однако типичные хамитские языки, как берберские и кушитские языки Северной Африки, имели деление всех имен существительных на грамматические роды, а не на классы. Вот почему в основе всей теории Мейнхофа о происхождении языков банту огромное значение имел язык народа фульбе, светлокочих скотоводов Западного Судана. Язык этого народа, доказывал Мейнхоф, был ключом к пониманию особенностей языков банту. В языке фуль — прахамитском, по определению Мейнхофа, — имена существительные составляют группы классов, каждый из которых характеризуется изменениями начальных звуков в единственном и во множественном числах. Так например, *golloo* — рабочий, *wollob'e* — рабочие; земледелец — *demoo*, мн. ч. *gemob'e*; певец — *djimo*, мн. ч. *yimob'e*; живот — *redu*, мн. ч. *de'di* и т. д.⁵ Эта особенность, выделявшая язык фуль из всех окружающих его языков, а также то, что фульбе резко выделялись среди окружающих их народов негроидной расы своим европеоидным типом лица и светлым цветом кожи и к тому же были единственным народом, занимавшимся скотоводством среди земледельцев Западного Судана, привлекали к себе внимание. Нет ничего удивительного в том, что Мейнхоф видел в нем праязык хамитов-скотоводов.

И вот Краузе, возможно, лично несимпатичный Мейнхофу по чисто политическим причинам, в своих работах доказывает, что язык фуль близок языку серер — языку негров Сенегала, т. е. языкам нигритов. В другой своей работе Краузе показывает, что изменения звуков в начале слова встречаются не только в языке фуль, но и в языке фада, или афада, — негритянского народа тогдашней Португальской Гвинеи — биафада⁶. Это подрывало основы теории Мейнхофа и его классификации африканских языков.

Изучая языки народов Западного Судана — дагбамба и бинумба, Краузе показал, что многие из суданских языков имеют подобно языкам банту префиксы и суффиксы. Это также нарушало все представления Мейнхофа о примитивности языков Судана. Неудивительно поэтому, что в работах Мейнхофа эти работы Краузе не упоминаются.

Зебальд пишет, что официальная немецкая африканистика замалчивала имя и работы Краузе. До известной степени это верно. Но в книге Мейнхофа о языках мы находим ссылки на две работы Краузе 1884 г. — о языке фуль и языке населения оазиса Гат, о также на исследование о языке музук, хотя последнее приписано австрийскому линг

⁴ Fr. Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, Hamburg, 1910.

⁵ Примеры взяты из работы: D. Westermann, *Handbuch der Ful-Sprache*, Berlin, 1909, S. 201—203.

⁶ G. A. Krause, *Die Fada Sprache am Geba Flusse*, «Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen», 1895, I Jahrg., S. 363—372.

висту Фр. Мюллеру, издавшему его. Лишь в позднейших работах Д. Вестерманна о языках Западного Судана постоянно встречаются ссылки на лингвистические труды Краузе.

В науке известны только четыре отдельно изданные работы Краузе — в Известиях экспедиции Рибекса — о языках фуль и гат, работа, изданная Мюллером, о языке музук и исследование климата Того и Золотого Берега, изданное П. Штаудингером в 1910 г., а также статьи, опубликованные в специальных периодических изданиях — «Журнале африканских и океанских языков», журнале «Глобус» и в некоторых других географических изданиях. Бóльшая же часть его трудов была полностью забыта даже в самой Германии.

В 1928 г. дирекция Прусской государственной библиотеки опубликовала часть рукописного собрания Краузе, хранившегося там. В предисловии к этой публикации известный лингвист М. Хееле писал, что рукописи содержат материал для многих докторских диссертаций, а издание факсимиле рукописей даст возможность специалистам, желающим заняться переводом, сделать это без утомительного их переписывания. Таким образом, уже в 1928 г. в Германии никто не помнил, что переводы многих из этих рукописей были опубликованы самим Краузе в «Кройц-Цайтунг»⁷. Теперь благодаря кропотливой работе Зебальда мы имеем полный список всех статей Краузе.

Рукописи, факсимиле которых опубликовала Прусская библиотека, были предметом занятий (руководимого автором этих строк) семинара по языку хауса на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Тексты были переведены на русский язык и изданы в 1960 и 1963 гг.⁸ Так как в научной литературе нигде не упоминались статьи Краузе, опубликованные в «Кройц-Цайтунг»; то, вероятно, многие переводы рукописей хауса сделаны были заново.

В работе Зебальда (стр. 202, сл.) приводятся сведения о неизданных лингвистических исследованиях Краузе. В одной из статей, помещенных в «Кройц-Цайтунг» 23 января 1895 г., Краузе пишет о результатах своих исследований следующих языков Западной Африки:

1. *Чи-шингини* (язык народа а-шингини) распространен в пределах Центральной Нигерии к востоку от р. Нигер, севернее Нупе. По мнению Краузе, этот язык самый северный из языков банту.

2. *Дагбан-не* (язык народа дагбамба) распространен в излучине течения Нигера в северных районах Золотого Берега (ныне Гана). Язык этот относится к числу языков гур.

3. *Хауса*. По мнению Краузе, язык хауса возник из двух языков банту, объединенных одним хамитским языком. Эти три языка и создали современную форму языка хауса. Краузе отмечает, что им установлено существование в языке хауса взаимной глагольной формы, характерной для языков банту.

4. *Ми-нумма* (язык народа би-нумба) — один из языков группы гур в пределах республики Верхняя Вольта. Его особенность заключается в том, что в этом языке существуют особые «близнечные аффиксы», т. е. один и тот же аффикс употребляется одновременно как префикс и как суффикс. В этой системе Краузе видел связующее звено между префиксными и суффиксными языками. На основании этого он считал бесполезным делить языки на группы по этим типологическим при-

⁷ Это было еще при жизни Краузе, который скончался лишь 10 лет спустя — 19 февраля 1938 г.

⁸ Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XVI—XIX веках «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LIII, М.—Л., 1960. Там опубликованы тексты исторического содержания. Переводы сделаны участниками семинара. Позднее изданы были другие тексты собрания Краузе. См. «Сказки хауса» в переводе И. Н. Быковой и М. А. Смирновой с кратким введением Д. Ольдерогге, «Африканский этнографический сборник V», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXVI, М.—Л., 1963, стр. 258—284.

знакам: *ми-нумма* оказывается в родстве как с теми, так и с другими. Краузе назвал эти группы языков бантоидными.

К сожалению, почти все эти материалы остались неопубликованными⁹.

Таким образом, мы видим, что в своих работах Краузе исследовал прежде всего языки народов Западного Судана и обнаружил существование среди них языков, имеющих системы префиксов, суффиксов и аффиксов, названных им «близнечными аффиксами» (*Zwillings-affixe*)¹⁰. В ходе этих исследований он обнаружил изменения начальных звуков в начальном слоге, что было показано им на примере языка афада. Все эти наблюдения шли вразрез со взглядами официальной немецкой африканистики, согласно которой языки народов Судана относились к языкам изолирующего типа. Это мнение было высказано Мейнхофом на основании исследований языков группы акан и эве. Распространенные на Гвинейском побережье Того и в английской колонии Золотой Берег, эти языки были изучены сначала Ф. Г. Кристаллером, а затем Д. Вестерманном. Языки эти представляют собой классический пример языков аморфного, или изолирующего, типа. Вероятно, под влиянием теории Мейнхофа о трехчленном делении всех языков Африки (на языки хамитов, суданцев-нигритов и банту) Вестерманн, хорошо изучивший эве, дал общий очерк структуры языков всего Судана, пытаясь восстановить общесуданский праязык¹¹.

Исследование Д. Вестерманна тем самым дополняло работы Мейнхофа о праязыке банту и о праязыке хамитов, так что в целом получалась стройная система.

Однако все исследования Краузе шли вразрез с этим до чрезвычайности упрощенным пониманием истории народов африканского материка. Состав суданских языков оказывался гораздо более сложным, а этого не желал признавать Мейнхоф. Иначе поступил Д. Вестерманн, который в ходе дальнейших исследований вынужден был, что делает ему честь, полностью отказаться от ошибочной попытки реконструировать суданский праязык. В 1927 г. он дал новую классификацию западносуданских языков, указав на их связь с банту¹².

Эта работа по духу своему соответствует основному направлению исследований Краузе, и вряд ли будет преувеличением сказать, что основные положения ее навеяны его идеями.

Во-первых, в книге Вестерманна отмечается многообразие языковых групп в пределах Западного Судана. Некоторые из этих групп, а именно *ква* и *гур*, названы именами, предложенными в свое время Краузе. Это видно из слов самого Вестерманна: «Термин „языки *ква*“ был впервые использован Г. А. Краузе в 1885 г. и введен в употребление Кристаллером. Термин этот произведен от слова „народы“ во многих из этих языков, которые содержит корень — „ква“»¹³ и далее: «Термин „языки *гур*“ был принят Кристаллером по предложению Г. А. Краузе. Он произведен от названий *гурма*, *гурунси* и т. д., часто встречающихся у говорящих на этих языках»¹⁴.

Во-вторых, языки народов Западного Судана были поставлены им в связь с языками банту. Об этом писал еще в 1895 г. Краузе, признавая

⁹ Некоторые сведения о языке *чи-шингини* содержатся в статье: G. A. Krause, Beiträge zum Märchenschatz der Afrikaner, «Globus», Bd 72. Ссылка на нее дается в справочнике: D. Westermann, M. A. Bryan, The languages of West Africa, in: «Handbook of African languages», pt. II, London, 1952, 195, 104. В справочнике сказано, что, кроме сообщений Краузе, никаких сведений о языке шингини до сих пор нет.

¹⁰ Более удачным я считаю термин «конфисксы», предложенный Н. В. Юшмановым.

¹¹ D. Westermann, Die Sudansprachen, Hamburg, 1912.

¹² D. Westermann, Die Westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu, Berlin, 1927.

¹³ D. Westermann and M. A. Bryan, Указ. раб., стр. 76.

¹⁴ Там же, стр. 55.

язык темне настоящим языком банту и отмечая существование других подобных ему языков этой группы в пределах Нигерии¹⁵.

В-третьих, Вестерманн, во многих своих поздних работах пользуется термином «бантоидный», который был также впервые введен в науку Краузе для обозначения языков, имеющих сходные с языками банту черты структуры и лексики.

К сожалению, архив Г. А. Краузе не найден. Значительная часть записей пострадала или была уничтожена во время разгрома его дома в Триполи в 1911 г. Поэтому мы не можем судить, в какой степени основательны были доказательства Краузе о происхождении языка хауса, как и его предположение о единстве большинства африканских, хамитских, семитских и арийских (афро-семарийских) языков. Однако и то, что известно нам, показывает, как значителен вклад Краузе в изучение языков Африки.

Несмотря на тяжелые обстоятельства, ему удалось сохранить самостоятельность суждений, и история его жизни — это история одиночки, противопоставившего себя и свои убеждения всему аппарату государства и официальной науке.

Современники, знавшие его, отмечали его удивительную способность к изучению языков. Стоит привести отзыв П. Штаудингера, известного своими путешествиями по странам хауса в начале XX в. Он издавал последнюю из больших работ Краузе, в которой тот изложил результаты многолетних своих наблюдений над климатом Того и Золотого Берега.

«Главные интересы Краузе, — писал Штаудингер, — в области лингвистики. Он лучший знаток языка хауса, которым владеет так замечательно, что, по словам Р. Притце, письмо его вызвало в большой мечети Каира, среди находившихся там хаусанцев, изумление и восхищение. Они удивлялись, как белый смог до такой степени глубоко проникнуть в их мышление и понять их чувства. Он известен среди них под именем Малам Муса. К сожалению, из-за недостатка средств и вследствие неблагоприятных условий он опубликовал мало работ и большие лингвистические сокровища лежат у него под спудом. В течение многих лет он надеется опубликовать свое открытие, доказав родство и связь африканских языков с другими языками (семитскими и индоевропейскими), но состояние его здоровья и другие обстоятельства мешают ему до сих пор издать свои исследования, так же как и собранные им большие материалы по хауса, фуль, чи-шингини и другим языкам. Будем надеяться, что это еще будет сделано»¹⁶.

Увы, этого сделать Краузе не удалось. Быть может, когда-нибудь его работы будут обнаружены. Несомненно одно: его взгляды на классификацию африканских языков оказались гораздо ближе к истине, чем внешне логичные и, казалось бы, убедительные теории официальной немецкой африканистики начала XX в.

GOTTLÖB KRAUSE — THE OUTSTANDING GERMAN SPECIALIST IN AFRICA STUDIES (1850—1938)

In his article, based mainly on a recently published book by P. Sebald, the author recounts the life and activity of Gottlob Adolf Krause, the progressive German specialist in African studies, whose works and even whose name had been undeservedly forgotten.

¹⁵ G. A. Krause, *Die Stellung des Temne innerhalb der Bantu-Sprachen*, «Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen», Bd I, 1895, S. 250—567. Работы Краузе в этом направлении продолжает австрийский лингвист Г. Мукаровский. См.: H. G. Mukarovsky, *Temne und Protobantu*, «Archiv für Völkerkunde», Bd XVI, 1961, S. 55—93; его же. *Kisi und Bantu*, Там же, Bd XIII, 1958, S. 132—173.

¹⁶ G. A. Krause, *Beitrag zur Kenntnis des Klimas von Salaga Togo und des Goldküste*, Halle, 1910, S. VIII (предисловие Штаудингера). Р. Притце — известный африканист, издававший тексты на языках хауса и канури; племянник Г. Нахтигалья

Л. А. Файнберг

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Вопрос о характере объединений у древнейших людей, тех переходных по своему физическому типу и социальному развитию существ, которые уже не были обезьянами, но в то же время более или менее существенно отличались от человека современного типа, — один из труднейших вопросов истории первобытного общества. Мы не будем излагать здесь существующие точки зрения, так как они, на наш взгляд, достаточно полно были охарактеризованы в работах ряда авторов, особенно в монографии Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества». Напомним лишь, что эти точки зрения сводятся к трем основным. Одни исследователи полагают, что предки человека современного типа были по сути дела еще не людьми, а животными и соответственно у них не было и какой-либо организации, отличной от организации других животных. У такого взгляда мало сторонников, так как он опирается не на факты, а лишь на некоторые соображения общего характера, которые к тому же были подвергнуты обоснованной критике представителями разных дисциплин: археологами, этнографами, антропологами, философами, и, в частности, уже упомянутым Ю. И. Семеновым.

Сторонники второй точки зрения, разделяемой в основном археологами, полагают, что коллективы даже древнейших людей существенно не отличались по своей организации от объединений людей верхнего палеолита и, более того, от коллективов отсталых охотников и собирателей, известных нам по этнографическим данным.

Представители третьей точки зрения считают, что эпоха перехода от обезьян к человеку современного типа была особым этапом в истории, которому соответствовали свои специфические типы организации. Эти типы отличались как от предшествовавших им зоологических объединений, так и от форм социальной организации, зафиксированных у охотников и собирателей новейшего времени. В целом эта точка зрения представляется нам хорошо аргументированной как с общетеоретической, так и с фактической стороны. В то же время некоторые из взглядов сторонников указанной позиции нуждаются, по нашему мнению, в существенном уточнении. Так, нам представляется, что убеждение, разделяемое, пожалуй, всеми сторонниками третьей точки зрения, что организация формирующихся людей не имеет ничего общего с организацией животных предков, недостаточно обоснованно.

Новые наблюдения над жизнью различных видов обезьян не в воле, а в естественных условиях, а также крупные палеоантропологические и археологические открытия недавнего времени в несколько раз продлили древность человеческого рода и значительно уменьшили пропасть между наиболее высокоразвитыми обезьянами и самыми примитивными из известных нам в настоящее время гоминид.

В настоящей статье мы пытаемся выяснить, могут ли в какой-то мере быть применены данные приматологии для изучения ранних форм социальной организации; прослеживаются ли в организации стада и в поведении обезьян какие-либо зачатки или предпосылки тех или иных институтов или форм поведения, развивавшихся у древних и древнейших гоминид под влиянием трудовой деятельности и всего комплекса связанных с ней социальных факторов.

Рассматривая материалы, относящиеся к сообществам обезьян, мы не забываем о принципиальном качественном различии между биологическими формами организации обезьян и социальными институтами раннего человечества, о грани между животными и человеком. Но мы предполагаем, что переход от старого качества к новому мог совершаться не путем полного уничтожения всех черт старого качества, а диалектически, по закону отрицания отрицания, чтобы «удержать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате...»¹.

Итак, какие же данные приматологии могут быть, на наш взгляд, использованы для реконструкции ранних форм социальной организации гоминид?

Известные исследователи приматов С. Уошберн, Ф. Джей и Дж. Ланкастер так образно описывают происшедшее в последние 10—15 лет изменение научных представлений о сообществах обезьян: «Едва ли может быть какой-либо больший контраст, чем между возникающей картиной упорядоченного общества, основанного на социальных связях привязанности и сотрудничества и имеющего структуру, опирающуюся на устойчивые связи доминирования, и старым представлением о не подчиняющейся никаким нормам орде под господством тирана»².

Резюмируя основные, рассматриваемые нами положения, можно сказать, что длительные наблюдения над обезьянами (шимпанзе, горными гориллами, павианами, макаками и др.) значительно углубили, а во многих случаях коренным образом изменили представления о структуре стада, отношениях внутри стада и между стадами. Эти новые наблюдения свидетельствуют, что для обезьян, в особенности человекообразных, а также низших, ведущих наземный образ жизни, не характерен неограниченный промискуитет, и, в частности, не практикуются (это установлено у макак и менее определенно у шимпанзе) связи между особями, родственными по материнской линии, т. е. матерью и ее мужским потомством, братьями и сестрами. Потомство по материнской линии в подобных случаях тесно связано между собой³. Кроме того, исследователями зафиксирована у некоторых видов обезьян тенденция к экзогамии стада в целом. Выяснилось также, что конкуренция из-за самок в естественных условиях, т. е. на воле, а не в клетках зоопарка, носит более или менее мирный характер, с проявлением значительной взаимной терпимости самцов.

Конкретизируя вышесказанное существенно отметить, что для обезьян не типичны не только неограниченный промискуитет, но и такие ограничительные брачные системы, как парная связь гиббонов или гамадрилов. Обе они встречаются сравнительно редко. Наиболее обычная форма брачных отношений как у низших, так и у человекообразных обезьян — «промискуитет», ограниченный или отношениями доминирования (у бабуинов), или запретом половых связей

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

² S. Washburn, Ph. Jay, J. Lancaster, Field studies of Old World monkeys and apes, «Science», vol. 150, 1965, № 3703, p. 1545.

³ D. Sade, Inhibition of son-mother mating among free-ranging Rhesus monkeys, «Science and Psychoanalysis», vol. 12, 1968, p. 18—38; J. van Lawick-Goodall, Mother-offspring relationships in free-ranging chimpanzees, «Primate Ethology», London and Chicago, 1967.

между родственниками по материнской линии (у макак) ⁴. Как справедливо отмечают С. Уошберн, Ф. Джей и Дж. Ланкастер, только в необычных ситуациях животные, занимающие подчиненное место в иерархии доминирования, полностью исключены из спаривания. У тех же, у кого нет постоянного доминирования, спаривание относительно промискуитетно и часто зависит от личной склонности самки ⁵.

Еще одна черта стада обезьян, выявленная в ходе исследований последних лет, это тенденция к спариванию самцов не в своем, а в чужих стадах. Говоря об этом явлении, обнаруженном у некоторых видов наземных обезьян, мы прежде всего имеем в виду наблюдения, сделанные Дж. Гартланом и К. Брейном на о-ве Лолуи и в Восточной Африке. Они отмечают, что у церкопитековых обезьян только в бедных экологических условиях и в неволе, т. е. в более или менее экстремальных условиях, самец — ядро группы и доминирует в ней, удерживая самок с помощью агрессии. Напротив, в экологически богатых районах, таких как о-в Лолуи, где у обезьян к тому же нет врагов, основу группы составляют взрослые самки, детеныши и молодежь обоего пола. В одной из групп этих обезьян в период с 1 апреля 1963 г. по 1 мая 1964 г. постоянно находился один самец и еще четыре приходили и уходили. При этом было зарегистрировано, что постоянный самец спарился во время наблюдений только 1 раз, два проходящих спарились соответственно 11 и 4 раза; а два самца ушли в другую группу и в наблюдаемой группе в указанный выше период не спаривались ⁶. Таким образом, у изучавшихся Гартланом и Брейном церкопитековых обезьян, по-видимому, преобладали «экзогамные» половые связи.

По данным наблюдений за тремя группами бабуинов Уганды в течение пяти лет, у них не было ни одного самца, который хотя бы один раз не перешел из одного стада в другое ⁷. У японских макак самки устойчиво сохраняют принадлежность к стаду, а самцы систематически переходят из одного стада в другое.

Возможно, что сходная тенденция преобладает и у шимпанзе. Такое предположение высказали И. Итани и А. Судзуки. Они отметили, что у шимпанзе мужской молодежь держится в стороне от больших групп, и поставили вопрос, не нормально ли для самцов этих обезьян менять группу, когда они становятся взрослыми ⁸. Иными словами, групповая принадлежность самцов шимпанзе, по гипотезе названных исследователей, меняется следующим образом: в детстве самцы входят в группу своих матерей, в «отрочестве» образуют отдельную группу, а став взрослыми, присоединяются к одной из соседних групп, и потому, добавим мы, скорее всего входящей в одно с ними сообщество, образуемое несколькими группами (подробнее см. ниже.)

Насколько мы знаем, биологи пока еще не выдвинули достаточно обоснованных и общепризнанных объяснений этим тенденциям к экзогамии в объединениях обезьян. Но вне зависимости от причин этого явления, его бытование у некоторых видов современных обезьян позволяет предполагать, что оно имело и у древних обезьян — предков первых гоминид. Если это так, то тенденция к переходу самцов для спаривания в другое стадо при стабильности «женской» части последнего могла составить часть биологического наследия, полученного древнейшими гоминидами от своих предков. В таком случае в ходе дальнейшего

⁴ Подробнее об этих факторах см.: Н. Куммер, *Primate societies*, Chicago, 1971, p. 34—35.

⁵ S. Washburn, Ph. Jay, J. Lancaster, Указ. раб., стр. 1544.

⁶ J. Gartlan and C. Brain, *Ecology and social variability in Cercopithecus aethiops and C. mitis*, «Primates», N. Y., 1968, p. 282—283.

⁷ R. Fox, In the beginning: aspects of hominid behavioral evolution, «Man», vol. 2, 1967, № 3, p. 421.

⁸ J. Itani and A. Suzuki, The social unit of chimpanzees, «Primates», vol. 8, 1967, № 3—4, p. 355—381.

развития эта тенденция, усиленная социальными факторами, так или иначе связанными с трудовой деятельностью, привела к полному запрету браков между людьми, принадлежащими к одному коллективу, превратив его тем самым в род.

Как уже было сказано, одним из результатов новых приматологических исследований оказалось то, что в противоположность укоренившимся представлениям конкуренция самцов из-за самок у обезьян или вообще отсутствует, или, как правило, носит более или менее мирный характер. Так, для шимпанзе характерна взаимная терпимость самцов в половой сфере, как, впрочем, и в других отношениях. По наблюдениям Дж. Гудолла на восточном берегу оз. Танганьика, в период течки несколько самцов спаривались с одной самкой. И это не вызывало никакого конфликта между ними. В другом районе обитания шимпанзе, в лесу Будонго, В. Рейнольдс хотя и не наблюдал подобных случаев, но зафиксировал образование на период течки временных групп из одной самки и нескольких самцов, опять-таки без каких-либо признаков конкуренции между последними.

Дж. Шаллер, почти два года наблюдавший горных горилл на воле, не видел ни одного столкновения из-за самок, хотя в каждой группе этих обезьян имеется несколько взрослых самцов. Шаллер сделал на этом основании закономерный вывод, что сексуальность в сообществах горилл не доминирует и поэтому неправ М. Салинс, считавший ее организующей силой в обществе приматов. Этот вывод вполне подтверждается и другими данными о половой жизни обезьян⁹.

Даже у гамадрилов, организованных в гаремные семьи, существует, как это показывают новые и весьма тщательные наблюдения Г. Куммера, механизм подавления полового инстинкта у самцов, чтобы избежать губительной борьбы из-за самок. Так, уже занятых самок не «отбивали», даже если самка принадлежит слабейшему самцу, а сильный не владеет самкой. Распределение самок между самцами стада не соответствует, в противоположность ранее существовавшим представлениям, и рангу самцов в иерархии доминирования. В естественных условиях самками владеют около 80% самцов, среди них есть и слабейшие.

Действующий у гамадрилов механизм подавления полового инстинкта ограничивает борьбу из-за самок исключительными ситуациями, такими как скопление на небольшом пространстве многих обезьян, что имеет, например, место в клетках зоопарков¹⁰. Именно наблюдения над обезьянами в подобных неестественных условиях дали повод для широко распространенных до последних лет представлений о безудержной и кровавой борьбе из-за самок в стадах различных видов обезьян, и в особенности гамадрилов. Таким образом, теперь можно с уверенностью сказать, что распространенные и в нашей литературе по истории первобытного общества представления о господстве у животных, включая обезьян, ничем не сдерживаемого зоологического индивидуализма не отвечают современным данным о сообществах приматов и нуждаются в пересмотре. Коль скоро механизмы ограничения полового инстинкта в интересах сохранения стада существуют уже у обезьян, древнейшим людям не нужно было переходить к промискуитету для устранения борьбы из-за женщин. Иными словами, в отношении способности к подавлению инстинктов, включая половой, обезьяны оказываются ближе к человеку, чем можно было предполагать.

⁹ Дж. Шаллер, Год под знаком гориллы, М., 1971; G. Schaller, The mountain gorilla. Ecology and behavior, Chicago-London, 1963; J. Goodall, Chimpanzees of the Gombe Stream reserve, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 451; K. Hall, Aggression in monkey and ape societies, «Primates», N. Y., 1968, p. 159; V. Reynolds and F. Reynolds, Chimpanzees of the Budongo forest, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 420.

¹⁰ Н. Куммер, Указ. раб., стр. 101—105.

Еще одним фактором, влияющим на структуру стада и, возможно, унаследованным от обезьян первыми гоминидами, является присущая, по крайней мере некоторым видам приматов, и продолжающаяся нередко и во взрослом состоянии связь потомства, особенно женского, с матерью и между собой, а также особая стабильность женской части стада по сравнению с его мужской частью.

Так, у японских макак многими исследователями зафиксировано, что потомство, особенно дочери, сохраняет связи с матерью и во взрослом состоянии¹¹. Макаки-резус о. Кайо-Сантьяго имеют такую же особенность. Большая часть социальных контактов у них осуществляется между особями, родственными по матери. В случае голода процент контактов между особями, родственными между собой, по отношению к общему числу контактов еще более возрастает. Так, в обычных условиях контакты между родственными животными составляют около 50% всех контактов, а при голоде они возрастают до 70%¹².

У шимпанзе дети держатся с матерью большую часть времени, примерно до восьми лет, хотя уже с четырех-шести лет они не зависят от матери в своем пропитании. И во взрослом состоянии потомство, особенно дочери, много времени проводит со своими матерями. Нередки случаи, когда мать разрешает взрослым детям взять у себя пищу, например, банан, который она уже держит в руке. Правда, в этом отношении имеются значительные индивидуальные вариации. Не всякая мать отдает плод, к которому протягивает руку ее взрослый потомок.

Матери также защищают своих детей, даже взрослых. При этом самки высокого ранга непосредственно атакуют обидчиков своих сыновей и дочерей, а самки низкого ранга подходят к обидчикам и делают просящие примирительные телодвижения.

Потомство одной матери у шимпанзе, как, впрочем, и у макак, тоже связано близкими отношениями. Так, в случае смерти матери о маленьком детеныше заботится его старшая сестра, а старший брат помогает ей защищать малыша¹³.

У бабуинов все члены стада знают матерей всех детенышей моложе двух лет. Может быть, дальнейшие исследования принесут новые данные о связях по родству у этих обезьян.

Надо еще раз подчеркнуть, что у многих видов обезьян, в том числе у бабуинов, самки составляют наиболее стабильную часть стада. Самки бабуинов, став взрослыми, остаются в стаде, в котором они родились, тогда как самцы у некоторых видов бабуинов то присоединяются к стаду, то выходят из него. Поэтому самки больше, чем самцы, зависят от связей, существующих между ними с рождения. В неволе самки гораздо хуже адаптируются, чем самцы, так как у них оказываются незнакомые соседки по клетке или вольеру. И подавляющая часть драк в клетках возникает именно между самками¹⁴.

По-видимому, существует определенная разница в отношениях матерей с детенышами у шимпанзе и бабуинов. У первых нет оформленных стад и выживание молодняка зависит во многом от его связей с матерью. У бабуинов же детеныши, как только они немного подрастут, переходят в группу молодняка, находящуюся под защитой не только матерей, а и всего стада. По-видимому, в этом отношении, как и в некоторых других, бабуины стоят ближе к первым гоминидам, жившим в сходных и полных опасностей условиях, чем к шимпанзе, обитающим в более спокой-

¹¹ S. Kawamura, The matriarchal social order in an *M. fuscata* group, «Primates», vol. 1, 1958; M. Yamada, A study of blood relationship in the natural society of the Japanese macaque, «Primates», vol. 4, 1963.

¹² J. Loy, Behavioral responses of free-ranging Rhesus monkeys to food shortage, «American Journal of Physical Anthropology», vol. 3, 1970, № 2, p. 263—266.

¹³ J. van Lawick-Goodall, Указ. раб., стр. 290, 308, 316—318, 322.

¹⁴ T. Rowell, Variability in the social organization of primates, «Primate Ethology», London, 1967, p. 230—232.

ных условиях и не нуждающимся для защиты в четко организованных стадах¹⁵.

С вопросом об отношениях матерей и потомства тесно связан вопрос о механизме передачи нового опыта, новых форм поведения. Как было установлено многочисленными наблюдениями, наземные виды обезьян обнаруживают гораздо большую вариабельность в своем поведении, большую потенциальную способность к усвоению нового, чем древесные¹⁶. Эта способность была очень важна для процесса гоминизации, поэтому были проведены специальные эксперименты с живущими на воле (но в заповедниках) японскими макаками, чтобы выяснить, как у них вырабатываются новые навыки, в частности пищевые.

Макакам давали клубни сладкого картофеля. Однажды 16-месячная самка вместо того, чтобы обтереть клубень от песка лапами, как это делали остальные, пошла к ручью и вымыла клубень в воде. Через 9 лет так поступали уже 70% всех обезьян ее стада и 90% тех, кто родился после появления этого обычая. Другая молодая обезьяна пошла, очевидно, случайно не к ручью, а к берегу моря и вымыла клубень в соленой воде. Привкус соли понравился ей, и она стала так поступать постоянно, а вслед за ней и другие члены ее стада. Чтобы входить в воду с клубнями в лапах, обезьяны научились проходить сравнительно длинные расстояния, до 50 м, на задних конечностях, они также научились плавать¹⁷. Как же передавались эти и другие новые навыки? Как выяснилось, сначала новые привычки появлялись у молодняка, который передавал их своим матерям.

Животные, родившиеся после возникновения нового обычая, перенимали его от своих матерей. Дольше всех не усваивали новое взрослые самцы. Таким образом, именно самки и их потомство обеспечивают у обезьян вариабельность поведения, без которой был бы невозможен процесс гоминизации. Как полагает подавляющее большинство исследователей, процесс гоминизации происходил в условиях резко менявшихся природных условий когда в значительной части Африки саванна наступала на лес. Поэтому предкам первых гоминид, чтобы выжить, было необходимо приспособиться к новым условиям, освоить новые виды пищи, и прежде всего животную пищу, так как в саванне наблюдаются сезонные нехватки растительной¹⁸. В этих условиях роль самок как создателей и, если так можно выразиться, «закрепителей» новых обычаев могла быть, на наш взгляд, особенно велика. По-видимому, природная среда, в которой формировались первые гоминиды, во многом напоминала среду, в которой живут современные бабуины, и поэтому представляется обоснованным высказанное еще в 1917 г. мнение К. Рида, что «прегоминиды могли иметь много черт волкоподобных приматов, ближайшей современной параллелью которых являются бабуины»¹⁹. Эта точка зрения, подчеркивающая большую экологическую близость первых гоминид не к более развитым психически, но глубоко специализированным и плохо приспосабливающимся к новому окружению шимпанзе, а к бабуинам, разделяется многими исследователями как в нашей стране, так и за рубежом (Н. А. Тих, К. Холл и др.)²⁰.

¹⁵ J. van Lawick-Goodall, Указ. раб., стр. 335—336; V. Reynolds. Some behavioral comparisons between the chimpanzee and the mountain gorilla in the wild, «American Anthropologist», vol. 67, 1965, № 3, p. 702, 704, 705.

¹⁶ Ph. Jay, Studies of variability in species behavior, «Primates», N. Y., 1968, p. 175.

¹⁷ J. Frish, Individual behavior and intertroop variability in Japanese macaques, «Primates», N. Y., 1968, p. 249—251; см. также К. Э. Фабри, О подражании у животных, «Вопросы психологии», 1974, № 2, стр. 112—113.

¹⁸ Интересные соображения о возможном влиянии смены характера питания на внутривидовые отношения приматов высказал В. П. Якимов. См.: В. П. Якимов, Черты прерывности в эволюции человека, М., 1973, стр. 4—6.

¹⁹ K. Reed, On the differentiation of the human from the anthropoid mind, «British Journal of Psychology», vol. 8, 1917.

²⁰ Н. А. Тих, Предыстория общества, Л., 1970, стр. 38—39, 177; Н. Куммер,

Как отмечает большинство исследователей, различий в поведении и социальной организации между популяциями одного вида, живущими в неодинаковых экологических условиях, больше, чем соответственных различий между разными видами, живущими в сходных экологических условиях. Для лесных древесных обезьян характерны, за редкими исключениями, маленькие группы и отсутствие жесткой организации, а также отсутствие или лишь слабо выраженная система доминирования и иногда также промискуитетные половые связи.

Напротив, для наземных обезьян, живущих в засушливых степных районах, характерны резко выраженный половой диморфизм, гаремная «семья», а для некоторых видов — большие стада, состоящие из гаремных семей. Типичными представителями названных обезьян являются, например, гамадрилы, гелады, гусары.

Возникновение гаремной системы у этих обезьян уменьшает давление популяции на пищевые ресурсы, не уменьшая в то же время воспроизводства потомства. «Лишние» же самцы, не сумевшие создать гарема и живущие на периферии стада гаремных «семей» или вне его, гибнут от различных хищников. Половой диморфизм, характеризующийся резким увеличением размеров самцов по сравнению с самками, по-видимому, возникает из-за необходимости защитить стадо от хищников сравнительно небольшому числу самцов — глав гарема. По мнению Дж. Гартлана и К. Брейна, процесс физических и «социальных» изменений, приведший к созданию гаремных «семей», начался в плейстоцене в период приспособления древних обезьян к жизни в засушливой саванне и этот процесс имел большое значение в развитии форм организации приматов²¹.

С последним, на наш взгляд, трудно согласиться без определенных оговорок. Аридные районы создают экстремальные условия для существования. В подобных условиях развитие обычно заходило в тупик, выживание происходило благодаря специализации.

Кроме крайних форм экологической приспособленности — аморфных групп низших лесных обезьян и гаремов гамадрилов аридных зон — существует и ряд промежуточных форм организации стада и типов поведения, также, вероятно, обусловленных экологически. Так, бабуины в Уганде живут в лесу или в лесостепи, изобилующих довольно равномерно распределенной по площади пищей. Эти обезьяны насыщаются за 30—60 мин. кормления, остальную часть дня они отдыхают, играют, ласкают друг друга, чистят кожу друг другу. Эти бабуины при передвижении стада никогда не бросают отставших животных. Кто-нибудь из членов стада садится и поджидает отставшего. В Кении близкие родственники угандийским бабуины *Pan panus* живут в саванне, более бедной пищей, чем лес или лесостепь. Чтобы прокормиться, этим бабуинам необходимо пастись почти непрерывно в течение всего дня и осваивать большую площадь, чем их сородичам из Уганды. Примерно равные по размерам стада бабуинов Уганды и Кении осваивают соответственно площадь в 2 и 15 кв. миль. Бабуины Кении никогда не ждут отставших животных, и последние становятся легкой добычей для хищников и гибнут. Контакт в стаде гораздо меньше, чем у бабуинов Уганды.

Указ. раб., стр. 153; K. Hall, *Aggression in monkey and ape societies*, p. 161. Сходные идеи высказывает С. И. Успенский, подчеркивающий, что мартышковые и, в частности, павианы «при сравнении с людьми выгодно отличаются от современных антропоморфных» и «более или менее пригодны для изучения с целью некоторой попытки восстановления типовых черт поведения и строения тела у древних „получетвероногих“ обезьян — ранних генеалогических предков гоминид», — см.: С. И. Успенский, О некоторых биологических предпосылках очеловечения обезьян, сб. «У истоков человечества», М., 1964, стр. 44—45.

²¹ J. Gartlan and C. Brain, Указ. раб., стр. 289—292; J. Crook and J. Gartlan, *Evolution of primate societies*, «Nature», vol. 210, 1966, № 5042, p. 1200—1203.

Зафиксированы различия и между мартышками *Cercopithecus aethiops* Уганды и Кении, живущими в тех же природных зонах, что и бабуины, т. е. соответственно в лесу и в саванне. У мартышек Уганды нет ни выраженной территориальности, ни столкновений из-за самок между самцами. Последние часто переходят из стада в стадо, нет у них и иерархической структуры. Напротив, у мартышек Кении, живущих в более бедной и опасной для обитания среде, чем лес, есть и территориальность, т. е. защита стадом своей территории, и конфликты из-за самок, и иерархическая структура. Другой вид обезьян — лангуры *Presbytis entellus* в Северной Индии и на Шри-Ланка — живет неиерархическими группами обоего пола и всех возрастов, а в Южной Индии они живут гаремами и мужскими группами, которые время от времени свергают главу гарема и заменяют его кем-нибудь из своего числа. В этой связи, Т. Роуэлл, на наш взгляд, закономерно ставит вопрос, что, может быть, вообще нет такого явления, как «нормальная» социальная структура данного зоологического вида, и ее нельзя описывать без учета условий жизни данного стада²².

Численность стада и его половой состав также зависят от условий жизни. Так, в районах неаридной саванны с богатыми пищевыми ресурсами численность стада бабуинов в среднем составляет 40—50 голов. Число самок лишь немногим превышает число самцов (среднее соотношение 1,3 : 1). В более бедных пищей районах это соотношение доходит до 3 : 1. Вот, например, состав одной из групп бабуинов вида *Papio cynocephalus*, живущей в Кении. Всего в группе 41 обезьяна, в том числе самцов 5, самок 12, неполовозрелого молодняка 24. Если учитывать молодняка, то в группе окажется равное число самцов и самок, но половая зрелость у самок наступает раньше, чем у самцов, и поэтому взрослых самок больше, чем взрослых самцов. Что касается организации стада, то у бабуинов неаридной саванны оно сочетает систему доминирования с ограниченным промискуитетом. Только в полупустыне на воле или в зоопарках, т. е. в экстремальных условиях, обезьяны, в первую очередь гамадрилы, организуются в гаремные «семьи»²³. Обезьянье стадо, состоящее из гаремных «семей», может достигать значительных размеров — до 700 особей, но оно в основном лишь сумма «семейных» ячеек, не объединенных единой четкой структурой, и в этом его отличие от стада бабуинов, которое по численности не превышает обычно нескольких десятков особей, но зато представляет единую структуру, наименьшей ячейкой которой является само стадо. Такая структура из организации, обеспечивающей безопасность ее членов и воспроизводство потомства, может превратиться в более высокую форму — организацию для совместного добывания средств к существованию и их распределения.

Нам думается, что из отмеченных выше черт и особенностей стад обезьян, живущих в различных условиях, можно сделать некоторые предположительные выводы об организации стада приматов и коллективов древнейших гоминид. Как уже отмечалось, в настоящее время более или менее общепризнано, что гоминизация шла не в условиях лесного окружения, а в саванне. При этом палеоклиматологические, палеоботанические и палеозоологические исследования свидетельствуют в пользу мнения, что экологическая ниша приматов и первых гоминид

²² Т. Rowell, Указ. раб., стр. 220—226, 233. Теоретическая трактовка вопроса о соотношении между видами обезьян и особенностями их поведения содержится в работе: В. В. Бунак, Поведение высших обезьян и проблемы антропогенеза, сб. «Биология и акклиматизация обезьян», М., 1973.

²³ К. Hall, Social organization of the Old World monkeys and apes, «Primates», N. Y., 1968, p. 16; I. de Vore and K. Hall, Baboon ecology, «Primate Behavior», N. Y., 1965, p. 38, 40—41.

Африки была сходна с экологической нишей современных бабуинов²⁴. Конечно, нельзя забывать, что прегоминиды по своему образу жизни значительно отличались от бабуинов тем, что они были хищниками и при добывании пищи пользовались орудиями. Но, вероятно, между ними было немало общего, обусловленного сходством среды обитания и тем, что прегоминиды еще недалеко ушли в развитии от своих предков, древних обезьян саванны, схожих с бабуинами по образу жизни.

Поэтому есть известное основание для предположения, что в организации стада прегоминид и первых гоминид имелись элементы сходства с организацией стада бабуинов, т. е. что существовала четкая структура, сочетавшая систему доминирования с ограниченным промискуитетом. Значительно менее вероятным представляется, с нашей точки зрения, что стадо первых гоминид состояло из гаремных «семей» и было, таким образом, сходно по своей структуре со стадом гамадрилов. С. А. Арутюнов, В. П. Алексеев и некоторые другие исследователи, выдвигающие, особенно в устных выступлениях, подобное предположение, не учитывают, как нам кажется, того отмечавшегося выше обстоятельства, что, как показывает пример обезьян, подобные гаремные «семьи» создаются только в экстремальных условиях, в которых развитие идет по линии крайней специализации и заходит в тупик. Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали, что гоминизация совершалась в полупустыне и соответственно нет оснований полагать, что организация обезьян аридной зоны послужила фундаментом для объединений первых гоминид. Напротив, стадо с доминированием и ограниченным промискуитетом, на наш взгляд, не только обладает внутренними возможностями для дальнейшего развития, но и для превращения его затем в материнский род. Предпосылками для этого могут быть появляющиеся у некоторых видов, или в некоторых популяциях обезьян устойчивые пожизненные связи между потомством одной матери, «запрет» половых связей между ней и ее мужским потомством, большая стабильность «женской» части стада, по сравнению с «мужской», переход молодых самцов для спаривания в другое стадо.

Можно предполагать, что в дальнейшем в первобытном человеческом коллективе эти первоначально еще биологические формы поведения облегчают формирование таких социальных институтов, как экзогамия, матрилинейность и т. п. тем, что подкрепляют собой действие социальных факторов²⁵.

Вышеизложенная линия развития социальной организации представляется наиболее вероятно, если гоминизация действительно происходила в саванне. Если же эта исходная посылка, господствующая в настоящее время в науке о первобытности и разделяемая нами, окажется ошибочной и выяснится, что очеловечивание происходило в лесу, то в таком случае в качестве формы, исходной по отношению к объединениям первых гоминид, станет возможный рассматривать стада ближайших современных родственников человека, обитателей леса — шимпанзе. Их объединения очень вариабельны. По мнению одного из ведущих исследователей этих обезьян В. Рейнолдса, у шимпанзе существуют открытые сообщества численностью в 60—80 обезьян, подразделяющиеся на несколько матрифокальных, т. е. состоящих из матерей с детенышами, групп и живущих в основном отдельно от них групп самцов. При этом взрослое потомство, уже живущее отдельно, время от времени возвращается к матери. Таким образом, связь мать — дитя у шимпанзе имеет пожизненный характер. Как отмечалось выше, есть указания

²⁴ J. Garthlan and C. Brain, Указ. раб., стр. 289, 290, 292.

²⁵ Подробнее мы останавливаемся на причинах появления и укрепления экзогамии в статье «Возникновение родового строя», сб. «Проблемы истории первобытного общества», М., 1974.

на то, что столь же устойчива и связь между потомством одной самки²⁶.

Надо, правда, иметь в виду, что исследования Рейнолдса не прояснили полностью характера сообществ шимпанзе. Многие исследователи считают, что эти сообщества в действительности не являются открытыми, а имеют определенную структуру, хотя и производят такое впечатление. Вполне возможно, что популяция, занимающая какой-то участок леса и насчитывающая 80—100 особей, — закрытое объединение. Во всяком случае нельзя доказать противное, пока не выяснено, как члены такой территориальной группировки относятся к чужакам — иначе чем к членам своей группировки или так же²⁷. Кроме того, некоторые исследователи, например А. Кортландт, М. Чанс, К. Джолли, утверждают на основе своих полевых наблюдений, что стадо шимпанзе не аморфно или текуче по своей структуре, а напротив, в нем существуют определенные и достаточно четко разграниченные типы объединений. Так, А. Кортландт выявил у изучавшихся им шимпанзе восточной части Конго два типа таких объединений: половую группу и детскую группу. Первая из них состоит из самцов и самок без детенышей, вторая — из самок с детенышами и иногда одного-двух самцов. Численность этих двух типов объединений различается не очень значительно. В группировках первого типа насчитывается в среднем 20 животных, второго типа — 15, однако первые гораздо подвижнее и осваивают большую кормовую площадь, чем вторые²⁸.

Резюмируя все сказанное выше, можно заключить, что даже у современных обезьян, сравнительно менее развитых, чем предки первых гоминид, есть зародыши или предпосылки ряда черт поведения, в прошлом считавшихся присущими только человеку. Так, по крайней мере некоторые виды обезьян (павианы-гамадрилы, красные мартышки-гусары и др.) имеют какие-то биологические механизмы для ограничения зоологического индивидуализма, включая и половой инстинкт, что позволяет избежать конфликтов в стаде и сохранить мирные отношения между его членами. Обнаружены у обезьян, особенно человекообразных, и зачатки взаимопомощи. Поведение многих обезьян, как и формы их объединений, остаются еще неизученными. И в отношении наиболее исследованных видов обезьян тоже еще далеко не все известно, но накопленные факты позволяют предполагать, что мнение, согласно которому социальная организация древнейших гоминид могла возникать только в результате полного разрушения форм поведения и организации древних обезьян, не вполне соответствует современным данным. Напротив, из них, по-видимому, следует, что уже в высших типах зоологических объединений были зачатки и предпосылки некоторых форм поведения и институтов, таких как учет интересов коллектива и кровного родства по материнской линии, экзогамия, взаимопомощь и некоторых других, позднее развившихся у древнейших людей и в процессе трудовой деятельности сыгравших большую роль в функционировании их социальной организации и становлении человеческого общества в целом. Исходя из всего сказанного, мы считаем допустимым при попытках восстановить древнейшие формы организации прегоминид и ранних гоминид, наряду с данными археологии и палеоантропологии, пользоваться данными, относящимися к внутри- и межстадным отношениям у различных видов обезьян.

²⁶ V. Reynolds, Kinship and the family in monkeys, apes and man, «Man», vol. 3, 1968, № 2, p. 209—211.

²⁷ M. Chance, Open groups in hominid evolution, «Man», vol. 2, 1967, № 1, p. 130—131.

²⁸ M. Chance and C. Jolly, Social groups of monkeys, apes and men, N. Y., 1970, p. 107, 109; A. Kortlandt, Chimpanzees in the wild, «Scientific American», vol. 206, 1962, № 5, p. 132.

О НЕКОТОРЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ,
ВАЖНЫХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья Л. А. Файнберга кажется мне примечательной в двух отношениях: а) как сводка новейших сведений о стадных взаимоотношениях обезьян, впервые привлеченных в таком объеме для реконструкции социальной структуры первобытного стада; б) как попытка показать, что социальные отношения в первобытном стаде в какой-то своей части вырастают из стадных взаимоотношений предковых форм приматов, и таким образом отказаться от созданного некоторыми историками при игнорировании биологических наблюдений мифа о безудержном животном эгоизме, только и полученном якобы человеком в наследство от своих предков.

В связи с большим размахом этологических исследований в разных странах, развитием этологических методов и разработкой теоретических подходов к изучению психики и стадных взаимоотношений у животных значительно оживился, особенно в последние полтора десятилетия, интерес к разным группам приматов. Если раньше в нашем распоряжении были две-три работы, опиравшиеся на наблюдения над обезьянами в естественных условиях, и для реконструкции их взаимоотношений в стаде использовались чаще всего довольно полные наблюдения С. Цукермана¹, произведенные в Лондонском зоопарке (почему, кстати сказать, и создалось у него и у прибегавших к его работе исследователей превратное представление об агрессивности стадных отношений — в Лондонском зоопарке в стаде гамадрилов самцов было вдвое больше, чем самок), то в последние годы поведение почти всех основных видов изучено на воле. Оно, как справедливо пишет Л. А. Файнберг, очень разнообразно и, если использовать все богатство накопленной информации, создает базу для различных моделей динамики социальных связей в первобытном стаде. Автору кажется, что наиболее пригодна для социальной реконструкции в силу своей нейтральности система отношений, господствующая у низших обезьян, почему он и приходит к отрицанию роли гаремной семьи на первых стадиях развития социальной организации.

С эволюционной точки зрения такой подход далеко не бесспорен. Правда, психика и стадные взаимоотношения у животных — все то, что изучается этологией — не полностью соответствуют уровню морфофизиологической организации, и у далеких таксонов часто бывают сходны. Но все же, если оставаться в пределах крупных таксонов, такое соответствие имеет место, и с повышением уровня морфофизиологического развития повышаются и уровень развития психики, и разнообразие внутривидовых связей. Этого соответствия тем более вероятно ожидать у приматов, у которых психический фактор играл заведомо большую эволюционную роль и отбор на лабильность, разнообразие и усовершенствование нервных связей определял магистральный путь эволюции. Морфофизиологическая близость шимпанзе и гориллы к человеку по сравнению с другими формами приматов несомненна, и поэтому данные об их стадных взаимоотношениях являются едва ли не важнейшими в рассматриваемой теме.

¹ S. Zuckerman, The social life of monkeys and apes, London, 1932.

Среди этих данных особое место по полноте, обстоятельности и тщательности аргументации занимает информация, содержащаяся в монографии Дж. Шаллера². Какие выводы можно сделать из сообщаемых им сведений? Исходные стадные ячейки были малочисленны — 10—15 индивидуумов, были очень лабильны как в отношении своей численности, так и по структуре, в них доминировали самцы. Правда, гориллы представляют собой частично специализированную форму, они уникальны по своей силе и поэтому практически не имеют врагов. Но и шимпанзе, по-видимому, более близкие, в этом отношении к предкам человека, имеют мало врагов. К сожалению, сведения об организации их стадных коллективов гораздо менее определены, чем у горилл, и допускают неоднозначные толкования. Таким образом, ни теоретических, ни эмпирических оснований отказываться от гипотезы гаремных семей в качестве биологической основы для развития социальных отношений, как это делает автор, у нас пока нет. Я подчеркнул бы только еще раз большую подвижность, неустойчивость такой формы стадных отношений, что как раз и способствовало ее жизненности.

Неопределенность положения молодых, хотя и половозрелых, самцов в обезьяньем стаде, легкость, с которой они покидают свое стадо и присоединяются к другому, наконец, стабильность поведения самок в этом отношении, их постоянную принадлежность к какому-то определенному коллективу и исключительную редкость выхода из него Л. А. Файнберг впервые, насколько мне известно, в литературе и совершенно справедливо интерпретирует как зародыш складывающихся позже матриархальных отношений. Разумеется, это не единственная их причина, но взаимоотношения полов в эволюции создают как бы предпосылки для этих отношений. Таким образом, социальные связи на самых первых этапах своего возникновения есть не столько отрицание биологических отношений, как считали многие авторы, и особенно Ю. И. Семенов³, а скорее их продолжение качественно на новом, более высоком уровне развития. По-видимому, вернее рассматривать эти связи как результат труда, а не как инструмент для обуздания зоологической агрессивности, которая в свете последних наблюдений над стадными взаимоотношениями животных оказывается мнимой. Эти наблюдения более убедительны, чем отдельные случаи травм на черепах ископаемых гоминид, которые всегда можно истолковать как следствие межгрупповых, а не внутривидовых конфликтов.

Биологическую аргументацию в пользу стабильности женского пола в эволюции, несущего функцию поддержания постоянных характеристик вида и его сохранения, и подвижности мужского, функция которого состоит больше в поддержании видовой динамики, можно расширить. Принципиально новые исследования В. А. Геодакяна выявили именно такую роль женского и мужского полов на разных уровнях организации живого⁴. Содержанием начального этапа возникновения социальных отношений является, следовательно, не только преодоление биологического в природе человека (что бесспорно и демонстрируется всей совокупностью данных об эволюции семейства гоминид), но и развитие какого-то фундаментального принципа организации органического мира нашей планеты.

В. П. Алексеев

² G. Schaller, *The mountain gorilla. Ecology and behaviour*, Chicago — London, 1963.

³ Ю. И. Семенов, *Как возникло человечество*, М., 1966 (1-е изд.: Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962).

⁴ Итоговая работа: В. А. Геодакян, *О структуре эволюционирующих систем, «Проблемы кибернетики»*, вып. 25, М., 1972; там же см. библиографию предшествующих исследований.

Мне уже не раз случалось на различных обсуждениях и научных семинарах высказываться в поддержку того принципиального положения, что истоки социальной организации ранних человеческих коллективов следует искать в специфике организации сообщества приматов. Не считая свои чисто умозрительные соображения по этому поводу готовыми для печати, я до сих пор воздерживался от их публикации, однако коль скоро мои высказывания были упомянуты в опубликованной выше статье, мне представляется нужным разяснить их здесь несколько подробнее.

Эти соображения имеют своей отправной точкой гипотезу о гаремном характере «семей» у австралопитековых предков человека. Гаремные «семьи» типа известных для гамадрилов, равно как и парные, подобные встречающимся у гиббонов, действительно не типичны для большинства видов обезьян. Но дело в том, что предковые для человека виды и не могли быть типичными обезьянами — в противном случае они и не стали бы людьми. Для древнейшего же человеческого общества характерна преобладающая тенденция к парным формам семьи, при чрезвычайно широком, почти повсеместном параллельном распространении полигамных, «гаремных» форм и крайне редких случаях полиандрии.

Л. А. Файнберг признает, что в экстремальных и вообще в экологически скудных условиях у видов с обычно гибкой структурой стада возникают гаремные «семьи». Именно социальная специализация в ухудшившихся условиях и могла стать в ходе адаптации к ним предпосылкой гоминизации австралопитеков. Кстати, предположение о довольно значительном половом диморфизме в размерах самцов и самок австралопитеков вовсе не противоречит палеонтологическим данным. Поэтому вряд ли следует столь решительно, как это делает Л. А. Файнберг, отвергать правомерность мнения Дж. Гартлана и К. Брейна. Лесные и лесостепные ландшафты же, изобилующие пищей, подобно обиталищам бабуинов в Уганде, никак не могли стимулировать решающие адаптационные сдвиги, которые привели к началу гоминизации.

Излагаемая ниже гипотеза о характере обезьяньего стада, в котором происходило становление человеческих социальных отношений, отчасти соприкасается с хорошо известной гипотезой Дарвина — Аткинсона. К сожалению, последняя была изрядно скомпрометирована в науке той произвольной трактовкой, какую придал ей З. Фрейд, создавший в своем труде «Тотем и табу» миф об убийстве первобытного отца-вожака его подростками сыновьями, откуда и выводился механизм возникновения эдипова комплекса. В действительности же, как правильно отмечает Л. А. Файнберг, схватки между самцами приматов из-за самок и редки и малокровопролитны. Разумеется, при гаремной структуре стада, состоящего из самца, нескольких самок и их детенышей (причем взрослеющие самцы покидают стада и образуют либо так называемые «клубы холостяков», либо пополняют контингент бродячих самцов-одиночек), постаревший и ослабевший самец-вожак замещается приходящим со стороны самцом, однако его не убивают, а лишь изгоняют. Кроме того, таким соперником скорее всего должен быть не сын данного самца, а индивид, родившийся в ином стаде. Во-первых, чисто статистически возможность того, что в данное стадо из большого числа холостяков вернется именно самец, родившийся в нем, невелика. Во-вторых, молодое животное вряд ли будет стремиться примкнуть к тому стаду, из которого в юности было изгнано. В-третьих, безусловно, важную роль играет преобладающее уклонение от половых сношений между братьями и сестрами, сыновьями и матерями. С переходом от обезьяньего ста-

да к примитивному человеческому сообществу происходит институционализация этого сложившегося в биологических рамках порядка. Однако одного его недостаточно для объяснения возникновения экзогамного рода из стада с такой структурой. Только из гаремного стада, откуда подросшие молодые самцы изгоняются, логически легко может быть выведен переход к экзогамии материнских коллективов. Здесь стабильной единицей является сообщество женщин, связанное генетической преемственностью (единством происхождения); родившиеся в коллективе мужчины покидают его с достижением взрослого возраста, а в качестве половых партнеров выступают мужчины, родившиеся вне данного стада.

По мере того как экология обезьянолюдей принимала все более специфичный для людей характер, с развитием коллективных приемов охоты, параллельно с укрупнением стадных коллективов тенденции к гаремности в семейной структуре должны были ослабевать, так как коллектив в целом, и прежде всего женщины как его стержневая часть, были заинтересованы в возможно большем числе охотников в стаде, в образовании парных, а не полигамных сочетаний. Эти сочетания, не будучи еще семьями в полном смысле слова, очевидно, могли и распадаться и перекombинировываться. Таким образом, внутри стада могли иметь место и элементы ограниченного промискуитета, и сопернические стычки, но вряд ли они могли нарушить принцип, сформировавшийся еще в малом гаремном стаде: родственные отношения, цементирующие стадо, были отношениями между женщинами и их детьми, половые партнеры брались из других стад.

Конкретная хронологическая привязка изложенных процессов, разумеется, также чисто гипотетическая, рисуется следующим образом: гаремные стада и «клубы холостяков» — формы организации антропоидных обезьян, предковых для человека, в период перехода к открытым ландшафтам. Слияние малых стад в большие, размывание и исчезновение клубов холостяков, перерастание биологических отношений в социальные нормы и их хотя бы смутное осознание скорее всего связаны с эволюцией предлюдей, т. е. наиболее развитых австралопитеков, к уровню архантропов. Что касается абсолютных размеров этих объединений, то, анализируя данные о численности как стад приматов (которые все, кроме гориллы, уступают человеку по размерам тела), так и коллективов первобытных собирателей и охотников, можно прийти к выводу, что малое гаремное стадо могло состоять из самца и нескольких самок с детьми, т. е. не более полутора десятков особей, большое же стадо архантропов, даже при самых благоприятных условиях, вряд ли могло насчитывать более 50 особей.

С. А. Арутюнов

О ФОРМАХ ПОЛОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЗЬЯН

Наука о поведении животных, сменившая лабораторную зоопсихологию, располагает уже точными приемами исследования. Наблюдатель, расположенный в незаметном для животных укрытии, при помощи сильных подзорных труб и фотосъемки различает и регистрирует все акты поведения животных, взаимоотношения между ними, состав пищи, маршруты передвижения, их длительность. У крупных копытных и хищных животных применяют в подходящих условиях индивидуальную маркировку: стреляют в одну или две отделившиеся особи безвредной капсулой с усыпляющим раствором, а затем производят необходимые на-

блюдения и наносят метки, позволяющие опознать особи впоследствии. У обезьян выделение особей по наносимым отметкам не производится; малые размеры тела, однообразная окраска и большая подвижность нередко затрудняют отождествление индивидуума; в протоколах наблюдений, даже самых тщательных, нередко возникают пробелы в описании по общему впечатлению, т. е. личному предположению того или иного автора. Поэтому сообщения многих компетентных исследователей, при всей ценности их фактического материала, требуют критической оценки, сопоставления с выводами других авторов и материалами сравнительной экологии.

Статья Л. А. Файнберга содержит некоторые соображения, заслуживающие внимания специалистов, но критического разбора сообщаемых фактов и их оценки в разрезе сравнительной экологии млекопитающих в статье нет. Считая своевременным опубликование на страницах этнографического журнала статьи о поведении обезьян, мы дополним ее критическими замечаниями фактического порядка и некоторыми общими соображениями, высказанными нами ранее в разных публикациях.

Прежде всего несколько фактических коррективов.

Стада численностью в 700 особей возможны лишь как исключение, связь между отдаленными частями столь обширной популяции не может быть эффективной. Наименование «стадо» в применении к павианам обозначает лишь территориальную группу, состоящую из нескольких объединений, в которых возможен переход отдельных особей из одной группы в другую.

Детеныши шимпанзе добывают пищу самостоятельно не с восьми, а с трех-четырех лет. Зеленая мартышка (*Cercopithecus aethiops*) живет на деревьях, а в открытой саванне составляет лишь редкие и малочисленные группы; ареал распространения бабуинов лишь частично захватывает лесную зону; следовательно, оба эти примера неудачны.

Доминирование отдельных особей в стаде не составляет общей особенности поведения обезьян; оно едва ли может быть связано с обилием или скудостью корма на участке, заселенном популяцией: не ясно, в каком случае доминирование составит преимущество. Независимо от запасов корма у обезьян, живущих на деревьях, господства отдельных животных нет, свободное передвижение и укрытие исключают возможность подчинения одних животных другим. Неодинаково выражена система рангов и у наземных обезьян, в зависимости не столько от пищи, сколько от зоны обитания, но и в однородных условиях порядок подчинения выражен у разных видов неодинаково. Многие указывают на то, что система рангов возникла как приспособление, повышающее сплоченность стада, необходимое при передвижении по пересеченной местности, при сборе на ночлег, защите от нападения хищников. В стадах копытных, более крупных, чем обезьяны, по размерам тела, вооруженных рогами, копытами, менее возбудимых по нервному складу, надобности в главенстве отдельных особей нет. Бесспорно, что ранговые отношения между особями стада (известные по их преувеличенному выражению у обезьян, содержащихся в неволе) следует определить как резко специализированную форму поведения, исключающую возможность дальнейшей эволюции¹.

Возражая против необоснованных представлений о половом поведении обезьян, автор приводит аргументы, не раскрывая их значения. Совершенно правильно, что временное или длительное объединение самца и самки не нарушается другим, более сильным самцом. Но ведь такой порядок свойствен всем видам животных, отступление от него было бы препятствием в размножении вида. Описание полового пове-

¹ В. В. Бунак, Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 92, М., 1966, стр. 497—551.

дения обезьян без упоминания об общей закономерности лишает правильные ссылки на разных авторов их убедительности.

Такую же неудовлетворенность вызывает правильная в общем критика мнений о неограниченной власти у обезьян полового инстинкта, обуздание которого будто бы произошло лишь с появлением разумных человеческих существ. Гипотеза о неограниченной власти полового влечения опирается в лучшем случае на наблюдения над домашними животными или на исторические сведения о поведении мужчин из обеспеченных классов, свободных от трудовых обязанностей. В действительности половой инстинкт имеет большое значение в жизни высших млекопитающих, но проявляется лишь в определенных условиях и формах. Следует различать два компонента половой активности: первый — гормональный и второй — связанный с высшей нервной деятельностью, воспроизведением в уме, на основе воспоминаний, эротических эмоций и ситуаций. Этот второй компонент может проявляться и при отсутствии или ослаблении гормональных стимулов, что установлено физиологией человека. У животных половое влечение, даже у тех видов, у которых оно не ограничено сезоном, всегда связано с гормональными стимулами и возбуждениями — обонятельными, зрительными, слуховыми. Половая активность самца проявляется только тогда, когда вблизи от него находится самка в определенной стадии набухания половой кожи. Возбужденная самка приближается к самцу, конечно, к наиболее сильному, в первую очередь к вожаку, и находится около него некоторый срок. В течение дня самец неоднократно покрывает самку, но при переходе ее в другую стадию полового цикла прекращает общение с ней и, если нет подходящей замены, остается сексуально неактивным. Самка, если от нее не исходит сексуальных сигналов, не вызывает у самца стремления к спариванию. Мнение о необузданной власти полового инстинкта у обезьян вызвано тем, что у них половая активность не ограничена временем года, следы набухания половой кожи у самок сохраняются на промежуточных отрезках полового цикла, игровая деятельность, сохраняющаяся и у взрослых животных, нередко переходит в акт спаривания. Самцы нередко мастурбируют.

Если вожак стада вступает в бой с самцом, проникающим извне, то биологическое значение борьбы заключается в защите объединения от его раздробления, в защите занятой территории, в отборе наиболее сильного представителя вида, обеспечивающего более крепкое потомство. Было бы наивно описывать борьбу вожака стада с чужим самцом как проявление половой «ревности». Борьбой за самку, правда, называют бои самцов в сезон спаривания в стадах с более рыхлой организацией объединения, например у оленей, но нужно учитывать, что борьба вовсе не означает, что победитель непосредственно после боя покрывает ожидающую самку. Биологическое значение боя самцов остается не вполне разъясненным, тем более что, как отмечали исследователи еще в XIX в., самки во время боя матерых самцов беспрепятственно спариваются с молодыми самцами.

Во всех группах млекопитающих, независимо от установившегося режима размножения, самки в период гона редко остаются непокрытыми, самцы же, несмотря на меньшую численность, в некоторой доле не участвуют в произведении потомства, особенно молодые и старые особи. Законченное выполнение полового акта требует некоторого навыка, не сразу усваиваемого молодыми самцами. Отыскание готовной самки, привлечение ее предполагают быстроту движения и ориентировки, более сильно развитую у отдельных особей, в чем и состоит «борьба за самку». Физическая борьба с конкурентами, за ничтожными исключениями, не имеет решающего значения.

Стадная организация с могущественным вожаком во главе, во всяком случае, не означает его исключительной привилегии на воспроизве-

дение потомства. Если в стаде несколько самцов одновременно вступают в фазу половой готовности, то самки, не ставшие временными спутницами вожака, вступают в связь с другими, более молодыми самцами. По мере возмужания молодых особей и достижения ими зрелости они становятся независимыми от вожака и отделяются от стада, обычно увлекая за собой несколько молодых самок. Описаны случаи присоединения к стаду животных, оставшихся по тем или иным причинам одиночками. Отпочкование части стада не проходит незамеченным для вожака, но он бессилен воспрепятствовать передвижению животных на окраинах занятой территории. Конфликт возникает лишь в тех случаях, когда в стаде появляется самец, достаточно сильный, чтобы подчинить себе прежнего вожака.

Названия «гаремное стадо», «гаремная семья» в применении к обезьянам имеют ограниченное содержание, означая лишь, что вожак имеет преимущественную возможность вступить в половую связь с самкой, пришедшей в состояние половой готовности. Но преимущества вожака не исключают возможности половых связей между самками в соответствующей фазе полового цикла и другими взрослыми самцами, если таковые имеются в составе стада.

Наиболее обычной формой половых отношений у обезьян Л. А. Файнберг называет «промискуитет», ограниченный некоторыми условиями. Пользуясь этим термином, автор имеет в виду то, что в биологии называют инбридингом, — рождение детей родителями, близко родственными по происхождению, имеющими $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ общего генофонда. Если воспользоваться обозначениями родства у человека, то инбридинговыми (или инбредными) будут дети, происходящие от брака сестры и брата, родителей и их детей, дядьев и племянниц, теток и племянников. Следующая, более отдаленная степень родства — двоюродные братья и сестры — означает слабый инбридинг, что же касается браков между троюродными и четвероюродными родственниками, составлявшими основную группу населения в сельских областях, то их вообще по существу нельзя отнести к инбридингу. Для изучения половой структуры стада инбридинговые связи заслуживают внимания лишь в тех случаях, когда от них происходит значительная часть потомства, достаточная по численности, чтобы оказать влияние на общую характеристику популяции. Потомство от скрещивания животных разных поколений (родителей и детей) если и возникает, то в ничтожном количестве: плодовитость самки в возрасте, когда ее сын достигает половой зрелости, при большей длительности периода роста у обезьян, может встретиться как исключение. Сложнее вопрос о потомстве от скрещивания братьев и сестер. Такие скрещивания понижают изменчивость в популяции и ее приспособительные возможности, задерживают появление новых генных сочетаний и в целом признаны неблагоприятными для вида. Следует полагать, что в организации стада всегда имеются факторы, ограничивающие частоту плодовых скрещиваний между братьями и сестрами. К разряду таких факторов нужно отнести сравнительно медленный численный прирост стада и, значит, малое число доживающих до зрелости детей, рожденных самкой на всем протяжении ее продуктивного периода. Состав стада не остается постоянным, временами происходит отпочкование частей, прилив новых животных или объединение разобщенных групп. В итоге средняя степень родства между животными одного поколения в каждом стаде не остается на уровне инбридинга, но при медленном численном росте ведет к формированию сравнительно однородных и локально различных популяций.

Л. А. Файнберг, ссылаясь на статьи американских авторов, находит, что в стадах макак и павианов потомство по материнской линии связано между собой, половые связи между родственниками по материнской линии не практикуются, они ограничены «запретом», наблюдается тен-

денция к экзогамии. Л. А. Файнберг не приводит подлинных материалов цитируемых авторов и воспроизводит их суждения без всякой критики. Между тем предположение о долгом сохранении связи между потомками одной матери явно противоречит сообщаемым сведениям о частом переходе бабуинов из одной группы в другую, о покровительстве, какое встречают подростки со стороны всех взрослых особей стада, и другим аналогичным фактам. Бездоказательно мнение о преобладании внегрупповых половых связей, термин «экзогамия» в данном случае не применим, и совсем неприемлемо именовать «запретом» отсутствие половых связей между животными, происходящими от одной матери, если даже такие связи действительно отсутствуют (что практически вполне возможно). Какой запрет — запрет «инстинкта»? В таком случае нужно показать, в чем он состоит и какими стимулами регулируется. До настоящего времени гипотеза о зачаточной, сходной с человеческой семье у шимпанзе остается недоказанной и малоправдоподобной.

Опираясь на сведения о половой структуре объединений у обезьян, Л. А. Файнберг высказывается о предполагаемой форме половых взаимосвязей у древнейших гоминид. И в этой части статьи много фактических погрешностей. Плейстоценовых обезьян (палеонтологически неизвестных) нельзя назвать древнейшими; в плейстоцене происходила неоднократная смена сухих и влажных фаз, захватывавшая и территории современных пустынь. Прегоминиды — не только древнейшие, миоплиоценовые, но даже и поздние, плейстоценовые (австралопитековые) не могли быть охотниками, т. е. добывать мясо крупных копытных. Для этого прегоминиды были недостаточно сильны, быстры в передвижении, а также не располагали необходимым вооружением: слегка обитые гальки олдовейского типа не пригодны для охоты на крупного зверя. Миоплиоценовых гоминид, палеонтологически мало известных, едва ли правильно называть обезьянами. Морфологически древнейшие прегоминиды отличались от древних обезьян, хотя по образу жизни различие было не резким, особенно если не иметь в виду древесные формы, которые, впрочем, и у предков современных шимпанзе и гориллы еще не были вполне развиты.

Л. А. Файнберг предполагает, что у протогминидов (прегоминидов?) была гаремная семья. Мы уже отмечали, что на всех этапах эволюции наземных приматов если в объединении есть один вожак, то он и имеет преимущественные возможности вступать в половую связь с готовыми самками. Но эта возможность приобретает разное значение в зависимости от того, насколько велико объединение, руководимое вожаком. Именно этот вопрос нам кажется узловым, главным.

Размер объединения зависит, конечно, от количества пищи на участке, который особи данной группы вместе с детенышами могут пройти за день. Прегоминиды были, как и их отдаленные зоологические предки, всеядными, пищу их составляли почки и плоды, моллюски, черви, некоторые насекомые, млекопитающие. На протяжении раннего плейстоцена выделялись группы, способные к более быстрому передвижению, лучшей ориентировке в условиях среды, большему использованию разнообразных внешних предметов для добывания пищи. В соответствии с эволюцией строения тела и поведения возможность добывания корма возрастала, а вместе с тем мог расширяться и состав объединения. Если использовать для общей ориентировки сведения о плотности населения в районах обитания современных племен собирателей и примитивных охотников, то первичные объединения у прегоминид включали едва ли более чем одного вожака с одной или двумя женскими особями с детенышами и несколько подростков, которые по возмужании отпочковывались от первичной ячейки, хотя, наверное, не порывали с ней связи. Возможность перехода из одного первичного

объединения в другое, а временами и соединение нескольких близких объединений или разделение их обеспечивало сохранение достаточного уровня изменчивости, устранявшего неблагоприятные последствия инбридинга. Многое указывало на то, что в раннем плейстоцене у гоминид в отличие от симиид (антропоморфных обезьян) сложились или закрепились продолжительные парные связи мужских и женских особей. У гоминид отсутствует набухание женской половой кожи и имеется ряд других особенностей строения и деятельности генитальных органов. Половая активность сохраняется в течение года на одном уровне независимо от внешних раздражителей и легче реализуется, когда половым партнерам не нужно отыскивать друг друга. Период роста у гоминид удлинён, приемы добычи разнородной пищи требуют большего научения, чем питание однообразной растительной пищей, научение необходимо и для использования предметов из окружающей среды и их хотя бы зачаточной обработки. Все эти условия легче выполнимы при тесном контакте подростка с матерью и с одной мужской особью, которая вместе с тем может поделиться с матерью добытой пищей, защитить в неблагоприятных ситуациях. Дети от родителей, соответствующих возникшим требованиям, имели больше шансов на выживание и закрепление отбором прогрессивных форм поведения и развития речи и интеллекта.

Состав первичных объединений мог несколько расширяться по мере возрастания добычи пищевых средств. Возникновение более крупных объединений нужно отнести к среднему палеолиту, когда началась охота (загонная?) на крупных животных. Но и более крупные объединения, до 30—50 особей, включая детей и стариков, не разрушали первичные парные группировки. Это мнение подтверждают изученные в последнее время остатки жилищ и очагов поздней фазы палеолита.

Более крупные и сравнительно поздние объединения гоминид по своему назначению и роли вожака существенно отличались от объединений у наземных обезьян, стада которых, имевшие очень специфическую структуру и сильно отличавшиеся по половому поведению, не могут служить прообразом древних гоминидных группировок.

Отличительные черты структуры гоминидных сообществ различимы уже у прегоминид раннего плейстоцена.

В. В. Бунак

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У ГОМИНИД

Л. А. Файнберг рассматривает в своей статье одну из интереснейших и сложнейших проблем первобытности — историю возникновения социальной организации. Весьма правильной и полезной представляется главная мысль автора о том, что наблюдение за миром животных, особенно обезьянами, может объяснить многие стороны проблемы становления человечества и, в частности, его социальной организации. Но одновременно отдельные положения статьи представляются спорными. И прежде всего вывод о том, что непосредственные предпосылки возникновения человеческого стада и материнского рода уже имелись в зоологических объединениях обезьян. В своих выводах автор опира-

ется на новейшие данные, полученные при наблюдениях над обезьянами в разных условиях. Они весьма интересны, но из-за несовершенной методики исследований субъективны и нуждаются в дальнейшей все-сторонней проверке.

Представляется, что многие исследователи поведения животных, как и автор рассматриваемой статьи, опирающийся на их данные, рассматривают проблему животное — человек главным образом эмпирически и обращают основное внимание на количественные характеристики: наличие тех или иных (как им представляется) сходных явлений у животных и людей. Субъективная точка зрения может вести к переоценке этого сходства. При этом из поля зрения упускается самое важное: качественная сторона проблемы — глубокие и принципиальные различия между животными и людьми. Сказанное подтверждается хотя бы тем, что Л. А. Файнберг не ставит в своей работе вопрос, что такое человек, каковы его социальные признаки и чем он отличается от животных.

Думается, что антропогенез — как бы долго он ни продолжался — типичный пример перехода количества в качество. Это своеобразный скачок, происшедший в принципах и сущности приспособления к окружающей среде определенного вида обезьян.

У низших животных приспособление осуществляется целиком или почти целиком на основе безусловных, наследственных рефлексов. На более высоких ступенях эволюционного развития, с усложнением организмов, появляется потребность в известной «свободе поведения и приспособления», заключающейся в развитии системы условных благоприобретенных рефлексов, прежде всего в виде личного опыта. Но приспособление к среде даже самых развитых животных осуществляется главным образом на основе безусловных рефлексов (что не исключает значения благоприобретенного опыта). Животное, вырванное в младенчестве из естественного окружения и воспитанное в чуждой среде, развивается тем не менее по большей части показателей как нормальный представитель своего вида (например, котенок, воспитанный людьми).

У стадных животных, в том числе и у обезьян, судя по новейшим наблюдениям, отмечены случаи обучения благоприобретенным навыкам. Однако это касается очень ограниченных и не существенных для вида проявлений (если бы они были существенными, обезьяны давно бы стали людьми).

Иначе обстоит дело с признаками человека, социальными способами его приспособления к среде, качественно отличными от этих явлений у животных.

Что касается антропогенеза, то в определенных условиях и у определенного вида обезьян сложилась своеобразная ситуация, когда его выживание не обеспечивалось прежним, с трудом поддающимся изменению способом приспособления и потребовался отбор признаков, связанных с большей свободой поведения и приспособления, т. е. увеличением роли условных рефлексов. Но как у гоминид, так и у более поздних ископаемых видов этот процесс имел, по-видимому, еще незавершенный характер. Весь период древнего человечества (проходившего последовательные этапы видообразования) представлял собой переход от приспособления к окружающей среде преимущественно через безусловные рефлексы к приспособлению главным образом через условные рефлексы, опыт, передаваемый ненаследственным путем. В конечном счете этот вид приспособления приостановил биологическую эволюцию и заменил ее социальной.

Известно, что очеловечение могло происходить только через труд, т. е. социальную деятельность, опыт которой накапливался, хранился и передавался следующим поколениям через ненаследственную память

коллективов. Таким образом, уже самые ранние коллективы гоминид принципиально отличались (хотя это едва ли тогда было особенно заметно) от зоологических объединений тем, что в них развивался и передавался коллективный опыт, навыки трудовой деятельности, необходимые для приспособления к окружающей среде, для выживания. Это вызывало появление социальных связей, которых у животных нет, так как они им не нужны при их способе приспособления.

В связи со сказанным представляется, что было бы правильно отказаться от неточного термина «первобытное стадо» и ввести понятие «первобытный коллектив», подчеркнув тем самым его основную особенность: складывание на основе совместного труда и социальных связей.

В отличие от свойств животных человеческие свойства (не только «интеллект», но и прямохождение) могут возникнуть только в условиях воспитания в социальном коллективе. Без социального примера и воспитания «маугли» останется плохо приспособленным животным, не использовавшим потенциальных возможностей, заключенных в его наследственности.

Независимо от того, насколько верны или неверны, а также представительны данные о таких явлениях у некоторых видов обезьян, как особенности доминирования, ограниченный промискуитет, тенденция к матрилинейности и «экзогамии», думается, что из них нельзя выводить древнейшую социальную организацию гоминид. Скорее всего большая часть этих явлений выработалась у обезьян в процессе естественного отбора и закрепились в наследственности. Иначе нельзя объяснить, почему животные, обладающие зачатками столь совершенных «социальных» институтов, не прошли пути антропогенеза.

Род, экзогамия, материнская филиация и другие очень сложные элементы социальной организации отсутствовали, надо думать, и у людей на ранних этапах антропогенеза. Сложились они только на достаточно развитом этапе биологической и социальной эволюции человека.

В огромный промежуток времени существования гоминид, архантропов и во всяком случае части палеантропов происходило очень медленное развитие социальной организации первобытных коллективов (соответственно с медленным развитием хозяйства и материальной культуры). Скорее всего перечисленные выше социальные институты были достижением только человека современного вида и возникли в ходе его биосоциогенеза. Отсутствие способностей к созданию столь сложной и совершенной социальной системы, организующей трудовую деятельность, было причиной эволюции последнего предшественника человека современного вида.

Качественное значение последнего эволюционного скачка было исключительно велико и оказалось достаточным для дальнейшего прогрессивного социально-экономического развития человечества.

Обращаясь к другим вопросам, затронутым в статье, полагаю, что Л. А. Файнберг недостаточно четко проводит различие между браком и брачными отношениями, с одной стороны (их можно рассматривать как биологически-социальное явление), семьей и семейными отношениями (чисто человеческим, социальным явлением)—с другой.

Вместе с тем автор обсуждаемой статьи совершенно прав (с учетом сделанной поправки), что наблюдения за брачными отношениями у обезьян могут дать существенный материал для исследования ранних форм брака и семьи у гоминид.

Г. Е. Марков:

Вплоть до самого недавнего времени наши знания о формах объединений у обезьян были весьма скудными. Основным объектом изучения были обезьяны в неволе. Об их поведении в естественных условиях было известно в основном лишь со слов местных жителей, охотников, путешественников. Систематические исследования почти полностью отсутствовали. С середины 60-х годов одна за другой начали появляться работы, в которых излагались результаты длительных и целенаправленных наблюдений за поведением значительного числа видов обезьян в природных условиях. Новые данные сделали действительно необходимым пересмотр ряда устоявшихся представлений.

Как правильно отмечено в статье Л. А. Файнберга, факты говорят о том, что формы объединений у обезьян зависят главным образом от условий существования. Единственной ассоциацией у обезьян, которая существует всегда и при всех условиях, является группа, состоящая из самки и детенышей. Выяснилось, что, вопреки распространенному мнению, половые отношения у обезьян не только не определяют структуру их объединений, но даже сколько-нибудь существенно не влияют на нее. Многие исследователи, в том числе автор этого отклика, придерживались взгляда на так называемую гаремную семью как на всеобщую и необходимую форму объединения у обезьян Старого Света вообще, у антропоидов в частности. Новые данные заставили нас отказаться от этого взгляда. Было установлено, что гаремная семья возникает как форма приспособления к экстремальным условиям существования. И, на наш взгляд, Л. А. Файнберг совершенно прав, когда считает, что ни гаремы, ни стада, состоящие из гаремов, не были той формой, из которой возникли объединения первых людей.

Однако с целым рядом положений, выдвинутых некоторыми зарубежными исследователями, а вслед за ними и Л. А. Файнбергом, согласиться, по нашему мнению, нельзя. Мы прежде всего имеем в виду утверждения о том, что у обезьян наблюдается зарождение матрилинейности и экзогамии. Начнем с экзогамии.

В качестве доказательства автор приводит данные, полученные в результате наблюдений в течение 13 месяцев над жизнью одной группы зеленых мартышек о-ва Лолуи. Не будем уж говорить о том, что материалы о жизни одной группы не могут послужить достаточной основой для выводов общего характера. Но приводимые Л. А. Файнбергом сведения не дают достаточных оснований даже для вывода о том, что в данной конкретной группе «преобладали экзогамные половые связи» (стр. 96). Оставим в стороне то обстоятельство, что экзогамия, по нашему мнению, предполагает не просто отсутствие половых связей внутри определенной группы, а запрет их, в результате которого члены данной группы вынуждены вступать в такие отношения только с членами других таких же групп. О существовании у обезьян каких-либо запретов, на наш взгляд, говорить просто невозможно. Обратим внимание лишь на тот факт, что разговор об экзогамных и неэкзогамных связях лишен всякого смысла, если не имеются в виду группы с постоянным, пожизненным членством.

А группы зеленых мартышек постоянством состава не отличались. Отдельные взрослые самцы то присоединялись к ним, то выходили из их состава. Какие же связи в них следует считать экзогамными и какие — неэкзогамными? Насколько можно судить по статье, Л. А. Файнберг считает неэкзогамными связи с самцом, который находился в группе в течение всего периода наблюдения, а экзогамными — связи с самцами, которые пришли в группу после начала наблюдения. Но можно

ли поручиться за то, что первый самец всегда входил в данную группу, а не присоединился к ней за несколько месяцев, недель, а может быть, и дней до начала наблюдения?

Конечно, нет. И все, что известно о зеленых мартышках, скорее говорит в пользу второго, а не первого предположения. На первый взгляд кажется, что это не только не опровергает положения, выдвинутого Л. А. Файнбергом, а, наоборот, подтверждает его. Ведь если все самцы пришли в стадо со стороны, то отсюда следует, что все связи в стаде экзогамные. Но об экзогамии какой группы идет в таком случае речь? Об экзогамии группы, включающей в себя взрослых животных лишь одного пола. Нетрудно понять, что словом «экзогамия» мы пользуемся здесь для обозначения того тривиального факта, что самки вступают в половые связи не друг с другом, а с самцами. Иначе говоря, это слово в применении к данной ситуации лишено всякого смысла. Может быть, мы найдем выход из положения, если договоримся обозначать как экзогамные связи между самцами и самками, родившимися в разных группах, а как неэкзогамные — между родившимися в одной группе? Но спросим, возвращаясь к рассмотренному примеру, можем ли мы с уверенностью утверждать, что два самца, пришедших в группу после начала наблюдения, не родились в ней. Конечно, нет. О том, в каком стаде родился каждый из пяти самцов, фигурирующих в данном примере, мы никакими сведениями не располагаем.

Несомненным фактом, установленным многими наблюдателями, является то, что для многих видов обезьян характерен постоянный переход взрослых самцов из одного стада в другое. Но применение для обозначения этого наблюдаемого в животном мире явления термина «экзогамия», возникшего в результате обобщения материалов, относящихся исключительно к человеческому обществу, лишено всякого смысла. Это только затемняет сущность изучаемого явления.

Еще хуже обстоит дело с шимпанзе. О какой экзогамии или даже тенденции к экзогамии у них может идти речь, если у этих обезьян единственная постоянная группировка — ячейка, состоящая из матери и детенышей? Что же касается всех остальных объединений, наблюдавшихся у них, то они крайне разнообразны как по составу, так и по численности. Одни из них состояли из нескольких самок с потомством, другие — из одних лишь взрослых самцов, третьи — из взрослых самцов и самок, а также нескольких подростков, четвертые — из животных всех возрастов и полов. Но отличительная черта всех этих объединений — их крайняя неустойчивость и временный, преходящий характер. Эти группировки непрерывно возникают, исчезают, раскалываются, сливаются. Животные переходят из одной группы в другую, а иногда некоторое время не входят в состав ни одной из них¹.

И неудивительно, что Л. А. Файнберг больше говорит о наличии у шимпанзе запрета инцеста, а не экзогамии. Эти два явления, как известно, далеко не тождественны. Запрет инцеста может существовать и без экзогамии. Примером может послужить современное общество. Запрет инцеста есть запрет половых связей между ближайшими родственниками. Поэтому он невозможен без осознания родственных связей между индивидами. И Л. А. Файнберг утверждает, что у шимпанзе существует учет родственных связей по линии матери, матрилинейность. Намерения у него, несомненно, самые благие: показать, что материнский род уходит своими корнями к животному миру. Но все его усилия не привели и, на наш взгляд, не могли привести к желаемому результату.

¹ V. Reynolds and F. Reynolds, Chimpanzees of the Budongo forest, «Primate behavior», N. Y., 1965; J. Goodall, Chimpanzees of the Gombe Stream reserve, Там же.

Все имеющиеся в распоряжении этнографии факты говорят о том, что родовая экзогамия возникла вовсе не в результате расширения запрета инцеста. Когда Л. А. Файнберг говорит о матрилинейности, он имеет в виду учет родственных отношений между индивидами. Такого рода «матрилинейность» наряду с точно такого рода «патрилинейностью» существует в современном обществе. Но она представляет собой явление, качественно отличное от родовой матрилинейности, материнской филиации. И все данные этнографии свидетельствуют о том, что вывести материнский род и материнскую филиацию из признания линии происхождения, связывающей человека с матерью, бабушкой и прабабушкой, невозможно. Материнский род возник и существовал задолго до того, как в человеческом обществе получило социальное признание индивидуальное родство. Вряд ли Л. А. Файнберг станет оспаривать тот факт, что описательные системы родства, отражающие отношения индивидуального родства, представляют собой явление, значительно более позднее, чем классификационные системы, знающие только групповое родство. И факты свидетельствуют о том, что групповой смысл классификационных терминов родства — исконный, первичный. Все попытки понять классификационные термины как результат расширения значения первоначальных, индивидуальных терминов оказались безуспешными. И если бы у обезьян действительно существовал, как считает Л. А. Файнберг, учет индивидуального родства, то это не только не пролило бы свет на генезис человеческих отношений, а, наоборот, столкнуло бы нас с новой загадкой.

Но в действительности никакой загадки тут нет. В силу особенностей как биологии, так и условий существования детеныши у шимпанзе остаются с матерью до шести — семи и даже иногда восьми лет, в то время как у других обезьян этот срок значительно короче (у горной гориллы три — четыре года, у низших обезьян два — три года). Вполне понятно, что столь длительный и тесный контакт не может не сказываться на дальнейшем поведении как матери, так и ее начавших самостоятельное существование отпрысков. Последние нередко обращаются к матери за помощью, присоединяются к ней на некоторое время. Даже сыновья, не говоря уже о дочерях, долгое время занимают подчиненное положение по отношению к матери². Вот собственно все основные факты. И употребление для обозначения этих связей терминов, возникших как отражение чисто человеческих социальных связей, ровным счетом ничего не может дать для их понимания. И вряд ли поэтому можно удивляться тому, что В. Рейнолдс, настаивая на важности родственных связей у обезьян, в то же время отмечает, что его собственные наблюдения над шимпанзе в природных условиях не позволяют ему ничего сказать об этих связях³. Он ссылается на работы Д. Гудолл, но последняя, описывая отношения у шимпанзе, не только ничего не говорит о роли родства у них, но и вообще избегает употреблять этот термин⁴.

И вообще В. Рейнолдс значительно менее категоричен в своих формулировках, чем Л. А. Файнберг. Если последний прямо говорит о существовании у шимпанзе запрета половых отношений между родственниками по материнской линии, то первый пишет лишь о вероятном преобладании половых связей вне семьи, т. е. вне группы, охватывающей мать и ее потомство⁵. И сдержанность его понятна — за все

² J. van Lawick-Goodall, Mother-offspring relationships in free-ranging chimpanzees, «Primate ethology», London and Chicago, 1967.

³ V. Reynolds, Kinship and the family in monkeys, apes and man, «Man», vol. 3, 1968, № 2, p. 211.

⁴ J. van Lawick-Goodall, Указ. раб.

⁵ V. Reynolds, Указ. раб., стр. 213.

время исследования он наблюдал у шимпанзе всего лишь четыре случая копуляции⁶. Дж. Гудолл наблюдала значительно большее число таких случаев (32)⁷. И, может быть, именно поэтому ничего похожего на выводы не только Л. А. Файнберга, но и В. Рейнолдса мы у нее не находим. Следует в этой связи подчеркнуть: когда Л. А. Файнберг утверждает, что у шимпанзе существовал запрет инцеста, он тем самым не только говорит как о доказанном факте об отсутствии у них половых связей между родственниками по Материнской линии, но и дает ему определенное объяснение. Он объясняет его наличием запрета. Однако если бы даже отсутствие половых связей между родственниками у шимпанзе было твердо установлено, то это само по себе еще не свидетельствовало бы о существовании у них запрета инцеста. Ведь возможны и иные объяснения.

Как отмечает Л. А. Файнберг, в настоящее время большинство исследователей придерживается мнения, что стадо предлюдей по своей внутренней организации ближе всего стояло к стаду павианов, живущих в саванне. Сам он не только не спорит с ними, но, наоборот, подчеркивает, что данная точка зрения находится в полном соответствии с имеющимися фактами. Но как указывают исследователи, стада павианов, живущих в саванне, являются почти полностью замкнутыми объединениями. С. Л. Уошбери и И. Девор за 1200 часов наблюдения лишь два раза столкнулись со случаями перехода самцов из одного стада в другое. Как они утверждают, для стада павианов характерен инбридинг, т. е. близкородственное скрещивание⁸. Но если дело обстоит именно так, то все сказанное Л. А. Файнбергом в первой части статьи теряет смысл. Ведь получается, что в предчеловеческом объединении не только не было никаких тенденций к «экзогамии», но, наоборот, оно было чуть ли не полностью «эндогамным».

И неудача, постигшая Л. А. Файнберга, на наш взгляд, не случайна. Она обусловлена ошибочностью самой идеи поиска истоков социального в объединениях животных. В действительности, между обществом человека, с одной стороны, и объединениями животных, с другой, существует коренное, качественное отличие.

Человеческое общество всегда существовало и существует как совокупность отдельных, конкретных обществ. Каждое из них имеет своим фундаментом определенную систему производственных отношений. Производственные отношения, как известно, материальны, объективны. Соответственно материальной является и их система. Как и любое другое материальное явление эта система функционирует и развивается независимо от воли и сознания людей. Наличие в основе любого конкретного общества такой материальной системы с неизбежностью превращает его в особый организм, развивающийся по законам, отличным от законов развития живой материи. Именно это и дает основания говорить об общественном развитии как новой, высшей форме движения материи, отличной от биологической.

Что же касается объединений животных, то их возникновение и развитие представляет собой не самостоятельный процесс, идущий по своим специфическим законам, а всего лишь момент эволюции того или иного биологического вида, безраздельно определяемой законами биологии. Ни с какой другой, более высокой, чем биологическая, формой движения материи мы здесь не сталкиваемся.

⁶ V. Reynolds and F. Reynolds, Указ. раб., стр. 419.

⁷ J. Goodall, Указ. раб., стр. 449.

⁸ S. L. Washburn and I. De Vore, Social behavior of baboons and early man, «Social life of early man», Chicago, 1961, p. 95; I. De Vore and K. R. Hall, Baboon ecology, «Primate behavior», N. Y., 1965, p. 38.

Наглядно можно это видеть на примере обезьян. У них не обнаруживается никакой зависимости между положением вида на эволюционной лестнице и формой существующего у него объединения. Прочные и постоянные объединения, состоящие из самца, самки и детенышей, наблюдаются не только у гиббонов, принадлежащих к семейству человекообразных обезьян, но и у стоящих значительно ниже их по эволюционному уровню долгопятов и даже некоторых видов лемуринов (полуобезьян)⁹. С другой стороны, у остальных антропоидов таких объединений не обнаружено. Общие стада существовали и у горных горилл, и у значительного числа низших обезьян, и у части полуобезьян¹⁰. У некоторых обезьян Нового Света встречается форма организации, очень сходная с той, что была детально изучена у шимпанзе¹¹.

Все это неопровержимо свидетельствует, что разные формы объединений, существующие у обезьян, не выступают по отношению друг к другу как высшие и низшие, что их нельзя рассматривать как последовательно сменяющиеся звенья эволюционного процесса. Объединения обезьян не имеют собственной истории развития, отличной от истории развития вида. В противоположность конкретным человеческим обществам они не представляют собой особых организмов, имеющих собственные законы развития, отличные от законов эволюции биологических видов.

Таким образом, если под социальным понимать особую форму движения материи, качественно отличную от биологической (а такое понимание является единственно научным), то ни о каких социальных связях или даже их зародышах в животном мире вообще, у обезьян в частности, говорить не приходится.

Возвращаясь теперь к экзогамии и материнскому роду, подчеркнем, что мы их находим в готовом, сформировавшемся обществе человека современного типа. А это общество отделяет от стада обезьян не только глубокая качественная грань, но к тому же еще один миллион лет развития первобытного человеческого стада и по меньшей мере четыре миллиона лет существования стада предлюдей. Поэтому любая попытка найти истоки институтов сформировавшегося человеческого общества (экзогамии, материнского рода и т. п.) в обезьяньем стаде, на наш взгляд, заведомо не может увенчаться успехом.

Это, конечно, ни в малейшей степени не означает, что мы отвергаем возможность и необходимость использования данных об отношениях, существующих в объединениях обезьян при решении проблемы социогенеза. Ценность этих материалов несомненна. Без них невозможно ни реконструировать отношения, существовавшие в объединениях предлюдей, ни воссоздать картину перехода от предчеловеческого стада к первобытному человеческому. Они могут и должны быть использованы и при исследовании первобытного человеческого стада, но только постольку, поскольку оно представляет собой еще не подлинный социальный, а биосоциальный организм. Но для понимания структуры и развития сформировавшегося человеческого общества эти материалы не могут дать ничего.

Ю. И. Семенов

⁹ F. Bourlière, Patterns of social grouping amongst wild primates, «Social life of early man», p. 5, 8—9.

¹⁰ Там же, стр. 3, 7—9; G. B. Schaller, The mountain gorilla: ecology and behavior, Chicago, 1963.

¹¹ F. Bourlière, Указ. раб., стр. 6.

Среди все возрастающего числа работ, посвященных поведению обезьян, одно из ведущих мест занимают исследования, направленные на изучение стадного поведения этих животных, особенно с целью поиска истоков социальной жизни человека. Обзор ряда таких работ составляет основное содержание и обсуждаемой здесь статьи Л. А. Файнберга.

Ни у кого не вызывает сомнения, что без привлечения данных о поведении обезьян невозможно решить вопросы, связанные с историей антропогенеза. Однако для этого, наряду с глубокими знаниями особенностей поведения обезьян, необходим всесторонний учет качественных отличий биологических явлений и закономерностей от социальных, и здесь автора обсуждаемой статьи явно постигла неудача.

Прежде всего надо сказать, что приведенный обзор страдает не только неполнотой, но и односторонностью подбора и освещения исследований. Не упоминается ряд фундаментальных трудов по рассматриваемым вопросам, а результаты цитируемых исследований трактуются автором субъективно, иногда даже тенденциозно. Утверждая, что новые наблюдения над жизнью обезьян «значительно уменьшили пропасть между наиболее высокоразвитыми обезьянами и самыми примитивными из известных в настоящее время гоминид» (стр. 94), что «уже в высших типах зоологических объединений были зачатки некоторых форм поведения и институтов, таких, как учет интересов коллектива... взаимопомощи и некоторых других» (стр. 103) и т. д., автор встает на тот умозрительный подход к становлению человеческого общества, против которого сам восстает, ибо заставляет читателя принять эти категоричные заявления на веру. Не могут же в этом отношении служить доказательствами, например, обстоятельно излагаемые ссылки на половое поведение обезьян, которое, как и всякое иное их поведение, всецело остается в рамках чисто биологических закономерностей и поэтому принципиально не отличается от поведения других животных. Когда же мы читаем о том, что обезьяны способны подавлять свои инстинкты, включая и половой, ради того, чтобы избежать конфликтов в стаде и сохранить мирные отношения между его членами (стр. 103), или же нас уверяют в существовании «запретов» половых связей у обезьян, то это напоминает худшие времена «анекдотической зоопсихологии».

Не останавливаясь на всех постулатах автора, а тем более на частных неточностях, ограничусь несколькими замечаниями.

В аргументации автора большое место занимают доказательства того, что жизнь в обезьяньем сообществе упорядочена, что вопреки «широко распространенным до последних лет представлениям о безудержной и кровавой борьбе из-за самок в стадах различных видов обезьян, и в особенности гамадрилов» (стр. 97), там нет «гибельной борьбы из-за самок» (там же), и сексуальная активность самцов носит мирный характер. Но позволительно спросить, из каких трудов «последних лет» автор вычитал описания столь «кровавых» и «гибельных» драк самцов из-за самок? Это представления не «последних лет», а времен Цукермана, т. е. начала 30-х годов, следовательно, еще до зарождения этологии как науки. Неужели автор, который берется за такую ответственную тему, ничего не слышал о мнимой борьбе, о ритуализации поведения у животных, в частности обезьян? Конечно, тут нет никакого «подавления своих инстинктов», а действуют широко распространенные в животном мире поведенческие (именно инстинктивные) механизмы, возникшие в процессе эволюции как важнейшие компоненты агрессив-

ного поведения (само по себе имеющего большое биологическое значение), элиминирующие истинную борьбу и предотвращающие самоистребление видов. По этим вопросам существует обширная литература.

Таким образом, автор в корне неправ, когда утверждает, что в отношении способности к подавлению инстинктов, включая половой, обезьяны оказываются ближе к человеку, чем это можно было предполагать (стр. 97). Злополучное «подавление инстинктов» происходит у человека и животного качественно совершенно различными путями.

В статье Л. А. Файнберга содержатся и некоторые сведения о структуре стада и внутристадных отношениях у обезьян, особенно у павианов, которых автор, видимо, дословно переводя с английского, неправильно называет бабуинами. Эти сведения отрывочны и далеко не отражают в необходимой мере современных итогов исследований и точек зрения разных ученых. Все же они хорошо иллюстрируют гибкость структуры стада у обезьян, сложность и динамичность системы соподчинения (доминирования), его зависимость от экологических факторов. Конечно, автор прав, когда акцентирует внимание на значении последних, так как здесь отчетливо проявляется биологическая обусловленность всего поведения обезьян.

Однако с рядом утверждений автора трудно согласиться. Так, он совершенно необоснованно противопоставляет доминирование и «гаремную» структуру стада, ибо и в последнем случае между членами сообщества всегда устанавливаются отношения соподчинения, т. е. доминирования. По этой причине неправомерно и категорическое противопоставление внутристадных структур у разных видов павианов, а соответственно и голословное утверждение, будто лишь «стадо с доминированием», по терминологии Л. А. Файнберга, «обладает внутренними возможностями для дальнейшего развития» (стр. 102). В результате рассуждения автора о вероятной организации стада прегоминид повисают в воздухе.

Что же касается роли среды обитания прегоминид в антропогенезе, точнее значения перехода ископаемых обезьян к жизни на открытых пространствах и возникающих при этом экстремальных условий, то я могу сослаться на прежние свои выступления в печати¹.

Отмечу здесь лишь, что непонятно, почему Л. А. Файнберг усматривает экстремальные для обезьян условия только в «полупустыне». Экстремальные, если не катастрофические, условия возникли для обезьян, по всей очевидности, тогда, когда они оказывались в резко обедненной среде, каковой является степь или даже лесостепь по сравнению с тропическим лесом, ибо именно в густом лесу с его обилием разнокачественных компонентов среды развились все морфофункциональные признаки обезьян, особенно в сфере поведения. И только глубокие компенсаторные изменения поведения, аналогии которых мне удалось выявить у низших обезьян, смогли в столь трудных условиях спасти наших далеких предков от вымирания. Вот здесь, по нашему убеждению, и следует искать начало перехода к человеку — процесса, который ознаменовался зарождением трудовой деятельности на основе компенсаторных форм манипуляционной активности.

¹ К. Э. Фабри, Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности, «Сов. антропология», 1958, т. 2, № 1; К. Е. Fabri, Umweltbedingte Veränderungen und Altersunterschiede im Verhalten niederer Affen zu Gegenständen, «Der Zoologische Garten» (NF), 1961, Bd. 26, Hft. 1/2; К. Э. Фабри, Выступление на симпозиуме «Проблема грани между животными и человеком» на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965; К. Е. Fabri, Das Verhalten der Affen zu Gegenständen und Probleme der Menschwerdung, «Biologische Rundschau», 1965, Bd. 3, Hft. 2.

Что же касается длительности этого процесса и проблемы грани между человеком и животным, то эти вопросы недавно обсуждались на страницах журнала «Природа»². Как участник этой дискуссии ограничусь здесь ссылкой на мое выступление³.

Ошибкой Л. А. Файнберга является и то, что он причисляет к экстремальным условиям всякое содержание обезьян в неволе вообще. Если это справедливо для клеточного содержания, то далеко не всегда для вольерного (если, конечно, при этом не допускаются грубые нарушения относительно полового и возрастного состава стада). Глубокие качественные различия в поведении обезьян, обусловленные этими столь различными условиями их содержания, мною также неоднократно описывались⁴.

Существенно здесь то, что исключительно гибкое поведение обезьян (в частности, гамадрилов) позволяет им приспособиться к действительно экстремальным условиям клеточного содержания путем активного воссоздания некоторых жизненно важных условий их жизнедеятельности. Это относится как к их двигательной активности, так и к сфере общения. Обезьяна не остается пассивной в отношении резкого ухудшения условий жизни, а приспосабливается к ним, «изобретая» новые формы поведения, как в свое время образно говорил А. Н. Северцов. (О больших возможностях такого «изобретательства» свидетельствует и образование «традиций» у японских макак, история которых также раскрывается автором обсуждаемой статьи.)

Все это указывает на то, что именно трудные, экстремальные условия жизни служили, очевидно, причиной глубоких преобразований в поведении обезьян, в том числе и стадном. Только такие преобразования, а не просто «заимствование» уже готовых животных форм поведения, могли составить содержание такого небывалого в истории живой природы ароморфоза, как появление на земле человека.

Таким образом, и в этом плане аргументация Л. А. Файнберга обнаруживает свою шаткость. И если Л. А. Файнберг оспаривает, что социальная организация древнейших гоминид могла возникать только в результате разрушения форм организации древних обезьян, то это положение, вопреки мнению автора, вполне соответствует современным данным, если только понимать это «разрушение» диалектически как отрицание отрицания. И по этому вопросу я ограничусь отсылкой к своим упомянутым выше публикациям.

Добавлю еще, что если, как это делает Л. А. Файнберг, искать у животных такие формы стадного поведения, которые могли бы прямо и непосредственно стать составными частями поведения древнейших людей, то можно и не ограничиваться обезьянами. Именно так поступает, например, В. Кюме⁵, который ставит вопрос, не является ли прообразом первобытной орды стая гиеновых собак? Ведь у этих животных существуют и разделение функций внутри стада, и совместные, согласованные действия во время охоты, которые к тому же перестраиваются на ходу в соответствии с изменениями в общей ситуации, особенно с учетом действий партнеров по охоте. Мало того, вернувшись с охоты, ее участники (самцы) отрывают куски мяса перед щенками, самками и взрослыми самцами-сторожами, не участвовавшими в охоте. В результате вся добыча распределяется равномерно между всеми членами

² См. М. И. Урысон, Люди или животные, «Природа», 1973, № 1 и 2 (см. там же дискуссию по поводу этой статьи).

³ «Природа», 1973, № 2.

⁴ К. Э. Фабри, Специфические особенности и практическое значение изменения поведения низших обезьян при клеточном содержании, в кн. «Биология и патология обезьян. Изучение болезней человека в эксперименте на обезьянах. Материалы международного симпозиума в Сухуми, 17—22 октября 1966 г.», Тбилиси, 1966.

⁵ W. Kü h m e. Hyänenhundrudel — Urbild der Horde? Verhaltensforschung in der Serengeti, «Umschau», 1965, Hf. 3.

стали. Такого не бывает даже у самых «организованных» обезьян! Если следовать логике статьи Л. А. Файнберга, то уже здесь вполне можно усмотреть возникающий коллектив первобытных охотников, в котором мужчины могут уделять много времени охоте, в то время как женщины остаются на стоянках, заботятся о детях.

В целом по поводу обсуждаемой статьи можно сказать, что рассуждения Л. А. Файнберга всей своей логикой толкают читателя к уверованию в постепенность и непрерывность эволюции от обезьяны к человеку, к объяснению становления социальной жизни человека чисто биологическими закономерностями. Не вызывает сомнения, что, особенно на ранних этапах этого процесса, биологические факторы еще играли существенную роль, но ведь выступали они уже в трансформированном виде, благодаря преобразующему влиянию трудовой деятельности.

Биологизация поведения человека и антропоморфизация поведения животных не новы в науке, но сейчас они опять становятся дурной «модой». Как мы видели, не избежал влияния этой тенденции, к сожалению, и Л. А. Файнберг (случайно ли он употребляет в отношении обезьян такие обороты, как «социальные контакты», «социальная организация» и т. п.?). И поэтому по поводу этой статьи можно сказать следующее: да, факты новые, но трактовка их в основе своей старая, уже не раз опровергнутая.

К. Э. Фабри

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

В откликах на нашу статью В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, В. В. Бунак, Г. Е. Марков, Ю. И. Семенов, К. Э. Фабри сделали ценные замечания и высказали много интересных соображений по обсуждаемой проблеме. Из-за ограниченности места мы сможем остановиться только на основных положениях, затронутых нашими оппонентами.

Из откликов В. П. Алексеева и С. А. Арутюнова видно, что эти исследователи едины с нами в главном, а именно в убеждении, что по крайней мере некоторые «истoki социальной организации ранних человеческих коллективов следует искать в специфике организации сообществ приматов» (С. А. Арутюнов), так как «содержанием начального этапа возникновения человеческих отношений является не только преодоление биологического в пределах человека... но и развитие какого-то фундаментального принципа организации органического мира нашей планеты» (В. П. Алексеев). По сравнению с этим согласием в главном расхождения между этими двумя специалистами и мною носят частный характер и сводятся к различию во взглядах на структуру стад обезьян — предков древнейших гоминид, а точнее говоря, на степень доминирования в стаде его вожака.

В противоположность В. П. Алексееву и С. А. Арутюнову В. В. Бунак и Ю. И. Семенов считают неправомочной и ошибочной нашу попытку искать в особенностях сообществ обезьян отдельные предпосылки или зародыши ранних форм социальной организации. Но это, пожалуй, единственное, в чем совпадают взгляды В. В. Бунака и Ю. И. Семенова по рассматриваемому вопросу. В остальном они настолько различны, что и отвечать на их отклики необходимо порознь.

В. В. Бунак в своем отклике не ограничился замечаниями, а сделал несколько не вызывающих возражений дополнений. Мы согласны и с некоторыми из сделанных им замечаний, в особенности в отношении терминологии. Частично мы согласны и с замечанием В. В. Бунака по

вопросу об отсутствии половых связей между потомками одной матери, наша формулировка, содержащаяся в статье, носит слишком расширительный характер. Пока что определенно можно говорить только о почти полном отсутствии половых связей между матерью и ее мужским потомством. Этому, по мнению П. Сейда, препятствуют две причины: 1) уход части самцов, достигших половой зрелости, из своего стада в другие; 2) сохранение между матерью и ее взрослым потомством отношений мать — детеныш, что несовместимо с ролями половых партнеров¹. Вместе с тем нам представляется, что некоторые из содержащихся в отклике «фактических уточнений» по существу таковыми не являются, так как совпадают по содержанию с «уточняемыми» положениями статьи, отличаясь от них лишь по форме. Это относится, например, к оценке характера стада в 700 голов и к выводу о крайних формах ранговости, т. е. гаремной организации как тупике в эволюции (стр. 108) отклика). Некоторые из замечаний явно результат какого-то недоразумения. Нигде в статье не высказывается предположений, что у шимпанзе была семья, сходная с человеческой, или что у предгоминид была гаремная «семья». В. В. Бунак же нас критикует именно за подобные не свойственным нам взгляды (стр. 111).

Что же касается высказанных в его отклике предположений о форме организации прегоминид и ранних гоминид, то они не показались нам убедительными. В отклике развивается мысль, что ранние гоминиды жили отдельными брачными парами, лишь иногда соединявшимися друг с другом. Возникновение более крупных объединений В. В. Бунак относит к среднему палеолиту, когда, по его мнению, началась охота на крупных животных. Однако археологические исследования последних лет, как нам кажется, с несомненностью показали, что охота на крупных животных началась не в среднем палеолите, а значительно раньше. Уже 300 тыс. лет назад, задолго до начала среднего палеолита, древние люди в Торральбе и Амбрене в Испании охотились на слонов, носорогов, диких быков и других крупных животных. Подобная охота могла вестись только хорошо организованными и достаточно многочисленными коллективами людей. Что такие коллективы действительно существовали уже в ашельское время, подтверждается находками и исследованием относящихся к этой эпохе групп жилищ в Терра Амата и особенно в Лазарете на юге Франции. На основании тщательного изучения этих жилищ французские археологи пришли к выводу, что их обитатели жили довольно устойчивыми коллективами, насчитывавшими каждый не менее 10 мужчин-охотников. Таким образом, вместе с женщинами и детьми в каждом коллективе было несколько десятков человек. Данные археологии о коллективах древнейших гоминид в более ранние эпохи, чем ашель, менее определены. И все-таки более чем сомнительно, чтобы даже самые древние гоминиды могли жить отдельными малыми семьями, ведь даже у отсталых народов новейшего времени, несмотря на их лучшую техническую вооруженность по сравнению с их далекими предками, семья из мужа, жены и детей не может прожить вполне независимо, не прибегая в необходимых случаях к помощи других членов своей общины или соседней. Нам представляется, что прав французский археолог Ж. Пивето, по мнению которого основным субъектом гоминизации «с самого начала был не изолированный индивидум, а группа»².

Весь вопрос в том, как возникла эта группа, каков был характер отношений между ее членами. Как известно, Ю. И. Семенов считает, что основным содержанием процесса становления общественных отношений является борьба против биологического, против безудержного зоо-

¹ P. Sade, Inhibition of son-mother mating among free ranging Rhesus monkeys, «Science and Psychoanalysis», vol. XII, N. Y., 1968, p. 35—36.

² «Une cabane a cheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice)», Paris, 1969, p. 234.

логического индивидуализма, прежде всего в вопросах пола. Это положение не упоминается в отклике Ю. И. Семенова, но, на наш взгляд, оно есть тот главный фактор, который определяет резко отрицательное отношение Ю. И. Семенова к гипотезе о возможности какой-то преемственности между биологическими и ранними социальными отношениями. Что же касается трактовки в этом отклике конкретного содержания статьи, то Ю. И. Семенов сосредотачивает свое внимание на вопросе о тенденциях к «экзогамии» и на характере связи между самкой и ее потомством. При этом аргументацию Ю. И. Семенова нельзя признать безупречной.

Во-первых, полемика ведется против положений, сформулированных более категорично, чем это сделано в статье. Например, если в статье говорится о тенденции к «экзогамии», то в отклике опровергается наличие экзогамии.

Во-вторых, оппонент оставляет без внимания те приводимые в статье данные, которые подрывают его аргументацию. Так, в отклике отмечается, что за 1200 часов наблюдений было зафиксировано только два случая перехода самцов из стада в стадо, но не упоминаются приведенные нами данные значительно более длительных наблюдений Т. Роуэлл за несколькими стадами павианов Уганды. Согласно им, за пять лет в этих стадах не осталось ни одного самца, который хотя бы раз не перешел из одного стада в другое. Подчеркивая, что нельзя говорить об «экзогамии» на примере одного стада маркушек, оппонент не обращает внимания на то, что в том же месте статьи говорится о наличии сходных тенденций у макак, павианов и горилл.

В-третьих, оппонент пользуется разной логикой для доказательства своих положений и для опровержения положений статьи. Опровергая наше предположение о тенденции к «экзогамии» у обезьян о-ва Лолуи, Ю. И. Семенов подчеркивает, что неизвестно, каким был состав этого стада до начала наблюдений над ним. Однако если бы наш оппонент был последовательным, он должен был бы сказать то же самое и о данных наблюдений, привлекаемых им в поддержку своих взглядов, т. е. опровергнуть их с помощью фразы «неизвестно, что было до начала наблюдений». Чтобы чрезмерно не увеличивать размеры ответа, мы не будем касаться других спорных моментов в отклике Ю. И. Семенова, тем более что некоторые из его исходных положений, на наш взгляд, убедительно опровергаются в откликах В. П. Алексеева и С. А. Арутюнова.

Г. Е. Марков по основному вопросу дискуссии, разделяющему В. П. Алексеева, С. А. Арутюнова и автора этих строк, с одной стороны, В. В. Бунака и Ю. И. Семенова — с другой, занимает промежуточную позицию. Он полагает, что наблюдение над обезьянами может объяснить «многие стороны проблемы становления... социальной организации» и дать «существенный материал для исследования ранних форм брака и семьи у гоминид» (стр. 114). Но в то же время он считает, что социальную организацию гоминид нельзя выводить из особенностей организации сообществ обезьян. В отклике Г. Е. Маркова высказано много замечаний и соображений, которые представляются нам совершенно верными, например о необходимости не переоценивать степень сходства между животными и людьми и не упускать качественного различия между ними. Мы согласны и с выдвигаемыми Г. Е. Марковым в этой связи предложением отказаться от термина «первобытное стадо», как не отражающего качественную специфику первобытного коллектива, складывающегося на основе совместного труда и социальных связей (стр. 111). Но вместе с тем Г. Е. Марков, как нам кажется, не учитывает, что элементы преемственности в эволюции форм организации, которые мы пытались выявить, могут рассматриваться как переход количества в качество, типичным примером которого является весь

антропогенез (стр. 113). Нам кажется, что это связано в данном отклике с двумя моментами. Во-первых, его автор недооценивает роли обучения в жизни высших животных, особенно обезьян, а также их способности менять структуру своих сообществ и формы поведения в зависимости от условий существования. Во-вторых, не совсем верно оценивается уровень социального развития древних и древнейших гоминид. В последние годы в результате более глубокого изучения нижнего палеолита многие исследователи, особенно археологи, пришли к выводу, что люди того времени были гораздо более развитыми социально, чем это считалось ранее³. Исходя из этого, мы попытались доказать, что род, экзогамия, материнская филиация возникают не в верхнем, а уже в среднем палеолите⁴. Иными словами, мы думаем, что разрыв между высшими формами организации сообществ животных и ранними формами социальной организации гоминид несколько меньше, чем считает Г. Е. Марков, и не исключает возможности связующих нитей между ними.

Что касается отклика К. Э. Фабри, то его автор, по-видимому, не знаком даже с наиболее фундаментальными из работ о происхождении человеческого общества и его институтов, опубликованных в 60-х гг. Именно поэтому он не смог понять, почему в нашей аргументации большое место занимает опровержение представлений о безудержной борьбе из-за самок и некоторых других идей, от которых приматологи давно отказались. А все дело в том, что подобные представления не только фигурировали в новых как советских, так и зарубежных работах по возникновению человеческого общества, например в монографии Ю. И. Семенова, но и являлись важным исходным положением в концепциях о возникновении первобытного человеческого стада. Не случайно, что критике этих идей уделяется большое место в опубликованном в 1970 г. капитальном приматологическом исследовании Н. А. Тих (см. главу 3, стр. 279 и др.). Упрекая нас в неполноте и односторонности, К. Э. Фабри опять-таки не учитывает, что статья не является обзором новых исследований по этологии приматов. Мы использовали лишь те данные исследований, которые, на наш взгляд, имели отношение к теме статьи. При этом одни из этих данных для этологов — прописная истина, а историкам первобытного общества еще недостаточно известны; интерпретация же других данных вызывает среди приматологов и специалистов по антропогенезу резкие споры. Одни пытаются находить определенные параллели и связующие нити между формами организации обезьян и ранними формами социальной организации (в тексте статьи содержится много ссылок на работы сторонников этого направления), другие, как К. Э. Фабри, считают это недопустимым⁵. Не являясь специалистом в области этологии, автор счел себя вправе разделить точку зрения тех исследователей приматов, чья аргументация показалась ему более убедительной, и, исходя из нее, сделать некоторые собственные выводы. Нам думается, что лишь дальнейшие исследования позволят окончательно решить, кто прав — те, кто разде-

³ В. П. Любин, Нижний палеолит, «Каменный век на территории СССР», М., 1970; стр. 40; А. Н. Рогачев, Палеолитические жилища и поселения, там же, стр. 76; его же, Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества, «Природа и развитие первобытного общества», М., 1964, стр. 185.

⁴ Подробнее об этом см. Л. А. Файнберг, Возникновение родового строя, «Проблемы истории первобытного общества», М., 1974.

⁵ См., например: Н. А. Тих, Предыстория общества, Л., 1970, стр. 177, 281, 298 и др.; В. П. Якимов, Черты прерывности в эволюции человека, М., 1973, стр. 4—6; H. Kummer, Primate societies, Chicago, 1971, p. 152; Sh. Washburn and C. Lancaster, The evolution of hunting, «Man the hunter», Chicago, 1968, p. 300—301; G. Shaller and G. Lowther, The relevance of carnivore behavior to the study of early hominids, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 25, 1969, № 4, p. 307, 336; R. Fox, In the beginning: aspects of hominid behavioral evolution, «Man», vol. 2, 1967, № 3, p. 421, 428.

ляет взгляды К. Э. Фабри, или их оппоненты. Что же касается нашего отношения к взглядам К. Э. Фабри и его аргументации, то они представляются весьма уязвимыми. Основным способом доказательства, применяемым оппонентом, служит ссылка на его собственные работы. При этом молчаливо считается, что высказанные в них взгляды являются единственно возможными и они и только они отвечают современному уровню науки. То же, с чем К. Э. Фабри не согласен, именуется «худшими временами анекдотической зоопсихологии». Между тем знакомство с новыми работами как советских, так и зарубежных приматологов, этологов и психологов показывает, что многие из них развивают и обосновывают на большом фактическом материале как раз те положения, которые для нашего оппонента всего лишь «анекдотическая зоопсихология». Например, Н. А. Тих на основе многолетних наблюдений над обезьянами пришла к выводу о наличии у них взаимопомощи и описала ее формы, а также доказала, что ведущим фактором в эволюции сообществ приматов «являлась способность жить в сообществе и подчинять интересы индивида интересам сообщества»⁶. При этом формы животной взаимопомощи рассматриваются Н. А. Тих в качестве биологических предпосылок гоминизации.

К выводу о наличии у высших животных взаимопомощи и сотрудничества приходит и Л. В. Крушинский, ведущий советский специалист по генетике поведения. Он полагает, что животные помимо условных рефлексов и инстинктов обладают и зачатками разума и что рассудочная деятельность, на основе которой у человека могли создаться многообразные формы социальных и трудовых отношений, начала, видимо, оказывать влияние на сообщества животных и до возникновения человека, «другими словами человек унаследовал «предрасположение» к ней от своих предков»⁷. Такая точка зрения представляется нам более обоснованной, чем взгляды, изложенные в отклике К. Э. Фабри. Что касается спорного вопроса о возможности или невозможности половых связей между матерью и потомством у некоторых приматов, то мы ссылаемся на наблюдения Д. Сейда, который приводит в своей статье и сходные данные других исследователей. Позиция же нашего оппонента по данному вопросу не подкреплена никакой аргументацией.

Некоторые из замечаний К. Э. Фабри являются результатом какого-то недоразумения. Так, мы никоим образом не пытаемся «объяснять становление социальной жизни человека чисто биологическими закономерностями». Совсем, напротив, в статье определено говорится, что биологические формы поведения и организации рассматриваются нами лишь как предпосылки или зачатки некоторых институтов, формирующихся у ранних гоминид под воздействием социальных факторов (стр. 96—97, 102, 103 и др.). Вполне согласны мы с К. Э. Фабри и в том, что смена форм организации обезьян социальной организацией древних людей совершалась согласно закону отрицания. Но непонятно, как можно согласовать такую точку зрения с категорическим отрицанием связующих нитей между формами поведения и организации обезьян и социальными институтами древних гоминид. Ведь в материалистической диалектике отрицание понимается «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...»⁸. Пытаясь обратить внимание на некоторые предпосылки поведения и институтов ранних гоминид, мы как раз руководствовались принципами закона отрицания отрицания.

Что касается других замечаний, сделанных в отклике К. Э. Фабри, то мы согласны с некоторыми из них. Действительно, нельзя категориче-

⁶ Н. А. Тих, Указ. раб., стр. 91, 280 и др.

⁷ Л. В. Крушинский, Возможный механизм рассудка, «Природа», 1974, № 5; его же, Надо ли делать выводы из его поведения, «Знание — сила», 1974, № 4.

⁸ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 29, стр. 207.

ски противопоставлять доминирование и гаремную структуру, так как последняя также является формой доминирования. Вместе с тем мы убеждены, что в смысле возможностей дальнейшего развития имеется существенное различие между стадами с ограниченной степенью доминирования и его крайней формой — гаремной структурой. Справедливо замечание К. Э. Фабри и о том, что экстремальные условия для ископаемых обезьян возникали не только в полупустыне, но и вообще при переходе к жизни из тропического леса на открытое пространство. Все дело, на наш взгляд, в уровне этой экстремальности. При более низком ее уровне начались изменения в поведении, приведшие к гоминизации, при более же высоком уровне экстремальности прогрессивное развитие было заторможено. Согласны мы и с тем, что не всякое содержание обезьян в неволе, а только клеточное и далеко не всегда вольерное создает экстремальные условия.

Закljučая наш ответ, мы хотим поблагодарить всех авторов откликов за интересные замечания. Дискуссия выявила большие различия во взглядах ее участников на конкретные пути возникновения ранних форм социальной организации. Если она хоть в какой-то степени способствовала решению поставленного вопроса, мы сочтем задачу своей статьи выполненной.

Л. А. Файнберг

ОТ РЕДАКЦИИ

Развитие этологии дает обширный материал, который в определенных границах может быть использован при изучении вопросов социогенеза, привлекавших к себе, как известно, пристальное внимание основоположников марксизма. Накопленные к настоящему времени данные попытка обобщить этнограф Л. А. Файнберг, статья которого, несмотря на известную недооценку качественного различия между сообществом животных и человеческим обществом, стимулирует давно назревший обмен мнениями по этим сложным вопросам. В обсуждении статьи Л. А. Файнберга на страницах этого номера журнала приняли участие ученые различных специальностей — антропологи В. П. Алексеев и В. В. Бунак, этнографы С. А. Арутюнов и Г. Е. Марков, философ Ю. И. Семенов, этолог К. Э. Фабри. Обсуждение выявило различные, в ряде случаев явно противоположные точки зрения, что во многом объясняется недостаточной разработкой затронутых проблем, а также отсутствием междисциплинарной координации исследований по этой проблематике. Редакция надеется, что публикуемая статья и отклики на нее будут способствовать комплексному изучению этапов становления социальной организации.

ON CERTAIN PRE-CONDITIONS FOR THE RISE OF SOCIAL ORGANIZATION

An attempt is made here to ascertain, on the base of recent ethological studies, whether data on zoological associations of primates may be drawn upon, besides archaeological and palaeoanthropological material, for reconstructing some forms of organization occurring among pre-hominids and early hominids. The author gives an affirmative answer to this question and endeavors to find in certain features of primate behaviour and organization some pre-conditions for the rise of such social institutions as exogamy, matrilineality, etc.

L. A. Fainberg

BIOLOGICAL FACTORS OF IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF SOCIAL ORGANIZATION

L. A. Fainberg's article is remarkable primarily as a survey of data on primate behaviour and secondly as a convincing attempt to derive the initial forms of the hominid social organization from interrelations within the association of apes or monkeys. At the same time, the hypothesis of the existence of some unstable form of a harem-structured group remains unrefuted in the article.

V. P. Alexeev

ON THE FORMS OF PRE-HOMINID COMMUNITIES

In the author's opinion, the origin of matrilineal exogamous society can be derived from the situation in a harem-structured animal community, where the female part is stable and genetically successive, while the male partners are outsiders. Along with the increasing mastery of the ecological environment characteristic of the human stage of development and the consequent growth in size of the communities, the harem-type structures inevitably had to cede their place to structures based on couples.

S. A. Arutiunov

ON THE FORMS OF SEXUAL BEHAVIOUR AMONG APES AND EARLY HOMINIDS

In his article L. A. Fainberg poses some very topical problems concerning the early evolution of hominids. Some remarks should be made, partly to supplement the author's materials, partly to dispute some of his assertions. The competition between males is mainly aimed at the selection of the strongest sires and those best adapted to the environment; it is not necessarily followed by sexual intercourse with the nearest female. Among herbivorous mammals (ungulate animals, apes and monkeys) a group has one leader but his supremacy does not rule out sexual coupling; this ensures necessary sexual variability.

The omnivorousness of the hominids is incompatible with a herd organization. The composition of the primary group was determined by the daily amount of food that could be gathered by one or two mothers with their offspring and one leader. With the improvement of food procuring methods, especially with the shift to hunting large animals, the groups increased in size but did not disturb the more or less enduring relationship of the mother with one male. Close blood kinship between parents could only arise as a rare exception, since it was unusual for two children of one mother to reach maturity.

V. V. Bunak

TOWARDS THE PROBLEM OF THE RISE OF SOCIAL ORGANIZATION AMONG THE HOMINIDS

In his article L. A. Fainberg examines some extremely interesting problems in the history of the rise of human social organization. Many of the author's premises are acceptable, especially those stressing the importance of studying associations of apes and monkeys when investigating problems of family and social organization in the early stages of anthropogenesis. Some of L. A. Fainberg's views, however, call for objections, and first of all his thesis that the zoological associations of primates already comprised direct pre-

conditions for the rise of human groups and the matrilineal clan. These complex social phenomena only arose and developed in the later stages of anthropogenesis, probably in the late Palaeolithic period.

G. Ye. Markov

ASSOCIATIONS OF APES AND HUMAN SOCIETY

In controversy with L. A. Fainberg the author points out that there are no factual data testifying to the occurrence of even rudiments of matrilineality and exogamy among apes and monkeys. There is a profound, fundamental difference between the group of primates, on the one hand, and the completely human society, on the other. Besides this, they are separated by 4 million years of the pre-human community and 1 million years of the evolution of primitive human society. That is why any attempts to derive the institutions of the completely human society from the group of sub-human primates is, according to the author, doomed to failure in advance.

Yu. I. Semionov

BAND BEHAVIOUR OF APES AND SOCIAL ORGANIZATION

The article by L. A. Fainberg that is under discussion contains a survey of recent studies on the gregarious behaviour of apes and monkeys. The results of these studies are interpreted in a one-sided way; some serious inaccuracies and errors are committed both in general problems and in particular questions of animal behaviour; all this greatly diminishes the merits of the article. In his own reasoning the author manifestly overestimates the role of purely biological factors in the rise of human society; it leads to the biologization of human behaviour and to the anthropomorphization of animal behaviour.

K. E. Fabri

REPLY TO OPPONENTS

The author subjects his opponents' comments to critical analysis, draws attention to serious disagreements between them, as well as to certain inaccuracies in some of them. He accepts some particular criticisms but underlines his immutable position with regard to the fundamental problems raised in his article.

L. A. Fainberg

NOTE BY THE EDITORIAL BOARD

The development of ethology offers plentiful material which may be utilized, within certain limits, in studying problems of sociogenesis. These problems had, as is well-known, attracted active interest on the part of the founders of Marxism. The ethnographer L. A. Fainberg has attempted to summarize the material that has been collected up to date. His paper, though suffering from a certain underestimation of the fundamental differences between animal associations and human society, stimulates a timely exchange of opinions on these complex problems. The scientists that have taken part in discussing L. A. Fainberg's paper in the present issue specialize in different fields: physical anthropology (V. P. Alexeev, V. V. Bunak), ethnography (S. A. Arutiunov, G. E. Markov), philosophy (Yu. I. Semionov), ethology (K. E. Fabri). The discussion has revealed different, in some cases manifestly contradictory points of view; this is due in great measure to the insufficient research in the problems concerned, as well as a lack of co-ordination between the various disciplines in the course of their investigations. The editors hope that the article we are publishing and the comments will promote integrated study of the stages by which social organization came into being.

Э. Х. Петросян

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В АРМЯНСКОМ НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Армянский народный театр интересовал многих этнографов и искусствоведов. О нем писали Е. Лалаян, А. Аршаруни, Срб. Лисициан, В. Бдоян и др.¹ В настоящее время существует ряд публикаций материалов об армянском народном театре. Однако исчерпывающих записей народных представлений всех этнографических районов Армении до сих пор нет.

Задача настоящей статьи — ввести в научный оборот новые полные материалы, собранные в 1964—1970 гг.

В районах городов Маку, Хой, Салмаст, Султанабад, Исфакан, Ван, Мокс, Тигранакерт, Муш, Алашкерт, Дилижан, Кировакан нами записаны театрализованные представления с ряжением козлом, медведем, верблюдом, обезьяной. В каждом таком представлении главным действующим лицом являлось одно из названных животных. Число участников таких сенок колебалось от одного до трех.

Ряжение козлом

Этот вид ряжения бытовал в Армении повсеместно в конце XIX — начале XX в. Представление разыгрывалось на рождество, масленицу, в первый день великого поста и на свадьбах. Оно носило пантомимно-плясовой характер и шло под инструментальное (зурна, барабан), изредка вокальное сопровождение. Характерными его особенностями были отсутствие развернутого сюжета и краткость словесного текста.

На рождество молодежь разбивалась на небольшие группы, в составе которых были музыканты, ряженный козлом и его «свита». Эти группы ходили по домам с поздравлением. Перед каждым домом процессия останавливалась, «козел» плясал шуточный танец под рождественские песни, ходил на четвереньках, смешно помахивал «хвостом» и позванивал бубенцами. Молодежь требовала у хозяев продуктов для «козла» — масло, яйца, муку. Получив их, ряженный благословлял семейный очаг и всех членов семьи. Хозяева верили в силу его благословения и всячески старались задобрить «козла» подарками. Ряжение на рождество носило традиционный обрядовый характер.

На масленицу театрализованные представления с ряжением разыгрывались в помещении, где собирались плясать (как правило, это был

¹ Срб. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. I, Ереван, 1958; т. II, Ереван, 1972; А. Аршаруни, Армянские народные театральные игры, Ереван, 1961; В. Бдоян, Армянские народные игры, Ереван, 1963, и др.

хлев). Несколько мужчин заранее наряжали кого-либо козлом. Затем один из них входил в комнату, где плясали, и провозглашал: «Довольно играть на зурне! Пришел козел!» Вслед за этим появлялся ряженный (часто на четвереньках). Он плясал, подражал повадкам козла, блеял, бодал зрителей, набрасывался на женщин, притворялся умершим и, наконец, «воскресал», получив соответствующее вознаграждение (выкуп). Иногда во время представления ряженный размахивал палкой, в ряде районов он разглядывал присутствующих в трубу (например, в Исфагане).

В некоторых районах масленичное представление начиналось иначе. Ряженный козлом незаметно проникал в комнату и присоединялся к пляшущим, становясь в конце ряда. Затем он старался привлечь всеобщее внимание своими смешными выходками. В первый день великого поста разыгрывалась сценка, аналогичная масленичной.

На свадьбах было принято разыгрывать представления, где действующими лицами выступали и люди, и животные. «Козел» столпой пляшущих ряженных встречал новобрачных у порога дома жениха и благословлял их вместе с родными, желая им большого потомства и хорошего урожая. Ряженный козлом участвовал также в коллективных свадебных плясках в конце ряда. Он смешно прыгал, высоко поднимая ноги, перебегал от одного танцора к другому, разъединяя цепь пляшущих. Только во время обрядовых плясок ряженный козлом вел себя тихо, солидно.

Костюм «козла» во всех районах почти одинаков. На голову ряженому надевали высокую конусообразную шапку из козьей шкуры с пришитыми к ней бутафорскими рогами, сделанными из материи². Шапку надевали на глаза, и свисающая с нее шерсть закрывала верхнюю часть лица. Иногда, если шапка была достаточно велика, ее натягивали до подбородка, делая прорези для глаз и носа. Таким путем получалась объемная маска (Султанабад, Исфахан). Порой на обматываемое сажей лицо накладывалась черная «борода», которую прикрепляли с помощью ниток. «Бородой» служила полоска, вырезанная из шкуры козла, длиной около 5 см и шириной 3 см.

В некоторых селах Алашкерта, Хнуса, Мокса на «козла» надевали маску из шкуры черного козленка с коротким волосом.

Ряженный козлом носил длинный, свисающий до пят балахон из двух сшитых черных шкур с отверстиями для рук, а под ним — рубашку темного цвета. Поясом служила веревка, сплетенная из козьего волоса или свясла. На ногах у «козла» были лапти, на руках — кожаные варежки, вывернутые мехом наружу. На шею ему вешали колокольчик. Кроме того, к одежде на груди, спине, на поясе прикрепляли маленькие бубенцы, которые позванивали в такт движениям. В ряде районов в костюм ряженных входила коса с привязанным к серпу колокольчиком (Дилижан, Алашкерт), в других — посох. Сольная пляска «козла» исполнялась с металлическими «стаканчиками» на указательных и больших пальцах обеих рук (Султанабад, Исфахан). Иногда на шею ему вешали подзорную трубу.

В некоторых районах ряженный козлом во время представления ходил только на четвереньках. Поэтому ему просто накидывали на спину козлиную шкуру, закрепляя ее поясом, чтобы она не сползла. К хвосту «козла» привязывали колокольчик и бечевку, проходившую под животом. Когда ряженный хотел изобразить «помахивание хвостом», он дергал конец бечевки.

² Интересный вариант ряжения записан от репатриантки из Ирана Я. Мандинян (совхоз Кирова, Арагатский район). К голове ряженного привязывали два серпа так, чтобы их рукоятки вертикально упирались в плечи. Потом на голову надевали конусообразный колпак, сшитый из козьей шкуры, надвигая его на лицо как маску. Серпы, изображавшие рога, продевались в два специально сделанных на колпаке отверстия.

На первый взгляд представление, где главную роль играл ряженный козлом, не что иное, как сценка для увеселения. Однако анализ показывает, что это не так. Представление приурочивалось к специальным дням, когда совершались обряды, связанные с «обеспечением» плодородия. Люди старались быть приветливыми с «козлом», дарили ему подарки, верили в его благословение. Они заботились о безопасности «козла», увешивали ряженого бубенцами, которые, как и вывернутая мехом наружу шкура, по поверью, отгоняли злых духов. Истоки театрализованных представлений с ряжением козлом восходят к былым тотемическим представлениям, связанным с культом животных.

Самые ранние свидетельства о бытовании этого театрализованного действия у армян относятся к XIII в. Так, на титульном листе Евангелия 1260 г., оформленного в Ромкле выдающимся армянским художником Торосом Рослиным, изображены два ряженных. Первый в маске козла, в короткой тунике и башмаках. В правой руке у него серп, в левой — ветка. Второй в маске быка и в плаще, концы которого перекинуты через плечи назад. Позы ряженных настолько динамичны, что вся сцена производит впечатление пантомимного диалога.

В рукописи 1262 г., оформленной тем же художником, опять встречается миниатюра с изображением ряженных козлом и быком. Оба исполнителя в масках, закрывающих рот, что указывает на отсутствие словесного текста в данном представлении. Положение рук и ног у этих фигур явно передает танцевальное движение.

Появление изображений ряженных в евангелиях связано, вероятно, с тем, что в средние века представления такого рода имели ритуальный характер, хотя нельзя исключить предположение о наличии в них и некоторых светских мотивов.

Известные пока изображения ряженных козлом (козой) у армян немногочисленны. Однако большое число обнаруженных учеными рисунков коз и козлов, относящихся к большому отрезку времени, начиная с эпохи палеолита до раннего средневековья, свидетельствует о широком бытовании здесь культа животных. Поэтому естественно предположить, что культовые театральные представления существовали и ранее XIII в.

Ныне этот вид ряжения не бытует ни в одном районе Армении. Материал записан по воспоминаниям старшего поколения.

Ряжение медведем

Нами записано несколько вариантов представлений с ряжением медведем, бытовавших в конце XIX — начале XX в. В них обычно участвовало от двух до пяти мужчин. Главный персонаж этих сенок — «медведь», второстепенные — «поводырь», музыканты. Во всех районах в основе представления лежал единый сюжет — выступление «дресированного медведя». «Медведь» подражал человеку: плясал, играл на музыкальном инструменте, похищал девушку, ласкал ее, притворялся умершим, воскресал и т. д. Круг тем был практически неограничен. Как правило, представление носило импровизационный характер, но заканчивалось оно всегда одинаково — «медведь» «умирал», «воскресал», а затем плясал.

Приемы ряжения медведем почти во всех районах Западной Армении были идентичными. «Поводырь» надевал старую одежду, вывороченную наизнанку шапку, лицо обмазывал мукой, прикреплял накладные бороду, брови и усы из шерсти. В руке у него была палка. Чтобы никто его не узнал, он менял не только внешний облик, но и голос. Музыканты специально не рядились. Они только обмазывали лицо мукой, накладывали бороду, усы и брови.

«Медведь» с головы до ног облачался в медвежью или овечью шкуру темного цвета. На месте глаз, рта, носа делались небольшие прорезы. Вместо языка пришивался красный лоскут. На руки ряженный надевал варежки, а ноги обматывал шерстью или шкурами, скрепляя их веревкой.

«Поводырь» тянул «медведя» за веревку, завязанную на шее. По ходу действия «поводырь» давал «медведю» музыкальные инструменты (струнные или ударные) и заставлял его играть на них.

Интересный вариант ряжения медведем бытовал в Алашкерте³. Торс, ноги, руки юноши обматывали веревкой, сделанной из гибкой болотной травы (свяслом). На голову надевали объемную маску из овечьей шкуры. Нос «медведю» делали так: снизу под маску подкладывали тряпье, а снаружи обматывали его бечевкой. В маске прорезались отверстия для глаз и рта. У прорези рта прикрепляли небольшой красный лоскуток — «язык медведя». На шею ряженному накидывали веревку, сплетенную из козьей шерсти. Такой способ ряжения встречался лишь в нескольких селах Алашкертского района.

Интересно отметить, что в Польше так же рядились «новогодние деды». Армяне были издавна связаны с поляками. Армянские колонии во Львове и Каменец-Подольске существовали еще с XVI в. Купцы из Карса и Алашкерта в конце XIX в. были частыми гостями в Варшаве. Не исключено, что кто-то завез в далекое алашкертское село Мазра этот не характерный для армян способ ряжения, вытеснивший местный.

Театрализованные представления, пляски и обряды с участием ряженого медведем, «медвежьи» праздники различных народов достаточно освещены в научной литературе. Все исследователи сходятся во мнении, что в ряжении медведем прослеживаются традиции обрядов промыслового культа, а также тотемических представлений, связанных с почитанием предков и культом плодородия⁴. Остановимся лишь на некоторых чертах, характерных для обычая ряжения медведем, которые подтверждают это предположение. У армян сцены с участием ряженого медведем разыгрывались только на масленицу и на свадьбах и не имели никакого отношения к охоте. Их организаторы — женатые мужчины (характерная черта посвяжительных обрядов). «Медведя» не боялись: допускали вступление его в связь с женщиной (отголосок идеи священного брака с божеством). Во всех представлениях обязательно воспроизводилась сцена «смерти» и «воскресения» «медведя», что свойственно древним тотемическим церемониям. Все эти традиционные элементы продержались в армянском народном театре вплоть до начала XX в.

В этнографических источниках XIX в. и более ранних нет сведений о ряжении медведем, видимо, потому, что народным театральным действиям тогда не придавалось серьезного значения. Однако об этом обычае можно судить по армянским миниатюрам XII—XIV вв.

В Евангелии XII в. на полях нарисован обнаженный человек в маске медведя и с кубком в руке. На титульном листе Евангелия 1329 г. изображена сцена из вокально-плясового представления, где один ряженный медведем играет на струнном музыкальном инструменте и, видимо, поет, а другой пляшет с яблоком в руке.

Более ранних данных о ряжении медведем у нас пока нет. Однако и тех, которые имеются, вполне достаточно, чтобы говорить о длительном бытовании этого персонажа в театрализованных обрядовых действиях, исполняемых на масленицу и на свадьбах.

³ Сообщено в 1970 г. М. Степаняном, родившимся в 1906 г. в с. Мазра Алашкертской губернии, ныне жителем сел. Тайтан Арагатского района.

⁴ Подробно см. З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972, стр. 63—85.

Полевые материалы, собранные от бывших жителей Западной Армении, указывают, что ряжение верблюдом было распространено в бассейне озера Ван и прилегающих областях. Нами выявлено три основных варианта этого вида представления, также разыгрывавшегося на масленицу и на свадьбах.

Первый вариант. В представлении участвовали три ряженных: «погонщик», «верблюд» и «верблюдица». «Верблюд» и «верблюдица» ласкали друг друга, целовались, плясали, смеша своими выходками зрителям.

Второй вариант. Действующие лица — «погонщик» и «верблюд». «Погонщик» тянул «верблюда» на веревке в комнату, где собирались гости. В некоторых селах «погонщик» въезжал в помещение на «верблюде». «Животное» упрямылось, останавливалось, а «хозяин» ругался. Затем «верблюд» плясал, ходил по комнате, пугал взрослых и детей, толкал их, приставал к старухам, ложился на пол и притворялся умершим. «Погонщик» требовал подарков, чтобы «оживить» или выгнать «верблюда». Получив их, он заставлял «верблюда» встать и сплясать. Потом оба прощались со зрителями и уходили.

Третий вариант. Действующие лица — «погонщик», «верблюд», «купец». Содержание сцены: в комнату, где пляшут собравшиеся гости, въезжал на «верблюде» «купец». «Погонщик» шел впереди и тянул «верблюда» за веревку. «Купец» представлялся старосте села и просил разрешение на «торговлю»; затем он раскладывал «товары». Начинаясь «торговля». Зрители, шутливо торгуясь и перебраниваясь, скупали тряпье, изношенную обувь и прочее старье, изображавшее рулоны ситца, роскошную обувь, украшения. Представление заканчивалось пляской «верблюда».

Сравнив все варианты, можно заметить, что в первых двух главный персонаж — «верблюд», в третьем — «купец». Нам кажется, что последний вариант сложился позднее, когда первоначальное значение ряжения уже было забыто.

Несколько слов о костюмах исполнителей. «Погонщик», как правило, надевал старье, вывернутую наизнанку шапку, лицо мазал мукой, прикреплял накладные брови, бороду и усы. «Купец» был одет как богатый горожанин. Способов ряжения «верблюдом» в Армении существовало два. В первом случае «верблюда» изображал один юноша, принимавший полусогнутое положение. В поднятых вверх руках он держал серп. Руки и серп обматывали тряпьем. Серп изображал голову «верблюда». Уши делались из кусочков кожи, глаза — из цветных лоскутков; на месте рта прикреплялась белая полоска ткани. На спину юноше ставили корзинку, которая служила «горбом». Сверху на него накидывали длинное покрывало, закрывавшее голову и торс. Ряженный обычно обувал лапти, но они не были видны из-под покрывала. Сзади к костюму пришивали хвост буйвола или быка. На голову «верблюду» накидывали уздечку, а на шею вешали колокольчик.

Второй способ ряжения, при котором «верблюда» изображали двое юношей, имел два варианта.

1. Юноши становились в затылок друг другу на расстоянии двух шагов и принимали полусогнутое положение. Второй юноша клал руки на талию первому, державшему в руках серп, обмотанный тряпьем, изображавший голову «верблюда». Две привязанные к серпу ложки служили ушами. Глаза и рот отмечались нашитыми лоскутами или бузинками. На шею «верблюду» надевали уздечку и привешивали колокольчик. Каждому исполнителю на спину привязывали по подушке или маленькой табуретке — два «горба», соединявшиеся неширокой переключиной. Сверху на них набрасывали покрывало. Между «горбами» помещали подушку, на которую садился «купец».

2. Двое юношей становились в затылок друг другу на расстоянии двух-трех шагов таким образом, чтобы на их плечи можно было положить носилки. В руках первого был серп (иногда топор, большая воронка). Далее все делалось так же, как и в первом варианте. Головы юношей, торчавшие под покрывалом, служили «горбами» «верблюда». На подушке между «горбами» восседал «купец».

Во всех сценах большую роль играл текст, который произносил «погонщик». Он отдавал различные приказания, подолгу жаловался зрителям на непокорное «животное». В представлении с участием «купца» одной из центральных была сцена торга; наиболее остроумные и находчивые из зрителей вступали в диалог с «купцом».

Музыкальное сопровождение было одним из важнейших компонентов представления, в котором обычно участвовало трио музыкантов (две зурны и барабан). В случае отсутствия музыкантов «верблюды» плясали под пение «погонщика» и вторивших ему зрителей.

Определить давность традиции ряжения верблюдом довольно трудно. В нашем распоряжении имеется материал лишь конца XIX — начала XX в., указывающий на почти повсеместное распространение описанных сенок в тот период. Известно, что в Западной Армении верблюды издавна использовались как тягловые животные и даже входили в состав Урартского войска⁵. Между тем в армянском изобразительном искусстве разных периодов (в частности, в орнаментике средних веков) нигде не встречается изображение верблюда. Может быть, ряжение верблюдом сложилось в поздние времена по аналогии с ряжением козлом, обезьяной, медведем либо было заимствовано у тюркских народов⁶.

Ряжение обезьяной

Обезьяной рядились на масленицу и на свадьбах во всех упомянутых выше районах. В представлении участвовало два действующих лица: «обезьяна» и «поводырь». По приказу «поводыря» «обезьяна» плясала, кувыркалась, прыгала, подражала различным трудовым процессам, характерным для домашнего и сельского хозяйства, пыталась обнять кого-нибудь из женщин, отбивала ритм на бубне, «умирала» и «воскресала».

Ряженому «обезьяной» на голову натягивали бурдюк из-под сыра, надевали платье, сшитое из овечьих шкур. На руках у него были перчатки, а на ногах — лапти. Ряженого подпоясывали веревкой или свяслом. Сзади к его одежде пришивался красный лоскут и высушенный хвост коровы или буйвола. Лицо гримировали мукой или сажей. «Поводырь» был в старье и низко надвинутой на глаза шапке, с накладными усами и бородой, чтобы никто из присутствующих не мог узнать его.

Данные информаторов о ряжении обезьяной относятся к концу XIX в. Но есть и более ранние свидетельства, содержащиеся в средневековых армянских рукописях. На титульных листах и на полях евангелий встречаются многочисленные миниатюры с изображениями дрессированных обезьян либо ряженных обезьяной. В евангелиях XIII—XVII вв. их можно насчитать свыше 100. Можно выделить несколько групп таких изображений: 1) обезьяны с горящей свечой или факелом; 2) обезьяны со свечой и яблоком; 3) обезьяны с поясом в конусообразном колпаке со свечой; 4) обезьяны-жонглеры. Рукописи с подобными миниатюрами относятся к различным культурным центрам, отдаленным друг от друга: Дразарку, Ромкле, Маназкерт, Апаунику, Гладзору, Хизану, Ортабазару, Константинополю, Кафе (Крым, Феодосия).

⁵ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959.

⁶ Н. Нурджанов, Таджикский народный театр, М., 1956, стр. 101, 102.

Обезьяны поклонялись во многих странах мира. В Египте павиан считался священным животным бога письма Тота⁷. Павианов почитали также в связи с культом солнца. «Памятники показывают, что дрессированные обезьяны участвовали в различных религиозно-драматических представлениях и что, с другой стороны, в таких представлениях участвовали и жрецы, одетые обезьянами и исполнявшие соответствующие мифологические роли»⁸.

В Армении обезьян не было. По всей вероятности, в глубокой древности их привозили как дикушку, содержали в царских зверинцах, водили на показ. Сейчас трудно установить, когда армяне стали почитать обезьяну как священное животное, но традиционное ряжение обезьяной на масленицу и во время свадеб существовало вплоть до начала XX в.

Мы считаем, что изображения обезьян и их магических атрибутов — свечи (символ мужского плодородия), яблока (женское плодородие), бубенцов на поясе (отпугивание звоном злых духов), культовой шапки-конуса, жонглирования плодами (магия заклинания роста) в священном писании — Евангелии не только служили декоративным оформлением рукописи, но и отражали бытующие театрализованные обрядовые действия. Эти миниатюры проливают свет на былую сущность сценки с ряженым обезьяной, записанной нами совсем недавно, но сложившейся в весьма отдаленные времена.

Театрализованные представления с ряжением животными дошли до нас, несомненно, в очень измененном виде. Информаторы утверждали, что эти сценки разыгрывались для развлечения присутствующих. Действительно, в словесном и пантомимно-плясовом тексте представления ярко проявился народный юмор. Часто в такие сценки вносились элементы социальной сатиры: высмеивались старосты, священники, богачи. Ряженные животными не имели словесного текста. Как правило, говорили «поводырь» или «купец». Диалог действующих лиц обычно состоял из словесного вопроса и ответа в пантомимно-плясовой форме. Текст часто был однотипен, носил несколько фамильярный характер и представлял собой импровизацию на заданный сюжет, однако с определенными началом и концом. Поскольку представление разыгрывалось ежегодно, то зрители хорошо знали его содержание. Иногда они даже вмешивались в ход действия и высказывали свои пожелания. Например, случалось, что кто-то просил, чтобы «обезьяна» показала, как невестка бьет свекровь, и тогда ряженный нападал на кого-либо из зрителей. Таким образом, стиралась грань между зрителем и исполнителем, что обычно характерно для народного театра.

Так как текст представления был традиционным, репетиции почти не устраивались, участники обычно сговаривались только относительно некоторых сцен. Специального драматурга и режиссера также не существовало. Успех представления зависел от способностей исполнителей, их находчивости и остроумия. Экономической заинтересованности у «актеров» не было. Они ежегодно выступали безвозмездно.

Все представления шли под инструментальное либо вокальное сопровождение. Песню обычно запевали «поводырь» или «погонщик», а зрители им подпевали. Почти в каждом районе были специальные мелодии и песенки, которые исполнялись только во время ряжения; они назывались «Мелодия для игры в медведя (верблюда, обезьяну)».

Народные представления, записанные нами, позволяют утверждать, что, хотя образ животного и предшествовал в «театре» образу челове-

⁷ М. Э. М а т ь е, Древнеегипетские мифы, М., 1956, стр. 163.

⁸ Там же.

ка⁹, у армян в ряде случаев так и не произошло полной антропоморфизации животных — персонажей народного театра. Этим, видимо, объясняется господство пантомимно-плясового элемента над словесным текстом, что вообще характерно для архаичных форм театра. Это в какой-то мере свидетельствует также о живучести дохристианских магических обрядов уже после принятия армянским народом христианства, что подтверждается и другими материалами.

Несмотря на значительную трансформацию, в разных сценах с ряжением проступают бывшие культовые элементы. Так, в них, как и в старинных зоомистериях, главное действующее лицо — животное. В описанных представлениях имеется уподобление тотему, оно передается как в натуралистических приемах ряжения (облачение в шкуры), так и в передаче плясовой повадки животного.

Все информаторы подчеркивали обрядовое значение ряжения, и хотя не очень верили в его магическую силу; однако считали, что рядиться необходимо. Более того, важное значение придавалось «благословению козла» на рождество. Поэтому его встречали приветливо и старались задобрить подарками. Здесь прослеживается реминисценция веры в сверхъестественную силу животного и стремление установить с ним контакты, приобрести его расположение, помощь, покровительство¹⁰.

Характерно, что народные представления с ряжением были приурочены только к рождеству, масленице, первому дню великого поста, свадьбам, в основе обрядности которых, как известно, лежала идея «обеспечения» плодородия животного и растительного мира.

Сведения о ряжении животными, собранные воедино, могут помочь реконструировать некоторые элементы духовной культуры армян в отдаленные времена.

⁹ Е. М. Мелетинский, Первобытные истоки словесного искусства, в сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 152.

¹⁰ Подробно см. Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 387—395.

Т. А. Трофимова

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКА ТУМЕК-КИЧИДЖИК**

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

В 1972 г. отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководимый Б. И. Вайнберг, раскопал значительную часть обширного могильника Тумек-Кичиджик, расположенного в Северной Туркмении на территории Присарыкамышской дельты Амударьи в 14 км к западу от Шахсенема, к югу от Туз-Гыра. Захоронения в могильнике датируются различными эпохами — от позднего неолита до античности включительно¹.

Было вскрыто 10 грунтовых могил неолитического времени, откуда получены единичные черепа, потребовавшие большой реставрационной работы. После реставрации в нашем распоряжении оказались три мужских (один хорошей сохранности; от второго — правая половина; фрагменты черепной крышки и лицевого скелета третьего) и один женский череп.

К следующему хронологическому этапу относятся погребения периода куюсайской культуры, датируемые VII — началом VI в. до н. э.² Раскопано 18 погребений, откуда получена небольшая серия черепов. Пока реставрированы пять черепов: четыре мужских и один женский. Довольно полную характеристику куюсайской культуры дала Б. И. Вайнберг, изучавшая поселение этого периода, расположенное в 25 км от могильника Тумек-Кичиджик. На поселении обнаружена керамика трех типов: своеобразная, ручной выделки (вероятно, местная); изготовленная на гончарном круге, известная по южнотуркменскому комплексу типа Яз-2 и Архаического Дихистана; сосуды сакского облика. Интересен также набор стрел VIII—VI вв. до н. э.

Третьи, более поздние захоронения, относятся к эпохе античности и могут быть датированы рубежом I в. до н. э.—I в. н. э. Раскопаны три погребения в катакомбах, шесть в подбоях и четыре коллективных захоронения в неглубоких ямах. В обработку включены пять мужских и шесть женских черепов.

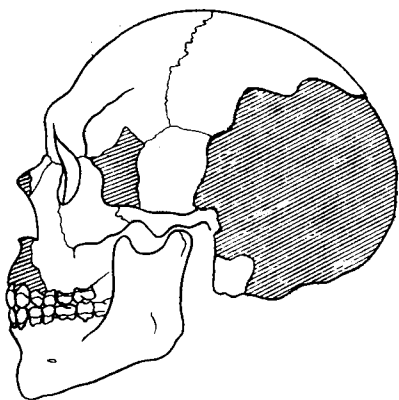
Неолитические черепа представляют особый интерес. При всей трудности индивидуальной типологической диагностики обраба-

¹ Краниологические материалы были любезно предоставлены мне Б. И. Вайнберг, за что приношу ей глубокую благодарность. Она сообщила также предварительную датировку погребений, см.: Б. И. Вайнберг, Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении, сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973.

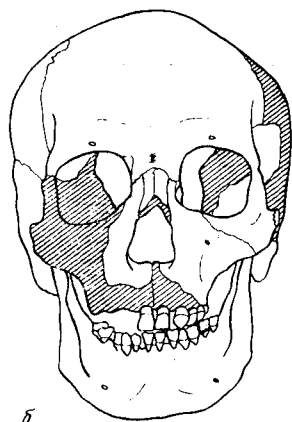
В 1973 г. А. В. Виноградов, продолжая раскопки могильника Тумек-Кичиджик, вскрыл еще около 10 погребений. К сожалению, черепа очень плохой сохранности, от некоторых имеются лишь фрагменты. А. В. Виноградов датирует могильник концом неолитического времени. Я признательна ему за сообщенные мне сведения.

Ободы и графическая реконструкция черепов из Тумек-Кичиджика (см. рис. 1—4) сделаны (по методу М. М. Герасимова) Г. В. Лебединской, за что я очень ей благодарна.

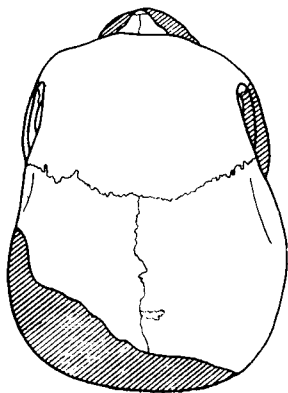
² Б. И. Вайнберг, Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме, сб. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972; ее же, Куюсай 2 (предварительные сообщения), сб. «Каракумские древности», вып. 5, Ашхабад, 1974.

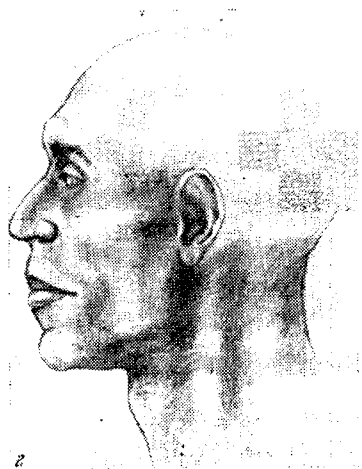
а

б

в

г

Рис. 1. Мужской череп эпохи неолита: *а, б, в* — обводы; *г* — графическая реконструкция

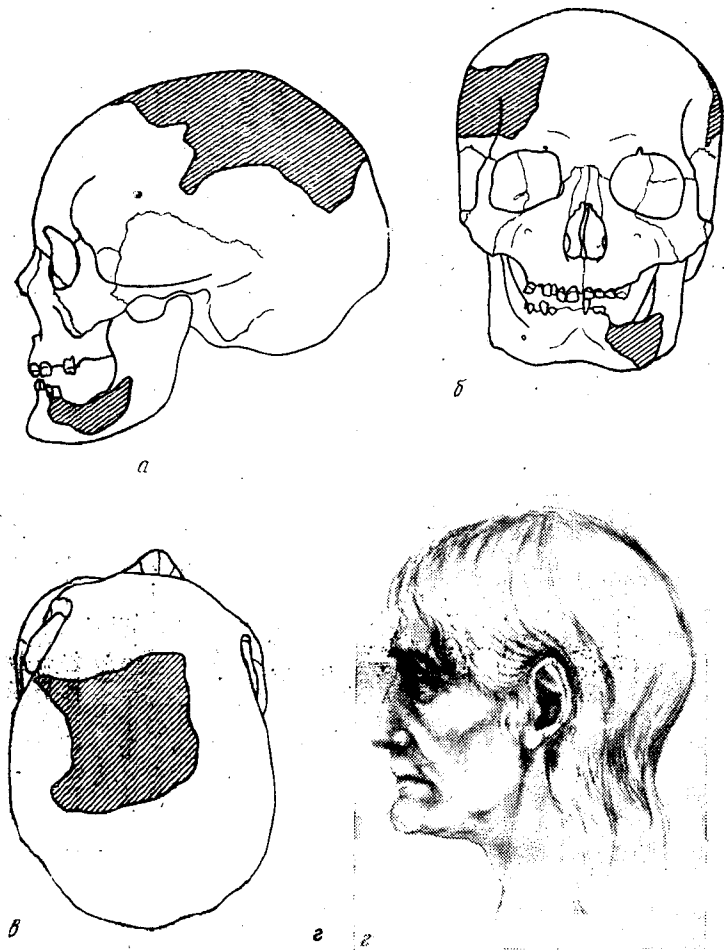

Рис. 2. Женский череп эпохи неолита: а, б, в — обводы; г — графическая реконструкция

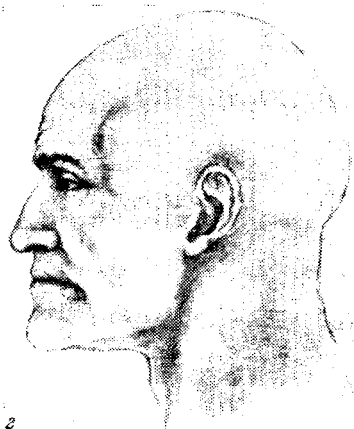
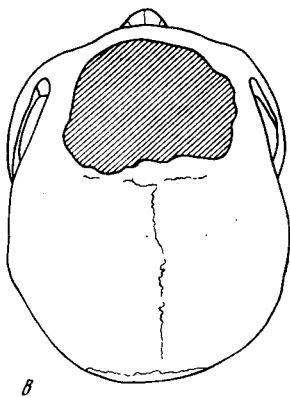
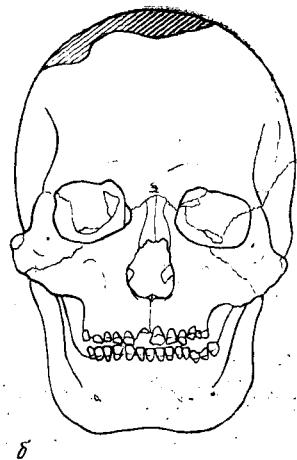
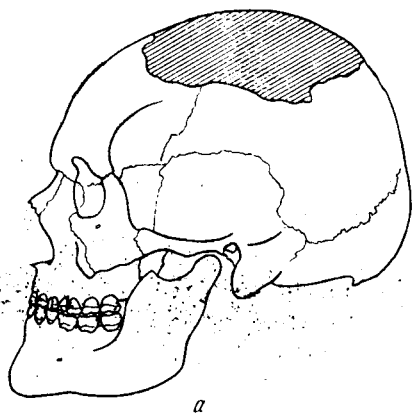
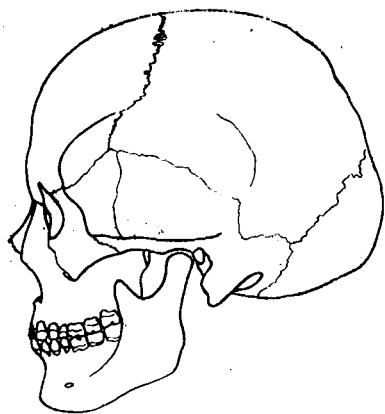
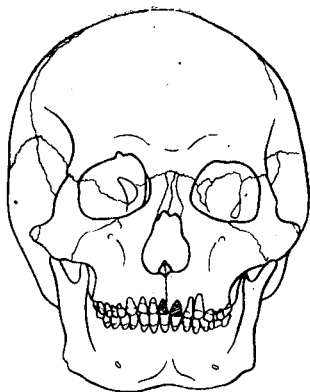

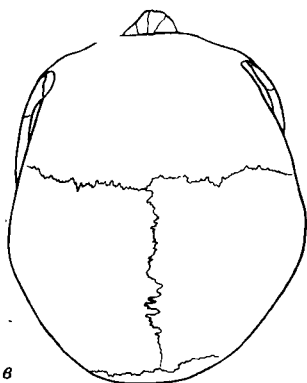
Рис. 3. Мужской череп периода куюсайской культуры: а, б, в — обводы; г — графическая реконструкция

а

б

в

г

Рис. 4. Мужской череп эпохи античности: а, б, в — обводы; г — графическая реконструкция

Таблица 1

Краниологические материалы эпохи неолита из могильника Тумек-Кичиджик и сравнительные данные

Местонахождение или название серии	Северная Туркмения, Тумек-Кичиджик			Южная Туркмения, Монжуклы-Тепе		Южная Туркмения, Хапуз-Тепе		Иран, Хоту	
	♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀	№ 2, ♀	№ 3, ♀
1. Продольный диаметр	188?	—	184?	182	181	195.0 (3)	185.2 (5)	186	184
8. Поперечный диаметр	148?	—	137?	142	140	140.0 (3)	133.6 (5)	135	143
17. Высотный диаметр (ba—br)	137	—	133?	137	—	140.0 (1)	138.5 (6)	(139)	(139)
20. Высотный диаметр (po—br)	118.5	—	114.7	117	116	115.7 (3)	112.0 (4)	120	120
8:1. Черепной указатель	78.7?	—	74.5?	78.0	77.4	71.8 (3)	72.9 (5)	72.6	77.7
17:1. Высотно-продольный указатель	72.9	—	72.3	75.3	—	72.5 (1)	73.7 (4)	74.8	73.9
17:8. Высотно-поперечный указатель	92.6	—	97.1	96.5	—	105.2 (1)	103.4 (4)	102.96	96.5
9. Наименьшая ширина лба	105	—	69	96	88	106.0 (3)	92.4 (4)	93	97
11. Ширина основания черепа	120	—	123	126	123	127.0 (3)	114.8 (4)	116	128
5. Длина основания черепа	111?	—	103	—	—	112.0 (1)	101.5 (4)	(104)	(95)
40. Длина основания лица	—	—	93	—	—	106.0 (1)	96.5 (4)	—	—
40:5. Указатель выступания лица	—	—	90.3	—	—	94.6 (1)	95.1 (4)	95.6?	96.5
48. Верхняя высота лица	65?	66?	67	66	63	68.0 (2)	71.6 (5)	65	61?
45. Скуловой диаметр	132?	—	130?	141?	133	138.3 (3)	122.8 (5)	129?	138?
48:45. Лицевой указатель	49.2?	—	51.5?	46.8	47.4	50.5 (2)	58.4 (5)	50.4?	44.2?
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	47.5	—	50.4	48.2	—	50.0 (1)	52.1 (4)	—	—
77. Назомалярный угол	134.8	—	128.3	—	151	147.0 (1)	136.5 (4)	—	—
Зигомаксиллярный угол (zm' — ss — zm')	118.1	—	126.9	144	135	124.7 (3)	116.7 (4)	—	—
52. Высота орбиты	38.1	37?	34.5	33?	31	34.0 (2)	33.0 (5)	28	31?
51. Ширина орбиты от mf	42.0	45?	44.9	43?	35	45.5 (2)	42.4 (5)	—	—
51a. Ширина орбиты от d	39.2	—	40.0?	—	33?	—	40.3 (3)	33	40?
52:51. Орбитный указатель от mf	93.3	82.2	76.8	76.7	88.6	75.0 (2)	77.8 (5)	—	—
52:51a. Орбитный указатель от d	?	—	86.2	—	93.9	—	82.8 (3)	73.7	77.5
55. Высота носа	49.0	45	51.0	47	44	50.5 (2)	51.2 (5)	46	44.5
54. Ширина носа	23.9	—	23.0	22	23	26.7 (3)	23.6 (5)	21	26?
54:55. Носовой указатель	48.8	—	45.1	46.8	52.3	52.5 (2)	46.2 (5)	45.7	53.4

DS.	Дакриальная высота	10.5?	—	10.8	—	—	—	11.8 (1)	—
DC.	Дакриальная ширина	22.8?	—	22.0	—	—	—	17.8 (1)	—
DS:DC	Дакриальный указатель	46.1	—	49.0	—	—	—	66.3 (1)	—
SS	Симотическая высота	10.6	—	4.0	—	4.7	—	5.3 (1)	—
SC	Симотическая ширина	11.8	—	10.4	—	6.3	—	7.8 (1)	—
SS:SC	Симотический указатель	46.7	—	33.5	—	74.6	—	68.0 (1)	—
32.	Угол профиля лба (па — псе)	79	—*	86	83	92	79.5 (2)	90.0 (5)	—
	Угол профиля лба от глabella	63	—	83	77	82	68.0 (2)	81.8 (5)	—
72.	Общий лицевой угол	84	—	89	83	79	84.3 (3)	84.0 (5)	88
74.	Угол альвеолярной части	—	—	83	89	59	81.3 (3)	77.0 (5)	—
75 (1).	Угол выпуклости носа	31?	—	24?	35?	18?	38.0 (1)	29.0 (1)	(23)
	Надпереносье (гlabelла 1—6)	4	4?	1	3	2	4.5 (2)	1.75 (4)	—
	Глубина левой кlyкковой ямки, мм	3.2	—	7.8	—	3.0	3.67 (3)	—	—
	Передняя носовая ось (1—5)	4	—	3	3?	1	2.97 (3)	2.75	—

* Лоб сильно покатый; по-видимому, резко выраженное надбровье.

ют на себя внимание большие размеры мозговой коробки. Так, мужской череп из погр. 6 имеет продольный диаметр 188 (?) мм, поперечный — 148 мм, высотный — 137 мм; череп мезокранный с покатым лбом (63° от глабеллы), сильно развитым надбровьем, низким, средней ширины (131 мм) лицом, сильно выступающими носовыми костями (31°), мезогнатный. Этот череп близок по ряду признаков к мужскому черепу из могильника в Монжуклы-Тепе³ (IV—III тыс. до н. э.) и Хапуз-Тепе⁴ (III тыс. до н. э.) в Южной Туркмении, а также черепу из пещеры Хоту в северо-восточном Иране⁵ (табл. I).

Мужской череп из Монжу-клы-Тепе меньших размеров, тоже мезокранный, но лоб более прямой, надбровье развито слабее, лицо более широкое и плоское, орбиты ниже (такие, как у других неолитических черепов из Тумек-Кичиджика), сильнее выступает нос. Отметим, что череп из Чиа-туры, описанный Абдушли-швили⁶, напоминает по пропорциям мозгового и лицевого скелета неолитические черепа из Тумек-Кичиджика, но по абсолютным размерам резко отличается от них.

Женский череп из Тумек-Кичиджика характеризуется теми же особенностями, что и мужские, и отличается от них лишь признаками, свойственными половому диморфизму. Он напоминает кроманьон-

³ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.

⁴ Там же.

⁵ L. A. Angel, The human skeletal remains from Hotu cave, Iran, «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 96, № 3, June 1952; см. также C. S. Coon, Excavations in Hotu cave, Iran, 1951, A preliminary report, Там же.

⁶ М. Г. Абдушелишвили, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964, стр. 23, 26—27.

Таблица 2

Череп куксайской культуры (VII—V вв. до н. э.) и эпохи античности (I в. до н. э. — I в. н. э.) из Тумек-Кичиджика и сравнительные данные

Местонахождение или название серии пол	Тумек-Кичиджик (VII—V вв. до н. э.)		Нижнее Поволжье, древнейшая культура	Южная Туркмения, Кара-Тепе	Тумек-Кичиджик		Юго-Западное При- аралье, Туз-Гыр		Сарматы Заволжья Ка- линовский могильник	
	♂	♀	♂	♂	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	191.0 (4)	167	191.6 (21)	194.8 (14)	179.2 (4)	176.3 (6)	182.4 (20)	173.6 (22)	182.9 (23)	174.9 (26)
8. Поперечный диаметр	141.5 (4)	143	142.2 (21)	134.9 (14)	145.8 (5)	145.3 (6)	144.0 (22)	141.8 (22)	144.5 (23)	140.2 (27)
17. Высотный диаметр (ba—br)	131.6 (3)	131	136.2 (11)	143.7 (7)	134.0 (5)	130.0 (5)	137.4 (22)	131.0 (20)	133.3 (12)	126.8 (12)
20. Высотный диаметр (po—br)	116.4 (4)	105	—	119.7 (12)	116.8 (4)	113.5 (6)	117.2 (22)	112.7 (21)	116.1 (21)	113.1 (25)
8:1. Черепной указатель	74.1 (4)	85.6	74.2	69.4 (14)	81.7 (4)	82.4 (6)	78.8 (20)	81.7 (22)	79.2 (23)	80.2 (26)
17:1. Высотно-продольный указатель	68.6 (3)	78.4	71.1	74.8 (7)	75.1 (4)	74.0 (5)	75.1 (19)	75.3 (20)	73.2 (12)	72.0 (12)
17:8. Высотно-поперечный указатель	92.4 (3)	91.6	95.8	105.7 (7)	92.0 (5)	89.8 (5)	94.3 (21)	99.3 (20)	91.8 (12)	90.1 (12)
9. Наименьшая ширина лба	101.3 (4)	95	98.5 (21)	95.2 (15)	97.4 (5)	97.5 (6)	99.3 (21)	95.0 (22)	96.0 (21)	94.8 (27)
11. Ширина основания черепа	124.8 (4)	131	—	119.5 (11)	126.7 (4)	123.5 (6)	128.7 (22)	123.3 (21)	132.6 (20)	124.9 (25)
40:5. Указатель выступания лица	100.9 (3)	94.6	95.2	94.9 (6)	94.0 (5)	95.8 (6)	95.1 (11)	97.2 (16)	94.8 (10)	97.2 (12)
48. Верхняя высота лица	71.2 (4)	60	71.6 (18)	72.6 (15)	70.6 (5)	66.3 (6)	71.8 (20)	68.7 (18)	70.9 (23)	65.3 (27)
45. Скуловой диаметр	139.0 (4)	119?	140.2 (16)	129.9 (15)	134.2 (5)	129.8 (6)	135.9 (19)	127.0 (18)	134.0 (22)	126.9 (26)
48:45. Лицевой указатель	51.3 (4)	50.4	51.1 (5)	56.0 (15)	52.7 (5)	51.2 (6)	53.0 (18)	54.1 (18)	52.9 (22)	51.6 (26)
48:17. Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	53.7 (3)	45.8	52.6	51.4 (7)	52.7 (5)	52.1 (5)	52.4 (19)	59.8 (17)	52.6 (12)	51.7 (12)
77. Назомаллярный угол	134.2 (4)	138.4	137.8 (11)	134.2 (15)	139.0 (5)	138.0 (6)	140.2 (20)	140.8 (17)	141.4 (23)	142.6 (26)
Зигомаксиллярный угол (zm' — ss — zm')	128.4 (4)	134.4	126.4 (10)	126.0 (14)	125.8 (5)	132.9 (9)	127.5 (21)	128.5 (16)	129.0 (22)	129.8 (25)
52. Высота орбиты	32.0 (4)	32.0	31.8 (18)	31.8 (14)	34.2 (4)	31.7 (6)	32.2 (22)	32.4 (21)	33.0 (22)	32.4 (27)
51. Ширина орбиты от mf	43.6 (4)	39.7	43.5 (18)	42.5 (14)	42.5 (4)	41.7 (6)	41.5 (21)	41.5 (21)	42.5 (20)	41.8 (26)
51a. Ширина орбиты от d	40.8 (2)	38.0 пр.	40.7	39.8 (11)	39.4 (5)	39.8 (6)	40.2 (20)	38.7 (17)	39.6 (22)	39.0 (26)
52. Орбитный указатель от mf	73.4 (4)	80.6	73.1	74.9 (14)	80.4 (4)	76.1 (6)	76.0 (20)	78.4 (20)	77.9 (20)	77.2 (26)
52a. Орбитный указатель от d	75.6 (2)	84.2	78.2	79.5 (11)	86.5 (4)	79.8 (6)	80.5 (20)	83.9 (17)	83.4 (22)	82.7 (26)
55. Высота носа	54.0 (4)	39	53.1 (19)	51.2 (15)	53.2 (5)	51.7 (6)	52.6 (18)	50.0 (18)	52.4 (15)	49.3 (27)
54. Ширина носа	27.7 (4)	25.5	25.6 (19)	26.6 (15)	26.5 (5)	24.5 (6)	25.5 (20)	24.3 (18)	24.8 (15)	23.9 (27)

54:55. Носовой указатель	51.2 (4)	65.4	48.2 (19)	52.1 (15)	49.9 (5)	47.4 (6)	48.6 (20)	48.7 (13)	47.4 (15)	48.7 (27)
DS Дакриальная высота	15.8 (2)	—	14.2 (5)	13.4 (7)	14.0 (5)	12.3 (6)	13.3 (17)	12.0 (15)	11.9 (12)	11.24 (22)
DC Дакриальная ширина	22.8 (2)	—	22.5 (5)	22.6 (7)	18.3 (5)	20.0 (6)	20.8 (17)	19.6 (15)	20.4 (12)	20.41 (23)
DS:DC Дакриальный указатель	69.1 (2)	—	62.8	59.8 (7)	78.84 (5)	61.9 (6)	64.3 (17)	61.5 (15)	59.2 (12)	56.4 (22)
SS Симотическая высота	5.5 (4)	4.0	4.9 (12)	5.55 (6)	5.22 (5)	4.17 (6)	5.01 (20)	4.75 (16)	4.5 (12)	4.09 (23)
SC Симотическая ширина	9.2 (4)	9.6	8.5 (12)	10.80 (6)	7.70 (5)	9.20 (6)	8.56 (20)	9.06 (16)	8.6 (12)	9.40 (23)
SS:SC Симотический указатель	62.0 (4)	41.7	57.5	51.6 (6)	67.4 (5)	47.5 (6)	38.4 (20)	53.4 (16)	53.5 (12)	44.4 (23)
32. Угол профиля лба (па—ме)	87.2 (4)	89	79.5 (15)	82.5 (12)	87.8 (5)	91.2 (5)	84.7 (20)	86.8 (19)	84.1 (13)	84.1 (24)
72. Общий лицевой угол	87.2 (4)	82	84.4 (13)	83.9 (12)	89.0 (5)	89.0 (6)	86.9 (20)	84.8 (17)	83.9 (13)	84.2 (23)
74. Угол альвеолярной части	79.5 (4)	67	—	72.1 (12)	85.2 (5)	76.8 (6)	76.4 (20)	72.81 (17)	72.4 (12)	74.7 (22)
75 (1). Угол выступания носа	32.5 (4)	32	35.6 (13)	31.4 (9)	27.8 (5)	24.7 (6)	30.1 (18)	26.7 (15)	28.4 (12)	26.3 (21)
Надпереносье (глабелла 1—6)	4.75 (4)	2	3.43 (21)	3.53 (15)	3.00 (5)	1.50 (6)	3.48 (21)	1.45 (22)	3.0 (15)	2.20 (27)
Глубина левой клыковой ямки, мм	4.57 (4)	3.5	5.14 (18)	2.69 (13)	4.66 (5)	3.52 (6)	4.83 (17)	3.32 (18)	—	—
Передняя носовая ость (1—5)	5.0 (3)	4	—	4.15 (13)	4.20 (5)	2.83 (6)	3.95 (21)	3.28 (18)	3.1 (15)	2.65 (24)

подобные женские черепа из пещеры Хоту (по данным Эн-жел) в северо-восточном Иране (см. табл. 1).

В целом считаю возможным говорить о сходстве неолитической серии из Тумек-Кичиджика с северными протоевропейскими черепами, охарактеризованными Г. Ф. Дебецом⁷, и с теми сериями, которые М. Каппиери использовал для выделения палестинского типа, аналогичного кроманьонскому варианту в составе южной ветви европеоидов⁸.

При сравнении неолитических черепов из Тумек-Кичиджика с сериями позднего неолита и раннего энеолита (V—начало IV тысячелетия до н. э.) из Южной Туркмении нужно отметить существенные различия между ними. Для южнотуркменских черепов характерна резко выраженная грацильность, низкий и очень узкий лицевой скелет (высота лица 67,8 мм, скуловая ширина 122,3 мм, лицевой указатель 55,4). Южнотуркменские серии относятся к восточносредиземноморскому антропологическому типу⁹. Можно предполагать, что люди, захороненные в могильнике Тумек-Кичиджик в период неолита, были представителями другого ареала формирования расового типа и относятся к древнему местному населению.

Мужские черепа периода куясайской культуры крупные, характеризуются очень большим продольным, средним поперечным и малым высотным диаметрами. Черепа долихокранные (черепной указатель 74,1), со средневысоким (71,2 мм) лицевым скелетом, большим скуловым диаметром (139 мм), относительно низколикие (лицевой указатель 51,3), ортогнатные, с сильно выступающими носовыми

⁷ Г. Ф. Дебеец, Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье, «Антропологический журнал», 1936, № 1.

⁸ M. Cappieri, I protomediterranei dell' Asia centrale, «Rivista di Antropologia», vol. LII, 1969.

⁹ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Указ. раб., стр. 39, табл. 3.

Таблица 3

Индивидуальные данные черепов куюсайской культуры и эпохи античности из могильника Тумек-Кичиджик

Эпоха	VII—VI вв. до н. э.				I в. до н. э.—I в. н. э.										
	19, mat.	23, ad	28, mat.	35, mat.	14, mat.	44, 2, ad	47, 2, ad	47, 5, mat.	47, *16, mat.	1, зап. гр., ad	31, 1, mat.	39, juv.—ad.	47, ad.	47, 15 mat.	47, 22 mat.
Пол	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♂	♀	♀	♀	♀	♀	♀
1. Продольный диаметр	192	195	188	188	166	—	181	187	183	177	170	180	176	175	180
8. Поперечный диаметр	140	144	144	138	144	144	143	154	144	139	145	146	143	151	143
17. Высотный диаметр (ba—br)	145	126	124?	—	131	132	136	135	136	122	127	139	135	127	138?
20. Высотный диаметр (po—br)	122.8	111.3	113.7	117.6	—	112.5	116.5	122.8	115.3	103.3	108	119	116.4	116.4	118
8:1. Черепной указатель	72.9	73.8	76.6	73.4	86.7	—	79.0	82.4	78.7	78.5	85.3	81.1	81.2	86.3	82.2
17:1. Высотно-продольный указатель	75.5	64.3	65.6	—	78.9	—	75.1	72.2	74.3	68.9	74.7	77.2	76.7	72.6	—
17:8. Высотно-поперечный указатель	103.6	87.5	86.1	—	91.0	91.7	95.1	87.7	94.4	87.8	87.6	95.2	94.4	84.1	—
9. Наименьшая ширина лба	101	100	102	102	95	93	102	99	98	97	91	101	100	100	96
10. Наибольшая ширина лба	—	115	120?	126	117	111	123	135	121	119	121	125	123	128	117?
11. Ширина основания черепа	130	125?	120	124	125	124	131	—	127	119	126	124	126	124	122
12. Ширина затылка	118	114	—	117	110	117?	103	116	120	111	115	114	103	111	110
5. Длина основания черепа	104	111	88?	—	94	93	103	99	100	97	96	102	102	95	94?
40. Длина основания лица	100	107	97?	—	91	95	94	94	90	96	92	90	93	93?	91?
40:5. Указатель выступания лица	96.2	96.4	110.2	—	96.8	96.9	91.3	94.9	90.0	99.0	95.8	88.2	97.1	97.9	96.8
48. Верхняя высота лица	70	71	70	74	67	74	69	72	71	70	65	69	69	65	60
45. Скуловой диаметр	132	138?	145	141?	134	128	131	136??	142	123	130	134	130	131	131
48:45. Лицевой указатель	53.0	51.5	48.3	52.5	50.0	57.8	52.7	52.9	50.0	56.9	50.0	51.5	53.1	49.6	45.8
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	48.3	56.3	56.5	—	51.1	56.1	50.7	53.3	52.2	57.4	51.2	49.6	51.1	51.2	43.5
77. Назомаллярный угол	139.0	130.0	136.6	131.0	147.9	137.0	137.0	142.9	130.0	130.6	143.5	133.1	137.0	144.7	133.8
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	130.0	139.0	133.1	111.3	124.7	129.3	127.4	128.3	119.4	131.9	133.3	129.7	136.0	137.2	129.3

52. Высота орбиты	32.0	32.4	29.6	34.0	—	34.2	33.0	31.5	37.9	32.9	33.8	33.8	31.5	30.3	28.1
51. Ширина орбиты от mf	43.2	43.2	44.0	44.1	—	42.1	42.7	40.7	44.3	40.5	40.8	42.9	41.8	41.6	42.7
51a. Ширина орбиты от d	40.5	—	41.0	—	—	39.8	38.0	38.3	41.6	33.6	40.2	40.6	39.7	40.1	39.5
52:51. Орбитный указатель (mf)	74.1	75.0	67.3	77.1	—	81.2	77.3	77.4	85.6	81.2	82.8	78.8	75.4	72.8	65.8
52:51a. Орбитный указатель (d)	79.0	—	72.2	—	—	85.9	86.8	82.2	91.1	85.2	84.1	83.3	79.3	75.6	71.1
55. Высота носа	53.0	55.0	53.0	55	53	52	50	56	55	52	48	50	50	51	59
54. Ширина носа	28.4	27.7	26.2	28.3	33.8	22.6	24.8	24.2	27.2	24.3	22.4	22.2	27.5	23.8	26.5
54:55. Носовой указатель	53.6	50.4	49.4	51.5	63.8	43.5	49.6	43.2	49.5	46.7	46.7	44.4	55.0	46.7	44.9
DS Дакриальная высота	15.2	—	16.3	—	13.0	13.0	17.0	11.5	15.6	10.0	15.5	13.5	12.5	13.0	9.0
DC Дакриальная ширина	22.1	—	23.5	—	21.0	12.7	18.0	20.0	20.0	21.3	17.6	21.2?	23.0	19.0	18.0
DS:DC Дакриальный указатель	68.8	—	69.4	—	61.9	102.4	94.4	57.5	78.0	46.9	88.1	63.7	54.3	68.4	50.0
SS Симотическая высота	5.0	6.0	4.5	6.5	3.1	5.0	9.3	2.6	6.1	3.4	6.0	6.0	2.4	3.9	3.3
SC Симотическая ширина	7.0	13.1	7.7	9.0	4.6	8.7	8.2	6.0	11.0	9.0	8.0	9.1	11.8	10.6	6.7
SS:SC Симотический указатель	71.4	45.8	53.4	72.2	67.4	57.5	113.4	43.3	55.5	37.8	75.0	65.9	20.3	36.8	49.3
32. Угол профиля лба (па—те)	88	74	89?	88	88	89	90	94	78	89	84	93	—	98	92
Угол профиля лба (gl—те)	75	66	77?	82	78	83	85	88	65	83	81	88	—	94	86
72. Общий лицевой угол	87	87	88	87	83	90	88	96	88	88	88	94	89	92	83
74. Угол выступания альвеолярной части	83	71	80	84	83	87	74	93?	89	74	76	79?	90	74	68?
75(1). Угол выступания носа	35	32	31?	32	33	27	25	22?	32	24	29?	24	22?	26	23?
Надпереносье (1—6)	5	5	5	4	4	2	2	2	5	2	1	1	2	1	2
Глубина клыковых ямок (0—4)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Глубина левой клыковой ямки, мм	4.5	6.0!	3.8	4.0	3.6	1.1	4.8	6.0	7.8!	3.1	4.0	3.7	4.8	3.5	2.0
Передняя носовая ось (1—5)	5	—	5	5	5	4	4	3	5	3	3	4	3	2	2

* Впуксное погребение; череп включен в подсчет средних величин, так как не отличается по типу от других черепов.

костями и средней шириной грушевидного отверстия. Орбиты низкие, глубина клыковой ямки средняя. В общем черепа имеют европеоидный облик и обнаруживают сходство (по пропорциям мозговой коробки — продольному и поперечному диаметру, черепному указателю) и с черепами древнеямной культуры Поволжья, и с черепами из Южной Туркмении, например с серией черепов из Кара-Депе (см. табл. 2). Различия обнаруживаются в высоте черепа (наиболее низкие — куюсайские черепа, наиболее высокие — черепа из Кара-Депе).

Пропорции лицевого скелета и абсолютные размеры куюсайских и древнеямных черепов идентичны, тогда как абсолютные размеры (особенно скуловой диаметр и лицевой указатель) черепов из Кара-Депе резко отличаются от первых двух серий, уводя нас в круг восточносредиземноморских форм.

Близость куюсайских черепов с черепами из Кара-Депе проявляется в назомальном угле, симотической высоте и угле выступания носа.

Отметим, что по орбитному указателю куюсайские черепа почти не отличаются от древнеямных черепов Нижнего Поволжья, в то время как по носовому указателю — большей ширине носа — они тяготеют к южно-туркменским.

В. В. Гинзбург описал единичную находку из погребения близ Тахир-бая (Южная Туркмения), датируемую II тысячелетием до н. э.: очень крупный череп, морфологически сближающийся с куюсайскими¹⁰. Эта находка вместе с некоторыми другими (например, из Халуз-Депе) позволяет предполагать, что на юге Туркмении были распространены в эпоху энеолита матуризованные формы, но в целом вопрос о происхождении черепов периода куюсайской культуры остается открытым. Не исключено, что морфологические особенности их сформировались в процессе контактов южных и северных ответвлений европеоидной расы.

Черепы эпохи античности имеют средние абсолютные размеры (при большом поперечном диаметре), умеренно брахикранны (80), характеризуются средними размерами лицевого скелета при средних же величинах лицевого, носового и орбитного указателей (табл. 3). Лицевой скелет ортогнатный. Черепы в целом европеоидные, с легкой монголоидной примесью, выражающейся в средневыступающих носовых костях (27,8).

Следует отметить, что серия черепов эпохи античности из Тумек-Кичиджика, так же как и туз-гырская серия из Юго-Западного Приаралья (I—IV вв. н. э.)¹¹, сближается по ряду признаков с некоторыми сарматскими группами, в особенности с сарматами Нижнего Заволжья, исследованными В. В. Гинзбургом¹².

По основным размерам и пропорциям лицевого скелета все три серии — тумек-кичиджикская (античного времени), туз-гырская и сарматская из Калиновского могильника (Нижнее Заволжье) почти идентичны (см. табл. 2). При сравнении этих серий по отдельным признакам обнаруживается, что туз-гырская серия по абсолютным величинам и указателям занимает промежуточное положение. Исключение составляет лишь признак выступания угла носа: наименьшая величина его у черепов из Тумек-Кичиджика и сарматских, что может указывать на наличие большей монголоидной примеси в этих сериях, чем у черепов из Туз-Гыра.

В целом исследуемая античная серия из Тумек-Кичиджика не дает оснований для окончательных выводов, но нельзя не отметить, что она

¹⁰ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Указ. раб., стр. 65.

¹¹ Т. А. Трофимова, Черепы из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр, «Расогенетические процессы в этнической истории», М., 1974; см. также В. А. Лоховиц, Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.

¹² В. В. Гинзбург, Этногенетические связи древнего населения Волгоградского Заволжья, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1958, № 60.

морфологически близка и хронологически почти одновременна серии черепов, полученной Хорезмской археолого-этнографической экспедицией при раскопках могильника Туз-Гыр (I—IV вв.), и с сарматской серией из Заволжья¹³.

Женские черепа сравниваемых серий не обнаруживают такого четкого взаимного расположения признаков, как мужские, но в целом также подтверждают близость этих серий. Величина зиго-максиллярного угла и выступания носа в женской серии черепов из Тумек-Кичиджика свидетельствует о наличии в ней большей монголоидной примеси, чем в двух других.

Для решения этногенетических вопросов необходимы дальнейшие исследования и новый материал, так как серии черепов периода античности в еще большей степени смешаны, чем рассмотренные выше, не только в пределах рас первого порядка, но и второго. Поэтому наши выводы следует рассматривать как предварительные. Серии периода античности могут быть отнесены к сармато-аланским группам.

Итак, неолитическое население Северной Туркмении имело, по-видимому, местное происхождение и представляло собой потомков мезолитических племен. Позднее люди эпохи неолита приняли участие в формировании антропологического состава племен тазабагъябской культуры.

Население периода куюсайской культуры, по всей вероятности, пришлое. Очевидно, один из компонентов, участвовавший в его формировании, имел северное (нижнеповолжское) происхождение¹⁴.

Население античной эпохи относится к другой этнической общности. Оно впитало незначительную монголоидную примесь и, сближаясь морфологически с синхронными племенами Юго-Западного Приаралья, может быть предположительно отнесено к сармато-аланской среде.

¹³ В. В. Гинзбург, Указ. раб.

¹⁴ Только один мужской череп из кургана 19 может быть отнесен к восточносредиземноморскому типу.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. А. Мухин

ОРУДИЯ ЛОВА ФАЗАНА В МАНЬЧЖУРИИ¹

Солнце стояло в зените. Пронизывающий ветер переметал по полю языки желтой пыли вперемежку с грязным снегом. Промерзшая пашня давно уже покрылась рваными трещинами и иссушенная почва пылила.

Со стороны прилегающих к пашне дубняков, согнувшись, шел старик. Опушенная длинным собачьим мехом войлочная шапка, синяя поношенная куртка, латанные штаны и затасканные улы из свиной кожи выдавали в нем крестьянина-китайца с ближайшего хутора. Было видно, как временами он забирался в кромку зарослей и, присев на корточки, негнущимися пальцами выпутывал из петли замерзшего фазана. Дольше, чем обычно, ему пришлось задержаться у не успевшего еще задохнуться яркогоперого петуха. Короткая петля на шее мешала птице взлететь, и вслед за рывком вверх она с шумом ударялась о землю. Наконец, китаец схватил фазана за голову, подтянул к себе и привычным движением свернул ему шейные позвонки. Не торопясь, он вынул птицу из петли и подвязал на удавку к общей связке. Затем старик долго дышал на замерзшие пальцы, усиленно тер руки и только после этого оправил петлю, преградив ею узкий проход среди густого кустарника. С трудом выпрямившись, старик, кряхтя, поднял связку фазанов и двинулся дальше.

Таков был один из основных способов добычи фазана в Маньчжурии в 1920—1930-х гг. Обычно после уборки урожая и его обмолота, уже с наступлением зимних холодов, все физически здоровые и работоспособные мужчины уходили из деревни на отхожие промыслы. При наличии лошадей крестьяне-китайцы занимались перевозкой грузов, вывозили лес из тайги. Безлошадные шли лесорубами на лесные концессии или рабочими на стройки. Тысячи же крестьян, в основном старики, управившись с утра пораньше со своим немудреным хозяйством, занимались кустарными промыслами или охотой. Они ежедневно обходили расставленные в ближайших угодьях петли и настороженные ловушки. Вылавливалось все, что попадалось в эту примитивную снасть.

К добыче фазанов приступали поздней осенью. В примыкающих к пашням зарослях орешника или дубняка вырубалась длинная просека около метра шириной. Она тянулась вдоль кромки пашни, отступя от нее метров на пять — десять. Чем длиннее бывала просека, тем добычливее мог быть лов. Вырубленный кустарник укладывался вдоль просе-

¹ Автор, инженер по специальности, долгие годы жил и работал в Северо-Восточном Китае и попутно занимался изучением фауны и флоры страны. Публикуемый материал может представить интерес как для тех, кто занимается сравнительным изучением орудий охоты, так и для этнографов-китаеведов.

ки и со стороны пашни образовывал непроходимый для птиц завал. Через каждые полтора-два десятка метров между просекой и пашней делались искусственные проходы, в которых и устанавливались петли. На их изготовление шел любой подручный эластичный материал: отоженная проволока, крепкая бичева из лыка, конский волос, тонкая пеньковая веревка. Один конец ее привязывался к упругой толстой ветке, а второй, образуя петлю, настораживался с таким расчетом, чтобы нижняя часть ее располагалась на высоте 5—7 см над землей.

Высокая продуктивность ловли фазанов подобной, казалось бы примитивной, снастью обуславливалась прекрасным знанием повадок этой

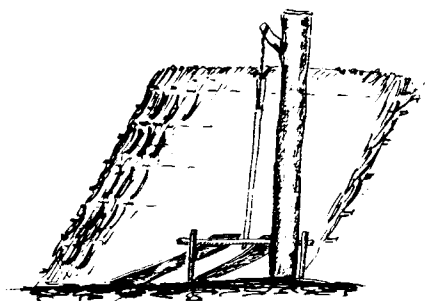

Рис. 1. Вид ловушки со стороны «насторожки» (плетеный щит показан условно). Рисунок автора

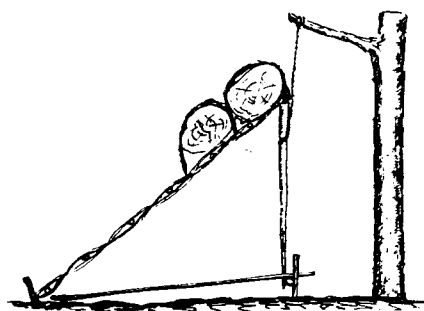

Рис. 2. Вид ловушки сбоку. Рисунок автора

птицы. Дело в том, что фазан поднимается на крыло только в крайних случаях: когда его застает врасплох четвероногий хищник или когда птица оказывается зажатой между врагом и каким-либо препятствием. В обычных же случаях фазаны предпочитают передвигаться по земле. С наступлением холодов фазан дважды в сутки выбегает в поисках кормов на пашни, чаще всего на соевые поля, где легко найти осыпавшиеся ярко-желтые зерна, оставшиеся после уборки урожая.

Пробираясь на кормежку, фазан сначала шел меж густого кустарника, где только что спал под пологом растительности. Выйдя на просеку и встретив завал, птица меняла направление и, чтобы найти более легкий выход, шла вдоль расчищенной полосы. Увидев первый же попавшийся просвет, фазан, как правило, нырял в искусственный проход и в большинстве случаев оказывался в петле.

Там, где пашни располагались далеко от кустарниковых зарослей или уречных лесов², фазанов добывали различными самодельными ловушками-давилками. Ловушки обычно устанавливались на солнцепеках, где собирались кормящиеся птицы.

В качестве приманки использовались крупные, яркие, бросающиеся издали в глаза семена сои или кукурузы. Для увеличения продуктивности лова китайцы обычно устраивали из семян своеобразные узкие дорожки, ведущие к ловушкам.

Наиболее распространены были настораживаемые щиты-давилки. Сам щит квадратный, площадью немногим более 1 или 1,5 м² плели из веток. Чаще всего использовались ивовые прутья. Плетеный щит устанавливали на пашне под углом 45° и удерживали в таком положении сторожком, подвязанным на веревочке к вбитому в почву колу. Горизонтальный прут, прижатый силой тяжести щита к двум вертикальным колышкам, удерживал второй конец сторожка невысоко над землей. На прутике помещали пару планок-язычков, а между ними насыпали зерно —

² Урема — древесно-кустарниковый лес, тянущийся вдоль поймы реки.

приманку. Чтобы щит стал тяжелее, ловушка срабатывала быстрее и была наверняка, сверху клали дополнительный груз.

Подошедшая к ловушке птица, увидев зерно, ныряла под щит и, собирая разбросанную приманку, непременно наступала на один из язычков. Своей тяжестью фазан сдвигал к земле горизонтальную палочку, и освободившийся щит с грохотом давил птицу.

Раз в сутки добытчик вынимал раздавленных фазанов, вновь настраивал ловушки и уже в фанзе придавая птице товарный вид. Он приводил в порядок оперение, наносил несколько уколов остро заточенным гвоздем или шилом так, чтобы снаружи появилась оттаявшая кровь (дичь-то должна быть добыта только огнестрельным оружием!), и даже вкладывал под кожу отдельные дробинки. В случае же если тушка оставалась плоской, делался новый прокол в области брюшка и через соломинку тушка надувалась воздухом. Так вновь замороженный фазан приобретал товарный вид. Подобная операция проводилась и с зайцами, распушенными давилками, предназначенными для их ловли.

В открытых безлесных районах Маньчжурии фазанов добывали самозахлопывающимися деревянными дужками и металлическими капканами. Однако этот способ не нашел массового применения по многим причинам. Во-первых, он требовал относительно больших затрат времени и средств на изготовление или покупку орудий лова; во-вторых, самозахлопывающиеся дужки часто перебивали птицам ноги, а металлические — и шею, что обесценивало продукцию. В-третьих попавшая в подобные капканы птица некоторое время лежала совершенно открытой и становилась легкой добычей четвероногих и пернатых хищников. И наконец, значительную часть капканов вместе с добычей утаскивали хищники.

Довольно широко практиковался лов фазанов с помощью опьяняющей приманки. Обычно с выпадением устойчивого снежного покрова и наступлением зимней бескормицы птицы тяготели к выдуваемым участкам пашни и начинали посещать тока. Китайские крестьяне при малоземельном хозяйстве во избежание потерь стремились как можно быстрее собрать урожай и свезти его поближе к своему жилью. Неомолоченную культуру укладывали в единый омет зерном вовнутрь и укрывали соломой. Тут же, на площадке, перед домом крестьянина проходил и ручной обмолот зерна. Тока всегда привлекали голодную малопуганую птицу, и обычно ранним утром фазаны бегали в поисках корма у самых фанз. Используя это, китайцы разбрасывали у тока замоченные в ханшине³ зерна или бобы сои. Нахватавшись хмельной пищи, фазаны засыпали безмятежным сном в близрастущих кустарниках. И тогда крестьянин, вооружившись увесистой палкой, собирал потерявших всякую осторожность птиц. Кроме того, в надежде на даровую добычу, хуторяне опутывали силками примыкающие к фанзе заросли кустарников. И очень часто, вспугнутые внезапным появлением человека, фазаны запутывались в этой примитивной снасти. Тут же, у тока, прямо из фанзы, фазанов убивали самодельными ружьями-чупазами.

Об использовании огнестрельного оружия пришлым китайским населением следует сказать особо. Дело в том, что в связи с постройкой КВЖД в Маньчжурию в 1900-х годах хлынула переселенческая волна из густонаселенных районов собственно Китая, состоявшая в основном из безземельных крестьян и батраков. Эта группа китайского населения никогда не занималась охотой и не имела навыков стрельбы из огнестрельного оружия. Да, собственно, ей негде и нечем было стрелять дичь. Вся жизнь переселенцев на родине была связана с вечными поис-

³ Ханшин — крепкая, 60-градусная водка из зерен местного вида сорго — гаоляна.

ками работы или обработкой своего клочка земли. И поэтому китайских переселенцев, обосновавшихся небольшими деревушками или мелкими хуторами, привлекала прежде всего дешево арендуемая земля. Тайга выжигалась, раскорчевывалась и превращалась в квадраты полей; на глазах менялся окружающий пейзаж, и вскоре некогда девственные, малохоженные лесные массивы сменились обширнейшими пашнями. Низкие закупочные цены, налоги, поборы и вечный спутник китайского крестьянина — бедность, полностью сосредоточивали его внимание и помыслы на земле, расширении посевов; о приобретении дорогостоящего охотничьего оружия нечего было и думать. Кроме того, оккупировав Манчжурию, японские власти запретили китайцам иметь огнестрельное оружие; за его хранение полагались суровые наказания. По этим причинам охота с огнестрельным оружием не нашла применения среди китайской части населения Маньчжурии.

И тем не менее владельцы отдельных хуторов, в основном в целях самообороны от мелких хунхузских шаек, грабивших население, и охраны урожая от кабаньих стад, вынуждены были заниматься кустарным изготовлением ружей-самоделок, прозванных чупазами (отсюда и родилось название охотников с таким ружьем — чупазники). Чупазы были чрезвычайно примитивны: длинный ствол из водопроводной трубы, привязанный проволокой к прикладу, огромный боек с наружным пистоном или палкой для закладывания спичечных головок (в качестве средства, воспламеняющего заряд). Оружие часто отказывало, и выстрел был затяжным. Стволы нередко разрывались и калечили людей.

Заряжались чупазы прямо со ствола. Первоначально на глазок из пригоршни засыпался черный порох — тот самый, который мешками продавался на базарах и шел на изготовление праздничных хлопушек и ракет. Затем забивали пыж из подручного материала: пакли, мятой травы или старой ветоши. Впрочем, многие чупазники обходились без пыжа и «дробь» засыпалась прямо сверху. «Дробью» служили и резаная на кусочки проволока, и рубленые гвозди, и камешки, и мелкие железки. Как исключение употреблялась чугунная дробь. Это были отходы мелкого кустарного чугунолитейного производства, самой немислимой формы с подтеками и хвостиками. Неудивительно, что убойная сила выстрела при подобном заряде была чрезвычайно слабой. Тем не менее заряженные чупазы тщательно хранились в потайных местах на отдаленных хуторах.

Охота с чупазами происходила прямо из фанз. Рано утром, пока в котле варилась на завтрак чумиза, а проголодавшиеся за ночь фазаны выходили из распадков и бегали у гумна, китайский крестьянин просовывал конец ствола в отверстие, сделанное в бумажной промасленной обклейке окна, и застыл в ожидании момента, когда соберутся в кучу несколько птиц. После громоподобного выстрела распаивалась дощатая дверь и на мороз выскакивало чуть не все население фанзы ловить подранков.

Применялся и старинный маньчжурский способ добычи фазанов с помощью ловчих птиц. Этот вид охоты был доступен лишь более зажиточным людям. Охотой с ловчими ястребами-тетеревиатниками занимались в основном маньчжуры. Эта охота довольно добычлива, так как ястребы берут фазанов не только на лету, в угон, но и на земле. Кроме того, ястребы более выносливы, чем соколы, легче вынашиваются, более вертки, настойчивы и прекрасно работают среди древесно-кустарниковой растительности, где предпочитают держаться фазаны. Во время охоты с ловчими птицами фазанов обычно «вытапывали» с собакой или большой группой охотников, заставляя их подниматься в воздух. После этого снимался колпачок, надетый на голову ловчей птицы. Увидя добычу, хищник взмывал в воздух. Фазан старался скрыться в зарослях и затаиться у земли. Если растительность была сравнительно редкой, то

острые когти хищника непременно достигали своей жертвы. Если же до фазана невозможно было добраться, ястреб взлетал на ближайшее дерево и всматривался, ожидая появления птицы. Как правило, в этом случае поднять фазана на крыло было невозможно, и при наличии собаки участь затаившейся жертвы была решена.

Численность фазанов в Маньчжурии была огромной. Однако количество птиц резко колебалось по годам, что было обусловлено урожаем зерновых, характером протекания весен, сроками наступления наводнений в периоды муссонных дождей и количеством выпадавшего снега. В конце 30-х годов численность фазанов стала резко сокращаться вследствие систематического сбора яиц и широко распространившегося хищнического добывания птиц, в том числе с помощью отравленных приманок.

Продажа фазанов давала крестьянам стабильный добавочный заработок. Обычно недельную добычу относили к лавочнику-скупщику; как правило, она попадала за бесценок в цепкие руки купца в счет неумещающегося долга. Существовала целая система искусственного занижения закупочных цен при приеме фазанов от крестьян, прежде всего от крестьян-должников. По кабальным условиям долговых обязательств должник обязан был покупать все необходимое у своего «благодетеля» и ему же продавать свою продукцию. Случаи продажи на сторону, как правило, вскоре становились известными, и купец тут же применял меры, приводившие порой к окончательному разорению крестьянина. Причин же попасть в долговую кабалу было множество: весенняя засуха, летние наводнения, падеж кормилицы-лошади и, конечно, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

Скупочные цены на фазанов снижались также вследствие разделения между скупщиками «сфер влияния»; каждый из них действовал в своем районе и не имел здесь конкурентов. Крестьянин мог сбыть фазанов только определенному лицу. И, конечно, скупщик, жалуясь то на низкие цены на рынке, то на якобы понесенные им убытки от выбракованных фазанов, старался платить гроши.

А выбракованных фазанов действительно бывало много. В первую очередь за счет «манипуляций» со стороны добытчиков: искусственное увеличение веса фазанов за счет накачивания замораживаемой птицы водой, подшивания оторванных давилками голов и «ремонта» переломанных орудиями лова ног. Неудивительно, что, используя это обстоятельство, скупщики еще больше понижали расценки на замороженную дичь.

Экспорт фазанов был выгодным делом. В городах и крупных поселках Северо-Восточного Китая существовала целая сеть перекупщиков и иностранных представительств, занимавшихся выколачиванием из Маньчжурии пушнины, дичи, лекарственного сырья животного и растительного происхождения, сельскохозяйственных продуктов и прочих даров природы.

Основная масса добытых фазанов перерабатывалась в Харбине. Птицы тщательно сортировались, подбирались по парам (курочка и петушок) так, чтобы общий вес их был не ниже 2 кг 300 г. Их аккуратно обертывали упаковочной бумагой, укладывали в фирменные ящики по 12 пар в каждый и хранили в холодильниках до начала экспортного сезона.

По официальным данным таможен в Европу, Америку и Австралию на рефрижераторных судах экспортировалось от 595 тыс. штук фазанов (в зимний период 1936—1937 гг.) до 341 тыс. штук (в сезон 1938—1939 гг.) Кроме того, огромное количество дичи, не поддающееся учету, поступало на внутренний рынок Маньчжурии. Можно предположить, что общая численность добываемых фазанов превышала 1 млн. штук в год; 97—98% их добывалось описанными выше способами.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В 1973 ГОДУ

С 2 по 4 апреля 1974 г. в Москве проходила сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических работ в 1973 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР и Институтом этнографии АН СССР.

Сессия открылась вступительным словом академика-секретаря Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбакова. Впервые, в отличие от всех предшествующих, в сессии 1973 г. не приняли участие археологи.

На сессии Отделения истории АН СССР были заслушаны доклады Б. А. Рыбакова, Ю. В. Бромлея и Ю. В. Арутюняна.

Доклад Б. А. Рыбакова (Москва) «Макрокосм в микрокосме народного искусства» был посвящен, во-первых, воссозданию эволюции картины мира от первобытности до средневековья, во-вторых, отражению этого макрокосма в искусстве и быту. Докладчик подчеркнул большую научную ценность семантического анализа этнографических и фольклорных материалов. Анализ археологических данных позволяет указать точное время и стадию развития общества на каждом этапе космогонических воззрений. Примерно в мезолите появилось представление о двух ярусах мира — небесном (небесные олени) и земном. Земледельцы энеолита подразделили небесный ярус, выделив «верхнее небо» с запасами дождевой воды. В бронзовом веке возникла трехчленная картина мира: небо, земля и подземный мир, картина, сохранившаяся в народных представлениях до XVIII—XIX вв.

Этнография восточных славян, по мнению докладчика, сохраняет нам фрагменты всех стадий представлений о макрокосме: гуцульские писанки с двумя небесными оленями восходят к охотникам каменного века, а представление о пути солнца по небу и по подземному океану отражено во множестве сюжетов народного искусства. Наиболее полным отражением общей картины мира в бытовом микрокосме являются прялки, с которыми связан целый ряд представлений о жизни: «нить жизни», «судьба-пряжа». Прялки, как правило, содержат комплекс солярных знаков, изображающих суточный круговорот солнца. Средняя часть плоскости прялки отведена нередко бытовым сюжетам: это жизнь людей, земля, вокруг которой движется солнце. Докладчик считает, что семантика народного искусства — важный раздел науки, позволяющий восстановить развитие представлений о мироздании и заглянуть в «философию первобытности».

В докладе Ю. В. Бромлея (Москва) «Основные направления этнографических исследований в АН СССР в послевоенные годы» были рассмотрены основные аспекты историко-этнографических исследований, активно развернувшихся в АН СССР в послевоенные годы. Автор начал доклад с истории создания Института этнографии, рассказал о развертывании Институтом экспедиционных работ, о подготовке научных кадров, координации научной деятельности в масштабах страны, об огромном значении для развития этнографической науки создания в первые послевоенные десятилетия многотомной серии «Народы мира». После этого Ю. В. Бромлей остановился на главных направлениях этнографических исследований: этнической истории народов, их этногенезе; историко-монографических исследованиях по отдельным народам; изучении

различных компонентов традиционной культуры, одной из важнейших форм фиксации которых являются историко-этнографические атласы; изучении народного художественного творчества, религии, нравов, обычаев, обрядов; этнолингвистических исследованиях; разработке проблем первобытной истории.

Особое внимание в докладе было уделено проблеме изучения современных этнических и культурно-бытовых процессов, в разработке которой должны принять активное участие этнодемографы, этносоциологи и этнопсихологи. В заключение Ю. В. Бромлей отметил как положительное явление расширение в послевоенные годы международных связей советских этнографов, участие их в международных конгрессах антропологов и этнографов и рост международного престижа советской этнографии.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Исследование процессов социально-культурного развития и сближения наций в СССР» подводились некоторые итоги широкого этносоциологического исследования, проводимого сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. Цель его — вскрыть закономерности социально-культурного развития советских наций, выявить сходство и специфику в этнических процессах, происходящих под влиянием научно-технической революции у народов СССР. Докладчик отметил, что в осуществлении исследования выделяются два основных этапа: 1) проведение локального исследования в Татарии, итоги которого обобщены в монографии «Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования»; 2) сбор и обработка материалов по единой программе и методике, осуществляемые по всему Союзу (по некоторым регионам — РСФСР, Грузия, Молдавия — эта работа уже завершена). Полученные результаты позволяют решить ряд новых теоретических и практических проблем.

На первом заседании Ученого совета 2 апреля было заслушано 5 докладов. В двух из них рассматривались проблемы этногенеза. Это доклады В. К. Бондарчика и Л. И. Лаврова.

Значительная часть доклада В. К. Бондарчика (Минск) «К проблеме этногенеза белорусов» была посвящена критике теории «балтского субстрата», выдвинутой в последние годы В. В. Седовым. Докладчик подчеркнул, что преувеличение этнокультурных связей славян и балтского этноса, возведение этих связей в ранг субстрата привели В. В. Седова к ошибочным выводам о значительной роли «балтского субстрата» в формировании белорусского народа. По мнению докладчика, В. В. Седов недоучитывает славянское этнокультурное влияние на литовский народ. А о нем свидетельствует хотя бы тот факт, что на первых этапах своего исторического существования Великое княжество Литовское в качестве официального языка пользовалось древнерусским или старобелорусским языком. Формирование белорусского народа, подчеркивалось далее в докладе, происходило не в результате простого слияния племен, а на основе уже существовавшей древнерусской народности. Культура и язык белорусов сохранили многие древнерусские и даже общеславянские элементы, а сходство некоторых этнолингвистических особенностей литовцев и славян восходит к периоду балто-славянского языкового единства.

Л. И. Лавров (Ленинград) в своем докладе рассматривал проблему этногенеза горских народов Кавказа преимущественно в методическом плане. Именно в ошибках методического характера, по мнению автора, кроются главные причины слабой изученности проблемы происхождения кавказских горцев. К такого рода ошибкам докладчик относит, в частности, подмену палеоантропологических материалов данными антропологических наблюдений над современным населением, отсутствие прочной основы для этнической характеристики археологических памятников, использование в качестве исторического источника поздно возникших этнографических явлений и фольклорных произведений, поспешное отнесение непонятных языковых явлений к субстрату и, наконец, произвольное толкование письменных документов. В качестве второй, столь же существенной причины недостаточной изученности проблемы этногенеза горских народов Л. И. Лавров указал на недостаток необходимых для исследования источников.

В докладе намечены конкретные пути, по которым, по мысли автора, должны вести этногенетические исследования горских народов Кавказа. Для Дагестана это, в частности, расширение круга сравнительно-лингвистических исследований и создание

серии историко-этнографических монографий; для чеченцев и ингушей это исследование этнокультурных связей с Тушетией и даже Урарту; для адыгов — пересмотр давно утвердившейся в исторической науке точки зрения о происхождении адыгов от меотов. Касаясь проблемы этногенеза осетин, Л. И. Лавров отмечает необходимость дальнейшего исследования в этногенезе осетин роли кавказского компонента, вторичные явления которого ошибочно воспринимаются исследователями как изначальные.

Н. В. Кочешков (Владивосток) зачитал доклад «Декоративное искусство кочевников Евразии как исторический источник (на примере монголоязычных народов XIII — середины XX в.). Постановка проблемы и методика исследования». Материалы доклада позволяют говорить о связях декоративного искусства монголов с искусством народов Сибири, Средней Азии и Юго-Восточной Азии.

В докладе И. М. Золотаревой (Москва) «Антропологическая дифференциация народов Средней Сибири и Центральной Азии (по материалам исследований в Сибири и Монголии)» на обширном антропологическом материале (автор провела исследование около 60 групп различной этнической и территориальной принадлежности) был показан распад центральноазиатской расы на несколько субвариантов, приуроченных к разным этносам и ареалам, а также существование на севере Сибири древних реликтовых антропологических комплексов, связываемых прежде всего с нганасанами и юкагирами.

В расогенетическом отношении заслуживает внимания положение автора о том, что байкальская (палеосибирская) раса и центральноазиатская хронологически весьма различны, генезис их проходил неодновременно и центральноазиатскую группу вариантов следует считать более поздним расовым комплексом по сравнению с байкальской расой.

Доклад Д. Д. Тумаркина (Москва) «Хозяйство и материальная культура населения атолла Фунафути» был основан на полевых материалах, собранных во время экспедиции на научно-исследовательском судне АН СССР «Дмитрий Менделеев» и сопровождался показом цветных диапозитивов. Автор охарактеризовал основные занятия современных фунафутийцев, их жилище, пищу и одежду, показал соотношение натурального и мелкотоварного укладов в местной экономике. В связи с прогрессирующим распадом традиционной общинной организации перед жителями этого атолла, как и многих других островов Океании, остро стоит вопрос о путях дальнейшего социально-экономического развития.

На втором заседании Ученого совета 4 апреля было заслушано пять докладов.

В докладе Р. Ф. Итса и И. У. Самбу (Ленинград) «Исследование этносоциальных изменений в связи с перемещениями коренного населения в рамках крупномасштабных строек СССР» был поднят вопрос о необходимости проведения широких этносоциальных исследований в тех районах СССР, население которых будет переселено в связи с осуществлением различных крупномасштабных строек. В новых поселениях, где будут нарушены традиционная культура и быт, произойдут существенные этносоциальные перемены, последующее изучение которых позволит прогнозировать результаты сдвигов в этническом и социальном аспектах при сходных будущих перемещениях населения в других районах страны.

В докладе Ю. Г. Гошко и Р. Кирчива (Львов) «Некоторые вопросы современного этнографического исследования украинского населения Карпат» были рассмотрены три взаимосвязанные проблемы историко-этнографического изучения украинского населения Карпат. Первая — необходимость более глубокого исследования этнографических групп, населяющих северные склоны Карпат. Вторая — правомерность отдельного изучения материальной и духовной культуры населения Закарпатского высокогорья и смежного с ним украинского населения северных склонов Карпат. Докладчики отметили, что в прошлом такая практика была обусловлена принадлежностью галицийских и закарпатских украинцев к различным государственным образованиям. Но и тогда прогрессивные ученые, исходя из конкретных исследований, указывали на этническую общность закарпатских украинцев и всего украинского народа.

Третья проблема — освещение некоторых аспектов этногенеза населения украинских Карпат. В докладе отмечалось, что при изучении проблем так называемой валашской колонизации и восточнороманского влияния на культуру и быт украинского населения Карпат, занимающегося скотоводством, необходимо учитывать данные целого комплекса исторических наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики.

В докладе Г. Л. Хитъ (Москва) «Расовая дифференциация населения СССР (соматологический и дерматоглифический аспекты)» были подведены основные итоги интенсивного изучения кожного рельефа ладоней у народов СССР за последние 10 лет. Данные дерматоглифики рассмотрены в соответствии с расовым составом населения страны. Автор выявил ряд закономерностей, свидетельствующих о далеко зашедшей дивергенции двух основных расовых стволов, фиксируемой кожным рельефом. Население Средней Азии, в целом тяготея более к населению Европы и Кавказа, обнаруживает также особенности, связанные с отчетливым проявлением монголоидного компонента. Внутри крупных систематических подразделений отмечаются морфологические группировки, являющиеся непосредственным отражением имевших здесь место исторических процессов.

Сообщение В. И. Наулко (Киев) «Этнографические экспозиции в музеях США», сопровождавшееся показом диапозитивов, информировало участников сессии о работе Музея природы и истории в Чикаго.

В докладе заместителя директора Лейпцигского музея этнографии В. Гартвига были обобщены результаты трех этнографических экспедиций к индейцам Перу. Автор рассказал об индейских сельских общинах, их социально-экономическом развитии, коснулся ряда проблем, в частности, развития школьного образования у индейцев. Доклад был иллюстрирован цветными диапозитивами.

В заключительном слове Ю. В. Бромлей, подводившем итоги сессии, был вновь затронут вопрос о задачах современной отечественной этнографии. Этнос во всех его проявлениях — вот объект исследования этнографии, подчеркнул Ю. В. Бромлей, и пока существуют народы, этнография будет функционировать как полноправная наука. Что касается предметной стороны исследования, то современная этнография изучает прежде всего традиционные явления, которые в наши дни довольно быстро исчезают. Такое исчезновение традиционного не означает, однако, исчезновения всякого своеобразия, специфики этноса. В наше время эта специфика перемещается из сферы материальной в сферу духовной культуры. Кроме того, современная этнография исследует этнические явления в их современных проявлениях.

Помимо пленарных заседаний ученые работали в восьми секциях. Пять из них были региональными, три — тематическими. В докладах на секциях были отражены направления полевых исследований этнографов, фольклористов, искусствоведов и антропологов союзных и республиканских учреждений.

На двух заседаниях секции «Этнография восточнославянских народов» присутствовало 30 человек, было заслушано 8 докладов. Большая часть из них была посвящена вопросам материальной культуры. В. А. Липинская (Москва) в докладе «Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири» выделила три основных типа усадьбы (с вариантами) данной локальной группы русского народа, существование которых автор связывает с различиями в составе населения, в хозяйственной деятельности и в природных условиях края. В докладе О. Р. Будины (Москва) «Жилище в Приазовском районе Запорожской области УССР (по материалам экспедиции 1973 года)» было рассмотрено жилище неоднородного в этническом отношении населения этого района и отмечены черты как общие для жилища всех селений района (характер строительного материала, строительная техника, конструкция жилого дома), так и свойственные жилищу отдельных этнических групп (планировка дома, его интерьер, устройство отопительной системы). Об основных типах отопительных сооружений в жилищах X—XIV вв. на территории Молдавии рассказал И. Г. Хынку (Кишинев). Принципам этнографической классификации народных пахотных орудий на примере материалов Украины был посвящен доклад В. Ф. Горленко (Киев). В докладе В. В. Миронова (Киев) говорилось о развитии традиционных элементов народного костюма украинцев Полесья в современной одежде.

Два доклада были посвящены проблемам брака и семьи. Е. П. Бусыгин и Н. Н. Зорин (Казань) в докладе «Традиционная свадьба у русского населения Татарской АССР» рассказали об анкетном методе изучения свадьбы, дающем возможность, с одной стороны, выявить локальные особенности свадебного комплекса, а с другой — получить количественные показатели о степени сохранности различных его элементов, а также судить об изменении свадебной обрядности за советский период. Материалы обследования дают возможность установить зависимость степени сохранности

элементов традиционной свадьбы от социальной принадлежности, уровня образования и квалификации брачащихся. О конкретно-социологическом исследовании семьи говорилось в докладе Э. Р. Соболенко (Минск) «Структура современной сельской семьи (по материалам Белорусской ССР)».

Доклад «Украинское население в Молдавии в XIX — начале XX в.» прочитал В. С. Зеленчук (Кишинев). Автор подчеркнул, что длительные этнокультурные контакты между молдаванами и украинцами обусловили взаимовлияния в культуре этих народов.

В работе секции «Этнография народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера» участвовало 28 человек. На трех заседаниях было заслушано 10 докладов по различной проблематике. Два из них были посвящены исследованию современных этнолингвистических процессов. Доклад Н. С. Шалаяева (Саранск) «К вопросу о двуязычии мордвы» был построен на материалах переписей 1926, 1959 и 1970 гг. Р. А. Григорьева (Москва) в докладе «Сельское белорусское население Латгалии (характеристика языковой ситуации)» на основе обобщения результатов этносоциологического обследования рассмотрела вопрос о функциональной роли родного (белорусского) языка в жизни этой части белорусского этноса.

В трех докладах были отражены вопросы, касающиеся современной семьи: И. Н. Смирнова (Казань) — «Структура современной марийской сельской семьи» (доклад основан на материалах посемейного анкетного обследования), В. Д. Шарова (Йошкар-Ола) — «Межнациональные браки и семьи в сельских районах Марийской АССР» и В. Калитс (Тарту) — «Современный эстонский свадебный обряд».

Проблемы этнической истории народов рассматривались в докладах Г. О. Авляева (Элиста) «Опыт анализа этнического состава калмыцкого населения Астраханской губернии на рубеже XIX—XX вв.» и Т. В. Лукьянченко (Москва) «Полевые исследования в Мезенском районе Архангельской области». В ее докладе дана характеристика своеобразной группы европейских ненцев и высказаны некоторые соображения об их происхождении.

Изучению материальной культуры были посвящены доклады А. Г. Симонова (Йошкар-Ола) «Особенности развития кучевого плана сельских населенных пунктов народов Среднего Поволжья», в котором автор использовал обширный картографический и полевой материал, и И. И. Демидовой (Чебоксары) «К вопросу о влиянии русской культуры на материальную культуру чувашей в период капитализма (1861—1917 гг.)».

В докладе Р. Г. Мухамедовой (Казань) был дан исторический обзор этнографического изучения татарского народа. Особое внимание было уделено исследованиям, проведенным в республике за годы советской власти. Автор подчеркнула, что одна из важных проблем татарской этнографии на современном этапе — изучение современных этнических процессов и создание научной базы для историко-этнографического атласа.

В работе секции «Народы Средней Азии и Казахстана» принимало участие около 30 человек. Было заслушано 17 докладов, в которых рассматривались вопросы этнической истории, общественного строя, материальной культуры, верований, обрядов и народных праздников. В докладах Н. Н. Ершова, Ф. Д. Люшкевич и Б. Х. Кармышевой, посвященных этнической истории, были широко использованы этнографические данные для исследования проблем этногенеза и этнокультурных связей народов Средней Азии и Казахстана. Доклады эти были заслушаны на первом заседании секции.

Н. Н. Ершов (Душанбе) в докладе «К вопросу о сложении населения Каратага» подчеркнул, что, по данным материальной культуры, обследованное им население Каратага в основном тяготеет к таджикам Самарканда и гораздо меньше — к таджикам юго-восточных районов республики. Этот вывод подтверждается и лингвистическими материалами.

Доклад Б. Х. Кармышевой (Москва) «Типы прядения и ткачества у народов Средней Азии» представляет собой первую попытку обобщения данных по прядению и ткачеству у народов Средней Азии и Казахстана. В распространении типов прядения и ткачества в пределах этих регионов автором выявлена определенная закономерность, обусловленная происхождением и историей формирования культуры каждого из народов и отдельных этнографических групп. Постановка этого доклада важна не только

с точки зрения разработки проблемы хозяйственно-культурных типов Средней Азии и Казахстана, но и вопросов этногенеза народов этой территории.

В докладе Ф. Д. Люшкевича (Ленинград) говорилось о некоторых особенностях этнического развития смешанного таджикско-узбекского населения Бухарской и Кашкадарьинской областей УзССР. Доклад был основан на полевых материалах автора.

В. П. Курылев (Ленинград) в докладе «К вопросу об общинных отношениях у казахов Восточного Казахстана (вторая половина XIX — начало XX в.)» рассказал об экспедиции 1973 г. в южные районы Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Полученные данные убедительно свидетельствуют о значительном влиянии на характер общинных отношений способов ведения хозяйства.

Доклад Н. В. Кочешкова (Владивосток), заслушанный на этом же заседании, был посвящен народно-декоративному искусству агинских бурят.

На втором заседании секции в основном были заслушаны доклады по вопросам хозяйства и материальной культуры. Это коллективный доклад Х. А. Аргынбаева, Х. А. Кауановой, Р. Д. Ходжаевой (Алма-Ата) «Направление и длина кочевых путей в Казахстане (конец XIX — начало XX в.)», доклады Т. Н. Смешко (Москва) «Ткани в одежде туркмен в конце XIX — начале XX в.», А. Н. Пиркулиевой (Ашхабад) «Женские головные уборы у туркмен Средней Амударьи в конце XIX — начале XX в.» и др.

Н. П. Лобачева (Москва) в докладе «Формы скотоводческого хозяйства у населения Ферганской долины (в пределах УзССР) к началу XX в.» выделяет несколько форм скотоводческого хозяйства, различающихся в зависимости от этнографической среды: стойлово-выгонное оседлое, пастбищное оседлое, отгонно-пастбищное оседлое, отгонно-пастбищное полуоседлое (полукочевое), горно-пастбищное кочевое или полукочевое.

В докладе Л. Ф. Моногаровой (Москва) «Этнографические особенности в молочном хозяйстве припамирских народностей в XIX—XX вв.» были приведены новые этнографические данные о местных традиционных способах сбивания масла, о типах маслобоек (деревянные и глиняные), способах хранения масла, о существовании женских артелей по изготовлению молочных продуктов и т. п. М. Хамиджанова (Душанбе) рассказала о молочном хозяйстве ягнобцев.

Третье заседание секции включало преимущественно доклады, характеризующие духовную культуру народов Средней Азии и Казахстана. В докладе А. Джикиева (Ашхабад) «Этнографические данные о туркменском празднике „новруз“» было дано описание этого праздника у различных групп туркмен Южного Туркменистана (занимавшихся в основном земледелием) и туркмен-текинцев, салыров, сарыков (у которых в зависимости от их занятий различался скотоводческий и земледельческий новруз).

Т. Ж. Атамуратов (Москва) выступил с докладом «Изучение семейно-бытовых традиций городского населения Каракалпакии». Автор доложил предварительные итоги этносоциологических исследований, проведенных им в 1973 — начале 1974 г. в городах Каракалпакии. Полученные материалы в основном характеризуют родильные, свадебные и похоронно-поминальные обряды. Менее всего, как подчеркнул Т. Ж. Атамуратов, традиционность сохраняется в родильных обрядах. Существенно изменилась за последние годы и свадебная обрядность. Так, полностью исчезла религиозная форма заключения брака — «неке». Изменения в похоронных и поминальных обрядах, устойчиво сохраняющих многие архаические черты, менее значительны.

Эта же мысль об устойчивости похоронных обрядов и сохранении в них многих архаических элементов была высказана в докладе А. Мардоновой (Душанбе) «Некоторые запреты в похоронных обрядах таджиков Файзабада».

Донсламским верованиям были посвящены доклады О. Муродова (Душанбе) «Представления об аджине у таджиков (по материалам долины Зеравшана)» и О. В. Обельченко (Москва) «О культе камня в древнем Согде (по материалам могильников)». Доклад И. Мухиддинова (Душанбе) был посвящен традиционной ирригации и земледелию в Южном Таджикистане в конце XIX — начале XX в. (по материалам Вахшской, Гиссарской и Нижнекафирниганской долин).

В работе секции этнографии Кавказа участвовало 38 человек. На трех заседаниях секции было заслушано 15 докладов, осветивших широкий круг вопросов. Это — этно-

социологические исследования традиционного и нового, изучение этнической истории, общественных форм, материальной культуры, религиозных верований.

Работа секции началась докладом В. К. Гарданова (Москва) «Этносоциологические исследования культуры и быта народов Кавказа». В 1972 г. сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР совместно с Кабардино-Балкарским и Северо-Осетинским НИИ было начато сложное исследование по проблеме «Новое и традиционное в культуре народов Кавказа». Эта проблема, подчеркнул докладчик, в той или иной степени и прежде находила отражение в кавказоведческой этнографической литературе. Однако исследование, начатое на Северном Кавказе, представляется принципиально новым прежде всего с методической точки зрения. Это первое массовое этнографическое обследование сельского населения, основным инструментарием которого был этносоциологический вопросник.

Этнической истории народов Кавказа были посвящены доклады Г. В. Цулая (Москва), А. В. Гадло (Ленинград), Ш. Д. Инал-ипа (Сухуми). Цулая в докладе «Обезы» по русским источникам» привел некоторые ранее неизвестные материалы, подтверждающие уже существующую в исторической литературе точку зрения на «обезов» русских источников XI—XII вв., как грузин.

Доклад А. В. Гадло «Новые материалы к этнической истории Центрального Предкавказья» отражал добытые им совместно с другими археологами (путем сплошного обследования) сведения о поселениях на территории между реками Егорлык, Кумой и правобережьем Кубани. Хронологически докладчик относит эти поселения к VII—VIII и первой половине X в. и считает возможным связывать их не с аланами, а с болгарами.

Проблема этнокультурных связей Западного Кавказа и Малой Азии получила отражение в докладе Ш. Д. Инал-ипа. Такого рода связи прослеживались докладчиком на примере термина «уашхо», известного среди адыгов, убыхов, абхазов и дигорцев в значении «бог», «клятва» и распространенного не только на Кавказе, но и в Малой Азии среди протохеттов, что зафиксировано в надписях XV в. до н. э.

А. И. Робакидзе (Тбилиси) в докладе «К вопросу о значении термина „варг“ в сванском языке» дал анализ этого термина, зафиксированного в грузинских письменных источниках XI—XII вв. и означавшего промежуточную социальную прослойку между дворянами и крестьянами.

Тема религиозных верований получила отражение в докладах А. А. Одабашьян (Ереван) «Ареал распространения ритуальных огней, связанных с народными праздниками у армян» и И. М. Шаманова (Черкесск) «Реликты древнетюркского верховного божества в этнографической действительности карачаевцев». А. А. Одабашьян впервые на основе собранных ею литературных и полевых материалов сделала попытку картографирования ритуальных огней у армян. В докладе И. М. Шаманова были приведены новые этнографические данные о божестве Тейри, известном у карачаевцев и балкарцев. Как показали выступления по докладу, это же древнее божество в форме Тенгри известно у кумыков и населения северо-западного Азербайджана (Тангри).

Т. Бунятов (Баку) познакомил секцию с итогами этнографических работ в Азербайджане в 1973 г.

Проблемам материальной культуры народов Кавказа были посвящены доклады Э. Т. Карапетян (Ереван) «Основные типы мужских головных уборов у армян», В. Х. Тменов (Орджоникидзе) «Некоторые итоги изучения позднесредневековых историко-архитектурных памятников Восточной Осетии», Р. О. Варданяна (Ереван) «Газ (ханский аршин) как основная единица меры длины в Закавказье». Доклад С. И. Бахиа (Тбилиси) был посвящен структуре патронимической организации у абхазов. М. А. Меретуков (Майкоп) зачитал доклад «Свадебный обряд ввода невесты в „большой дом“».

Доклад Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «Традиционные скотопрогонные маршруты Армении и историко-культурное значение их изучения» был посвящен этнографической проблеме взаимовлияния культур различных этносов. Изучение скотопрогонных маршрутов, как отметил докладчик, важно и необходимо не только с точки зрения изучения хозяйственного быта того или иного народа, но и в плане исследования разнообразных этнических контактов. На этих маршрутах на протяжении длительного времени между народами, районами, селениями складывались и развивались многообраз-

ные взаимоотношения, в результате которых нередко возникали новые формы в хозяйстве, материальной культуре, языке (например, скотоводческая терминология).

В работе секции «Этнография Севера и Сибири» приняло участие около 40 человек. На трех заседаниях секции было заслушано 18 докладов.

Первым на секции был заслушан доклад В. И. Васильева (Москва) «Генезис дуальной организации сибирских ненцев и ее дальнейшая эволюция». Этнографические и исторические материалы, собранные в последние годы, дали возможность докладчику по-новому рассмотреть вопрос о происхождении фратриальной организации у ненцев. Как отмечалось в докладе, дуально-фратриальная организация сибирских ненцев сложилась в процессе их исторического формирования на основе взаимодействия южносамодийской экзогамной группы Кара (Харю) и аборигенов тундровой зоны Западной Сибири. Первые, оказавшись в отрыве от своих соплеменников, стали заключать браки с местными жителями, видимо, немногочисленными и поэтому вскоре ассимилированными пришлыми самодийцами.

Доклад М. Я. Жорницкой (Москва) «Народное хореографическое искусство береговых чукчей и эскимосов (по экспедиционным материалам 1973 г.)» был посвящен мало исследованной в этнографии области народного искусства. В настоящее время, судя по собиравшимся в 1971—1973 гг. материалам, танцевальное искусство народов Крайнего Северо-Востока сохраняет древнюю первооснову. Все танцы этих народов относятся к типу подражательных и могут быть разделены на игровые и обрядовые. Последние к настоящему времени сохранились только фрагментарно. Сюжетную канву обрядовых танцев в основном составляют рассказы об охоте на морского и пушного зверя. Записан также танец добывания огня, в котором участвовали только женщины. Игровые танцы, исполнявшиеся в любое время и по любому поводу, «для веселья», включают вольные импровизации и танцы со строго зафиксированным рисунком.

К докладу М. Я. Жорницкой тематически близок доклад И. А. Бродского (Москва) «К изучению юкагирской музыкальной культуры», познакомивший участников заседания с материалами, полученными во время работы Байкальско-Колымской музыкально-этнологической экспедиции Союза композиторов СССР, состоявшейся в 1973 г. Докладчик отметил, что подобное обследование, предпринятое впервые, дает представление о характере и жанрах юкагирской музыки, музыкальных инструментах юкагиров.

На втором заседании выступил также В. А. Никонов (Москва), рассказавший о вопроснике по сбору личных имен у народов Севера и Дальнего Востока, составленном И. С. Гурвичем, Б. О. Долгих, Т. В. Долгих и В. А. Никоновым, а также о развешиваемой Институтом этнографии АН СССР работе, связанной с изучением личных имен.

Р. Д. Бадмаева (Улан-Удэ) сделала доклад на тему «О связи женских свадебных украшений с культом огня у бурят».

На втором заседании секции В. П. Дьяконова (Ленинград) выступила с докладом «Поездка к теленгитам Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области (по материалам 1973 г.)». Эта этнографическая группа алтайцев до сих пор не была предметом специального этнографического изучения. Между тем, как показала рекогносцировочная поездка, обследование теленгитов необходимо с точки зрения фиксации сохранившихся у них до настоящего времени многих черт традиционной культуры. Так, у лиц старшего поколения полностью сохраняется комплект традиционной мужской и женской верхней одежды. Не исчезли из быта некоторые предметы шаманских культов. Отдельные традиционные элементы сохраняются в семейно-брачных отношениях и в хозяйственной деятельности теленгитов.

В докладе В. А. Туголукова (Москва) «Прошлое и настоящее чуванцев» рассматривалась история формирования этой этнографической группы, которую русские в XVII в. называли юкагирами. Вследствие ассимиляции этой группы русскими старожилами, а также чукчами и коряками к середине XIX в. образовались две группы чуванцев: оседлая, говорящая по-русски, и кочевая, говорящая теперь по-чукотски. В настоящее время этноним чуванцы сохраняется в качестве самоназвания у обеих групп, но в официальной статистике он уже не употребляется. В переписи 1970 г. оседлые и кочевые чуванцы соответственно учтены в составе русского и чукотского населения Анадырского района Чукотского национального округа.

Ч. М. Таксами (Ленинград) в докладе «Собаководство как ранняя форма хозяйства нивхов» познакомил участников заседания с новыми материалами о роли собаководства в жизни нивхов, а также привел сведения письменных источников о древних корнях нивхского собаководства.

На вечернем заседании были зачитаны также доклады А. В. Смоляк (Москва) «Новые материалы по религиозным верованиям нанайцев и ульчей», Н. В. Лукиной (Томск) «Об особенностях культуры восточных хантов» и Ю. А. Сема и Л. И. Сем (Владивосток) «Итоги фольклорных и этнографических исследований народов Дальнего Востока».

На третьем заседании участники секции заслушали семь докладов по различным вопросам исторической этнографии народов Севера и Сибири. В докладе З. П. Соколовой (Москва) «К изучению религиозных представлений у северных хантов», основанном на полевых данных, собранных автором в 1971—1973 гг. среди хантов рек Сыня и Куноват, приводились новые материалы о погребальных обрядах. Наиболее интересны сведения о куклах покойников — вместилищах душ умерших, которые свидетельствуют о том, что у хантов и манси существовали представления и обряды, связанные с культом предков, а также о соотношении антропоморфных изображений «вместилищ душ» с зооморфными изображениями.

В докладе Л. В. Хомич (Ленинград). «Культовые камни у ненцев и саамов» приведены новые материалы о почитании камней у названных народов. В докладе Г. Н. Грачевой (Ленинград) «Проявление возрастных категорий в погребальном обряде у нганасан» на основании этнографических данных сделана попытка реконструкции обрядов инициации, выполнявшихся при переходе из одной возрастной группы в другую.

Секцией были заслушаны также доклады Н. А. Томилова (Томск) «Пища башкирских татар», Р. К. Каменецкой (Ленинград) «Свадебный обряд у колымчан и индигирских» (Якутская АССР), Ю. А. Сема и В. В. Подмазкина «Маски удэгейцев». А. П. Хлобыстин (Ленинград) рассказал о новых археологических находках на Таймыре, которые позволили ему высказать предположение о путях заселения этого района самодийскими группами.

На двух заседаниях секции «Этносоциология» было прочитано восемь докладов. Доклад Ю. Б. Стракача (Новосибирск) «Этносоциология как метод познания этнических процессов современности», в котором был поднят вопрос о предмете этносоциологии и о ее связи с исторической этнографией, вызвал оживленную дискуссию по вопросу о соотношении этнографии и социологии. При обсуждении доклада Ю. В. Бромлей отметил разное понимание предмета этносоциологии в зарубежной и отечественной науке, а также указал на целесообразность выделения этносоциологических исследований, занимающих особое место в изучении современности. В. И. Козлов подчеркнул, что для определения специфики этих исследований необходимо обсудить особенности их методологии и методики. Этим вопросам были посвящены доклады Л. М. Дробизевой (Москва) «К вопросам методологии изучения межэтнических отношений» и М. Н. Губогло (Москва) «Вопросы методологии в исследовании этнолингвистических процессов».

В докладе Л. М. Дробизевой рассматривались методологические вопросы изучения межличностных национальных отношений. Она остановилась на значении этой темы для этнографов, выделила основные факторы макросреды и микросреды, влияющие на характер межэтнических отношений. Особое внимание докладчица уделила ситуации общения и изучению взаимодействия личности и общества в этнопсихологических исследованиях.

М. Н. Губогло отметил, что в исследовании современных этнолингвистических процессов «смещение акцентов с изучения языка на изучение употребления языка обязывает перенести в этнографию концепцию личности и концепцию общения».

А. В. Орлов (Киев) и В. И. Бойко (Новосибирск) в своих выступлениях рассказали о некоторых итогах и перспективах развития этносоциологических исследований, проводимых на Украине и в Сибири.

В двух докладах рассматривалась проблема расселения.

В. Н. Шамшуров (Москва) в докладе «Изучение социально-поселенческой структуры в этносоциологическом исследовании» рассказал о необходимости сочетания стати-

стического и социологического подходов к изучению сельских поселений, что дает возможность проследить влияние конкретных условий на социальные и этнические процессы.

Доклад А. Ю. Апситиса (Рига) был посвящен выяснению отношения современного латышского населения к проживанию на хуторах и в поселках в связи с ведущимся в республике переселением сельских жителей с хуторов в поселки.

Л. А. Тульцева (Москва) в докладе «К вопросу об изучении религиозности городского населения» показала некоторые тенденции в бытовании религиозных форм поведения среди городского населения на сравнительных материалах этносоциологического исследования в Молдавии и Грузии.

В работе секции «Фольклор и народное искусство» участвовало более 30 человек. 17 докладов, заслушанных на трех заседаниях секции, охватывали значительный круг вопросов. Это современное состояние народного поэтического творчества, судьбы традиционного фольклора, обрядов, история фольклористики и др.

В докладе Н. И. Савушкиной (Москва) «Фольклорные традиции на р. Вычегде» говорилось об итогах экспедиции МГУ 1973 г. в Ленский район Архангельской области. Докладчица подчеркнула, что сравнение записей Н. Ордина, сделанных в 70—80-х годах XIX в., с материалами, собранными экспедицией МГУ, показывает наибольшую распространенность, устойчивость и общность сюжетов с соседними Вычегде районами хороводных, плясовых песен, колядок, некоторых свадебных и протяжных лирических песен. Частушки в последнее десятилетие вышли из моды. Активно бытуют произведения детского фольклора (присказки, прибаутки, загадки).

Работе Могилевской южной фольклорной экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР был посвящен доклад К. П. Кабашникова (Минск) «Современное состояние белорусского устно-поэтического творчества в свете данных фольклорной экспедиции 1973 г.». В обследованных районах широкое распространение получили обрядовые песни весеннего цикла, жатвенные и семейно-обрядовые. Записаны были также варианты традиционных песен, исполнявшихся во время Великой Отечественной войны как партизанские. В настоящее время они воспринимаются слушателями именно в этом качестве.

О широком использовании традиционных фольклорных произведений в современном свадебном обряде белорусов говорил А. С. Федосик (Минск). Однако, как отметил докладчик, функции традиционного фольклора изменились: тесная прежде взаимосвязь свадебного обряда и песни ослабела, преобладающей стала художественно-эстетическая функция фольклора.

Современному состоянию фольклора сету, народности, живущей в юго-восточной части Эстонии и частично в Псковской области, был посвящен доклад К. Салве (Тарту). Фольклорные экспедиции последних лет сделали у сету свыше 800 звукозаписей (песни, сказки и др.), провели кино съемки игр, танцев, обрядов. Как сообщила докладчица, среди сету до сих пор сохранились древние рунические песни, забытые в большинстве других районов Эстонии, и старинные обрядовые песни.

Второе заседание секции было посвящено традиционному и современному народному искусству. На нем были заслушаны доклады Н. В. Мальцева (Ленинград) «Народное искусство Коношского района Архангельской области», Н. Т. Климовой (Москва) «Народный костюм Горьковской области», И. Я. Богуславской (Ленинград) «О художественном своеобразии тульской глиняной игрушки», В. А. Гудака (Львов) «Искусство гончаров Винницкой области». С. В. Савина (Львов) «Художественная обработка дерева в народном строительстве в Полесских районах Украины», А. А. Трофимовой «Композиция узоров Чувакской вышивки».

С. Б. Рождественская (Москва) в докладе «Декор жилища южнорусских областей и Поволжья» отметила существование нескольких линий в развитии декора сельского жилища названных районов. Первая линия — сохранение в декоре традиционных элементов, вторая — возникновение в нем новых элементов, третья — взаимовлияние декора городского и сельского жилища, четвертая — влияние на декор в этих районах художественных традиций народов Поволжья, в частности, татар.

На третьем заседании были заслушаны доклады Р. С. Липец (Москва) и М. А. Вавиловой (Вологда) о значении объединения фондов отдельных крупных собирателей, хранящихся в разных архивах, и о методике подготовки их к изданию

(на примере фольклорно-этнографического наследия И. В. Костоловского и М. Едемского).

На трех заседаниях антропологической секции было прочитано 16 докладов, отражавших исследования последних лет в области этнической антропологии.

В докладе В. В. Бунака и Т. Л. Никифоровой (Москва) была дана предварительная характеристика потомков немецких колонистов в Алтайском крае по демографическим, соматическим и другим признакам, а также рассмотрен вопрос о соотношении консангинности и межпопуляционной изменчивости.

А. П. Пестряков (Москва) в докладе «Антропологическое исследование юго-востока Средней Азии» на основе данных о 18 группах современного населения Таджикистана и Узбекистана выделил два варианта расы Среднеазиатского междуречья — «северный» и «южный».

Четыре доклада были посвящены серологическим исследованиям. Ю. Д. Беневоленская (Ленинград) в докладе «О группах крови потомков западноевропейских колонистов в Алтайском крае» выявила специфику исследованной группы, заключающуюся в тенденции к изогаметации, которая прослеживается по системам ABO, MN и Rhesus. А. А. Воронцов (Москва) в докладе «Геногеография систем сбалансированного полиморфизма на территории СССР» рассказал об исследовании важных ферментативных систем человека и геногеографии некоторых патологий на территории ряда районов СССР. А. Исмагулов (Алма-Ата) в докладе «Серологические исследования среди казахов» изложил результаты многолетнего исследования современных казахов, подтверждающие промежуточное положение их между европеоидной и монголоидной большими расами по ряду серологических систем. А. И. Микulich (Минск) сделал доклад «Сывороточный антиген Gm(I) у белорусов Восточного Полесья». На обширном поле-вом материале он обнаружил аналогии в частоте признака у белорусов Восточного Полесья, поляков, болгар, русских, т. е. у представителей славянских народов.

Одонтологическая проблематика рассматривалась в докладах Н. И. Халдеевой (Москва) «Одонтологические исследования на Дальнем Востоке», Ю. Н. Ушакова (Киев) «К стоматологической заболеваемости древнего и средневекового населения территории УССР», Н. М. Рудь (Москва) «К антропологии сельского населения Волжской Болгарии (по материалам раскопок 1972 г. Измерского могильника XI—XIII вв. в Татарской АССР, Куйбышевский район)», Т. С. Сурниной (Москва) «К вопросу о тавродонтизме». Н. И. Халдеева впервые провела одонтологические исследования в аборигенных группах населения на Дальнем Востоке. Она отметила мозаичность распределения одонтологических признаков в изученных группах, среди которых эвенки и удэгейцы отмечаются своеобразным комплексом. Ю. Н. Ушаков рассмотрел вопрос патологии зубной системы за период от неолита до позднего средневековья и констатировал ее нарастание. Н. М. Рудь, проведя комплексное (краниологическое и одонтологическое) изучение материалов могильника, пришла к выводу о наличии особого одонтологического комплекса, сочетающего признаки восточного и западного расовых стволов. Т. С. Сурнина, исследуя асимметрию распределения вариантов морфологического строения пульповой камеры зубов человека, попыталась установить критерий диагностики тавродонтизма.

Темой доклада Г. М. Давыдовой (Москва) «Изменения популяционной структуры сосывинских манси за последние десятилетия» послужили антропологические генетико-популяционные исследования среди трех групп манси. Докладчица выделила три популяции по величине брачного круга, констатировала полное изживание фратриальной системы браков и заметное сокращение генофонда по сравнению с XVIII в.

В докладе Л. И. Тегако (Минск) «Антропологический состав населения Поозерья и этносоциальные закономерности его формирования» рассматривались демографические показатели в свете современных этнических процессов и динамика межнациональных браков на территории Белоруссии.

Четыре доклада были посвящены палеоантропологическим и краниологическим исследованиям. Н. Н. Мамонтова (Москва) в докладе «Палеоантропологические данные с территории МНР» четко разделяет краниологические типы населения Восточной и Западной Монголии. А. Б. Радзюк (Ленинград) прочитала доклад «Рентгено-морфологические исследования территориальных вариаций внутреннего строения длинных костей». В результате проведенного ею исследования в различных этнических группах со-

временного населения установлено тождество в толщине кортикального слоя кости.

Р. М. Касимова (Баку) в докладе «Новые антропологические данные к этногенезу азербайджанского народа» затронула вопрос о влиянии формы национальной костьбели на формирование черепа. В докладе С. И. Круц (Киев) «Антропологические особенности населения поздней бронзы территории Украины» отмечалась однородность антропологического состава населения Украины в эту эпоху.

В работе секции приняло участие около 50 человек. Присутствовавшие с удовлетворением отметили комплексность и многоплановость проведенных в прошедшем полевом сезоне антропологических исследований.

Н. Г. Волкова, А. Е. Тер-Саркисянц

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1973 г. в Нейском районе Костромской области работал экспедиционный отряд фольклорно-этнографического кружка при Институте этнографии АН СССР (Ленинградское отделение). В кружке занимаются люди различных профессий, интересующиеся фольклором и этнографией. Руководила экспедицией научный сотрудник Института этнографии Г. Г. Шаповалова. Члены экспедиции собирали фольклорный материал для историко-этнографического атласа «Русские, том II. Обряды», над которым работает Восточнославянский сектор ИЭ АН СССР. Они обследовали 14 сел и деревень в радиусе 60 км от г. Нея.

Были сделаны 45 записей свадебных и 36 календарных обрядов, 76 свадебных причитаний, 3 похоронных плача, 13 окликаний Горя, 28 песен и др.

Особый интерес представляют записи «порошковых» песен, певшихся на вечеринках перед приходом парней, а также егорьевских и свадебных обрядов.

Во время экспедиции были сняты на фото- и киноплёнку некоторые исполнители и инсценировки отдельных моментов свадебного обряда.

Г. Г. Шаповалова

* * *

В июне 1973 г. сотрудники Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства Ю. Ф. Лашук, С. В. Савин и И. В. Сторонянский выез-

жали в полесские районы Волынской и Ровенской областей с целью изучения приемов оформления народного жилища.

Обследовав села Рокитнянского, Сарненского, Дубровицкого, Зареченского, Старо-Выжевского и Камень-Каширского районов, участники экспедиции установили, что в наше время в оформлении жилых построек этих районов преобладают традиционные декоративные мотивы и решения. Некоторые приемы декоративного оформления в ряде случаев представляют несомненный художественный интерес. Украшаются чаще всего фронтоны хат, оконные наличники, крылечки («ганки»), карнизные доски, коньки крыш, ворота сараев и других подсобных помещений, а также калитки и ворота.

Приемы декоративного оформления в Волынской и Ровенской областях различны.

Так, в районах Ровенского Полесья вся плоскость фронтона украшается досчатым узором, в декоре оконных наличников преобладает глухая резьба геометрического характера. В районах же Волынского Полесья фронтоны обычно украшаются резными карнизными досками и наличником чердачного окна; оконные наличники, как правило, украшаются пропиленной резьбой барочных очертаний.

Участниками экспедиции сделано около 150 зарисовок и фотографий, которые в настоящее время хранятся в фондах кафедры проектирования интерьера и мебели.

С. В. Савин

В июне 1973 г. комиссия львовских художников в составе Е. И. Графовой, В. И. Зинченко и В. А. Гудака обследовала гончарные центры Винницкой области — г. Бар и с. Лисовэ Барского района.

В г. Бар, где гончарные изделия перестали делать в 50-е годы XX в., у мастера А. Ф. Решетника были приобретены «вазка» (вазочка) и «гладушик» (кувшин), сделанные им в 1950-х гг.; кроме того, у него были сделаны акварельные зарисовки двух вазонов разной формы и росписи (на красном фоне белым ангобом нарисованы круговые линии, дуги, елочки, точки и т. д.). У гончара Ф. А. Решетника был приобретен «глечик» (кувшин), выполненный им в 1946 г. На черном фоне кувшина техникой фляндровой росписи красным ангобом как бы разбросаны круглые горохообразные пятна, покрывающие все изделие. Был зарисован также «збанок» (кувшин) гончара Ф. Врублевского. Кувшин желто-красного цвета, очень объемный в средней части.

В с. Лисовэ Барского района приобретено 14 керамических предметов: 13 мисок и один «глечичок» (кувшинчик). Все изделия выполнены местными мастерами в 30—40-х годах, фон у них желто-коричневый, оранжево-красный, вишневый и белый. Распи-

саны они белым, коричневым и зеленым ангобами и покрыты прозрачной глазурью. В этом селе у гончара Д. Л. Лукашенко получены данные о гончарном промысле и сделаны зарисовки выполненных им в 1969 г. «горщика» (горшка), «гладушика» и «друшляка», а также двух макитр, сделанных в 1970 г. Вещи неполитые, имеют желто-оранжевый фон, расписаны коричневым ангобом. Элементы декора — обводки, кривульки, точки, цветы, листья.

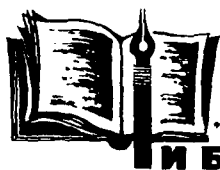
У гончара М. Д. Юкало зарисован акварелью богато декорированный вазон. В его верхней, средней и нижней частях на красном фоне в три ряда проходят пояса, исполненные техникой фляндровки.

У гончара А. Литвинюка зарисована акварелью богато расписанная так называемая «зимсовая» миска. На красном фоне с располагаются декоративные пояса, исполненные техникой рожка и фляндровки белым, зеленым и коричневым ангобами.

Предметы из с. Лисовэ (главным образом миски) расписаны декоративными концентрическими поясами со специфическими мелкими орнаментальными элементами. В зависимости от тона, цвета, общей композиции и рисунка они звучат по-разному.

Собранные материалы хранятся у В. А. Гудака.

В. А. Гудак

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР, М., 1973, 330 стр.

Конец 50-х и начало 60-х годов — знаменательный рубеж в истории совместной борьбы советских народов за победу социализма и коммунизма в нашей стране: в начале 1959 г. XXI съездом КПСС было признано, что в Советском Союзе социализм одержал полную и окончательную победу и страна вступает в период развернутого строительства коммунизма.

В такие важные переломные моменты в истории любого общества повседневная практика всегда вызывала потребность научного анализа основных направлений, тенденций социального развития.

Социологические исследования актуальных проблем современности, осуществляемые на основе марксистско-ленинской методологии, имеют особое значение в период, когда создаются необходимые предпосылки для перехода к новой, высшей фазе в развитии нашего общества — коммунизму.

За годы строительства социализма и коммунизма в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ, представляющая собой сложнейшую структуру, которая базируется на общественной собственности на орудия и средства производства, на единстве экономической, социально-политической и культурной жизни, на марксистско-ленинской идеологии.

Едва ли будет преувеличением сказать, что в этом феномене истории аккумулированы все те важнейшие характерные черты, которые коренным образом отличают социалистические общественные отношения от капиталистических. Поэтому очень важно установить и на конкретном материале показать роль и значимость тех социально-экономических, политических и культурных факторов, которые выступали в качестве детерминирующих условий в межнациональных отношениях народов СССР в период их совместной борьбы за социализм и коммунизм.

Весьма актуально проецировать выводы этих исследований на будущее, прогнозировать основные направления развития определенных процессов в сфере национальных взаимоотношений.

Среди изданных за последние годы научных трудов, посвященных исследованию национальных процессов в нашей стране, рецензируемая монография коллектива ученых Сектора конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР занимает особое место. Это первая книга по этнической социологии, многие проблемы этой отрасли науки в ней ставятся впервые.

Материал для исследования собран только в одной республике — Татарской АССР; однако эта работа — далеко не локальное исследование.

В рецензируемой книге на примере взаимоотношений русских и татар анализируются пути социальной и национальной консолидации народов, еще недавно духовно и социально отчужденных и противопоставленных друг другу.

В исследовании применяется методика трех родственных общественных наук: истории, этнографии и социологии. Это позволило ярко и убедительно показать, как в результате практического решения в стране национального вопроса, под влиянием осуществленных за годы Советской власти прогрессивных перемен в политических и идеологических основах общественной жизни народов СССР преобразовались их социально-экономические взаимоотношения. В книге устанавливаются определенные устойчивые зависимости между изменениями в социальной структуре народов, их языком и культурой, с одной стороны, и национальными интересами, личностными установками советских людей в межнациональных отношениях — с другой.

Господствующие в обществе производственные отношения определяют развитие национальной культуры, бытовых традиций, социальной психологии любого народа, нераз-

рывно связанные с существующей в нем социально-классовой структурой, и выступают в качестве социально характеризующих факторов. Поэтому естественно, что в первой главе монографии рассматривается социально-этническая структура городского и сельского населения Татарской АССР. Здесь убедительно показано, что «социальная эволюция населения Татарины в советский период шла по руслу ликвидации диспропорций, наславившихся на протяжении веков,— процесс, характерный для страны в целом» (стр. 22). Эти диспропорции порождены многими обстоятельствами, в числе которых не последнее место занимала целенаправленная дискриминационная политика царского правительства в отношении нерусских народов Российской империи.

В результате экономической отсталости бывшей Казанской губернии почти все население ее проживало в сельской местности (91,5% — в 1897 г. и 89,2% — в 1926 г.), оставаясь всецело во власти «деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости»¹. Крайне низкой была грамотность жителей этой губернии, особенно татар. В книге приводится такой красноречивый пример: «... из каждых 100 тыс. русских (в число которых тогдашняя статистика включала великороссов, малороссов и белорусов) 120 человек имели образование выше начального, а среди говоривших на турецко-татарских языках с таким образованием было лишь 3 человека» (стр. 15).

Авторы совершенно справедливо подчеркивают, что в царской России русские и татары, живя «под общим небом», находились по существу на разных уровнях социально-го развития (стр. 15).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии и Советского государства, в ходе индустриализации и коллективизации Татарской АССР началось невиданно быстрое сближение социальных основ хозяйственно-экономической жизни русских и татар, формирование однотипной социальной структуры этносов.

В советские годы в Татарии, как и во всей стране, происходила ускоренная урбанизация, вызванная преимущественным ростом индустриальных отраслей производства. Это вело к росту численности городского населения за счет сокращения сельского. В Татарской АССР за период с 1926 по 1968 г. появилось 20 новых городов и поселков городского типа. При этом показатели урбанизации и социальной мобильности коренного населения постепенно превосходили аналогичные показатели у русского населения. Авторы монографии справедливо оценивают это как одно из проявлений процесса социального «выравнивания» и сближения уровней социально-культурного развития наций.

Естественно, что урбанизация и вовлечение населения в индустриальные виды труда привели к значительным изменениям в его профессиональном составе и к росту культурно-технического уровня. Вместе с тем, хотя и гораздо более медленными темпами, развивалась культура населения, занятого в сельском хозяйстве.

Меняя занятия, профессию, формы социальной организации труда, использования досуга, способы удовлетворения материальных и культурных потребностей, люди приобщались к современным интернациональным формам культуры, приобретали новый социально-психологический облик, меняли свой образ жизни.

Интенсивное выравнивание уровня культурного развития этносов отражено в приведенной в книге таблице «Распределение лиц различных национальностей по социально-профессиональным группам» (стр. 25). Анализ приведенных в ней данных позволил авторам сделать важный вывод о том, что «на современном этапе развития нашего общества при постоянном росте доли татар в городах они пропорционально с русскими представлены в различных социально-профессиональных группах» (стр. 26). Равноправное положение татар и русских в системе общественных отношений подтверждается и многими другими материалами книги.

В монографии нашли отражение все наиболее значительные моменты социально-культурного развития русских и татар в республике, даны конкретные показатели филиации ценностных установок между этими этносами, раскрыты также различия в сфере социально-культурной жизни, в организации быта и т. д. у русских и татар. Так, сравнительный анализ данных об образовании, наличии собственной библиотеки, чтении художественной литературы, газет, посещения театров, размере семьи, ее материальной обеспеченности и т. д. показал, что влияние национальности на эти социальные и демографические характеристики незначительно. «Это означает,— говорится в книге,— что основные стороны жизни татар и русских ни в чем существенно не различаются...» (стр. 32). Однако это не та нивелировка национальных культур, о которой без устали твердят буржуазные пропагандисты, а выравнивание уровня культурного развития советских наций в условиях всесторонней взаимной помощи и сотрудничества между ними.

Известно, что фундаментом культурного прогресса является общеобразовательный уровень населения. В рецензируемой книге приведены данные, показывающие громадные успехи в развитии образования среди татар.

Для дальнейшего подъема социально-культурного уровня коренного населения Татарской АССР особенно важно отсутствие существенных различий в образовательном уровне и профессиональной структуре русских и татар, живущих в сельской местности, и в первую очередь крестьян. Это важно потому, что «доминанта проблемы социально-профессионального роста нации во многом уходит в село» (стр. 76), ибо 60% ко-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 74.

ренного населения ТАССР состоит из колхозников и рабочих совхозов (среди русской части населения республики их доля в два раза меньше — стр. 55).

Во второй главе показываются тенденции социально-культурного развития населения Татарской АССР — горожан и жителей сельской местности. Здесь анализируется состояние потребления культурных ценностей, выявляются факторы, обуславливающие потребление культурных ценностей в городах с неоднородным национальным составом, в русских и татарских селах. Этот вопрос решается с учетом как этнодемографических показателей (пол, возраст, национальность), так и социальных характеристик (образование и принадлежность к определенной социально-профессиональной группе).

Исследование показало, что культурные запросы людей, выбор ими того или иного информационного канала для удовлетворения этих запросов в значительной мере определяются социально-профессиональной принадлежностью, конкретной социальной ролью того или иного человека, а не только и даже не столько уровнем общего образования. Этот вывод имеет определенное практическое значение как для руководства деятельностью средств массовой коммуникации, так и для организации культурно-воспитательной работы среди трудящихся вообще.

На основании анализа полученных материалов авторы монографии пришли также к заключению, что различия в потреблении культурных ценностей «у русских и татар определяются главным образом не национальной спецификой, а социальными характеристиками: уровнем образования, принадлежностью к социально-профессиональной группе, отчасти возрастом, а также типом поселения» (стр. 104). В целом поддерживая это заключение, хотелось бы все-таки подчеркнуть, что приведенные в монографии данные красноречиво свидетельствуют и о том, что уровень образования, общая культура, а следовательно, и социально-профессиональная структура коренного населения республики все еще продолжают испытывать заметное влияние факторов, складывавшихся на протяжении веков именно в связи с этнической принадлежностью, национальной спецификой. Это обстоятельство следует обязательно учитывать при решении всех вопросов социально-культурного строительства в национальных регионах и в будущем. В этом особенно убеждают материалы параграфа «Культура сельского населения».

Брачно-семейные отношения — это область чрезвычайно своеобразных форм общественных отношений. В аспекте межнациональных контактов они изучены еще недостаточно. В третьей главе излагаются результаты исследования семейной структуры населения Татарской АССР, которые проводились в следующих направлениях: 1) изучение демографических, социально-экономических и бытовых характеристик семьи; 2) изучение влияния социально-культурных процессов на семейную структуру; 3) анализ взаимодействия внутрисемейных характеристик и национальных особенностей; 4) изучение влияния семейных отношений на развитие личности.

Семейно-бытовая сфера является, пожалуй, наиболее консервативной частью общественных отношений; особенно трудно устраняются противоречия между старым семейно-бытовым укладом и новыми социально-экономическими и политическими основами жизни. Поэтому большой интерес представляет приведенный в книге анализ изменений семейно-бытовых отношений на селе.

Индустриализация, коллективизация и вызванные ими радикальные изменения социальной структуры сельского населения, урбанизация, быстрый рост образовательного и общекультурного уровня тружеников села неузнаваемо изменили весь уклад, быт и психологию сельского населения. Огромную роль в прогрессе семейно-бытовых отношений сыграло изменение положения женщины, ее материальная и моральная независимость от мужчин в семье. Эти благоприятные перемены отразились и на создании семьи. В монографии проблемы создания семьи рассматриваются по следующим направлениям: время вступления в брак, принадлежность супругов к определенным социально-профессиональным и этническим группам, детность и др. Исследованием совершенно четко зафиксирована прямая зависимость роста межэтнических родственных связей от формирования общей интернациональной основы культуры народов СССР, облегчающей взаимопонимание и сближение представителей различных наций и национальностей.

В книге на обширном и добротном конкретном материале показаны особенности повседневной жизни русских и татарских семей и всесторонняя интернационализация быта сельского населения. Сделанные в ходе исследования этих проблем обобщения имеют не только большое научное и познавательное значение; они, по-видимому, будут широко использованы в практике местных партийных, советских органов и общественных организаций.

К сожалению, авторы в основном освещают происшедшие за годы Советской власти прогрессивные перемены в межнациональных отношениях и почти не уделяют внимания отрицательным явлениям в этой области, выяснению причин их существования. Этот недостаток особенно остро ощущается при рассмотрении семейно-бытовых проблем.

Четвертая глава монографии посвящена чрезвычайно актуальной проблеме этнолингвистических контактов и двуязычия. Общеизвестно, что особенностью этнолингвистических процессов в советском обществе является сочетание всемерного развития национальных языков со все расширяющимся использованием русского языка в качестве средства межнационального общения в самых различных сферах деятельности.

Авторы рецензируемой книги предприняли попытку, не углубляясь в сущность коммуникативных функций русского и татарского языков, изучить широту распространения двуязычия, степень владения вторым языком различными группами населения, выявить

сферы наиболее интенсивного применения языков и социально-этнические последствия двуязычия. Проблема социально-этнических последствий двуязычия на массовом конкретном материале исследуется впервые.

Во время Всесоюзной переписи населения 1970 г. 54,7% жителей коренной национальности Татарской АССР указали, что они свободно владеют русским языком (в том числе 81,2% татар, проживающих в городах ТАССР, 38% — в сельской местности)². Такое широкое распространение двуязычия — поистине выдающееся достижение в культурном прогрессе татарского народа. В монографии правильно подчеркивается, что самый прямой путь к овладению русским языком — это систематическое изучение его в школе.

Широко известно, что сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции всем народам бывшей царской России было предоставлено право свободно выбирать язык обучения детей в школах. Однако растущая роль русского языка в качестве средства межнационального общения народов СССР и средства приобщения их к сокровищам мировой культуры привели к увеличению числа лиц нерусской национальности, желающих отдать своих детей в школы с русским языком обучения (см. табл. 1 на стр. 239). Но уроки русского языка в национальной школе — не единственный способ вооружения подрастающего поколения знанием языка межнационального общения; организуется также преподавание отдельных предметов на русском языке. Этой же цели служит создание искусственной языковой среды путем широкого применения технических средств. Нам кажется, что автор четвертой главы (М. Н. Губогло) несколько недооценивает не только эти возможности, но и такие важнейшие факторы развития этнолингвистических процессов, как этническая микросреда, производственное общение разноязычных народов и т. д. В книге говорится: «В группе сельских татар, владеющих русским языком, лучше чем татарским, 30% получили образование в русской школе и 66% в татарской» (разрядка наша. — Г. С.) (стр. 235). Думается, что комментарии к этим цифрам излишни, и следует сказать, что в настоящее время партийные и советские органы, а также органы народного образования республики основное внимание обращают не на перевод национальных школ на русский язык обучения, а на улучшение преподавания в них русского языка и русской литературы, обеспечение преподавания отдельных предметов в старших классах на русском языке и т. д.

Большой интерес вызывает пятая глава, в которой рассматриваются психологические аспекты национальных отношений. Национальные отношения проявляются в национальных ориентациях, установках, мнениях и поведении людей. Автор (Л. М. Дробижева) с помощью четко разработанного инструментария исследовала систему личностных и социальных установок, детерминирующих национальную ориентацию людей. На основе анализа национальных установок сделан неоспоримый вывод: в личностных взаимоотношениях представителей различных наций и национальностей СССР доминируют благоприятные дружеские установки — это результат ленинской национальной политики партии и Советского государства. Большую практическую ценность имеет параграф «Некоторые средства пропаганды интернационализма». Целесообразно было бы расширить его.

В книге «Социальное и национальное» по существу положено начало научной разработке многих важнейших проблем социально-этнической структуры нашего общества.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» говорится о необходимости разработки проблемы социальной структуры общества, совершенствования социалистических общественных отношений, их перерастания в коммунистические и обобщения опыта КПСС по укреплению дружбы народов СССР³. Рецензируемая книга вносит свой вклад в решение этой задачи. Достоинство монографии в разработке методологических программ и методики эмпирических социологических исследований.

Особо следует отметить научное освещение в монографии многих важнейших сторон истории социалистических преобразований в Советской Татарии. Содержащиеся в книге конкретные социологические материалы и глубокие теоретические обобщения, несомненно, будут широко использованы местными учеными в их дальнейшей работе. Монография поможет работникам партийных и советских органов республики в практической реализации в Татарской АССР положений Программы КПСС и решений XXIV съезда партии в области социально-культурного строительства и идейно-политического воспитания народных масс.

Вместе с тем хотелось бы указать и на отдельные недостатки рецензируемой монографии. Главный из них, на наш взгляд, тот, что в ряде случаев авторы не уделяют достаточного внимания тем трудностям, которые замедляют развитие новых тенденций в межнациональных отношениях. Эта погрешность особенно ощутимо проявляется в главах «Семья и быт» и «Этнолингвистические контакты и двуязычие».

Думается, что книга выиграла бы, если бы в ней нашли более широкое отражение работы ученых республики.

² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV — «Национальный состав населения СССР», М., 1973, стр. 144.

³ См. «Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965—1973 гг.)», М., 1973, стр. 427—441.

Как следует из введения, авторы собирали конкретный материал в 1967 г. Но в книге нередко приводятся данные переписи населения 1959 и 1970 гг. и другие статистические материалы, относящиеся к более раннему или более позднему времени. Однако большая часть таблиц не датирована, что порой снижает научную ценность богатейшего цифрового материала монографии (см., например, табл. 12 на стр. 108, 14 на стр. 109 и др.).

И, наконец, нельзя не отметить недоработки редакционного характера: немало случаев, когда одна и та же мысль повторяется в разных вариантах или в том же виде, или об известных истинах говорится, что они выявлены «в ходе исследования» (см. стр. 89—91, 75, 108, 116, 133 и др.). Однако, несмотря на указанные недостатки, рецензируемая книга заслуживает самой высокой оценки.

Г. С. Сабирзянов

НАРОДЫ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. К. Бондарчик, *Гісторыя беларускай этнографіі XIX ст.*, Мінск, 1964, 282 стр.; его же, *Гісторыя беларускай этнографіі*, Пачаток XX ст., Мінск, 1970, 123 стр.; его же, *Гісторыя беларускай савецкай этнографіі*, Мінск, 1972, 166 стр.

Исследование истории этнографии восточнославянских народов в последние десятилетия заметно активизировалось. Значительные успехи достигнуты в изучении истории русской этнографии дореволюционного времени¹. Освещены отдельные периоды истории украинской этнографии². Большая работа проделана также по изучению истории белорусской этнографии.

Рецензируемые монографии В. К. Бондарчика освещают историю белорусской этнографии как дореволюционного, так и советского времени.

В первой монографии «История белорусской этнографии XIX в.» автором удачно выделены два основных периода развития белорусской этнографии дореволюционного времени, соответствующие феодальной и капиталистической эпохам. Первый период подразделяется автором на два этапа: а) первоначальное накопление этнографических знаний о Белоруссии (до конца XVIII в.), б) формирование и становление белорусской этнографии как науки (нач. XIX в.—1861 г.).

В истории этнографии эпохи капитализма автор выделяет три этапа, соответствующие трем волнам подъема общественной мысли (60—70-е годы, 80—90-е годы, начало XX в.).

Разработанная В. К. Бондарчиком периодизация увязана с социально-экономическим и общественно-политическим развитием Белоруссии и России, историей русской этнографии XIX в. Однако разные этапы изучены автором неодинаково. Первые два этапа охарактеризованы не так полно, как три последующие, что, вероятно, в некоторой мере объясняется неодинаковой степенью развития самой этнографии в эти эпохи.

Одно из достоинств работы в том, что в ней весьма обстоятельно освещены русско-белорусские этнографические связи в XIX в., показана роль Русского географического общества в развитии этнографических исследований на территории Белоруссии и в становлении белорусской этнографии, отмечено положительное влияние на нее прогрессивных школ русской этнографии (революционно-демократического и эволюционного направлений).

Заслуживает одобрения широкое привлечение автором работ не только белорусских, русских, украинских, но и польских этнографов. Показывая прогрессивное значение исследований о Белоруссии написанных с демократических позиций (В. Сырокомля, Ян Чечот и др.). В. К. Бондарчик подвергает серьезной научной критике работы польских этнографов, написанные с националистических позиций (А. Рыпинский и др.). В книге исследована не только история белорусской этнографии, но в значительной степени и история белорусской фольклористики XIX в.

В. К. Бондарчик детально характеризует демократические тенденции в белорусской этнографии 80—90-х годов, наиболее полно проявившиеся в деятельности Н. Я. Никифоровского и Е. Р. Романова. Автор обращает внимание также на то обстоятельство, что ряд белорусских этнографов того времени, например, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Богданович применяли в своих исследованиях историко-сравнительный метод. К сожалению, характеристика прогрессивных черт этого метода и его недостатков в то

¹ С. А. Токарев, *История русской этнографии (дооктябрьский период)*, М., 1966.

² В. Ф. Горленко, *Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків*, Київ, 1964.

период дана автором недостаточно полно, хотя анализ теоретических установок этих исследователей так же важен, как и изучение их собирательской деятельности.

Во второй монографии В. К. Бондарчика «История белорусской этнографии. Начало XX в.» было продолжено исследование демократических тенденций в белорусской этнографии начала XX в. Автор показывает, что наиболее яркими представителями этого направления в тот период были А. К. Сержпутовский, И. А. Сербов, Е. Р. Романов, Е. Ф. Карский. Очень подробно изучено автором научное наследие А. К. Сержпутовского и Е. Ф. Карского. Значительное внимание уделено и анализу теоретических установок, которыми руководствовались эти этнографы, принципу историзма в их исследованиях. В монографии дана высокая оценка выводам Е. Ф. Карского по проблемам этногенеза белорусов, их этнической истории, этнографических границ, истории белорусского фольклора; отмечены как сильные, так и слабые стороны его концепции (стр. 81—98). Соглашаясь в целом с высокой оценкой исследований Е. Ф. Карского по белорусской этнографии, следует отметить, что не во всех вопросах его можно считать пионером (стр. 98). Точнее было бы сказать, что наиболее существенный вклад он внес в изучение этнической истории белорусов. В исследовании же обрядов и верований его предшественниками были М. В. Довнар-Запольский и А. Е. Богданович.

Развитие белорусской этнографии в советскую эпоху исследовано В. К. Бондарчиком в третьей монографии — «История белорусской советской этнографии», где рассматривается организация этнографического изучения Белоруссии с первых лет существования Советской власти до начала 70-х годов.

Одним из достоинств книги является то, что автор показал широкие возможности, раскрывшиеся перед этнографической наукой в советское время. Он правильно отметил, что ломка старых социально-экономических, политических и правовых устоев и замена их новыми, социалистическими, формирование нового уклада жизни требовали исследования и научного обобщения. Новые условия выдвигали новые требования к методологии этнографической науки, ставили перед этнографами в качестве первоочередной задачу перехода к новому, марксистскому методу в исследованиях (стр. 9).

Детально рассмотрена автором организация этнографической работы в Белоруссии в 20-е годы. В. К. Бондарчик отмечает, что в ней активное участие приняли виднейшие представители белорусской этнографии — Е. Ф. Карский, А. К. Сержпутовский, Н. А. Янчук и др. Важными достижениями этого периода автор правомерно считает создание в Белоруссии научно-исследовательского этнографического центра, сначала в системе Института белорусской культуры, затем в АН БССР, расширение тематики этнографических исследований, включение в них вопросов, связанных с преобразованием быта села и изучением быта рабочих, широкий размах краеведческой работы в республике (стр. 16—34). В. К. Бондарчик обращает внимание также на негативные моменты в развитии белорусской этнографии в этот период, подвергает критике этнографические работы, написанные с националистических позиций (А. Ластовский, Я. Лесик и др.).

С правильных методологических позиций освещена в книге острая борьба против националистических искривлений в белорусской этнографии в 30-е годы. Важнейшим результатом развития этнографической науки в Белоруссии в этот период, как показано в монографии, было преодоление националистической тенденции и постепенный переход белорусских этнографов к марксистскому методу исследования (стр. 46).

С интересом читаются страницы монографии, посвященные анализу организации этнографического изучения Белоруссии в послевоенный период. В. К. Бондарчик правомерно характеризует его как наиболее плодотворное время в истории белорусской этнографии. Он показывает, что в этот период создаются ценные исследования по этногенезу, материальной культуре, общественному и семейному быту, духовной культуре белорусского народа (стр. 57—61).

Положительной оценки заслуживает стремление автора проанализировать исследования по важнейшим проблемам быта и культуры белорусов, написанные в советскую эпоху. Это дает возможность автору обратить внимание читателя на те проблемы, которые изучены недостаточно (этногенез, народные знания и др.). Вместе с тем необходим более глубокий анализ тех положений, по которым в науке идут дискуссии, в частности по проблемам этногенеза белорусов.

В третьей книге В. К. Бондарчика в отличие от первой и второй больше внимания уделяется этнографии и значительно меньше фольклористике. Это объясняется, видимо, тем, что в советский период фольклористика в Белоруссии выделяется как самостоятельная наука. Не рассматриваются здесь также работы польских исследователей по белорусской этнографии.

В целом работы В. К. Бондарчика являются существенным вкладом в восточнославянскую этнографию: они содержат большой новый фактический материал, в них впервые исследованы основные этапы и тенденции в истории этнографии белорусов. Они, несомненно, принесут пользу всем, кто интересуется проблемами этнографии восточнославянских народов.

М. Ф. Пилипенко

Вышедший недавно в серии «Эпос народов СССР» том украинских народных дум примечателен во многих отношениях. Русский читатель до сих пор не имел более или менее полной антологии украинских дум ни на языке оригинала, ни в русском переводе. Сейчас у него появился сборник всех основных сюжетов этого замечательного эпоса. Думы даны на украинском языке, но чтение их не является для русского читателя делом трудным, тем более что среди приложений имеется довольно большой словарь украинских слов, но было бы полезным указать значение некоторых букв украинского алфавита, что способствовало бы получению русским читателем правильного представления о звучании украинского текста.

Составитель антологии Б. П. Кирдан — один из лучших знатоков украинского эпоса. Широко известны две его книги — «Украинские народные думы (XV — начало XVII в.)» и «Украинский народный эпос», вышедшие в 1962 и 1965 гг. В первой книге рассматриваются сюжеты о борьбе с татарами и турками, во второй — о борьбе против гнета магнатской Польши, а также думы социально-бытового характера. Новая книга Б. П. Кирдана возникла, таким образом, на основе большого исследовательского опыта и знания всей литературы вопроса.

Для украинского читателя книга также представляет большой интерес прежде всего потому, что содержит довольно много новых текстов (35). Для того чтобы их найти, составителю пришлось ознакомиться со многими архивами, причем, как видно из примечаний к книге, Б. П. Кирдан провел большую работу по сопоставлению ранее опубликованных текстов с их рукописными оригиналами и выявил при этом немало существенных различий между ними.

Такое большое количество новых публикаций само по себе обеспечивает сборнику видное место в литературе о думах, так как с 1931 г. крупных публикаций дум не было.

Книга состоит из двух основных частей: «Историко-героические думы XV—XVII вв.», «Социально-бытовые думы» и двух небольших разделов: «Думы о революционных событиях 1905 г.» и «Думы, созданные советскими кобзарями».

В первую часть вошли два цикла дум историко-героической тематики: о борьбе с татарско-турецкой агрессией и о борьбе против гнета магнатской Польши. Циклы довольно легко различаются хронологически: сюжеты первого из них появились в основном до середины XVII в., тогда как сюжеты второго почти все относятся к 1648—1657 гг. Лишь отдельные думы возникли на десятилетие раньше или позже этого времени. В приложениях к сборнику даются примечания к думам, разъясняющие главным образом их историческую основу. Особенно подробны примечания к думам о борьбе с польским угнетением, здесь нередко находим новые материалы и сопоставления, например, шире, чем обычно, комментируется образ Барабаша, рассматриваются две версии, касающиеся вопроса о существовании универсала Владислава IV казакам, уточняются данные о некоторых соратниках Б. Хмельницкого и т. п. (стр. 454—456).

В целом выбор текстов исторических дум следует признать удачным, и если некоторые сюжеты представлены многими текстами («Три брата Азовские», «Проводы казака»), а другие немногими, то это объясняется стремлением составителя представить важнейшие версии и опубликовать все доброкачественные новые тексты. Единственное наше замечание, касающееся выбора текстов для сборника, относится к думе о Самойле Кошке. В сборнике приведены два лучших текста, а следовало бы поместить хотя бы еще одну из записей другой версии думы, где казаки, бежав из плена, попадают не в устье Днепра, а на остров, очевидно, Средиземного моря. Данная версия содержит важные исторические детали.

К социально-бытовым думам обычно относят произведения с семейно-бытовой тематикой и «Думу о Феське Ганже Андыбере», в которой изображается классовый конфликт между рядовыми казаками и казачьей старшиной, хотя и разворачивающийся в бытовой обстановке. Эта дума, отмеченная выразительным историческим колоритом, приурочивается к середине XVII в., и ее с успехом можно было дать среди дум исторических. Что касается думы об Олексие Поповиче, которую составитель тоже поместил среди социально-бытовых, то это нововведение вряд ли можно считать удачным, так как, хотя во многих вариантах думы делается акцент на покаянии главного героя, совершившего большие грехи, нельзя не видеть военную основу сюжета этой думы.

События 1905 г. отражены в двух текстах, оба они помещены в сборнике. Их принято считать различными произведениями, хотя они созданы одним и тем же кобзарем М. Кравченко и повествуют о расправе карательного отряда с крестьянами села Большие Сорочинцы, родины кобзаря. В примечаниях отмечается выступление В. Г. Короленко в защиту пострадавших крестьян, но следовало бы указать и на непосредственную помощь писателя кобзарю в разработке первого из этих произведений.

В разделе, посвященном думам советского времени, составитель приводит три произведения: «О войске Красном, о Ленине-отце и сыновьях его верных», «Дума о Ленине» и «Нерушимая дружба». Думы выбраны очень удачно. Одна из них является первой советской думой, созданной коллективом кобзарей в 1923 г., вторая вошла в репертуар кобзарей 20—30-х годов, третья создана коллективом самодель-

ных кобзарей в 50-х годах. Все три думы характеризуются традиционной поэтикой. Конечно, раздел этот можно было бы расширить, но главным образом за счет произведений, не бытующих в народе и созданных кобзарями, не прошедшими традиционной школы.

Достоинством книги является научная осторожность составителя, выражающаяся в достаточно критическом отношении к опубликованным текстам. Как опытный фольклорист, в результате многолетней работы над текстами обладающий чутким подлинности народно-поэтического языка, он указывает сомнительные в отношении аутентичности произведения. Особенно отчетливо это проявилось в некоторых примечаниях, где Б. П. Кирдан показывает редакторскую правку дореволюционных собирателей и издателей (стр. 463, 471 и др.). Порой составитель отказывается от воспроизведения в книге отдельных текстов, в свое время признанных ненародными, но в отношении которых впоследствии без достаточных оснований были предприняты попытки реабилитации.

Составителю сборника удалось обогатить книгу двумя бытовыми сюжетами — «Возвращение сына» и особенно явно социальной думой — «Совет матери сыну о женитбе», которые, хотя и были опубликованы давно, ранее не рассматривались как думы и поэтому не попали в соответствующие сборники.

В книге есть лишь два текста, которые могут вызвать подозрения в отношении аутентичности. Это думы «О Сулиме, Павлюке, еще и о Яцьке Остриянице», в ритмической структуре которой явно проглядывает равносложный размер 8+6, являющийся не думной, а песенной формой, и «Иван Богун», сложенная довольно рыхлым стихом и в некоторых деталях не соответствующая поэтике дум. В отношении второго произведения сам составитель выразил определенные сомнения. Оба текста записаны в 1928 г., причем первый — от кобзаря П. С. Дривченко, слабо связанного с традицией, а второй — от певца, не бывшего ни кобзарем, ни лирником и поэтому передавшего текст в разрушенном виде.

Весьма содержательна вступительная статья сборника, в которой изложена история профессионального исполнительства дум (кобзарства), характеризуется цеховая организация кобзарей («братства»), рассмотрен вопрос о влиянии книжности на думы (при этом правильно указано на превращение этого влияния в прошлом), изложена история публикации дум, затем — их исследования. Здесь также верно указано на существование в прошлом подделок и на необходимость более осторожного пересмотра вопроса о некоторых текстах, вызывавших подозрение и ранее.

Все основные методологические проблемы изучения дум, поставленные в книге, не вызывают возражений. Но хотелось бы некоторых дополнений. Б. П. Кирдан правильно указывает, что трансформация дум в устном бытовании шла по двум направлениям: «усиливалось социальное звучание произведений» и «некоторые героические произведения получали моралистическую окраску» (стр. 39). Но есть и третье направление, характерное как для дум, так и для других историко-эпических жанров: в результате утери исторических приурочений в думе постепенно усиливаются бытовые мотивы и она превращается в бытовую.

Следовало, пожалуй, несколько подробнее остановиться на композиции дум и охарактеризовать природу их концовки, так называемой славы героя думы. «Слава» относительно автономна, что открывает большие возможности для импровизации. Этим объясняется встречающееся порой не совсем полное соответствие сюжету думы ее «славы», так как последняя варьировалась кобзарем, который мог уже не до конца понимать детали сюжета и поступки героев. О самостоятельности «славы» свидетельствует, например, концовка публикуемой в сборнике думы о трех братьях Самарских (стр. 98), оформившаяся, как видно, в условиях турецкого плена.

Нам кажется, что в предисловии следовало наглядней показать жанровое отличие дум от народных песен, прежде всего их ритмическое различие. Правда, С. И. Грица в статье «Музыкальные особенности украинских народных дум» касается этого вопроса, но весьма академично, к тому же литературная структура «уступов» и роль в ней рифмы здесь не раскрыты (стр. 57). Однако упомянутую статью следует причислить к большим достоинствам книги. Статья свидетельствует, что изучение названной сложной проблемы продолжает развиваться, так как содержит новые, по сравнению с трудами Филарета Колессы, положения. Так, С. И. Грица вносит новое в изучение ладовой основы дум (стр. 58), указывает на связь их с музыкой не только причетов, но и ряда других фольклорных жанров (стр. 64), на связь с южнославянским мелосом (стр. 62), подчеркивает, что при исследовании проблематики дум нужно учитывать как факторы культурных взаимовлияний, так и «важнейшие предпосылки для самостоятельного развития жанра на украинской почве». Очень интересно указание на то, что при всем интонационном и стилистическом единстве жанра думы неоднородны: одни отличаются декламационным, другие — мелодизированным речитативом. Думы первого типа ближе к причитаниям, второго — к песне (стр. 62). С. И. Грица правильно отмечает подчинение музыкального речитатива тексту и согласованность в них акцентуации и ритмической архитектоники (стр. 54), «органический синтез музыкального начала с образно-тематическим содержанием дум» (стр. 58), наблюдаемое порой приближение напевов речитативного склада к речевой интонации (стр. 59). Более спорно ее мнение о том, что «эпицентром возникновения древнего пласта дум было Южное Приднпровье и Причерноморье». Автор ссылается на упоминание в думах

Царьграда и Красного моря и на связи с тематикой южнославянской песни (стр. 64). Однако, если говорить о XVI в. или тем более о XV в., то ни Южное Приднепровье, ни Причерноморье не имели сплошного населения (границей Дикого поля были Рось, Стугна, все это уже недалеко от Киева). Запорожские паланки получили большое развитие лишь в XVIII в.

Недостатком указанной статьи является усложненность ее языка.

Характерной особенностью методологии Б. П. Кирдана, выявившейся как в его монографиях, так и в рецензируемом сборнике, является то, что он твердо стоит на позициях историзма в понимании дум, видя в них прежде всего повествование о событиях и героях национально-освободительной и классовой борьбы украинского народа. В соответствии с этими принципами автор трактует основные сюжеты, относясь к думам как к замечательным художественным произведениям, в которых отразилась история народа в свете его мировоззрения.

Мы далеки от мнения, что в примечаниях можно было осветить все основные гипотезы об исторической основе каждой думы. Но всё же следовало несколько расширить примечания, относящиеся к некоторым думам, в борьбе с турецкой агрессией, в частности отметить гипотезу о связи думы о Самойле Кошке с эпизодом захвата турецкой галеры в 1642 г. русскими и украинскими невольниками.

Что касается трактовки думы об Ивасе Коновченко, то о ней, думается, полезно сказать несколько слов. Ранее мы отмечали¹, что эта дума повествует о походе охотного войска под командованием полковника Филоненко в 1628 г. из Корсуня под турецкую крепость Тягину, впоследствии переименованную турками в Бендеры. В документах по истории Украины это событие мало известно, однако о нем в том же году сообщал своему начальству в Варшаву глава польской власти на Украине Стефан Хмелевский.

Б. Кирдан в книге «Украинские народные думы (XV — начало XVII в.)» (стр. 244) не согласился с данным предположением (тогда он пользовался текстом моего предварительного сообщения на IV Международном съезде славистов, работа же еще не была напечатана), считая, что имена, географические названия и данные о походе могли попасть в думу позже времени ее возникновения. Он исходил из того, что изображение исторических деятелей в думах начинается лишь с середины XVII в. и поскольку в думе об Ивасе Коновченко «реальные события переплетены с фантастическими», она, вероятно, возникла гораздо раньше (стр. 243). Действительно, о древности данной думы ранее писали М. Халанский и М. Дашкевич (отметим, однако, что указанного сообщения Хмелевского они не знали).

Но, приурочивая данную думу к походу 1628 г., мы имеем в виду не только совпадение имени и звания Филоненко (кстати, лица не второстепенного в истории и во всяком случае очень популярного), а также упоминание таких географических названий, как Тягинь, Корсунь и окружающие города, Копистерия, находившийся на пути из Поднепровья в Молдавию в обход Черного леса, Савранская и Черная долины, а также обстоятельства набора не казачьего, а именно охотного войска из ремесленников и крестьян. Такой комплекс случайно попасть в думу не мог. Делая из этого факта выводы, необходимо признать, что если дума изначально не изображала поход 1628 г., то она поразительно «историзировалась» в 20—30-х годах XVII в. Но коль скоро факты такой многосторонней «историзации» — явление в высшей степени редкое (трудно найти подобный пример), то второе предположение необходимо обосновать безусловными доказательствами особой древности думы. А каковы они? Мифологических, магических, анимистических представлений в ней не видно. Ивась превратился в «дитину» (ребенка) в результате разработки кобзарями мотива его особой молодости и незрелости. «Детство» Ивася в сюжете роли не играет. Остается единственное: гиперболизация подвигов героя в бою. Он убивает сотни врагов и сотни приводит на аркане в плен, несколько напоминая былинных богатырей. В думах батальные гиперболы редки, однако имеются: Матяш (герой другой думы) уничтожает в бою даже тысячи врагов. Можно, правда, возразить, что и «Матяш», может быть, восходит к древнему эпосу. Возможно. Но возьмем песню о гибели брацлавского полковника Данила Нечая в 1651 г. Историческое приурочение ее несомненно. Между тем Нечай именно как богатырь кладет врагов снопами в два ряда, тысячи врагов сечет, как солому, вражья кровь льется реками, конь Нечая не может выскочить из горы трупов, поэтому герой погибает. Приходится прийти к естественному выводу, что в XVII в. украинская героико-эпическая традиция была еще тесно связана с предшествовавшей древнерусской былинной традицией (есть и некоторые другие доказательства такой связи) и этим объясняются батальные гиперболы и думы о Коновченко и песни о Нечае. Значит, гиперболизм подвига Коновченко не доказывает более древнее, чем начало XVII в., происхождение этой думы, тогда как приведенные факты и многие детали, о которых мы здесь не упоминаем, прикрепляют ее именно к этому веку.

Книга Б. П. Кирдана содержит богатый научный аппарат. Кроме обширных примечаний, пять музыкальных записей дум, довольно большого словаря украинской лек-

* «Про походження думи „Івась Коновченко“, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 3; «Взаимосвязи русского и украинского эпоса», М., 1963, стр. 333—354.

сики, встречающейся в думах, имеются также сведения об исполнителях дум и указатель географических наименований. Все это выполнено с большим знанием дела, можно сказать, безукоризненно.

М. М. Плисецкий

Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972, 382 стр.

Г. Н. Потанин — один из крупнейших исследователей казахского фольклора. Значительная часть собранных им материалов была опубликована еще до Великой Октябрьской социалистической революции¹. Многие записанные Г. Н. Потаниным сказки в советское время перепечатывались в популярных книгах (научного издания казахских сказок до сих пор не существует). Целиком собрание Г. Н. Потанина не переиздавалось. Появление книги, подготовленной Н. С. Смирновой и ее учениками С. А. Қаскабасовым и Е. Д. Турсуновым, вызвано давно назревшей необходимостью ввести в широкий обиход богатейшие материалы Г. Н. Потанина и дать им оценку с точки зрения сегодняшней фольклористики и этнографии.

Составителями сборника проделана огромная работа. Помимо сбора публикаций, порой разбросанных по редким дореволюционным провинциальным газетам, они обследовали архивы Алма-Аты, Томска, Ленинграда. В результате в сборник вошли легенды и предания, приметы и обычаи, сказки и анекдоты, обрядовые песни и, наконец, те произведения акынов, которые находятся уже на рубеже фольклора и литературы. Этот чрезвычайно ценный материал вызывает доверие (что немаловажно, потому что среди публикаций казахского фольклора встречается много фальсификаций).

Обращают на себя внимание комментарии к текстам, очень обстоятельные. Здесь мы находим и маленькие научные экскурсии о сказках, и этнографические этюды, археологические, исторические, религиоведческие и лингвистические изыскания, а также обширную библиографию. Нет сомнения, что приведенный в комментариях богатейший этнографический материал будет хорошим подспорьем для всех, кто изучает культуру и быт тюркских и соседних с ними народов. Так, например, в приложении к «Преданию о корове» объясняется, что такое «жай тас» — магический камень, вызывающий непогоду. Это не обычная справка, характерная для большинства комментариев, а маленькое исследование с библиографией, включающей 10 работ.

В рецензируемом сборнике нет типологического анализа сюжетов, сопровождающего издания сказок в серии «Сказки и мифы народов Востока». Это, видимо, объясняется тем, что в потанинский сборник входят не только сказки. Однако комментарии к ним оформлены в соответствии с современными требованиями: обязательно даются ссылки на указатели А. Аарне — С. Томпсона, Н. П. Андреева, а также В. Эберхарда и П. Боратава. При этом здесь имеются не только традиционные указания на варианты, но и оригинальные наблюдения над сказкой, выдвигаются гипотезы о ее исторических корнях.

Кроме того, комментарии прекрасно обрисовывают Г. Н. Потанина как ученого. Здесь много никогда не публиковавшихся вариантов сказок и заметок Г. Н. Потанина, его собственных примечаний, не потерявших своего значения до настоящего времени. Эти примечания позволяют судить и о методике Г. Н. Потанина-фольклориста.

Сборник открывается большой вступительной статьей «Потанин — собиратель и исследователь казахской народной поэзии». Ее автор, Н. С. Смирнова, дает яркую картину жизненного и научного пути Г. Н. Потанина, места его в истории русской науки. Она внимательно изучила большое научное наследие Г. Н. Потанина, начиная от таких солидных трудов, как «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», до программ для собирателей, опубликованных в местных газетах, и сумела внести значительные поправки в портрет Г. Н. Потанина, человека интереснейшей, незаурядной судьбы.

Н. С. Смирнова убедительно показывает демократические основы мировоззрения Г. Н. Потанина. В юности Г. Н. Потанин увлекался народническим движением и на всю жизнь сохранил интерес к народному быту, к духовной культуре народов Казахстана и Сибири. Он был убежден, что эти народы имеют право на самостоятельное развитие. Конкретные изыскания Г. Н. Потанина так значительны, что его можно назвать, как это делает Н. С. Смирнова, «одним из зачинателей этнографического направления в российской фольклористике».

Г. Н. Потанин в числе первых начал сопоставительное изучение фольклора тюрко-монгольских народов. Он был настоящим подвижником и сделал чрезвычайно много. Однако незнание восточных языков не могло не привести к известному дилетантизму в его научных построениях.

¹ См. «Живая старина», 1916, вып. II—III; «Очерки Северо-Западной Монголии», т. I—IV, СПб., 1881—1883.

Н. С. Смирнова пересматривает устоявшиеся представления о Г. Н. Потанине как о компаративисте. Прежде всего он был приверженцем мифологической теории, хотя традиционный подход к истокам культуры арийских народов не был ему близок. Он стремился найти более широкое культурное единство — евразийское. Так родилась его «восточная гипотеза», согласно которой вся евразийская культура вышла из древнего азиатского культа Арья-Бало, а реликтом этого древнего наследия является фольклор тюрко-монгольских народов — своеобразный культурный мост между Востоком и Западом. Однако мифологическая теория причудливо уживалась у Г. Н. Потанина с компаративизмом: он утверждал, что нынешний эпос — это и осколок древнейшего мифа, и результат многократных заимствований.

Многие недостатки метода Г. Н. Потанина объясняются его приверженностью именно к мифологической школе, а не к компаративизму. Следствие влияния мифологической школы — взгляд на фольклор как на отражение прошлого и избирательный интерес к архаике. Отсюда же отсутствие интереса к личности исполнителя фольклорного текста (при всем потанинском демократизме!), вытекающее из теории безличности фольклорного творчества. Как и другие сторонники мифологической школы, Г. Н. Потанин склонен к сравнительному анализу собственных имен, очень произвольному, а также к механическому препарированию текста. В конце XIX в. такая методология не вызывала симпатии и компаративисты не считали Г. Н. Потанина «своим».

В рецензируемой книге есть и упущения. Прежде всего вызывает сожаление отсутствие библиографического указателя трудов и публикаций Г. Н. Потанина; в таком издании он просто необходим. Неудобна нумерация текстов по разделам. Было бы целесообразно сделать ее сплошной, тем более что в книге 19 разделов. Есть неточности в именах и в указателе имен. Так, на стр. 44 говорится о М. Н. Сперанском; он же упоминается и в указателе, однако на стр. 37 он фигурирует как М. С. Сперанский.

Все это, конечно, лишь частные погрешности. Книга потанинских материалов, ставшая одновременно и книгой о Г. Н. Потанине, — великолепное исследование, выполненное на высоком научном уровне. Недаром она уже стала библиографической редкостью. Подобные книги очень нужны, и мы с полным сочувствием цитируем одну из заключительных фраз статьи Н. С. Смирновой: «Настало время серьезных монографических работ в области историографии народного творчества, монографического исследования научных школ во всех их ответвлениях, с самым всесторонним учетом обстоятельств их существования и соприкосновений» (стр. 44). Рецензируемая книга хорошо отвечает этим запросам времени.

Е. А. Костюхин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Die gläserne Linde. Westslavische Märchen, Bautzen, 1972.

В Германской Демократической Республике в издательстве «Domovina» вышел в переводе на немецкий язык сборник западнославянских сказок «Die gläserne Linde» (чешских, словацких, польских, сербских и сербо-лужицких). Одновременно он вышел на сербском языке под названием «Klinkotata lipka» и на чешском под названием «Spievaјуsa lipka». В 1974 г. предполагается его издание на польском языке под названием «Spiewagasa lipka».

Книга эта составлена известными исследователями западнославянских сказок В. Гашпариковой (Братислава), Я. Йехом (Прага), Е. Капелюш (Варшава) и П. Недо (Лейпциг). Всего в нее входят 62 сказки, преимущественно волшебные. Иллюстрирована книга, и притом превосходно, художницей Е. Зматликовой.

Составители антологии стремились дать читателям представление об основных сюжетах и особенностях западнославянских сказок. Попытки такие делались и раньше, начиная с середины XIX в., сейчас задача эта облегчена тем, что по сказкам каждого из западнославянских народов составлен научный указатель сюжетов.

Конечно, при таком небольшом количестве текстов, тем более отобранных в расчете преимущественно на детского читателя, нельзя ожидать, чтобы книга дала достаточно полное представление о всем богатстве и многообразии сказочного репертуара четырех народов. Однако составителям удалось дать достаточно репрезентативную антологию, передающую специфическую атмосферу, особый аромат сказок западных славян. Так, например, своеобразны польская интерпретация сюжета о скатерти-самобранке «О человеке, который носил колбасы в ад» или чешский вариант известной сказки о длинном, толстом и зорком (в русском варианте «опивало и объедало»), словацкий вариант сказки о коте в сапогах — «Янко, Аничка и лисичка». Есть и сказки, не известные, как правило, в среднеевропейской традиции. Так, чешская сказка о художнике, который рисовал черта, известна еще только в русском варианте.

Книга прежде всего рассчитана на детей, о чем свидетельствуют большой формат, особо четкий шрифт, яркая обложка — на белом фоне веселый пляшущий хоровод сказочных персонажей — прелестные смешные, необычайно выразительные, вместе с тем несущие в себе черты лубка, примитива, и необходимой условности иллюстрации. Однако мимо этой книги не может пройти не только взрослый читатель, но и исследователь славянского фольклора.

Все тексты паспортизованы — указаны их источники и сделаны ссылки на соответствующие номера и страницы указателей, где интересующийся данным сюжетом читатель получит сведения о параллельных вариантах. Несомненно, у взрослого читателя вызовет интерес и небольшое послесловие, написанное Паулем Недо. В его статье раскрывается общность западнославянских сказок и указываются их исторические предпосылки. Автор отмечает также характерные особенности сказочного репертуара каждого из народов, сказки которых вошли в книгу; эти особенности определяются этническими, социально-экономическими и культурными факторами. Указываются и межэтнические связи, повлиявшие на появление тех или иных сюжетов в репертуаре каждого из западнославянских народов. Особое внимание уделено локальной специфике западнославянских вариантов широко распространенных международных сказочных сюжетов. П. Недо пишет, что читатель встретит в книге много издавна знакомых сюжетов и мотивов, но вместе с тем убедится, что конкретное воспроизведение распространенной фабулы в западнославянской версии оригинально, необычно, полно фантазии и крайне увлекательно.

Обращаясь к рассмотрению источников антологии, П. Недо указывает их разное качество, что поставило перед составителями задачу редактирования отдельных текстов. Проводилось это с необходимой осторожностью и учетом требований науки, причем редакторы не допускали каких-либо изменений сюжетов и мотивов и старательно избегали излишнего олитературивания текста.

Большие трудности стояли и перед переводчиками, в частности при переводе особенно своеобразных по стилю словацких сказок.

Отмечая, что сказка у западных славян, за исключением некоторых районов Словакии и Моравии, почти исчезла в живом бытовании и что вместе с тем сохранился интерес к «книжной» сказке, П. Недо говорит о стремлении составителей антологии «Липа со стеклянными листочками» сохранить в книге исконную, специфическую форму народного рассказа, существо «народной поэзии».

Авторский коллектив — составители, художники, и в первую очередь П. Недо, в данном случае выступающий как составитель, переводчик, редактор и комментатор, безусловно, эту трудную задачу выполнил.

В «Литературной газете» была опубликована интересная статья Д. М. Молдавского¹, сетовавшего на то, что многочисленные сборники сказок, издаваемые у нас в СССР и рядом не пригодны для научной работы, так как не имеют должного, хотя бы минимального научного аппарата.

Сборник, вышедший в издательстве «Domovina», может служить образцом учета интересов самых широких читательских кругов и самых требовательных исследователей.

Э. В. Померанцева

¹ Д. М. Молдавский, Сказка — это серьезно. «Литературная газета», 1972, 20 августа.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, 319 стр.

Рецензируемый сборник (отв. редакторы А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов), содержит девять статей, каждая из которых посвящена одной из стран Юго-Восточной Азии, а также обобщающее заключение.

Статьи, как правило, состоят из вводной части, содержащей описание этнического состава населения страны и ее этнической истории, и основной части, где рассматриваются собственно этнические процессы в доколониальный и колониальный периоды и со времени завоевания независимости до наших дней. Такая структура обусловлена характером излагаемого материала: этнические процессы обычно порождаются политическими, экономическими и другими факторами, которые выступают и в роли условий протекания этнических процессов. Поэтому изучить и понять сами этнические процессы нельзя без изучения причин и условий, их порождающих.

Указанные условия чрезвычайно разнообразны в Юго-Восточной Азии. Население этого региона составляет немногим более 7% населения мира, или около 13% населения Зарубежной Азии. Однако в Юго-Восточной Азии живет около 500 народов: в Бирме — около 50, во Вьетнаме — около 70, в Индонезии — свыше 150, в Лаосе — око-

ло 30, в Малайзии — более 50, в Таиланде — свыше 25, на Филиппинах — почти 100 народов.

Деять стран рассматриваемого региона можно разделить на две группы. В первую войдут Бирма, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Тайланд. В этих странах по численности преобладает один народ (соответственно бирманцы, вьеты, кхмеры, лао, тай и китайцы), а остальное население состоит из большого числа народов, находящихся на положении национальных меньшинств. Во второй группе стран (Индонезия, Филиппины и Малайзия), кроме множества малых, живут по крайней мере несколько крупных народов. Естественно, что перед правительствами указанных групп стран стоят различные национальные проблемы.

Особняком стоит Сингапур, в котором, несмотря на абсолютное преобладание китайцев (76,2%), малайцы (15%) и индийцы (7%) занимают равное с ними положение.

Для первой группы стран характерна проблема взаимоотношения основного, доминирующего во всех сферах государственной, политической и общественной жизни народа с национальными меньшинствами. Для второй — основой этнических процессов является культурная и языковая интеграция крупных народов и ассимиляция ими малых, что в итоге приводит к этнической консолидации всего аборигенного населения с перспективой образования в отдаленном будущем в каждой из этих стран единой нации.

Почти все современные народы Бирмы — не аборигены. Существенную роль в формировании этнического состава Бирмы, по мнению автора статьи Г. Г. Стратановича, сыграл миграционный поток переменной мощности и скорости, начавшийся в I тысячелетии до н. э. Сложение бирманской нации, по его мнению, относится к XIX в. (стр. 2). Большой интерес, и не только для Бирмы, представляют народы с «разбросанной территорией» (стр. 12), во многих случаях разделенные еще и государственными границами. Г. Г. Стратанович называет такие народы введенным им термином «дисперсные народности» (стр. 13). Современные этнические процессы в Бирме сводятся, по мнению автора, к взаимоотношению бирманцев (70% населения) с малыми народами, которым правительство предоставляет автономию, одновременно давая им равные гражданские права, независимо от национальности, религии, социального положения и пола (стр. 29).

Г. Г. Стратанович написал и статью о Лаосе. Колониальное господство и особая экономическая политика Франции в этой стране, а также фактическое разделение ее на две части после второй мировой войны привели к тому, что в Лаосе, как указывает автор, еще не завершилось образование нации лао. Этот процесс идет замедленно, причем «своеобразие его связано с формированием зональных межэтнических областей» (стр. 208).

В статье о Вьетнаме, написанной А. И. Мухлиновым, использованы его полевые материалы. В вводной части помещены таблицы («Этнолингвистическая классификация народов Вьетнама» и «Различные этнонимы народов Вьетнама»), которые, несомненно, помогут читателю разобраться в сложном этническом составе населения. Автор излагает также различные точки зрения о путях и времени возникновения вьетской нации и обосновывает свое мнение, согласно которому процесс формирования вьетской нации начался в XVIII в., а ее становление в рамках буржуазного развития продолжалось вплоть до победы народно-демократической революции 1945 г. (стр. 105). В статье делается попытка дать классификацию этнических общностей, живущих во Вьетнаме. Автор выделяет четыре типа: нацию, народность, тип, переходный от группы родственных племен к народности, и этнографические группы (стр. 106—107). Нам представляется, что переход от группы родственных племен к народности есть не что иное, как сосуществование черт, присущих как племени, так и народности, переходное состояние от одного типа этнической общности (племени) к другому (народности), и выделять его в качестве самостоятельного типа неправомерно. В заключение автор подчеркивает особенность этнических процессов на юге Вьетнама и в ДРВ, где они проходят в условиях строительства социализма.

Кхмеры в Камбодже (автор статьи — Я. В. Чеснов) составляют более 85% населения. По мнению автора, тенденции к национальной консолидации стали проявляться у кхмеров в середине XIX в. К сожалению, увлекшись описанием социально-экономических и политических условий, он оставил вопрос о времени окончательного сложения кхмерской нации открытым. По мнению автора, «Камбодже, где наряду с кхмерами живет целый ряд других народов, на протяжении всей ее истории... были свойственны культурное сближение народов и процесс постепенного втягивания в кхмерскую культурную и этническую среду представителей других народов» (стр. 189).

Одна из лучших в сборнике — статья о Таиланде, написанная Е. В. Ивановой. В Таиланде тай не составляют абсолютного большинства населения, но занимают ведущее положение в политической и других областях жизни страны. Автор указывает, что национальная политика правительства направлена прежде всего на насильственную ассимиляцию (стр. 265). Тайские националисты стремятся распространить понятие «тайская нация» не только на таязычные народы, расселенные в Таиланде и за его пределами, но и на большую часть народов, живущих в Таиланде, независимо от их фактической этнической принадлежности и самосознания (стр. 266). Заключает статью вывод автора о том, что основным направлением национального развития в Таиланде в настоящее время является, по-видимому, разрастание тайской нации за счет народов, находящихся на положении национальных меньшинств (стр. 277).

А. М. Решетов подробно излагает политическую и социально-экономическую историю Сингапура и приходит к выводу, что национально-политическое единство народов этой своеобразной страны — факт несомненный (стр. 246).

Автор отмечает также плодотворную деятельность правительства по сближению всех этнических групп и укреплению общесингапурского самосознания. Правительство прилагает усилия к тому, чтобы это государство не походило на «китайский город» (стр. 250).

Одна из наиболее интересных и сложных в этническом отношении стран Юго-Восточной Азии, несомненно, Индонезия. Автор статьи, посвященной этому региону, Ю. В. Маретин, употребляет для Индонезии термин «полиэтническая страна», как более широкий по сравнению с термином «многонациональная страна». Последний, по его мнению, может быть употреблен лишь к странам, состоящим из нескольких наций. Ю. В. Маретин производит «многонациональный» от «нации». Однако в научной и политической литературе этот термин обычно соотносится с «национальностью» и в этом случае «многонациональный» тождествен «полиэтническому», а следовательно, его употребление едва ли оправдано.

Статья содержит классификацию существующих в Индонезии этнических общностей. Она включает «кочевые племена охотников и собирателей... группы племен, находящиеся на стадии формирования в народность, народности или группы народностей, формирующиеся в нации, и наконец, сложившиеся нации» (стр. 117). Кроме указанных, автор выделяет и «этнические общности переходного характера — когда из группы родственных племен формируется одна или более чем одна народность» (стр. 118). Но эти этнические общности переходного характера тождественны, на наш взгляд, его же группам племен, находящихся на стадии формирования в народность (стр. 117). Нельзя не согласиться с заключительным выводом о том, что в стране идет, с одной стороны, процесс естественной этнической консолидации отдельных этносов страны в народности, нации и некие сложные переходные общности, не имеющие пока адекватного терминологического определения; с другой — отчасти естественного, отчасти искусственного формирования индонезийского единства (стр. 165). Несмотря на дискуссионность отдельных выводов Ю. В. Маретина, его статья — одна из лучших в сборнике.

К наиболее удачным относится и статья Е. В. Ревуненковой о Малайзии. По мнению автора, «сложность национальной структуры Малайзии в отличие от других стран Юго-Восточной Азии состоит не во взаимоотношениях крупных народов с национальными меньшинствами, а во взаимоотношениях местного населения (малайского) с пришлым (китайским и индийским), которое по численности превосходит местное (стр. 215). Спорным, на наш взгляд, представляется предложение Е. В. Ревуненковой называть малайзийское общество «плюральным» (стр. 222). Анализируя этнические взаимоотношения в стране и национальную политику малайзийского правительства, автор отмечает, что «для сохранения „национального согласия“ следует всемерно и на равных условиях удовлетворять интересы всех трех групп населения в области экономики, политики и культуры. Правительственным кругам уже сейчас стало ясно, что необходимо делать упор на факторы, сближающие народы, и что они не должны быть исключительно малайскими» (стр. 231).

Особняком стоит в сборнике статья о Филиппинах (автор Е. Ю. Плотник), занимающая всего шесть страниц. Основные ее положения не вызывают возражений, но по сравнению с другими статьями материал в ней изложен слишком сжато, что в данном случае не является достоинством. В сборнике следовало бы, на наш взгляд, уделить значительно больше внимания такой сложной в этническом отношении стране, как Филиппины.

Интересно заключение, написанное Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым. Содержащиеся в нем обобщения помогут читателю разобраться в чрезвычайно сложной этнической ситуации Юго-Восточной Азии и в особенностях протекающих там этнических процессов. Авторы подробно анализируют особенности развития феодальных и капиталистических отношений и последствия колониальной зависимости, показывают, насколько сложными и многообразными были общественно-исторические предпосылки этнических процессов в странах Юго-Восточной Азии (стр. 291). Большое место в разделе уделено хозяйственно-культурным типам, которые «играют весьма существенную роль в направлении и специфике этнического развития различных народов» (стр. 292) и являются значительным этнообразующим фактором, влияющим на численность и демографический состав этнических общностей (стр. 295—296).

Н. Н. Чебоксаров — один из авторов учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Концепция историко-этнографических областей получила здесь дальнейшее развитие: в пределах основных историко-этнографических провинций выделяются области второго порядка, которые во многих случаях полностью или частично совпадают с политическими образованиями, т. е. с государствами (стр. 298—299). Авторы особенно подчеркивают тесную причинно-следственную связь между историко-этнографическими областями второго порядка и возникающими и существующими именно в пределах этих областей государствами, население которых в советской литературе называют «этнополитическими или национально-политическими общностями» (стр. 315).

Заслугой авторов является, несомненно, то, что они рассматривают этническую историю и современные этнические процессы в Юго-Восточной Азии не изолированно,

а в тесной связи с общемировым историческим процессом, подчеркивая, что социально-экономические, политические и национальные процессы «протекают в каждую эпоху в определенной исторической среде» (стр. 315). Авторы отмечают также, что, поскольку в большинстве стран Юго-Восточной Азии буржуазия состояла из представителей некоренного населения (индийцы, китайцы), «опорой национальных революций здесь стали рабочий класс, близкие к нему социальные группы трудящихся (ремесленники, поденщики и др.), крестьянство и местная интеллигенция, роль которой была особенно важна в организационном и идеологическом оформлении освободительного движения» (стр. 316). Заключает статью и книгу в целом вывод авторов о том, что в Юго-Восточной Азии в современную эпоху формирование наций «выступает как главная черта всех этнических процессов, которые, во-первых, охватили основные массы населения и, во-вторых, наложили свой отпечаток на этническое развитие народов, в него еще не включенных» (стр. 315).

К недостаткам рецензируемого сборника следует отнести чрезмерное увлечение в некоторых статьях описанием социально-экономической и политической истории в ущерб этнической. Больше внимание авторы должны были бы уделить и терминологии, оговаривая в каждой статье свое понимание употребляемых понятий. Особенно осторожно следовало бы обращаться с термином «народность», так как определения этому понятию, по сути, не дано. Нам кажется, что прежде чем говорить о «народности» или «нации», нужно выяснить, сложилась ли сама этническая общность, а потом уже относиться ее к той или иной стадии. Как, например, в статье «Бирма» понимать фразу: «Однако сложившаяся в этот период шаньская народность так и не достигла единства, она осталась дисперсной и слабоконсолидированной даже до наших дней» (стр. 8)? Что означает в статье «Индонезия» «национальная консолидация», если «яванцы — этнос, наиболее далеко ушедший по пути национальной консолидации» (стр. 146), балийцы — «высококонсолидированный этнос, идущий по пути национальной консолидации» (стр. 147) и «комплекс признаков, говорящий о высокой степени национальной консолидации, присутствует у минангкабау, аче, малайцев Восточной Суматры (риау-палембангов), а также у тоба-батаков» (стр. 149)? Или что понимается в статье «Камбоджа» под «национальной консолидацией», если в середине XIX века в Камбодже «начали проявляться тенденции к национальной консолидации» (стр. 178) и в то же время начался период «так называемого национального возрождения» (стр. 179)?

Завершая обзор сборника «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», отметим, что, несмотря на отдельные недостатки, а также на досадные опечатки, эта книга, несомненно, представляет собой значительный вклад в изучение народов Юго-Восточной Азии.

А. И. Кузнецов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

«Estudios de cultura Náhuatl». vol. I—IX. México, 1959—1971.

Серию «Estudios de cultura Náhuatl» («Изучение культуры нахуа») выпускает в свет Семинар по культуре нахуа, организованный при Национальном автономном университете Мехико. Ее основные задачи определены в предисловии к I тому, которое принадлежит перу руководителя Семинара, известного мексиканского ученого Анхеля Марии Гарибая. Главную роль издания он видит в сборе и обобщении материалов по культуре нахуа, чтобы «понять душу народа, оживить его прошлое».

Племена языковой группы нахуа (ацтеки, тлашкаланцы, древние тольтеки и др.) расселены главным образом на севере и в центре Мексики, отдельные нахуатльские группы встречаются на юге страны. Больше всего сведений собрано об ацтеках. В серии имеются и статьи, посвященные другим народам Месоамерики.

С 1959 по 1969 г. вышло восемь томов серии, а в 1971 г. — девятый. Среди авторов — ученые Мексики, США, Франции, Голландии, Австрии. Их работы дают возможность познакомиться с основными взглядами зарубежных этнографов на культуру народов нахуа.

Несколько слов об авторах и редакторах. Семь томов вышли под редакцией крупнейшего специалиста по истории и культуре племен нахуа А. М. Гарибая. Восьмой и девятый тома — под редакцией Мигеля Леон-Портильи, крупнейшего знатока духовной культуры этих народов.

А. М. Гарибай — церковный деятель и в то же время крупный ученый, известный специалист по литературе древних народов Месоамерики, собравший и издавший много литературных произведений нахуа раннего периода. Язык этих произведений он считал важным источником для изучения истории и идеологии народа. В последние годы жизни А. М. Гарибай возглавлял издание Словаря по истории и географии Мексики. За выдающиеся научные заслуги он был избран почетным доктором Мексиканского университета. 70-летнему юбилею этого ученого посвящен IV том серии.

В подготовке рецензируемого издания участвовали также многие известные мексиканские исследователи: крупнейший специалист по календарям Месоамерики, директор Национального индейского института доктор А. Касо; директор Института эстетических исследований, специалист по древнему и современному искусству Мексики Х. Фернан-

дес; директор Межамериканского индейского института М. Леон-Портилья, известный советским читателям по книге «Философия нахуа»; директор Национального музея антропологии и истории И. Берналь, изучавший города Центральной Мексики; руководитель Семинара по культуре майя А. Рус Луильер.

Из иностранных участников Семинара по культуре нахуа наиболее известны Ч. Э. Диббл (США), опубликовавший в серии несколько источников по культуре нахуа; Л. Г. Фельдман (Великобритания), Ф. Кац (Австрия); Р. ван Зантвик (Голландия); Л. Сежурне (Франция), проводившая раскопки в Теотиуакане.

Большое внимание в серии уделяется историческим источникам — археологическим, этнографическим — и литературе. Несмотря на то, что археологические раскопки ведутся в Мексике очень интенсивно, им посвящено лишь несколько статей. Л. Сежурне (т. I и III) обобщает результаты раскопок, проводившихся под ее руководством в Теотиуакане с 1955 г. и говорит о необходимости комплексного изучения культур Нового Света, применения в археологии достижений и методики естественных наук. На основании анализа своих материалов Л. Сежурне приходит к выводу, что Теотиуакан — чисто религиозный центр. И. Берналь, напротив, видит в этом городе центр огромной «империи», распространившей свое влияние на всю Месоамерику (т. V). Другая его статья содержит описание крестообразного склепа в Митле, обнаруженного в результате археологических раскопок в 1960—1961 гг. (т. IV).

К. Мартинес рассказывает об экспозиции по культуре мешика в новом здании Музея антропологии в Мехико (т. V).

Интересный этнографический материал приводит в своей статье А. Эспехо (т. IV). Она описывает жизнь современной индейской деревни; особенно подробно останавливается на обряде вызывания дождя. Большую ценность представляют приведенные автором тексты на нахуатль и испанском языках. Важные этнографические сведения, касающиеся терминов родства в языке нахуатль, приводит П. Карраско (т. VI).

Многие статьи представляют собой публикации разнообразных письменных источников с комментариями авторов: кодексов, карт, полотен, пиктографических, либо написанных испанскими буквами на нахуатль, писем монахов. Основная часть этих документов относится к периоду конкисты. В ряде статей рассказывается история собрания источников. Так, Э. Беррус показывает, как создавалась коллекция мексиканского ученого XVIII в. Сигуэнсы-и-Гонторы, а также дает библиографию сочинений индейских историков времен конкисты и других источников (т. I). Ж. Бодо рассказывает об истории собрания материалов коллекции Л. Ботурины (т. I). В приложении к этой статье перечисляются индейские хронисты. Работа М. Каррера Стампы (т. V) представляет собой библиографию всех известных источников по культуре нахуа; автор указывает их местонахождение в настоящее время.

В статьях В. М. Кастильо и А. М. Гарибая (т. VII) опубликовано два источника, посвященных истории и культуре доиспанского периода. Х. Альсина Франч впервые приводит обнаруженные им «Ацтекский манускрипт из Военного музея Мадрида» (т. II). П. Карраско публикует письма монахов о системе уплаты дани индейцам (ацтекам) и испанцам покоренными ими племенами (т. VII). В VIII томе в статье того же автора приводятся документы о судебной тяжбе между ноноалками и тарасками. «Койоаканский кодекс» — список предметов дани XVI в. представлен М. Леон-Портильей (т. IX).

Большая часть напечатанных в серии источников взята из трудов Бернардино де Саагуна, собравшего основные сведения о доиспанской Мексике. Некоторые из его сочинений опубликованы только на нахуатль, тем большую ценность имеют их переводы на европейские языки. Многие материалы взяты из опубликованного Саагуном Флорентийского кодекса. Л. Лопес Аустин приводит сведения о медицинских познаниях индейцев и словарь, содержащий названия заболеваний (т. VII). Тот же автор в статье «О медицинских познаниях и других медицинских средствах» впервые напечатал на нахуатль и испанском языках соответствующие отрывки из Мадридского и Флорентийского кодексов (т. IX).

Т. Д. Салливан перевела из Флорентийского кодекса материалы о родильных обрядах (т. VII). Родильным обрядам нахуа посвящена и статья Х. Гарсиа Кинтана (т. VII). Глава из Флорентийского кодекса, рассказывающая о воспитании детей, приводится в статье Ж. Форе (т. II). Т. Д. Салливан опубликовала также нахуатльские пословицы, загадки и метафоры, собранные Саагуном (т. IV) и «Молитву Глалоку» (т. V). Тексты о видах и качестве дорог в доиспанской Мексике приводятся в статье В. М. Кастильо (т. VIII). Статья А. Лопеса Аустина о большом храме Мехико — Теночтитлана (т. V), по существу представляет собой перевод на испанский язык глав из Флорентийского кодекса. Г. Ф. Клайн представляет тексты из «Общей истории Саагуна» и их переводы на английский язык (т. IX). Отрывок из Флорентийского кодекса, в котором рассказывается о наблюдении ацтеками шаровой молнии накануне пленения Куаутемока, помещен в переводе на английский язык в статье Л. Г. Фельдмана (т. IX).

Очевидно, ко времени конкисты относятся и опубликованные А. М. Гарибаем (т. IV) «Элегантные и метафорические выражения мексиканских индейцев», собранные монахом Хуаном де Михангосом.

Ряд источников представил Ф. Оркасита. Это «Тексты из Шалтепостлы, Пуэбла» (совместно с Линдоро Крус) — т. II; «Свадьба в Амейялтепек» — т. V; документ XIX в. — «Обращение на нахуатль дона Карлоса Мариа де Бустаманте» — т. VIII.

В серии опубликовано также немало литературных произведений. Это «История Тохуэнь», впервые записанная Саагуном — т. I; «Рассказ о дне мертвых» (из архива Р. Барлоу) — т. II; «Икуик масехуалли, индейская песня» — т. IV и «Лос Шошокотерос, индейская пьеса» — т. VII (из того же архива). Поэмы Ашаякатля приводятся в статье М. Леон-Портильи — т. VI.

Как видим, литература нахуа разнообразна по жанрам и по тематике. Ее анализу посвящено в серии несколько статей. Так, А. Сарате (т. III) и Д. Милиани (т. IV) пишут об основных идеях литературы нахуа, ее философии, о положении поэта. Любопытно, что многие вопросы творчества поэты решали на своих собраниях. В т. V помещена статья А. М. Гарибая о жизни и творчестве древнего поэта нахуа Куакуатчина.

В ряде работ источниковедческого характера анализируется деятельность Б. де Саагуна. А. Дж. О. Андерсон показывает обстановку, в которой создавались труды Саагуна (т. II). Спенсер Л. Роджерс и А. Дж. О. Андерсон (т. V) сравнивают анатомические термины в трудах Саагуна с терминами словарей времён конкисы. К трудам Саагуна имеет отношение и коллекция рукописей, описанная в статье А. Дж. О. Андерсона (т. IV). Частному вопросу — о стиле работ Саагуна — посвящена статья Ч. Э. Диббла и Н. Б. Миккельсен (т. IX).

А. Лопес Аустин в статье «Ночной топор» комментирует текст из Флорентийского кодекса о божестве Тескатлипоке (т. IV). Фонетические знаки Флорентийского кодекса анализируются в статье Ч. Э. Диббла (т. IV). К ней тематически близка статья А. Касо (т. IV), дающая некоторое представление о письме у нахуа. Анализ одного из вариантов легенды о солнцах содержится в статье С. Е. Андерсон «Открытие зерна» (т. II). Варианты легенды о солнцах из разных источников, комментируются также в статье Р. Морено де лос Аркос (т. VII). Комментарий к последнему листу кодекса Шолотля содержится в статье Ч. Э. Диббла (т. V). Почти все названные статьи имеют иллюстрации.

Статья М. Леон-Портильи (т. VIII) посвящена деятельности президента Второй Аудиенции (административного органа королевской власти в Новой Испании), собиравшего сведения о культуре нахуа. Автор характеризует методы сбора материала по индейской культуре Мексики, которым следовал и Саагун. Одна статья посвящена работам Л. Ботурини и других собирателей индейских древностей (т. IX).

Европейцы изучали язык нахуа на протяжении всей колониальной истории и в последующий период. Составлялись его грамматики и словари. Э. Торрорэля комментирует нахуатльскую грамматику Реми Симеона (т. III). Сопоставляя грамматики и словари разных времен, специалисты могут проследить пути развития языка.

В лингвистических статьях рассматриваются как вопросы развития современного языка нахуа, так и история его изучения. Об исследовании современных языков различных групп нахуа говорят статьи Х. А. Хаслера (т. III), А. Гарсиа де Леона и Уильяма Брайта (т. VII). Авторы на конкретном материале показывают, как местные наречия постепенно вытеснялись классическим нахуатль, для которого в свою очередь характерно стремление к замене слов, заимствованных из других языков, словами, образованными по законам нахуаль. Статья Р. ван Зантвика (т. V) посвящена проблемам словообразования в нахуатль.

Чисто грамматические вопросы рассматриваются в статьях В. М. Кастильо, К. Даккин и Р. Морено де лос Аркос (т. VI) и Х. П. Давила Гариби (т. IV). Последний из авторов в двух других статьях (тт. I и VII) анализирует взаимовлияния нахуатль и испанского языков. Несколько особняком среди лингвистических статей стоит интересная работа М. Леон-Портильи о нахуатлизмах в испанском языке Филиппин (т. II). Роль топонимики в изучении истории страны, положения индейцев и состояния индейской культуры анализирует Ф. Анайя Монрой (т. II).

Неправомерно мало места в серии уделяется материальной культуре. Наиболее значительной из работ по этой проблематике является статья Х. Фернандеса Баррера (т. V), описывающая виды и способы изготовления одежды, а также одежду разных слоев общества. О получении и применении растительных и минеральных красителей пишет в своей статье А. Дж. О. Андерсон (т. IV). Э. С. дель Посо (т. V) сообщает о видах лекарственных трав, применявшихся индейцами, и способах их употребления. Об использовании ацтеками какао сообщает Ж. Дюран-Форе (т. VII). В своей статье, опубликованной в т. IX, она прослеживает функционирование различных денежных знаков у ацтеков.

Целый ряд статей относится к политической истории и государственному устройству нахуа. Два автора дают критический анализ различных взглядов на ацтекское государство, высказанных в литературе. Это Л. Г. Фельдман, представивший работы «Противоречие в исторической интерпретации ацтекского государства, общества, культуры» (т. VI) и Д. Р. Мориарти, выступивший со статьей «Доиспанское ацтекское государство. Сравнение точек зрения прогрессивных культурных эволюционистов и других его интерпретаторов» (т. V). Политическое устройство городов нахуа описано в статьях А. М. Гарибая (т. III) и Р. Эрнандеса (т. VI). Несколько статей рассматривают политическое устройство государства ацтеков. Р. ван Зантвик (тт. III, IV, VIII) анализирует внешнюю и внутреннюю политику государства ацтеков, правовое положение жителей Теночтитлана, историю и административно-государственное деление Тлакопана (1430—1520 гг.). Автор пытается показать, как сами ацтеки понимали роль

государства, и для доказательства своих построений приводит ацтекские тексты о богах. Описывая внутреннее строение государства ацтеков, Р. ван Зантвик утверждает, что коллективная вождь, членение государства на определенное число областей, число союзников теночтитлана можно было бы объяснить, исходя из мифов.

О взаимоотношениях городов долины Мехико до завоевания Ашякатля говорится в статье Х. Литвак Кинга. Автор указывает на особое положение Тлателолко как торгового города (т. IX).

Ф. Кац (т. II) показывает различия в уровне хозяйственного и культурного развития ацтеков и инков во второй половине XV в., Лопес Аустин (т. VI) пишет о группах людей, организации которых напоминают тайные мужские союзы. Эти группы находились на службе у частных лиц и использовались для борьбы против врагов своих хозяев.

Об аккультурации племен Центральной Мексики говорят Р. Эрнандес (т. V) и М. Леон-Портилья (т. VII). Интересны сведения о том, что чичимеки — собирательное название; в их состав входили племена, относившиеся к разным языковым группам, объединенным еще и этнонимом пополоки — древним синонимом варварства.

Самой популярной темой в серии, как и вообще в зарубежных исследованиях культуры народов нахуа, является религия. Возможно, такая традиция идет еще от первых хронистов (преимущественно монахов). В ряде статей описаны космогонические и религиозно-философские представления, символы, употреблявшиеся для изображения богов, религиозные обычаи и обряды, народные верования, религиозные организации.

А. Лопес Аустин (т. II), В. Т. Мендоса (т. III), А. Рус Луильер (т. IV) показывают представления нахуа о загробном мире. Так, эти племена верили, что покойники занимают определенное положение в загробном мире в зависимости от того, какой смертью они умерли. Анализируя взгляды нахуа о загробной жизни, А. Лопес Аустин показывает постепенное слияние верований оседлых земледельцев и кочевников. В. Т. Мендоса сопоставляет мифы ацтеков, майя и древних скандинавов, в которых отражаются их представления о загробном мире.

Несколько особняком стоит статья С. Марти, рассматривающая символику цветов (т. II). Определенные цвета соответствовали тем или иным божествам, странам света, предметам и животным. В сходстве символов у нахуа и майя автор усматривает одно из доказательств существования некоей общности в культуре этих народов.

Ряд авторов анализирует отражение в произведениях искусства нахуа их религиозных представлений. Х. Альберто Манрике (т. II) и Д. Соди (т. III) воспроизводят своего рода теорию искусства, существовавшую у нахуа, согласно которой творчество понималось как одухотворение вещей в процессе их создания. В этих идеях сказывается влияние представлений толтекков о художественном творчестве. «Прародиной» многих представлений и обычаев Д. Соди считает Теотиуакан и отмечает влияние ольмекков в архитектуре, керамике, живописи нахуа. Статья иллюстрирована легендой о сотворении мира (из «Анналов Куатитлана»), в которой расшифрованы имена богов. В статьях Х. Фернандеса (тт. I, IV) показывается связь эстетических и религиозных воззрений нахуа. В изображении на статуе Койлошауки автор видит отголоски матриархальных отношений в обществе нахуа. В одной из его статей (т. IV) прослеживается процесс превращения одних богов в другие и возникновения единого бога, что отражает усиление деспотической власти правителя.

А. Эстрада Кеведо описывает обычай покаяния (т. II), Л. Кнаут — ритуальное употребление опьяняющих грибов (т. III).

С. Лисарди Рамос сравнивает изображения игроков в мяч у нахуа и майя (игра в мяч имеет отношение к определенному религиозному обряду) (т. IX). К. Агилер показывает связь одного, предположительно негроидного божества в пантеоне ацтеков с культом бога Тескатлипоки и некоторыми обычаями хуастеков (т. IX).

Изображениям аксолотля и связанным с ним поверьям посвящена статья Р. Морено (т. VIII). Современные религиозные представления народов Южной Мексики описаны А. Гарсиа де Леоном (т. VIII). Религиозная организация нахуа частично отражена в статье А. Лопеса Аустина (т. VII).

Проблемы религиозной борьбы, развернувшейся после испанского завоевания, затрагивает Р. ван Зантвик (т. I). Его статья опубликована на нахуатль с испанским переводом.

Ряд авторов анализирует древние календари Мексики. Крупнейший специалист в этой области А. Касо (т. I) рассматривает историю вопроса и дает свою корреляцию года «I — Тростник» в соответствии с датами европейского календаря. С. Лисарди Рамос (т. VIII) критикует некоторые выводы А. Касо. Х. Альсина Франч (т. VI) описывает доиспанские сапотекские календари по документам XVI и XVII вв. Частный вопрос, связанный с календарями, рассматривает Г. Б. Никольсон (т. VI). В. М. Кастильо отмечает, что последний из дней ацтекского календаря, имевших название, длился 48 часов (т. IX).

Во всех упоминавшихся выше статьях говорилось о частных проблемах материальной и духовной культуры нахуа и некоторых других народов Месоамерики, их социальной организации и политического строя.

Общим вопросам развития цивилизации в Центральной Америке посвящена статья И. Бернала (т. II). В ней автор стремится определить применимость взглядов А. Тойнби

на сущность исторического процесса к изучению Месоамерики. И. Берналь считает, что, изучая историю древних цивилизаций, можно найти пути предотвращения гибели современной цивилизации.

В заключение следует отметить, что серия «Estudios de cultura Náhuatl», благодаря своей обширной тематике, представляет интерес не только для этнографов, но и для историков древнего мира, философов, специалистов по литературе древних народов, лингвистов и т. д.

В. Г. Сергеева

НАРОДЫ АФРИКИ

Л. Е. Куббель. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974, 432 стр.

В последнее время стало модным говорить о синтезе научных дисциплин, причем не только естественных, но и гуманитарных. Однако опыт показывает, что в теории он иногда осуществляется легче, чем на практике. Книга Л. Е. Куббеля является примером достаточно удачного решения этой задачи. Она написана на стыке истории и этнографии и в обоих своих аспектах посвящена весьма актуальным и далеко еще не во всем решенным проблемам.

С одной стороны, последние годы отмечены заметным усилением внимания советских африканистов к вопросам социальной и политической организации доколониальных обществ, к монографическому исследованию таких вопросов. Причина этого заключается, по-видимому, не только в том, что накопленный фактический материал делает возможным переход от работ типа очерков общего характера к более углубленному анализу существенных элементов структуры и функционирования конкретных социальных организмов. Без такого анализа во многих случаях просто невозможно понять современные формы общественной и политической жизни в молодых африканских государствах.

С другой стороны, материалы африканских обществ дают богатую пищу для размышления в связи с теми дискуссиями о формах и закономерностях развития докапиталистических обществ, которые ведутся сейчас среди наших историков и этнографов.

Работу Л. Е. Куббеля практически можно рассматривать как завершающее звено в серии многолетних и весьма успешных исследований, сделанных им по средневековой истории и этнографии народов Западного Судана. Таким образом, рецензируемая книга оказывается как бы итоговой и позволяет автору более детально рассмотреть отдельные вопросы, уже поднимавшиеся им ранее, и уточнить сделанные на основании такого уточнения выводы¹.

Л. Е. Куббель рассматривает в книге социально-политическую структуру одного из наиболее развитых доколониальных обществ Западной Африки — государства Сонгай в период его расцвета, т. е. во второй половине XV—XVI в. Автор вполне сознательно ограничился исследованием только социальной организации государства Сонгай, а также его политико-административной и идеологической надстройки. Богатство использованного в книге фактического материала и широта поставленных в ней проблем, далеко выходящих за пределы собственно африканского региона, вполне оправдывают такое ограничение.

Нет смысла пересказывать содержание книги Л. Е. Куббеля. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее важных и общих проблемах из многих затронутых в книге.

На первом месте среди них следует назвать соотношение общего и частного в историческом развитии африканских народов. Анализируя эволюцию социального строя и политических институтов сонгайского общества, Л. Е. Куббель последовательно, а иногда, с нашей точки зрения, даже чересчур настойчиво проводит мысль о том, что в истории средневековых обществ Западной Африки решающую роль играли те же самые общесоциальные закономерности, которые определяли ход развития в других частях земного шара. Он решительно возражает против попыток отдельных африканских исследователей утвердить тезис об «особом» пути развития африканских народов (стр. 5, 6, 187, 371, 372). «Внимательное и объективное рассмотрение тех черт, какие обычно выдают за отличительные особенности этого „особого пути“, — пишет автор, — прежде всего довольно сильных норм общинного коллективизма и связанных с ним социально-пси-

¹ См.: Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, «Африканский этнографический сборник, V», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 76, М.—Л., 1963; его же, К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв., «Африка в советских исследованиях. Ежегодник», т. I, вып. 1, М., 1968; его же, Страна золота, М., 1966, и др.

хологических установок, показывает, что они вполне вписываются в рамки магистральной линии развития человеческого общества от родового к классовому, оставаясь лишь специфическими вариантами локального проявления общих закономерностей» (стр. 6).

Л. Е. Куббель вовсе не отрицает значительного своеобразие пути, по которому развивались народы Судана и остальной Африки. Наоборот, он подробно останавливается на чертах локальной специфики, показывая, однако, на значительном материале определяющую роль общенсторических закономерностей в истории Судана и всей Африки в целом. Автор отстаивает положение о феодальном характере доколониальных классовых обществ в Африке. Признавая серьезность аргументов зарубежных исследователей-марксистов, которые подчеркивают то обстоятельство, что в Африке отсутствовала феодальная собственность на землю, во всяком случае в привычных для Европы формах (стр. 3), он в то же время показывает, что характер эксплуатации непосредственных производителей был в принципе аналогичен тому, который был присущ отношениям эксплуатации в Европе и на Дальнем Востоке. По-видимому, проблема в целом еще ждет своего решения. Но надо отметить, что в доказательство своей точки зрения Л. Е. Куббель приводит такие факты, которые до настоящего времени не привлекали должного внимания, хотя и были достаточно хорошо известны. В качестве примера можно сослаться на тезис об аналогии между развитием повинностей зависимого населения Сонгайской державы и эволюцией форм поземельного налога — хараджа — на средневековом Ближнем Востоке (стр. 162). Эта мысль обоснована и весьма оригинальна и заслуживает внимания специалистов. Другой пример того же рода — исследование процесса постепенного отнесения новой аристократией («царские люди», как их определяет автор) старой родовой знати в средневековом Мали (стр. 355—357).

Стремясь доказать тезис об определяющей роли общенсторических закономерностей в общественном развитии Сонгайской державы в сравнении с локальной спецификой, автор убедительно демонстрирует, что те формы социально-экономической структуры и идеологических институтов, какими характеризуется Сонгайская держава в пору ее расцвета, выросли в основном из традиционно африканских, локальных форм и институтов, а вовсе не обязаны своим появлением в Западном Судане исключительно заимствованиям у более развитых североафриканских соседей.

Это положение доказывается Л. Е. Куббелем путем анализа самых различных элементов социально-политической структуры общества и его идеологии (см., например, стр. 111—113, 172, 173, 260—264 и др.). Он высказывает очень интересную и, по-видимому, плодотворную идею о том, «что именно взаимодействие исконно западносуданских и заимствованных мусульманских элементов создало тот сложный комплекс социально-политических явлений, который позволяет рассматривать Сонгайскую державу второй половины XV—XVI в. как своеобразный вариант феодального синтеза в западносуданских условиях, принципиально аналогичный европейским или переднеазиатским его образцам» (стр. 6—7).

Вместе с тем детальное рассмотрение форм и характера зависимости и повинностей непосредственных производителей Сонгайской державы и предшествовавших ей Ганы и Мали (стр. 132—167) в сочетании со сравнительным анализом административно-политической структуры этих государственных образований приводит автора к таким выводам об уровне развития западносуданской государственности, которые могут рассматриваться как известное уточнение его прежних взглядов (стр. 368, 369). Например, мнение о раннеклассовом характере малийского общества в рецензируемой книге выражено гораздо определеннее, чем в прежних работах Л. Е. Куббеля². И надо признать, что его нынешняя точка зрения выглядит более убедительной.

Заметный интерес представляет и другая важнейшая проблема, неизбежно возникающая в ходе изучения социальных структур средневекового Западного Судана, — взаимоотношение центра и периферии в историческом развитии. Автор придерживается мнения о принципиальном различии между обществами периферийных областей, лежащими в непосредственном соседстве с цивилизациями («ближняя периферия») и обществами, более удаленными от последних («дальняя периферия»). Политико-географическое положение западносуданских обществ в качестве ближней периферии по отношению к переднеазиатским цивилизациям было, как он считает, одной из важнейших причин того, что складывание классового общества в Западном Судане начиналось с монополизации организационных функций социальной верхушкой, заинтересованной в нормальном функционировании транссахарской торговли (стр. 340—344).

Это положение Л. Е. Куббель убедительно доказывает на большом фактическом материале. Вместе с тем он отмечает, что, по мере того как укреплялись и оформлялись общественные отношения нового типа — классовые отношения, решающая роль в развитии западносуданских обществ все более переходила к внутренним условиям их хозяйственной жизни. Этот процесс хорошо прослеживается при сравнении последовательных этапов социальной эволюции, представленных такими политическими образованиями, как Гана, Мали и Сонгай. Такой подход автора к политической истории Судана оказался в целом весьма плодотворным и позволил объяснить причины смены одних из этих образований другими. Схема исторического развития западносуданских обществ,

² Ср., например: Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, стр. 64—68; его же, Страна золота, стр. 76—78.

предлагаемая Л. Е. Куббелем (стр. 337—373), представляется в достаточной мере обоснованной. Во всяком случае, она дает вполне удовлетворительную основу для дальнейшей разработки социально-экономической и политической истории этого региона, который автор справедливо рассматривает как один из наиболее продвинувшихся в своем общественном развитии в Африке к югу от Сахары.

Большой и самостоятельный интерес представляют высказываемые в рецензируемой книге соображения о культурно-исторической специфике того социально-политического организма, который исследует Л. Е. Куббель, в особенности о месте и особенностях ислама в Сонгайской державе (стр. 317—336). Хочется отметить как серьезное достоинство книги внимание автора к социальной и политической психологии основных групп населения Сонгайской державы (стр. 219—222, 233—245).

Особой похвалы заслуживает источниковедческий раздел книги (стр. 15—65). По существу это вполне самостоятельное, глубокое и оригинальное исследование, в хронологическом отношении охватывающее значительно более широкий период, чем время расцвета Сонгайской державы. Скрупулезный критический анализ всех имевшихся в распоряжении автора источников, безусловно, создал солидную фактическую базу для его исследования и явился основой его успешного выполнения. Думается, что теперь исследователи не только Западного Судана, но и всей средневековой Западной Африки смогут с немалой пользой для себя опираться на результаты большой источниковедческой работы, проделанной Л. Е. Куббелем.

Понятно, что в одной книге невозможно в одинаковой мере глубоко рассмотреть все многочисленные проблемы, возникающие при исследовании истории доколониальных обществ столь обширного региона, как Западный Судан. Естественно, что ее отдельные положения нуждаются в дополнительных доказательствах, некоторые же представляются спорными.

Так, например, мы полагаем, что Л. Е. Куббель, употребляя термин «крепостнические отношения» для характеристики зависимости основных групп производительного населения государства Сонгай (стр. 167), трактует его чрезмерно широко. Не вполне правомерно проводимое автором в отношении сорко противопоставление между субэтнической группой (кстати, в чем отличие субэтнической группы от этнографической?) и кастой (стр. 74—77). По существу почти каждая каста является в той или иной мере субэтнической, а следовательно, и этнографической группой разбираемого этноса. Кроме того, большинство каст, особенно низких, в обществах с типично кастовой системой более или менее отчетливо может быть возведено к этническим, племенным общностям. Вопрос же о языковых отличиях сонгаев и сорко освещен недостаточно.

Возражение вызывает тезис автора, что «для Тропической Африки характерна исключительная устойчивость такой формы общинной организации, как родовая община и ее модификации...» (стр. 4). По-видимому, правильнее говорить не столько о «модификациях», сколько о переходных формах от родовой к соседской общине.

Сомнительным кажется нам и утверждение, что периферийные общества обычно в большей или меньшей степени воспроизводят те формы общественно-экономической и политической организации, которые существуют у их высокоразвитых соседей³, и особенно, что отсутствием образца для подражания отчасти можно объяснить, почему развитие классового общества в Африке не пошло по рабовладельческому пути (стр. 300—361).

Хотелось бы видеть более четкое и детальное описание сонгайской большесемейной общины, нежели то, какое имеется в книге (стр. 168—174), хотя приходится признать, что из имевшихся в его распоряжении источников автор извлек, пожалуй, максимум возможного.

Итак, книга Л. Е. Куббеля не лишена недостатков. Однако речь должна идти не столько об ошибках исследователя и соответственно недостатках книги, сколько о сюжетах, которые заслуживали бы дальнейшей разработки как самим автором, так и другими советскими африканистами.

Подводя итоги, можно сказать, что работа Л. Е. Куббеля является большим вкладом не только в отечественную африканистику, но и в исследование проблем классово-развития и социальной эволюции в тех периферийных, «неклассических» обществах, где социально-экономическое развитие имело существенные внешние отличия от классического пути стран Средиземноморья и Западной Европы. Между тем нередко забывают, что именно к подобным обществам принадлежало и принадлежит не менее $\frac{3}{4}$ всего человечества.

Книга Л. Е. Куббеля — хороший образец социально-исторического и этнографического синтеза. Думается, что не только африканисты и специалисты по теоретическим проблемам первобытного и раннеклассового общества, но и исследователи многих конкретных периферийных обществ найдут для себя немало ценного и интересного в этой работе. Поэтому она заслуживает самой положительной оценки.

С. А. Арутюнов

³ Ср. А. М. Хазанов, Проблемы взаимосвязи классовых обществ и первобытной периферии в докапиталистические эпохи, «Народы Азии и Африки», 1972, № 1, стр. 89 и сл.

СОДЕРЖАНИЕ

К пятидесятилетию образования республик Средней Азии

Славный юбилей	3
Ш. Аннаклычев (Ашхабад). К истории формирования рабочего класса Туркменистана	17
С. М. Абрамзон, Г. Н. Симakov, Л. А. Фирштейн (Ленинград). Новь киргизского села	29
Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь (Москва). Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения	46
Г. П. Васильева (Москва). Современное состояние народного декоративно-прикладного искусства туркмен	60
Т. А. Колева (София). Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов	74

Из истории науки

Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Готтлоб Краузе — выдающийся немецкий ученый-африканист (1850—1938 гг.)	86
--	----

Дискуссии и обсуждения

Л. А. Файнберг (Москва). О некоторых предпосылках возникновения социальной организации	94
--	----

Обсуждение статьи Л. А. Файнберга

В. П. Алексеев (Москва). О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации	104
С. А. Арутюнов (Москва). О форме стада предлюдей	106
В. В. Бунак (Москва). О формах полового поведения обезьян	107
Г. Е. Марков (Москва). К проблеме возникновения социальной организации у гоминид	112
Ю. И. Семенов (Москва). Объединения обезьян и человеческое общество	115
К. Э. Фабри (Москва). Стадное поведение обезьян и социальная организация	120
Л. А. Файнберг (Москва). Ответ оппонентам	123

Сообщения

Э. Х. Петросян (Ереван). Образы животных в армянском народном театре	131
Т. А. Трофимова (Москва). Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик (предварительные данные)	139

Поиски, факты, гипотезы

И. А. Мухин (Москва). Орудия лова фазана в Маньчжурии	150
---	-----

Научная жизнь

Н. Г. Волкова, А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических работ в 1973 году	155
Коротко об экспедициях	166

Критика и библиография

Общая этнография

- Г. С. Сабирзянов (Казань). *Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР* 168

Народы СССР

- М. Ф. Пилипенко (Минск). *Исследования по истории белорусской этнографии* 172
М. М. Плисецкий (Киев). *Украинские народные думы* 174
Е. А. Костюхин (Алма-Ата). *Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации)* 177

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева (Москва). *Die gläserne Linde. West-Slavische Märchen* 178

Народы зарубежной Азии

- А. И. Кузнецов (Москва). *Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии* 179

Народы Америки

- В. Г. Сергеева (Москва). *Estudios de cultura Náhuatl* 182

Народы Африки

- С. А. Арутюнов (Москва). *Л. Е. Куббель. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя* 186

На первой странице обложки: Девочка-туркменка в национальном костюме. Город Бахарден Ашхабадской области (см. статью Г. П. Васильевой) . . .

SOMMAIRE

Pour le 50-e anniversaire de la formation des Républiques de l'Asie Central

Le glorieux jubilé	3
Ch. Annaklytchév (Achkhabad). Contribution à l'histoire de la formation de la classe ouvrière du Turkménistan	17
S. M. Abramzon, G. N. Simakov, L. A. Firchteïn (Léninegrad). Le nouveau dans les villages Kirghiz	29
B. V. Andrianov, M. A. Itina, A. S. Kies (Moscou). Les terres d'ancienne irrigation de la région d'Aral du Sud-Est: leur passé et leurs perspectives de mise en culture	46
G. P. Vassiliéva (Moscou). Etat actuel de l'art décoratif appliqué populaire des Turkmén	60
T. A. Koléva (Sofia). Coutumes printanières de jeunes filles chez quelques peuples slaves du Sud	74

De l'histoire de la science

A. Olderozzgué (Léninegrad). Gottlob Krause — un éminent africaniste allemand (1850—1938)	86
---	----

Discussions et délibérations

L. A. Faïnberg (Moscou). Sur quelques prémisses de l'apparition de l'organisation sociale	94
---	----

Discussion de l'article de L. A. Faïnberg

V. P. Aléxéïev (Moscou). De quelques facteurs biologiques ayant de l'importance à la formation de l'organisation sociale	104
S. A. Aroutiunov (Moscou). Sur les formes d'un troupeau de pré-Hommes	106
V. V. Bounak (Moscou). Sur la conduite sexuelle des singes	107
G. Ye. Markov (Moscou). A propos du problème de l'apparition d'une organisation sociale chez les Hominidés	112
Yu. I. Sémionov (Moscou). Associations des singes et société humaine	115
K. E. Fabri (Moscou). Conduite grégaire des singes et organisation sociale	120
L. A. Faïnberg (Moscou). Réponses aux opposants	123

Communications

E. Kh. Pietrossian (Yérévan). Images des animaux dans le théâtre populaire arménien	131
T. A. Trofimova (Moscou). Matériaux craniologiques du sépulcre de Toumek — Kitchidjik (données préliminaires)	139

Recherches, faits, hypothèses

I. A. Moukhine (Moscou). Les instruments de chasse au faisan en Mandchourie	150
---	-----

Vie scientifique

N. G. Volkova, A. Ye. Ter-Sarkissiants (Moscou). Une session consacrée aux résultats des travaux ethnographiques et anthropologiques en 1973	155
Missions en bref	166

Ethnographie générale

- G. S. Sabirzianov (Kazan). *Le social et le national. Etude ethnosociologique d'après les matériaux de la RSSA de Tatarie* 168

Peuples de l'URSS

- M. F. Pilipienko (Minsk). *Recherches sur l'histoire de l'ethnographie bieloruss* 172
 M. M. Plissetski (Kiev). *Les doumy populaires ukrainiennes* 174
 Ye. A. Kostiukhine (Alma-Ata). *Le folklore kazakh dans le collection de G. N. Potanine (publications et matériaux d'archives)* 177

Peuples de l'Europe hors l'URSS

- E. V. Pomierantseva (Moscou). *Die gläserne Linde. West-Slavische Märchen* 178

Peuples de l'Asie hors l'URSS

- A. I. Kouznietsov (Moscou). *Processus ethniques dans les pays de l'Asie du Sud-Est* 179

Peuples de l'Amérique

- V. G. Serguéieva (Moscou). *Estudios de cultura Náhuatl* 182

Peuples de l'Afrique

- S. A. Aroutiunov (Moscou). *L. Ye. Koubbel. L'Empire Songhay. Essai d'étude de la structure social-politique* 186

Sur la couverture: Une fille turkmène en costume national; ville de Baharden, région d'Achkhabad (v. l'article de G. P. Vassiliéva)

Технический редактор Л. И. Глинка

Сдано в набор 12/VII-1974 г. Т-16727 Подписано к печати 26/IX-1974 г. Тираж 2555 экз.
 Зак. 4218 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,8 Бум. л. 6,0. Уч.-изд. л. 18,8

ОПЕЧАТКИ К № 5

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	31 сверху	академиях наук ра- ботают тысячи уче- ных, из них около	академиях наук рабо- тают тысячи ученых, из них в АН Турк- менской ССР — около